

ВАЛЕНТИНА КРАСКОВА

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЗА КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНОЙ

ВАЛЕНТИНА КРАСКОВА

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ЗА КРЕМЛЕВСКОЙ
СТЕНОЙ**

**МИНСК
ЛИТЕРАТУРА
1997**

УДК 947
К 78
ББК 63.3(2)

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Краскова В. С.

К 78 Преступления за кремлевской стеной.— Мн.: Литература, 1997.— 576 с.

ISBN 985-437-357-6.

Очередная книга Валентины Красковой посвящена преступлениям власти от политических убийств 30-х годов до кремлевских интриг конца 90-х.

Зло поселилось в Кремле прежде всех правителей. Не зря Дмитрий Донской приказал уничтожить первых строителей Кремля. Они что-то знали, но никому об этом не смогли рассказать.

Конституция и ее законы никогда не являлись серьезным препятствием на пути российских политиков.

Преступления государственной власти давно не новость. Это то, без чего власть не может существовать, то, чем она всегда обеспечивает собственное бытие. Власть отвергает законы морали, она живет по ту сторону добра и зла.

К 9470000000

ББК 63.3(2)

ISBN 985-437-357-6

© Литература, 1997

ОТ АВТОРА

Мои книги основаны на реальных фактах, свидетельствах, мемуарах, также находится в них место для версий и предположений.

Но в очередной раз убеждаюсь: самые смелые фантазии — ничто по сравнению с самой реальностью.

Лето 1997 года очень странное. В природе — грозы, солнце и дождь, радуга над городом. Я чувствую, что все меняется, но не могу понять: в чем суть перемен. Неясные сны и воспоминания не дают покоя. Кажется, что какая-то нить ускользает, чтобы порваться.

Я спохватилась лишь тогда, когда близкий мне человек заметил, что сонник стал моей настольной книгой. Такого никогда раньше не было!

— Ты впадаешь в мистицизм, — так он мне сказал.

— Неправда, — ответила я, — здравый смысл всегда был моей отличительной чертой. — Просто начинается война с мертвецами и статуями. С призраками...

— Да что ты говоришь?!

— То что есть: призрак коммунизма никак не удастся изгнать из Кремля. Вот и решили удалить мертвецов (их слишком много). Говорят же, что человек связан с землей, если там лежит его мертвец. Убери мертвеца — и связь порвется. Так и началась война: одни хотят провести перезахоронения, другие взрывают статуи... Факт сохранения нетленного тела в сознании простого народа был признаком святости. Формирование образа божества и было осознанной

идеей мумификации вождя. Раз тело нетленно, значит, вождь бессмертен — «дедушка умер, а дело живет, лучше было бы — наоборот».

И вспомнила я одну советскую сказку: «Вот сидит раз Ленин у себя в комнате после обеда и разные книжки и газеты почитывает. Только в какую газету ни заглянет, какую книжку ни раскроет, все про себя чтение находит. Чудно стало Ленину...

Вызывает он доктора и говорит:

— Можешь сделать так, чтобы я умер, только не совсем, а так, для виду?

— Могу, Владимир Ильич, только зачем же это?

— А так, — говорит, — хочу испытать, как без меня дела пойдут. Что-то все на меня сваливают, во всяком деле мной загораживаются.

— Что ж, — отвечает доктор, — это можно. Положим тебя не в могилу, а в такую комнату просторную. А для прилику стеклом накроем, чтобы пальцем никто не тыкал, а то затычут.

— Только вот что, доктор, чтобы это было в пре-большом промежду нас секрете. Ты будешь знать, я, да еще Надежде Константиновне скажем.

И скоро объявили всему народу, что Ленин умер.

Народ заохал, застонал, коммунисты тоже не выдержали — в слезы... Положили Ленина в амбаришко — мавзолей называется, и стражу у дверей поставили...»

Далее рассказывается о том, как Ленин просыпается по ночам и идет в Кремль, на завод, в деревню, разговаривает, проверяет, как идут дела. Все в порядке.

«В мавзолей лег успокоенный... Теперь уже, наверное, скоро проснется. Вот радость-то будет».

Что следует разуместь под несколько неопределен-

ным словом мистицизм? Это слово означает такое состояние души, когда человек воображает, что он может уловить или угадать неизвестные и непонятные отношения между различными явлениями, открывать в предметах указания на тайны и видит в них символы, посредством которых таинственная сила старается раскрыть или отметить многое чудесное, что мы, по большей части, тщетно силимся разгадать.

Мистик все видит в ином свете, чем нормальный человек. Произносимое им самое обыкновенное слово представляется ему указанием на нечто тайное; в самых обыкновенных и естественных поступках он усматривает нечто таинственное; все имеет для него скрытый смысл, бросает тень на отдаленные предметы, пускает корни в глубокие слои. Всякий образ, возникающий в его уме, таинственно и многозначительно указывает на другие ясные или туманные образы и приводит их в такую связь, что нормальному человеку и в голову не приходит. Вследствие этой особенности его мышления мистик живет как бы окруженный масками, которые смотрят на него загадочным взором и постоянно возбуждают в нем чувство страха, так как он никогда не уверен, что узнал их. «Внешность обманчива», — часто повторяют мистики.

Меня, к примеру, картина массового переселения кремлевских мертвецов ужасает.

Я вполне спокойный человек, не склонный открыто выражать свои эмоции.

На всякую борьбу за власть и политические игры я готова смотреть только с точки зрения классической теории политических элит, разработанной Вильфредо Парето. В «Трактате по общей социологии» он писал: «Нравится это некоторым теоретикам или нет,

но человеческое общество неоднородно, и индивиды различны физически, морально и интеллектуально». Сама организация общества требует элитарности и закономерно воспроизводит ее. Происходящие в обществе изменения постепенно подрывают господство одного из типов элит.

Правящая элита внутренне сплочена и борется за сохранение своего господства, но все равно — вырождение неизбежно.

Причины вырождения и гибели аристократии, анализируемые Парето, следующие:

1. Многие аристократы, будучи аристократами военными, истреблены в битвах. Военные аристократии быстро исчезают, потому что ее представители вынуждены рисковать жизнью на полях сражений.

2. Едва ли не общее правило: через несколько поколений аристократы теряют жизнеспособность или способность пользоваться силой. Нельзя управлять людьми без силы (не следует путать силу с насилием, которое часто служит слабости). Внуки или правнуки тех, кто завоевал власть, с рождения пользуются привилегированным положением. Они склонны к интеллектуальным комбинациям, к утонченным наслаждениям, к занятиям искусством, но теряют способность совершать поступки, которые от них требует общество.

Теория политических элит исходит из приоритета политики по отношению к экономике и социальной структуре общества.

Рассуждая о преступлениях за Кремлевской стеной, я готова разделить эти преступления на две большие группы:

1. Преступления против народа;

2. Преступления, совершенные в борьбе за статус, за место в политической иерархии.

Все это понятно, но когда начинается война статуй с мертвецами, трудно мыслить здраво. Самое время впасть в мистицизм.

По словам Александра Миронова, ветер перемен, который подул с приходом на трон Петра I, вынес из Москвы все правительственные учреждения. Этот же ветер в марте 1918 года вернул их из Петербурга в Москву, когда в здание Сената въехало правительство Ленина. С тех пор оно известно как здание Совета Министров СССР, в нем работали все советские правительства — от Ленина до Горбачева.

Неудивительно, что в это же здание в конце 1991 года вселился нынешний глава государства, и в течение двух лет оно оставалось его резиденцией.

Однако Кремль не жалели ни время, ни люди, и поэтому строители тут всегда были желанными гостями. После пожара 1812 года были восстановлены многие постройки, понадобилась реставрация и после обстрела Кремля артиллерией большевиков во время уличных боев 1917 года. При Советской власти в здании Сената была проведена молниеносная (всего за 4 месяца) реставрация в 1954 году и косметический ремонт в 1974-м — при Брежнев.

В конце 1993 года по распоряжению Ельцина над Кремлем снова взметнулись стрелы башенных кранов. Кремль в очередной раз нуждался в обновлении. На время реставрации пристанищем президента стал примыкающий к Сенату 14-й корпус Кремля (бывшее здание Президиума ВС СССР), в котором два этажа заняло ГУО (Главное управление охраны) президента РФ. Президент занял целый четвертый этаж. Советникам президента, кроме Шамиля Тар-

пищева, места не нашлось, и из Кремля им пришлось съехать на Старую площадь и Ильинку. Музей-квартира Ленина, занимавшая несколько комнат третьего этажа Сената, перед началом ремонта была перевезена в Горки, где под нее выделено отдельно стоящее здание площадью 600 метров. Возвращения не планируется. В нынешней резиденции президента предусмотрено место только для его аппарата и службы безопасности.

Первой сенсацией при реставрации Первого корпуса стала обнаруженная под паркетом в углу кабинета Сталина шахта, имитирующая вентиляцию. Шахта вела со второго этажа, где располагался кабинет, прямо под цокольный этаж здания и заканчивалась подземным боковым входом. В стены шахты были вмонтированы лестничные скобы, а на стенах висели обрывки проводов. Бетонный тоннель, отходящий от шахты, привел исследователей в технические помещения соседнего крыла президентского корпуса. А уже из этих помещений можно было выйти на первый этаж здания практически в любом месте.

Два металлических люка, ведущих в шахту из кабинета Сталина, были завинчены болтами изнутри, поэтому этот ход не мог служить для эвакуации Сталина. Мнение специалистов было однозначным: Сталина подслушивали.

Сталинский кабинет в Кремле, кстати, поочередно занимали Хрущев, Косыгин, Рыжков, Павлов и бывший секретарь Совета безопасности Скоков.

Под паркетным полом второго этажа от шахты сталинского кабинета были обнаружены отводы, по которым можно добраться практически под все помещения здания. «Нора» под паркетом вела через при-

емную Сталина, его комнату отдыха, секретариат и комнату рабочих совещаний. Двойное дно нашли даже под святая святых — бывшим залом заседаний Политбюро. История умалчивает, сколько государственных и партийных тайн покинуло здание Совета Министров СССР через подпол второго этажа.

Зло поселилось в Кремле прежде всех правителей. Не зря Дмитрий Донской приказал уничтожить первых строителей Кремля. Они что-то знали, но никому об этом не смогли рассказать.

Симбиоз власти и преступлений, их вечное единство были открыты еще Великим Флорентийцем — Никколо Макиавелли, который утверждал: «Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступить от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности».

Преступления государственной власти — давно не новость. Это то, без чего власть не может существовать, то, чем всегда обеспечивает собственное бытие. Власть отвергает законы морали, она живет по ту сторону добра и зла.

КРЕМЛЕВСКИЕ СТАТУИ И МЕРТВЕЦЫ

Всякого рода абсурдные утверждения бывают, на редкость, живучи. Так, не раз мне доводилось слышать о том, что у Кремлевской стены не хоронили женщин и евреев. Кто мог придумать этот бред? Там похоронены даже дети, погибшие во время Московского большевистского восстания.

Женщины? Сколько хочешь. Например, Дора Моисеевна, жена и ближайший помощник советского дипломата Вацлава Воровского. Дора Моисеевна скончалась в Германии в санатории от нервного потрясения после убийства В. В. Воровского в Лозанне. 9 августа 1924 года урна с ее прахом была опущена в могилу мужа у Кремлевской стены. Это была первая урна, помещенная в большевистском некрополе на Красной площади. А вот 17-летняя Анна Николаевна Халдина, которая с 1919 года работала в Московском комитете партии. «Величайшим для меня огорчением, — говорила она, — было бы умереть просто, помещански. Уж если погибнуть, так в революционной борьбе». Взрыв в здании МК удовлетворил ее желание. На похоронах жертв взрыва несли плакаты: «Вас убили из-за угла, мы победим открыто».

Напомню также о Надежде Константиновне Крупской и Инессе Арманд, прах которых покоится у Кремлевской стены.

А если говорить о национальной принадлежности, то каждому более-менее думающему человеку совершенно ясно, что у Кремлевской стены похоронены представители самых разных больших и малых народов.

В декабре 1918 года «Известия ВЦИК» в заметке под выразительным заголовком «Доколе?» писали: «Над могилами беззаветных, подчас безвестных героев, жертв Октябрьской победы пролетариата... на Историческом музее и Спасской башне высоко и четко рисуются в воздухе... двуглавые орлы, символ царского произвола. Доколе?»

«Красный погост» — так назвал могилы у Кремлевской стены Владимир Маяковский.

Погост имеет свою историю, и эта история стоит

того, чтобы о ней вспомнили, как, впрочем, и всякая другая история... История эта еще раз позволяет убедиться в том, что все кажущееся неизменным — изменно.

Вот передо мною лежит хорошо изданная книга Алексея Абрамова «У Кремлевской стены». Читаем:

«В Москве все меняется. Ее улицы становятся просторнее и светлее, ее люди веселее и красивее.

И лишь одно в Москве постоянно, неизменно — очередь к Мавзолею Владимира Ильича Ленина. Она всегда бесконечна, как бесконечны та любовь и та вера, из которых берет силу этот безмолвный человеческий поток.

Здесь не ощущается время — сила охвативших чувств заставляет забыть о течении минут.

Именно осознание идеи да еще, пожалуй, трогательная доверчивость, которую всегда вызывал в людях тот, ради кого построено это строгое, величественное, скорбное, но вместе с тем совсем не печальное здание.

Мавзолей Ленина неотделим от Красной площади. Но разве отделим он от Москвы, Советского Союза, от всей планеты? Неотделим. Как неотделимо от людей святое ленинское дело».

4 ноября 1917 года Московский Военно-революционный комитет обсудил вопрос о похоронах погибших в дни революционных боев.

Состоявшееся в тот же день совместное заседание представителей Московского и районных ВРК впервые назвало Красную площадь местом вечного упокоения павших борцов. В резолюции говорилось: «Устроить похороны 12 ноября. Могилы устроить на Красной площади».

Поздно вечером, в 22 часа 30 минут, МВРК пору-

чил члену исполкома Моссовета Ф. И. Ильюшину создать «комиссию по организации похоронной процессии с привлечением в нее т. Малиновского и представителей районов».

Чтобы установить число жертв, трижды — 5, 7 и 8 ноября — в газете «Социал-демократ», органе Московского комитета РСДРП (б), публиковалось обращение ко всем учреждениям и частным лицам, «где есть убитые и раненые, сообщить в редакцию по возможности все сведения, выясняющие их личность и партийную принадлежность».

Дата похорон обсуждалась еще несколько раз. 7 ноября на утреннем заседании Московский Военно-революционный комитет постановил: «Устроить братскую могилу на Красной площади между Никольскими и Трицкими воротами вдоль стены. Похороны назначить на пятницу, 10 ноября, в 12 час. дня...»

Членам похоронной комиссии были выданы специальные удостоверения и предоставлено право «принятия мер для устройства братской могилы жертв революции, получения автомобилей, необходимых строительных материалов».

Немедленно в другие города России были посланы телеграммы, извещавшие, что 10 ноября Москва хоронит борцов революции на Красной площади.

8 ноября 1917 года у стен Кремля появились сотни рабочих и солдат с лопатами и кирками.

— Здесь, в этом священном месте, — сказал студент американскому журналисту Джону Риду, — в самом священном по всей России, похороним мы наших святых. Здесь, где находятся могилы царей, будет покоиться наш царь — народ...»

Площадь наполнилась гулом голосов и стуком лопат и лопат. Рядом с Кремлевской стеной быстро

росли горы булыжника и земли. Рабочие и солдаты рыли две братские могилы между стеной и лежавшими параллельно ей трамвайными рельсами. Одна могила начиналась почти у самых Никольских ворот и тянулась до Сенатской башни, затем шел промежуток примерно в ширину основания башни, далее копали — длиною почти до Спасских ворот.

В тот же день, 8 ноября, «Известия Московского Военно-Революционного Комитета» сообщали, что в день похорон «должны быть закрыты все фабрики, заводы, а также торговые предприятия, помимо пищевых». Позднее было объявлено о закрытии всех театров, кинематографов и увеселительных заведений. 9 ноября газеты опубликовали подробные маршруты траурных процессий 11 городских районов и часы их прибытия на Красную площадь. Свой путь большинство колонн начинало от районных Советов.

В специальном воззвании к жителям Москвы ВРК предупреждал, что «контрреволюционерами ведется усиленная агитация за устройство погромов в день похорон жертв революции», и заявлял о решимости прибегнуть «к самым крайним мерам против зачинщиков погромов и их попустителей».

Первой, в 10 часов утра, на Красную площадь должна была вступить колонна близлежащего городского района, затем с интервалами в полчаса следовали колонны Суцевско-Марьинского, Рогожско-Симоновского, Басманского, Сокольнического, Лефортовского, Замоскворецкого, Пресненского, Хамовнического и Дорогомиловского районов. Последней, в 14 часов 30 минут, должна была пройти колонна Бутырского района.

Медленно, один за другим опускали гробы в брат-

ские могилы... 100... 150... 200... «Начали прибывать рабочие фабрик и заводов отдаленных районов, — писал Джон Рид, — через ворота лился бесконечный поток знамен всех оттенков красного цвета с золотыми и серебряными надписями, с черным крепом на верхушках древков. Было и несколько анархистских знамен, черных с белыми надписями. Оркестр играл революционный похоронный марш, и вся огромная толпа, стоявшая с непокрытыми головами, вторила ему...» «Между рабочими, — продолжал Джон Рид, — шли отряды солдат также с гробами, сопровождаемыми воинским эскортом — кавалерийскими эскадронами и артиллерийскими батареями, пушки которых увиты красной и черной материей... А за гробами шли... женщины — молодые, убитые горем и морщинистые старухи, кричавшие нечеловеческим голосом».

С утра в городе царила необычная тишина. Не ходили трамваи, не работали заводы, не открылись магазины. «Но со всех сторон, — писал современник, — издалека и вблизи был слышен тихий и глухой шум движения, словно начинался вихрь».

В 9 часов грозную тишину Москвы разорвали траурные марши. С Пресни, из Лефортова, Замоскворечья, Хамовников, Сокольников, Симоновки, Марьиной рощи — со всех рабочих окраин медленно двинулись бесконечные потоки людей, знамен и венков. Двинулись к центру — на Красную площадь. Впереди каждой процессии ехал на коне распорядитель с красно-черной лентой через плечо.

Десятки тысяч москвичей толпились на тротуарах и смотрели на середину улиц и площадей, где среди бескрайнего моря голосов, леса знамен и штыков плыли вереницы красных гробов.

«Потрясающее впечатление, — писали газеты, — произвела процессия из Пресненского района, которая несла гробы со своими павшими героями открытыми. Их мертвые, застывшие тела были трагическими символами совершившегося столкновения общественных классов». За ними «шел батальон Красной Гвардии. Стройные ряды красногвардейцев, их мерный и твердый шаг производил впечатление стальной крепости и силы».

Безбрежная лавина рабочих и солдат залила улицы и площади. В их суровых песнях звучали горе утраты, вера в правоту своего великого дела, в победу светлого будущего. Как победный гимн, гремело пророчество: «Кто был ничем, тот станет всем».

Многие «бывшие» не рискнули появиться в эти часы на улице и отсиживались дома. «Ворота больших домов на запоре, — писали «Известия Московского Совета». — За железными решетками толпятся существа, на лицах которых написаны испуг и любопытство... Приближаются новые людские лавины, сурово блестит лес штыков Красной Гвардии... Расступайтесь! Новый мир идет!»

Около 10 часов утра до Красной площади донеслись далекие рыдания траурного марша. Они звучат все сильнее и сильнее. У тысячи людей, заполнивших площадь, больней сжимаются сердца... Наконец из темнеющей арки Иверских ворот показалось скорбное шествие. Первым несли гроб с красным крестом: в нем провожали в последний путь молодую санитарку...

«ЖЕРТВАМ — ПРОВОЗВЕСТНИКАМ ВСЕМИРНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ!» — было напечатано на гигантском красном знамени, свисавшем с зубцов Кремлевской стены до самой земли.

На песчаном гребне у Кремля стояли члены Московского Военно-революционного комитета, исполкома Моссовета, городского комитета большевиков. Тут же делегаты Петрограда, Нижнего Новгорода, Иваново-Вознесенска, Харькова, Одессы, Рязани, Тулы, иностранные журналисты...

А из арки ползла и ползла бесконечная лента красных гробов с солдатскими фуражками и рабочими шапками на крышках. И огромная площадь стала вдруг маленькой... Дрогнули и медленно склонились знамена.

И в эту минуту рабочий хор запел: «Вы жертвою пали».

Собрание раненых и служащих московского госпиталя 1765 приняло резолюцию: «Товарищам-героям в день их похорон мы шлем наш пламенный привет: вечная память вам, герои...» Телеграфисты Лосиноостровских мастерских писали: «Дорогие товарищи! Посылаем вам последний привет — последний прощальный взор. Земля покроет вас... Но то великое дело, за которое вы пали жертвой, на страницах истории воздвигнет вам памятник несокрушимый и бессмертный». 600 крестьян села Богордское Московской губернии, почтив память героев вставанием и пением «Вы жертвою пали», поклялись «охранять заветы погибших товарищей, отстаивая завоевания революции своей кровью».

... Весь день, до сумерек, лился к Кремлевской стене поток красных знамен, на которых были написаны слова надежды и братства. Как писал Джон Рид, «знамена развевались на фоне пятидесятитысячной толпы, а смотрели на них все трудящиеся мира и их потомки отныне и навеки...»

В братские могилы было опущено 238 гробов.

В 17 часов прошли последние колонны... 200 рабочих взялись за лопаты. Застучали смерзшиеся комья земли по крышкам уложенных в два ряда гробов. К ночи засыпать братские могилы не удалось, и добровольцы работали до утра.

...14 ноября замоскворецкие рабочие на скрещенных ружьях принесли к Кремлевской стене свою любимицу — 20-летнюю Люсик Лисинову. Ее не похоронили 10-го: ждали родителей из Тифлиса.

Гроб с телом молодой революционерки опустили в разрытую братскую могилу на другой гроб, на крышке которого лежала измятая рабочая кепка...

17 ноября у Кремлевской стены вновь грянул прощальный ружейный залп: лэфортовские красногвардейцы хоронили рабочего Яна Вальдовского, умершего в госпитале от ран.

Вскоре повалил густой снег.

Революционный некрополь — это не только братские могилы и захоронения в Кремлевской стене. Он включает в себя Мавзолей Ленина, являющийся его композиционным центром. Архитектурный облик некрополя дополняют Спасская и Никольская башни Кремля.

Уже на следующий день после похорон, 11 ноября 1917 года, Замоскворецкий Совет рабочих и солдатских депутатов, «желая, чтобы память о товарищах, убитых при защите народной свободы... была сохранена навсегда», постановил начать «по всем фабрикам, заводам и прочим предприятиям сбор на памятник». 15 ноября к сбору средств на памятник призвали «Известия Московского Совета».

19 декабря 1917 года президиум Моссовета, заслушав доклад комиссара по охране исторических памятников П. П. Малиновского о проведении конкурса

на сооружение «памятника на могилах жертв революции», поручил ему выработать условия конкурса и представить их Московскому Совету. Накануне массовой демонстрации рабочих 9 января 1918 года президиум Моссовета признал «желательным начать фундаментальные работы по украшению братской могилы» на Красной площади и выделил 5 тыс. рублей.

23 апреля 1918 года на пленарном заседании Московского Совета было принято решение объявить конкурс «на сооружение монумента Пролетарской Революции и павшим товарищам-борцам на Красной площади». Это был первый конкурс на создание архитектурных памятников после установления Советской власти.

Президиум Московского Совета 28 июня 1918 года утвердил проект оформления братских могил. Предусматривалось установить в центре некрополя — на стене Сенатской башни — мемориальную доску, справа и слева от нее соорудить две высокие строгие колонны и по их сторонам высадить декоративный кустарник. К доске должна была вести торжественная лестница, заканчивающаяся широкой площадкой. По обе стороны от нее, под сенью трех рядов лип, тянулись братские могилы. Таким предполагался общий вид Революционного некрополя. 17 июля Совет Народных Комиссаров обратил особое внимание народного комиссариата по просвещению, ведавшего в то время вопросами монументальной пропаганды, на желательность сооружения «памятников павшим героям Октябрьской революции» и, в частности, установки «барельефа на Кремлевской стене в месте их погребения». Секция изобразительных искусств отдела народного просвещения Моссовета предложила

московским художникам представить проекты мемориальной доски. На призыв откликнулись скульпторы А. В. Бабичев, А. М. Гюрджан, С. А. Мезенцев, С. Т. Коненков, архитектор В. И. Дубенецкий, художник И. И. Нивинский.

Художники с большим энтузиазмом взялись за работу. «Никогда я еще не трудился с таким увлечением и подъемом, — вспоминал скульптор С. Т. Коненков. — Один набросок следовал за другим. На улицах звучали революционные песни, и мне так хотелось, чтобы на древней Кремлевской стене зазвучал гимн в честь грядущей победы и вечного мира. Я должен был все это выразить не словами и звуками, а в барельефе». Репортер «Вечерних известий Московского Совета», посетивший в те дни студию скульптора А. М. Гюрджана, писал, что художник сделал эскиз доски «не на заказ», а стремился воспроизвести «свой душевный порыв».

Тем временем у Кремлевской стены шли спешные работы по приведению в порядок братских и индивидуальных могил. 17 июня 1918 года Московский совет ассигновал для этой цели 34,54 тыс. рублей. Земляные холмы над могилами были выровнены, обложены дерном, украшены цветами. Рабочие спланировали две липовые аллеи, установили чугунные столбы с электрическими фонарями. Строители соорудили восьмиступенчатую «каменную лестницу, ведущую к Сенатской башне, где должна была быть установлена мемориальная доска. На аллее вдоль Кремлевской стены поставили свежеразкрашенные скамейки. Работами руководили инженеры Д. А. Палеолог и Л. Г. Чехолин.

15 сентября 1918 года открылась выставка проектов мемориальной доски. Газеты призывали рабочих

посетить помещение секции изобразительных искусств при Московском Совете и «высказать свое отношение к выставленным там эскизам». Вокруг проектов будущего памятника развернулась оживленная дискуссия.

18 сентября жюри рассмотрело представленные работы. Два проекта: Коненкова (барельеф: крылатый Гений — символ победы — с Красным знаменем в одной руке и пальмовой ветвью в другой) и Дубенецкого («Первый камень фундамента будущего») — получили по одинаковому числу голосов. Остальные были отклонены.

Эксперты заявили, что барельеф Коненкова имеет преимущество, поскольку он цветной. Он «побеждает тот постоянный серый полумрак, который царит в этом месте» Кремлевской стены. Жюри подчеркнуло, что «по своему внешнему виду доска будет вполне гармонировать со всей площадью, где находятся многоцветный собор Василия Блаженного, золото куполов и крашеная черепица башен». Касаясь художественной формы, жюри отметило гармоничность построения: «Все части уравновешены, линии просты и легко воспринимаемы глазом, отношение глубины рельефа к широким плоскостям его правильное, не отвлекающее глаз и обеспечивающее ясность восприятия темы: «Павшим в борьбе за мир и братство народов»... Темою взяты не временные моменты борьбы, а конечные идеалы, изображая победу мира над войной, причем мощь фигуры указывает на силу того, кто несет этот мир».

Открытие мемориальной доски в честь павших борцов Октября явилось кульминационным моментом празднования 1-й годовщины революции.

...На высокую трибуну у Кремлевской стены под-

нялся председатель Московского Совета П. Г. Смидович.

— Волею Совета, выбранного народом, — начал он речь, и мгновенно площадь затихла, — мы открываем теперь памятную доску нашим павшим в борьбе за освобождение товарищам.

Московский Совет поручает открыть эту доску вам, Владимир Ильич Ленин...

Ленин приблизился к доске. Скульптор Коненков передал Владимиру Ильичу ножницы. Вождь революции, приподнятый на руки окружающими, перерезал шнур, соединявший полотнища занавеса.

Покрывало спало, и перед тысячами присутствующих предстала аллегорическая белокрылая фигура Гения, олицетворявшая Победу. В правой руке она крепко сжимала древко темно-красного знамени с изображением герба РСФСР, а в вытянутой в сторону левой — зеленую пальмовую ветвь мира. У ног Победы — воткнутые в землю сабли и ружья, перевитые траурной лентой. На склоненных в прощальном боевом приветствии знаменах — слова «Павшим в борьбе за мир и братство народов». В золотые лучи солнца, восходящего за крылом Победы, была скомпонована надпись, полукругом огибавшая солнечный диск, — «Октябрьская 1917 революция».

В марте 1918 года, после переезда Советского правительства в Москву, на куполе здания судебных установлений, над Кремлевской стеной и братскими могилами затрепетал на весеннем ветру красный флаг. Он был поднят по указанию В. И. Ленина. Тогда же Владимир Ильич указал помощнику народного комиссара государственных имуществ Н. Д. Виноградову на необходимость починить часы на Спасской башне, поврежденные в дни октябрьских боев.

— Заодно хорошо бы, — сказал Ленин, — заставить эти часы говорить нашим языком. Наверное, можно будет сделать так, чтобы они исполняли «Интернационал» и «Похоронный марш», ведь Спасская башня находится около братских могил жертв революции. 18 августа 1918 года в «Бюллетене» бюро печати ВЦИК сообщалось о том, что Кремлевские куранты отремонтированы и что теперь они играют революционные гимны. Первым, в 6 часов утра, звучал «Интернационал», через три часа, в 9 часов, раздавалась величественная мелодия «Похоронного марша». Она повторялась в 15 часов.

Через несколько лет часовой механизм подвергся реконструкции. Звучание курантов было ограничено только боем через каждые 15 минут.

Идея коллективной жертвы во время победы пролетариата была осуществлена в 1930 году при перепланировке некрополя в связи со строительством каменного Мавзолея. Правда, по иному проекту: железобетонных наклонных плит не установили, разнохарактерные монументы и надгробия убрали, отдельные и небольшие коллективные захоронения у Спасской и Никольской башен объединили общим холмом с двумя основными братскими могилами. При этом липовые аллеи были сохранены. Братские могилы заново оформили и обнесли оградой из блоков кованого серого гранита. Лишь за Мавзолеем Ленина остались могильные холмики, под которыми покоился прах выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства — Я. М. Свердлова, М. В. Фрунзе и Ф. Э. Дзержинского. Одновременно по обе стороны от Мавзолея параллельно Кремлевской стене были сооружены гостевые трибуны.

В 20—40-х годах продолжалось дальнейшее формирование архитектурного облика некрополя, принявшего окончательный вид к весне 1947 года.

Четырехметровая статуя — рабочие у наковальни — из белого камня, воздвигнутая у Сенатской башни к 5-й годовщине Великого Октября, — символ могучей созидательной силы творцов нового мира, выпала из архитектурного ансамбля после сооружения Мавзолея Ленина и была перевезена в другое место города. Правительственная трибуна из красного кирпича, возведенная в 1922 году под стиль Кремлевской стены, уступила место монументальной ленинской усыпальнице. Не сохранились золотые буквы на древних камнях стены над братской могилой «Слава передовому отряду пролетарской революции. Слава борцам за социализм». И мемориальная доска работы Коненкова, обветшавшая от времени, в 1947 году была бережно снята и передана в один из московских музеев.

С 1925 года на Кремлевской стене вытянулась лента небольших черных квадратов с золотыми буквами. Эти мемориальные доски закрывают собой ниши, в которых установлены урны с прахом.

Осенью 1931 года в некрополе сменился «зеленый караул». Вдоль братских могил и у Мавзолея вместо «ветеранов» — лип — высадили «новобранцев» — голубые ели.

В сентябре 1946 года Совет Министров СССР принял постановление о благоустройстве могил у Кремлевской стены на Красной площади.

Разработка проекта поручена была архитектору И. А. Французу и скульптору С. Д. Меркулову.

Художникам предстояло соорудить полированные надгробья и установить бюсты на могилах Я. М. Сверд-

лова, Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, М. В. Фрунзе и сделать гранитное обрамление братских могил.

Как вспоминает архитектор И. А. Француз, прежде всего требовалось «увязать» три элемента — Кремлевскую стену, Мавзолей и братские могилы — и одновременно подчеркнуть, что места захоронения — это в какой-то мере самостоятельное сооружение. Сложность создания прямой торжественной перспективы некрополя заключалась в том, что характер ансамбля не допускал обилия художественных деталей и украшений. Чтобы заранее представить, как будут сочетаться бюсты на постаментах с архитектурой Кремлевской стены и Мавзолея, над могилой М. И. Калинина был сооружен макет монумента в натуральную величину.

Всего для благоустройства некрополя потребовалось добыть 1750 кубических метров гранита.

К середине апреля 1947 года все строительные работы были закончены. 1 Мая — до начала парада и демонстрации на Красной площади — благоустроенный некрополь осмотрели руководители Коммунистической партии и Советского правительства. В центре высились четыре бюста — Я. М. Свердлова, М. В. Фрунзе, Ф. Э. Дзержинского и М. И. Калинина».

В наши дни отношение к «красному некрополю» изменилось. «Лечь рядом с Ильичем врагу не пожелаешь», — утверждает Валентин Каркавцев.

«Родственники похороненных у Кремлевской стены плачут. Но не от нахлынувших воспоминаний, а от обиды.

Когда хоронили Гагарина, толпа любопытствующих, которых у Мавзолея во всякую пору достаточно, допытывалась у родственников: «А вы кем ему приходите?» Теперь любопытства меньше, лишь изред-

ка кто-нибудь из приезжих, завидев печальную фигуру в темных одеждах, дежурно поинтересуется: «Вы у Сталина на могиле были? Вы кто — не правнучка его?» Потом пробьет урочный час, откроется эта калиточка, и струйка праздного народа, уже отягощенного покупками из ГУМа, потечет мимо стены, скользя равнодушными взглядами по одинаковым черным доскам с фамилиями и датами. И мало кому придет в голову, что здесь — кладбище, что лизать мороженое и тыкать пальцем в доски: «Надо же, и этот здесь!» — на погосте не принято...

Но сюда приходят не из одной только праздности. Приходят на могилы родных.

Дочь известного маршала, одного из немногих, отмеченных орденом Победы, рассказывала мне, как ломала в себе чувство отвращения ко всем здешним кремлевскогэбэшным порядкам:

— «Вы куда?» — встречает меня у загородки крепьш с голубыми петлицами. «К отцу». Показываю паспорт. В ответ ни «здравствуйте», ни «пожалуйста». Открывает секретную дверцу, снимает трубку: «Пришли к такому-то. Дочь». Мне — ленивый кивок: проходи. А там, у стены, когда я останавливаюсь у доски с именем отца, я затылком чувствую, как с кремлевских башен ловят каждое мое движение три видеокамеры. Они тщательно следят, как я ставлю цветы, как иду за водой, как отношу потом на место пустое ведро.

Думал ли кто из устроителей красного погоста, что у тех, кого они с дежурно-официальными почестями хоронят «в стенке», есть матери, жены, дети? Что на могиле положено посадить деревце, а в родительскую субботу прийти на поминки, плеснуть покойному водки в стакан и накрыть его горбушкой?

Что, наконец, и матери, и жены, а потом и дети тоже соберутся в иной мир и пожелают, чтоб их похоронили рядом с родней?

Вообще-то до оттепельных шестидесятых этот вопрос как бы и не существовал. Похоронен в стене — гордитесь издалека. Когда в 1967 году скончался министр обороны Р. Я. Малиновский, вдова его Раиса Яковлевна робко попросила начальство, чтоб погребли его на Новодевичьем, «по-человечески». Начальство отвечало: «Министр, маршал — по протоколу положено в Кремлевской стене. Это ж высшая почеть!» Однажды, уже в наше время, накануне 50-летия Победы, видимо, следуя правилам «высшей почести», кремлевские охранники отказали Раисе Яковлевне — блокаднице, фронтовичке — принести цветы к могиле мужа за день до праздника, 8 мая: «Завтра будет доступ для всех. Поставите цветы прилюдно. А сегодня нельзя».

— А почему вы удивляетесь? — спрашивает меня собеседник, который ходит на поминки «к стене» уже много лет. — Они же боятся, что мы, заgrimировавшись под жен и детей, протащим в букете бомбу. А завтра, в праздник, им подниматься на трибуну Мавзолея. И тут срывается мой часовой механизм... Нет, если даже мне и удавалось принести папе цветы накануне праздника, их выбрасывали тут же, едва ли не на моих глазах.

Послабления хрущевской оттепели закончились быстро. Очередной «коржаков» сказал однажды, где-то в середине 70-х: «Пора кончать с этой вдовьей самодеятельностью. Приносят вазы, цветы в горшках. Чего доброго, деревья скоро начнут высаживать». Под черными досками большевиков и маршалов установили уродливые гранитные вазы и воткнули в них

«от партии и правительства» по четыре пластмассовые гвоздики. Всем поровну — и легендарному командарму Михаилу Фрунзе, и страдальцам 1937-го, и их палачу Вышинскому...

А Раиса Яковлевна Малиновская, не обращая внимания на эти пластмассовые почести, ежедневно приносила мужу букет живых цветов. В «маршалском» доме на Грановского даже пытались ее урезонить: «Ведь разоритесь — каждый день по букету». Она «твердо ответила: «А на что мне пенсию платят, если не на это?»

Что делать с красным погостом? В недавнюю пору, когда яростные поборники сплошных политических преобразований стали обсуждать, где предать земле тело коммунистического вождя и что потом делать с его Мавзолеем, возник и этот вопрос — о прочих кремлевских могилах. Предложений было два.

Первое: воссоздать некое подобие стены на Кунцевском кладбище и разместить там урны с прахом коммунистических апостолов в том же порядке, что и сейчас. Предложение второе, наиболее замечательное: раздать урны наследникам — пусть хоронят, где считают нужным. Где они собираются искать наследников девятнадцатилетнего большевика Яна Смилги, погибшего в 17-м, Вацлава Воровского или, скажем, Клары Цеткин?..

«У меня нет ответов на эти вопросы, — говорит дочь Малиновского Наталья Родионовна, — но если речь вести о маршалах Победы — Коневе, Рокоссовском, моем отце, — то лучше было бы соорудить их мемориал либо на Новодевичьем, либо на Поклонной горе. Это не только им была бы память, но и тысячам солдат их армий и фронтов. Я надеюсь дожить еще до того дня, когда смогу без видеокамер и соглядатаев

прийти на могилу отца и посадить там любимый его барвинок. В конце концов не хочу каждый раз спотыкаться взглядом о доску с именем Вышинского, которая установлена рядом...»

Их совсем немного — тех, кто ходит на Красную площадь как на кладбище. Для большинства же это в недавнем прошлом священное место превратилось в сценическую площадку: то рок-музыканты, то Ростропович, то циркачи-трюкачи, то анпиловцы с перекошенными показушной яростью ртами — наследники коммунаров, которые от циркачей почти ничем не отличаются. Пляски на костях...

Можно сказать, что и над телом вождя мирового пролетариата поглумились вдоволь. Зачем? Душа отлетела, преступный мозг остановил свою деятельность еще до смерти, можно было предать тело земле, но не тут то было...

Шесть суток непрерывного действия. Поток делегаций в Горки, траурный поезд с телом Ильича из Горок в Москву, девятьсот тысяч человек, прошедших перед гробом Ленина в Доме Союзов, подготовка Мавзолея и сами похороны — все требовало пристального контроля. Эти решения были обсуждены неоднократно.

Из стенограммы заседания комиссии 23 января 1924 г.

МУРАЛОВ: ...Кроме трудящихся нашего Союза Республик, естественно, желание возникает и у всего пролетариата увидеть своего вождя. Я полагаю, вполне целесообразным, поскольку позволят обстоятельства, с точки зрения врачебной и физиологической, устроить склеп так, чтобы все делегаты, откуда бы они ни приезжали, могли видеть Ильича. С того момента, когда будет опасность в смысле разложения, ведь мы сможем заделать склеп наглухо.

САПРОНОВ: Как желательно — чтобы гроб только видели или гроб будет открытый?

ДЗЕРЖИНСКИЙ: Конечно, только гроб...

ВОРОШИЛОВ: Вся речь Н. И. Муралова — это чепуха. Я бы сказал позор. Он говорит, что выгодно, когда будут приезжать массы и поклоняться праху Ильича. Дело не в трупе. Мне думается, что нельзя нам прибегать к канонизированию. Это — эсеровщина. Нас могут просто даже не понять. В чем дело? Мы перестали быть марксистами-ленинцами. Если бы Владимир Ильич слышал речь Муралова, он не похвалил бы за это. Ведь культурные люди сжигают труп, и остается пепел в урне... Я был на могиле Маркса, чувствовал подъем... нужно устроить склеп, сделать хорошую могилу, но не открытую. Все будут знать, что здесь лежит то, что осталось от нашего великого учителя, и сам он будет жить в наших сердцах... Не нужно превращаться под влиянием величайшего горя, которое настигло, в ребят, которые теряют всякий политический разум. Этого делать нельзя. Нас начнут травить наши враги со всех сторон. Крестьяне это поймут по-своему — они, мол, наших богов разрушали, посылали работников ЦК, чтобы разбивать мощи, а свои мощи создали. Кроме политического вреда, от этого ничего не получится. Я оставляю за собою право заявить Политбюро свое мнение.

БОНЧ-БРУЕВИЧ: Политбюро постановило сделать склеп... Что касается того, чтобы оставить гроб открытым, это — вопрос очень большой. Политбюро этот вопрос не решало, был разговор только о склепе. Что касается канонизирования, то я не боюсь. Мы можем написать целый ряд статей, брошюр и т. д. по этому поводу. Я считаю, что нужно устроить просто

склеп, как, например, имеется могила Достоевского, Тургенева...

ДЗЕРЖИНСКИЙ: Быть принципиальным в этом вопросе — это быть принципиальным в кавычках. Что касается мощей, то ведь раньше это было связано с чудом, у нас никакого чуда нет, следовательно, о мощах не приходится говорить. Что касается культа личности, это не есть культ личности, а культ в некоторой степени Владимира Ильича... Здесь говорили, что В. И. протестовал бы против этого. Да, такие люди, как В. И., отличаются величайшей скромностью. Ведь мы другого Ильича не имеем. Он лично не мог бы здесь сказать что-либо, так как сам для себя он не судья, а второго, подобного ему, к кому бы это можно было применить, нет. Если наука может действительно сохранить его тело на долгие годы, то почему бы это не сделать. Царей бальзамировали просто потому, что они цари. Мы это сделаем потому, что это был великий человек, подобного которому нет. Для меня основной вопрос — можно ли действительно сохранить тело...

АВАНЕСОВ: ...Дело не в культе личности и т. д. Но тяжело все-таки видеть все время Ильича мертвым. Мне казалось, что было бы лучше на этом месте поставить памятник, хорошую скульптуру, изображающую его могучую фигуру. Почему она не может удовлетворить больше, чем мертвое тело? Мне кажется, что все обстоятельства и наука и т. д. все-таки не дадут гарантии сохранения живости тела, придется создавать искусственную маску, почему же не сделать это в виде памятника?..

АБРИКОСОВ: ...Тот метод, к которому мы прибегли, — метод общепринятый. Он очень хорош и может явиться ручательством за то, что труп предохранится

от гниения в течение нескольких лет, но в том случае, если не делается вскрытие, если кровеносные сосуды наливаются этой жидкостью и труп оставляется в таком виде. Так как в данном случае была необходимость сделать и вскрытие, то это вскрытие всегда несколько нарушает эффект бальзамирования. Это вполне понятно, потому что при вскрытии перерезаются сосуды, и из сосудов часть консервирующей жидкости вытекает, теряется... Резюмируя, я должен сказать, что будут происходить процессы высыхания и изменения внешнего облика. В дальнейшем могут присоединиться и процессы разложения, когда кожа высохнет как следует, сделается пергаментной, как это бывает на мумиях, а в тех частях, где не высохнет, подвергнется распаду. Имеется еще один способ... Теперь же наложить на лицо тонкую восковую маску, которой придать облик, соответствующий нормальному облику.

ДЗЕРЖИНСКИЙ: Это нам нужно было все для сведения. Просить проф. Абрикосова послать нам справку о лучших специалистах по маскам и сообщить тов. Семашко.

МУРАЛОВ: Можно ли разрешить снимать маску скульпторам?

АБРИКОСОВ: ...Сейчас я бы советовал совершенно не касаться лица.

ДЗЕРЖИНСКИЙ: Запретить снимать какие бы то ни было маски и каким бы то ни было образом прикасаться к лицу. Не держать цветов около лица.

Из протокола заседания подкомиссии 29 января:

1. Доклад Н. А. Семашко. «Была вскрыта восходящая часть аорты и в отверстие из большого шприца под сильным давлением была влита по току крови консервирующая жидкость (раствор спирта, фор-

малина, глицерина). Жидкость эта под напором шприца — точно так же, как кровь под напором сердца, — прошла по всему телу и наполнила его. Видно было, как наполняется височная артерия... как свежает лицо...»

2. Об измерении температуры в склепе.

Просить т-ща Н. Семашко предоставить точный термометр из учреждений Наркомздрава (с десятиными долями градуса).

Я, нижеподписавшийся, Аросев, получил от тов. Беленького 24 января в 18 часов 25 минут вечера для Института В. И. Ленина стеклянную банку, содержащую мозг, сердце Ильича, и пулю, извлеченную из ЕГО тела.

Обязуюсь хранить полученное в Институте В. И. Ленина и лично отвечать за его полную сохранность и целостность.

Статуям в Кремле тоже не везло. В 1918 году вышел декрет Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции». До того мировая история еще не знала правительственного документа, призывавшего к массовой ликвидации старых памятников. Декрет требовал, «чтобы в день 1 Мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы».

Роль «наиболее уродливого истукана» сыграл в Кремле памятник Александру II. Это было величественное сооружение. Над обрывом, на кромке холма возвышался шатер, по бокам — галереи с портретами коронованных особ царствующей фамилии. Под шатром — статуя «царя-освободителя и мученика». Монумент был снесен в 1918 году, через двадцать лет после открытия.

Были ли знакомы с декретом «о снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг» те, кто летом 1997 года покушался на памятник Петру Великому? Несостоявшийся подрыв Петра I наделал много шума. В воскресенье, 6 июля 1997 г., в 10.03, взрывотехники ФСБ в Москве обезвредили взрывное устройство на четырехметровой высоте внутри строящегося памятника Петру I работы Зураба Церетели на Берсеневской набережной реки. Устройство состояло из семи пакетов пластида общим весом 1 килограмм 400 граммов, специального шнура, детонатора, в устройстве отсутствовал только взрыватель, который мог быть электрическим, химическим или механическим. Памятник Петру I, когда там не ведутся строительные работы, охраняется одним гражданским сторожем.

Взрывотехники ФСБ тщательно осмотрели весь памятник изнутри и снаружи, обследовали прилегающую территорию — других взрывных устройств не было. В 12.22 работы взрывотехников были прекращены.

6 июля в 7.20 в агентство Интерфакс по факсу пришло сообщение о заложенной бомбе от организации, именующей себя Революционным военным советом. В послании РВС говорилось: «Учитывая, что в планируемое время производства взрыва — 5.32 московского времени — вокруг памятника находилось множество посторонних граждан (двое рыбаков, гуляющая молодая парочка, праздные подвыпившие люди), руководство РВС РСФСР приняло решение считать памятник уничтоженным условно и отменило команду на производство взрыва, дабы избежать человеческих жертв со стороны ни в чем не повинных москвичей».

На этом, правда, гуманизм авторов письма заканчивается, поскольку так называемый РВС заявляет, что «муссирование кощунственной темы — перезахоронение тела Владимира Ильича Ленина, повлечет за собой адекватные меры пролетарской революционной защиты вплоть до применения оружия и взрывчатых веществ в отношении инициаторов и подстрекателей беспринципной болтовни».

Дело о покушении на памятник Петру I объединяют с апрельским взрывом памятника Николаю II. В обоих случаях мотивом своего поступка бомбисты называли протест против «беспринципных политиков, развязавших гнусную дискуссию в прессе вокруг вопроса о перезахоронении тела вождя мирового пролетариата Владимира Ульянова-Ленина».

Выдав это сообщение на свою ленту, Интерфакс заметил, что именно РВС и взял на себя ответственность за взрыв в апреле в селе Тайнинское памятника Николаю II. Однако на самом деле в тот раз авторство приписали себе РККА и НКВД СССР, а вовсе не РВС. Возможно, получив от Интерфакса эту подсказку, противники Петра вечером прислали в агентство еще один «уточняющий» факс, из которого можно сделать вывод, что РККА является подразделением РВС.

Так или иначе, но в обоих случаях специалисты отмечают высокопрофессиональную закладку взрывного устройства. Вскоре после того, как Интерфакс распространил в 9.18 утра сообщение о минировании Петра, оригинал этого документа был изъят у журналистов сотрудниками ФСБ. Сотрудникам агентства также рекомендовали воздержаться от передачи кому-либо оставшихся на выпуске ксерокопий.

Аналогичное письмо от РВС получило 6 июля и го-

сударственное информагентство ИТАР—ТАСС. Однако тассовцы, по их словам, эту бумагу просто-напросто выбросили в корзину.

Дежурный редактор Андрей Ярушин не обнаружил на «документе» никаких выходных данных и иных признаков, позволяющих идентифицировать источник информации.

Автор памятника Петру I Зураб Церетели высказал недоумение по поводу того, кто и с какой целью мог посягнуть на его творение. А на следующий после покушения день скульптора, которого для поддержания духа сопровождал герой-полярник вице-спикер Думы Артур Чилингаров, милицейские пикеты даже не подпустили к «Петру». Рабочим выписаны специальные пропуска. Сам же Церетели от пропуска гордо отказался, считая, что даже далекая от искусства охрана должна знать его в лицо.

Вызывающая столько споров статуя Петра будет торжественно открыта, сказал Зураб Церетели, 20 октября 1997. Общая высота царя с мачтой корабля — 82 метра. В Москве только ракета у ВДНХ (ВВЦ) выше, но с космосом глупо состязаться. Замысел художника обширен, на Петре не обрывается. Вокруг статуи раскинется историко-архитектурный район с экспозицией корабельного оружия, водопадами, мостом к храму Христа Спасителя, яхт-клубом, рестораном, пирсом для швартовки судов.

Между прочим, москвоведы утверждают, что в 30-е годы точно на том месте, где высится самодержец-моряк, предполагалось поставить другую скульптуру — мухинских «Рабочего и колхозницу». Первоначальная, с постаментом, высота перла соцреализма — 64 метра. Логично предположить, что при ином политическом раскладе нынешние демократы

из своего глубокого подполья грозили бы взорвать этот шедевр социалистического монументализма. Так осветили факт несостоявшегося подрыва памятника Петру Великому корреспонденты «Известий» А. Дзюбло и С. Лесков.

Что касается Мавзолея, то мне кажется: там все давно прогнило. Это подтверждено документально.

В комиссию по увековечению памяти В. И. Ленина:

«Вопрос о постройке постоянного мавзолея движется вперед очень медленно. В то же время дальнейшее длительное пребывание тела в существующем мавзолее мы считаем совершенно недопустимым в силу следующих соображений. Здание мавзолея деревянное и внутри обито материей. Ежедневное посещение мавзолея большим количеством людей обуславливает занос инфекции в виде грибков, которыми заражено буквально все здание. Доказательством сказанного служит поражение грибком материи — обивки стен, знамени Парижской коммуны, и, наконец, это является абсолютно угрожающим, появление грибка внутри саркофага, на тканях, которыми выложен гроб, и на одежде тела. Посевы его замечены даже на руке, за правым ухом и на лбу...

Мы просим принять меры, дабы устроить постройку нового мавзолея...

Воробьев
Збарский»

31.XII.25 г.

Из протокола заседания комиссии по осмотру тела Владимира Ильича Ленина, состоявшегося 7 января 1934 г. в Мавзолее:

Проф. АБРИКОСОВ... Я помню, как на заседании ученых, собранном под председательством товарища Дзержинского, единодушно была высказана мысль, что задача длительного сохранения тела является делом безнадежным.

Тем более замечательно, что профессор Воробьев и профессор Збарский так блестяще это дело закончили. Лицо преобразилось, побурение, оскал, высыхание в некоторых местах — все это исчезло. Я утверждаю, что лицо вернулось к тому состоянию, которое я наблюдал в первый день смерти Владимира Ильича при вскрытии его.

Проф. ДЕШИН: То, что здесь произошло, т. е. сохранение тела на воздухе в течение 10 лет, прямо невероятно. Я заявляю — то, что я сегодня видел, меня глубоко поразило...

«Председателю Совета Народных
Комиссаров Союза ССР
тов. В. М. Молотову:

Для дальнейшего сохранения тела В. И. Ленина необходимо:

1. Описать подробно весь процесс бальзамирования, проведенный нами в 1924 году, а также все манипуляции, которые производились за эти 14 лет для сохранения тела в неизменном виде. Такого описания не существует... Этот труд представляет огромный интерес для потомства...

4. Необходимо подчинить мавзолей кому-нибудь из ответственных руководителей партии, ибо то, что имеет место сейчас, далее нетерпимо. В сущности, нет хозяина, и я часто с трудом и безуспешно добиваюсь разрешения вопросов, решения по которым надо принимать быстро. Если мне позволено высказать

свое пожелание, то я считал бы лучше всего подчинить нас тов. Н. И. Ежову...

5. Еще просьба, если можно, разрешить помещать в печати статьи и заметки об этом достижении, имеющем огромное политическое и научное значение. До сих пор все попытки поместить подобные статьи были безуспешны. В результате, вокруг сохранения тела В. И. Ленина создана нездоровая конспирация...

Москва

Проф. Б. И. Збарский.»

7 сентября 1938 года.

Из протокола заседания комиссии Наркомздрава Союза ССР по осмотру тела Владимира Ильича Ленина, состоявшегося 19 января 1939 года в Мавзолее:

«Проф. ЗБАРСКИЙ: ...У нас были случаи появления грибка на теле, один раз занесенного со знаменем Парижской коммуны. Теперь нам удастся сохранять полную асептичность при помощи «бактерицида»...

Некоторое расхождение век произошло недавно. Обладая способом регулировать набухание тканей, мы сумеем исправить это.

Время пребывания тела в ванне зависит от состояния тканей. Ткани, так сказать, «живут». Мы меняем как продолжительность пребывания тела в ванне, так и концентрацию раствора. В среднем мы кладем тело на 2—3 недели.

Взвешивать тело мы стали недавно, так как только в последнее время получили для этого подходящие весы...»

Из доклада Б. Збарского «О работе по сохранению тела Владимира Ильича за 20 лет»:

«...Хотя ткани тела все время находились в хорошем состоянии, сохраняли тургор (напряжение тканей.) и асептичность, мы, тем не менее, наблюдали некоторые процессы, могущие в дальнейшем повлиять на сходство.

На лице происходило западание глазниц, расхождение век и углубление в местах носогубных складок. Изменения объема имело место также в области нижней губы и подбородка. Пальцы левой руки сморщивались, уменьшились в объеме и заострились. На правой руке в области запястья и первых фаланг пальцев появились значительные углубления. На теле в разных местах появились небольшие уменьшения объемов.

Все эти дефекты медленно накапливались в течение многих лет...»

Дефекты накапливались не только в Мавзолее, а и во всем нашем обществе. Это не для кого не тайна.

ГДЕ ГАРАНТИЯ, ЧТО НАС НЕ РАССТРЕЛЯЮТ?

Мы не будем сейчас говорить ни о расстреле семьи Романовых, ни о красном терроре — все это составляющие октябрьского переворота. Книгу о преступлениях за Кремлевской стеной (о преступлениях режима) начнем с середины тридцатых годов, когда, по утверждению партийных идеологов, в нашей стране социализм был «построен в основном».

Я хочу сказать, что к тому времени «в основном» был построен не социализм, а пирамида власти.

Верхушкой пирамиды власти был Сталин, а основанием — кости. Кости жертв и палачей перемешались в общей куче и стали основанием.

Н. С. Хрущев вспоминал, что Сталину был близок уголовный мир с его законами: «Очень мне в душу запало, как Сталин рассказывал о первой своей высылке. Я сейчас не могу сказать, в каком это году было. Он был выслан куда-то в Вологодскую губернию. Туда много было выслано политических и много уголовных. Он сам несколько раз об этом рассказывал. Говорил: «Какие хорошие ребята были в ссылке в Вологодской губернии из уголовных. Я тогда сошелся с уголовными. Это были очень хорошие ребята. Мы, бывало, заходили в питейное заведение, смотрим у кого есть там рубль или три рубля. Мы приклеивали к окну на стекло деньги, заказывали и пили, пока все не пропьем. Сегодня я плачу, завтра — другие, и так поочередно. Очень хорошие артельные ребята были уголовные. А вот политики, среди них много было сволочей. Что же они строили? Они организовали товарищеский суд и судили меня за то, что я с уголовными пью».

Я уж знаю, какой был там приговор этого товарищеского суда. Никто его об этом не спрашивал, а только переглядывались».

В декабре 1934 года был убит Киров. Ягода разоблачил убийц Кирова — доказал, что преступление задумано и осуществлено по указке контрреволюционной группы, которой руководили Зиновьев и Каменев. По этому делу было арестовано 77 человек, которые Особым совещанием при НКВД СССР подверглись лишению свободы на разные сроки, а позднее — расстрелу. Объяснение причин убийства Кирова, сформулированное Сталиным, оставалось неизменным до середины пятидесятых годов.

Официальную версию о гибели Кирова первым опроверг Хрущев. На закрытом заседании XX съезда он сказал: «Следует сказать, что обстоятельства, связанные с убийством Кирова, до сих пор таят в себе много непонятого и загадочного и требуют самого тщательного расследования. Есть основания думать, что убийце Кирова — Николаеву — кто-то помогал из людей, обязанных охранять Кирова». Хрущев доказывал причастность Сталина к убийству Кирова.

Александр Орлов в «Тайной истории сталинских преступлений» писал:

«Из всех арестованных членов партии, отобранных Сталиным для открытого процесса, наибольшее значение он придавал Зиновьеву и Каменеву.

Обработка Зиновьева и Каменева была поручена тем сотрудникам НКВД, которых он знал лично: Агранову, Молчанову и Миронову.

Миронов отвечал за многие важнейшие дела, проходившие через Экономическое управление НКВД, и Ягода, выезжая в Кремль для доклада Сталину, нередко брал с собой и Миронова. Среди следственных дел, которые Миронов вел под личным руководством Сталина, было знаменитое «дело Промпартии» и дело английских инженеров из фирмы «Метро-Виккерс» — оба эти дела относились к самому началу 30-х годов и произвели немалую сенсацию.

Сталин быстро оценил выдающиеся способности Миронова и начал поручать ему специальные задания, о выполнении которых Миронов отчитывался лично перед ним. На этом он быстро сделал карьеру. В 1934 году по предложению Сталина его назначили начальником Экономического управления НКВД, а еще через год — заместителем Ягоды. От-

ныне он возглавлял Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). В его ведении была вся оперативная работа НКВД. Одно время среди сотрудников НКВД циркулировал слух, будто Сталин предполагает сместить Ягоду и назначить Миронова на его место, но люди, достаточно хорошо информированные, этому не верили. Они знали, что в качестве руководителя НКВД Сталин нуждается в человеке с макиавеллиевым складом ума, который был бы в первую очередь специалистом по части политических интриг. Именно таким был Ягода в отличие от дельного экономиста и контрразведчика Миронова.

Одним из достоинств Миронова была его феноменальная память, в этом отношении Ягоде было до него далеко. Именно поэтому Ягода привык брать Миронова с собой к Сталину даже в тех случаях, когда доклад не относился непосредственно к компетенции Миронова. Важно было запоминать, не пропуская ничего, мельчайшие детали сталинских инструкций и наставлений. После возвращения из Кремля Миронов, как правило, сразу же усаживался за стол и во всех подробностях записывал для Ягоды каждое из сталинских замечаний, притом теми же словами, какими оперировал Сталин. Это было особенно важно для Ягоды в тех случаях, когда Сталин наставлял его, какую псевдомарксистскую терминологию он должен использовать, обращаясь в Политбюро с тем, чтобы оно вынесло именно те решения, которые тайно отвечали намерениям Сталина. Подобные наставления Ягода получал всякий раз, когда Сталин начинал подкапываться под того или иного члена Политбюро либо ЦК для того, чтобы избавиться от него.

Миронов достиг высокого положения. Он обладал властью и пользовался немалым авторитетом. Но это не принесло ему счастья. Дело в том, что от природы он был очень деликатным и совестливым человеком. Его угнетала та роль, какую он вынужден был играть в гонениях на старых большевиков. Чтобы устраниваться от этих неприятных обязанностей, Миронов одно время пытался получить назначение на разведывательную работу за рубежом. Позже он сделал попытку перевестись в Народный комиссариат внешней торговли, на должность заместителя наркома, но когда дело дошло до утверждения этого перевода в ЦК, Сталин запретил Миронову даже думать об этом.

Пессимизм и разочарование в жизни, отличавшие теперь Миронова, все более сказывались на его семейной жизни. Его очень хорошенькая жена Надя, которую он любил без памяти, вечно пребывала в состоянии восторженного увлечения кем-то на стороне; его семейная жизнь рушилась.

Однажды ночью — дело было весной 1936 года — Миронов позвонил мне и спросил, не могу ли я зайти в его кабинет. Он собирался сообщить мне нечто «чрезвычайно интересное». Я пошел.

— У меня только что состоялся разговор с Каменевым, — без всяких предисловий начал Миронов. Он был бледен и выглядел возбужденным. — Вызывая Каменева из внутренней тюрьмы, я составил в уме определенный план: как я познакомлю его с обвинениями, выдвигаемыми против него, и что я ему вообще должен говорить. Но когда я услышал топот сапог охранника и шум в приемной, я так разнервничался, что думал только об одном: как бы не выдать своего волнения.

Дверь открылась, и вошел Каменев в сопровождении охранника. Не глядя на него, я расписался на сопроводительной бумажке и отпустил охранника. Каменев стоял здесь, посередине кабинета, и выглядел совсем старым и изможденным. Я указал ему на стул, он сел и вопросительно взглянул на меня. Честно сказать, я был смущен. Как-никак все же это Каменев! Его речи я слушал когда-то с таким благоговением! Залы, где он выступал, дрожали от аплодисментов. Ленин сидел в президиуме и тоже аплодировал. Мне было так странно, что этот сидящий тут заключенный — тот же самый Каменев и я имел полную власть над ним...

— Ну что там опять? — внезапно спросил Каменев.

— Против вас, товарищ Каменев... гражданин Каменев, — поправился я, — имеются показания, сделанные рядом арестованных оппозиционеров. Они показывают, что начиная с 1932 года вы совместно с ними готовили террористические акты в отношении товарища Сталина и других членов Политбюро и что вы и Зиновьев подослали убийцу к Кирову.

— Это ложь, и вам известно, что это ложь! — резко возразил Каменев.

Я открыл папку и прочел ему некоторые из показаний Рейнгольда и еще нескольких арестованных.

— Скажите мне, Миронов, вы, несомненно, учили историю партии и знаете отношение большевиков к индивидуальному террору. Вы действительно верите этой чепухе?

Я ответил, что в моем распоряжении имеются свидетельские показания и мое дело — выяснить, правду ли показывают свидетели.

— Прошу вас только об одном, — сказал Каменев.

нев. — Я требую, чтобы меня свели лицом к лицу с Рейнгольдом и со всеми теми, кто меня оклеветал.

Каменев объяснил, что с осени 1932 года он и Зиновьев почти все время находились в тюрьме или ссылке, а в те недолгие промежутки, что они провели на свободе, за ними постоянно следили агенты НКВД. Секретное политическое управление НКВД даже поселило своего сотрудника в каменевской квартире — под видом телохранителя, и этот сотрудник рылся в его письменном столе и следил, кто его навещает.

— Я спрашиваю вас, — повторил Каменев, — как при таких условиях я мог готовить террористические акты?

Насчет утверждений Рейнгольда, будто он несколько раз присутствовал в квартире Каменева на тайных совещаниях, Каменев предложил мне посмотреть дневник наружных наблюдений НКВД, куда, несомненно, заносились результаты надзора за его квартирой, и лично убедиться, что Рейнгольд никогда не переступал ее порога.

— А вы что скажете на все это? — спросил я Миронова, выслушав его рассказ.

— Что я могу сказать! — ответил Миронов, пожимая плечами. — Я прямо заявил ему, что мои функции как следователя в данном частном случае ограничены, потому что Политбюро полностью уверено в правдивости показаний, направленных против него. Каменев рассердился и заявил мне:

— Можете передать Ягоде, что я никогда больше не приму участия в судебном фарсе, какой он устроил надо мной и Зиновьевым в прошлом году. Передайте Ягоде, что на этот раз ему придется доказывать мою виновность и что ни в какие сделки с ним я больше не

вступаю. Я потребую, чтобы на суд вызвали Медведа и других сотрудииков ленинградского НКВД, и сам задам им вопросы насчет убийства Кирова!

На этом первый разговор Миронова с Каменевым закончился.

— Я чувствую, что дело Каменева мне не по плечу, — сказал Миронов. — Лучше было поручить переговоры с Каменевым какому-нибудь видному члену ЦК, с которым он лично знаком и может разговаривать на равных. Представитель ЦК мог бы изложить это дело Каменеву таким образом: «Вы боролись с ЦК партии и проиграли. Теперь ЦК требует от вас, в интересах партии, дать такие-то показания. Если вы откажетесь, вас ждет то-то и то-то». Но мне-то никто не позволит так с ним разговаривать. Мне приказано получить признание Каменева чисто следовательским методом, главным образом на основании фальшивых показаний Рейнгольда. Чувствую, что зря я взялся за это дело...

Очная ставка закончилась. Чтобы не выполнять просьбу Каменева, Миронов решил вовсе не составлять протокола. Подследственный даже не спросил, почему очная ставка не протоколируется. Он прекрасно понимал, что так называемое следствие — всего лишь прелюдия к решающему этапу, когда Ягода окончательно сбросит маску законности и цинично потребует, чтобы Каменев сознался во всем, в чем его обвиняют.

Миронов доложил Ягоде, что следствие по делу Каменева зашло в тупик, и предложил, чтобы кто-либо из членов ЦК вступил в переговоры с Каменевым от имени Политбюро. Ягода воспротивился этому. Еще не время, заявил он, сначала надо «как следует вымотать Каменева и сломить его дух».

— Я пришлю к вам в помощь Чертока. — обещал Ягода. — Он ему живо рога обломает!..

Черток, молодой человек лет тридцати, представлял собой типичный продукт сталинского воспитания. Невежественный, самодовольный, бессовестный, он начал свою службу в «органах» в те годы, когда сталинисты уже одержали ряд побед над старыми партияцами и слепое повиновение диктатору сделалось главной доблестью члена партии. Благодаря близкому знакомству с семьей Ягоды он достиг видного положения и был назначен заместителем начальника Оперативного управления НКВД, отвечавшего за охрану Кремля. Мне никогда не приходилось видеть таких наглых глаз, какие были у Чертока. На нижестоящих они глядели с невыразимым презрением. Среди следователей Черток слыл садистом; говорили, что он пользуется любой возможностью унижить заключенного. В именах Зиновьева и Каменева, Бухарина и Троцкого для Чертока не заключалось никакой магической силы. Каменева он считал важной персоной только потому, что его делом интересовался Сталин. Во всем остальном Каменев был для Чертока заурядным беззащитным заключенным, на ком он был волен проявлять свою власть с обычной для него садистской изощренностью.

Черток форменным образом мучил Каменева... Как-то поздним вечером я зашел к Миронову узнать, что слышно нового. Когда я вошел в его слабо освещенный кабинет, Миронов сделал мне знак помолчать и указал на приоткрытую дверь, ведущую в соседнее помещение. Оттуда как раз донесся голос Чертока.

— Вы должны быть нам благодарны, — кричал Черток, — что вас держат в тюрьме! Если мы вас вы-

пустим, первый встречный комсомолец ухлопает вас на месте. После убийства Кирова на комсомольских собраниях то и дело спрашивают: почему Зиновьев и Каменев до сих пор не расстреляны? Вы живете своим прошлым и воображаете, что вы для нас — все еще иконы. Но спросите любого пионера, кто такие Зиновьев и Каменев, и он ответит: враги народа и убийцы Кирова.

Вот так, по мнению Ягоды, и следовало «изматывать» Каменева и «обламывать ему рога». Хотя Черток был подчинен Миронову, тот не решался обуздать пыл своего подчиненного. Это было бы слишком опасно. Черток был мастером инсинуаций и интриган. Как один из заместителей начальника охраны Кремля, он часто сопровождал Сталина, и если б он сказал ему хоть одно слово, что Миронов заступает за Каменева, песенка Миронова была бы спета.

Наглые разглагольствования Чертока, разумеется, не продвинули следствие ни на шаг.

Даже верхушка НКВД, знавшая коварство и безжалостность Сталина, была поражена той звериной ненавистью, какую он проявлял в отношении старых большевиков, особенно Каменева, Зиновьева и Смирнова. Его гнев не знал границ, когда он слышал, что тот или иной заключенный «держится твердо» и отказывается подписать требуемые показания. В такие минуты Сталин зеленел от злости и выкрикивал хриплым голосом, в котором прорезался неожиданно сильный грузинский акцент: «Скажите им, — это относилось к Зиновьеву и Каменеву, — что бы они ни делали, они не остановят ход истории. Единственное, что они могут сделать, — это умереть или спасти свою шкуру. Поработайте над ними, пока они не приползут к вам на брюхе с признаниями в зубах!»

На одном из кремлевских совещаний Миронов в присутствии Ягоды, Гая и Слуцкого докладывал Сталину о ходе следствия по делу Рейнгольда, Пикеля и Каменева. Миронов доложил, что Каменев оказывает упорное сопротивление; мало надежды, что удастся его сломить.

— Так вы думаете, Каменев не сознается? — спросил Сталин, хитро прищурившись.

— Не знаю, — ответил Миронов. — Он не поддастся уговорам.

— Не знаете? — спросил Сталин с подчеркнутым удивлением, пристально глядя на Миронова. — А вы знаете, сколько весит наше государство со всеми его заводами, машинами, армией, со всем вооружением и флотом?

Миронов и все присутствующие с удивлением смотрели на Сталина, не понимая, куда он клонит.

— Подумайте и ответьте мне, — настаивал Сталин.

Миронов улыбнулся, полагая, что Сталин готовит какую-то шутку. Но Сталин, похоже, шутить не собирался. Он смотрел на Миронова вполне серьезно.

— Я вас спрашиваю, сколько все это весит? — настаивал он.

Миронов смешался. Он ждал, по-прежнему надеясь, что Сталин сейчас обратит все в шутку, но Сталин продолжал смотреть на него в упор, ожидая ответа. Миронов пожал плечами и, подобно школьнику на экзамене, сказал неуверенно:

— Никто не может этого знать, Иосиф Виссарионович. Это из области астрономических величин.

— Ну а может один человек противостоять давлению такого астрономического веса? — строго спросил Сталин.

— Нет, — ответил Миронов.

— Ну так и не говорите мне больше, что Каменев или кто-то другой из арестованных способен выдержать это давление. Не являйтесь ко мне с докладом, — заключил Сталин, — пока у вас в портфеле не будет признания Каменева!

После этого Слуцкий доложил, как продвигается дело со Смирновым. Слуцкий тоже получил соответствующее внушение. Сталин в этот день был определенно не в духе.

Когда совещание уже близилось к концу, Сталин сделал знак Миронову подойти поближе.

— Скажите ему (Каменеву), что, если он откажется явиться на суд, мы найдем ему подходящую замену — его собственного сына, который признается суду, что по заданию своего папаши готовил террористический акт против руководителей партии... Скажите ему: мы имеем сообщение, что его сын вместе с Рейнгольдом выслеживал автомобили Ворошилова и Сталина на Можайском шоссе. Это сразу на него подействует...

Когда Каменев уже был в тисках инквизиции, Зиновьев лежал больной в своей одиночной камере. Допросы Зиновьева были отложены до его выздоровления. Желая наверстать упущенное, Ежов решил не пропускать Зиновьева через ту обработку, которой подвергался Каменев, а открыто потребовать от него именем Политбюро необходимых для дела «признаний».

При разговоре Ежова с Зиновьевым присутствовали Агранов, Молчанов и Миронов. Ежов попросил Миронова вести подробный протокол.

Поздней ночью Зиновьева ввели в кабинет Агранова, где должен был состояться разговор. Он вы-

глядел совершенно больным и едва держался на ногах. Беседуя с ним, Ежов то и дело заглядывал в блокнот, где у него были записаны указания, полученные от Сталина. Разговор занял более двух часов.

На следующий день Ежов прочитал протокол и внес в него несколько поправок. Затем он приказал Миронову сделать только одну машинописную копию и принести ему вместе с первоначальной записью: протокол требовалось доставить Сталину. Миронов позволил себе послушаться Ежова и заказал еще одну копию, для Ягоды. Тот очень болезненно воспринимал вмешательство Ежова в дела НКВД и следил за каждым его шагом, надеясь его на чем-нибудь подловить и, дискредитировав в глазах Сталина, избавиться от его опеки...

Организаторы процесса, которым удалось припереть Зиновьева и Каменева к стене, сделали все необходимое, чтобы не дать им покончить жизнь самоубийством. В одиночные камеры, где они содержались, под видом арестованных оппозиционеров были посажены агенты НКВД, неусыпно следившие за обоими и информировавшие руководителей следствия об их настроении и о каждом произнесенном ими слове.

Чтобы их сильнее вымотать, Ягода распорядился включать в их камерах центральное отопление, хотя стояло лето и в камерах без того было нечем дышать. Время от времени посаженные агенты вызывались якобы на допрос, а в действительности для того, чтобы доложить начальству результаты своих наблюдений, отдохнуть от невыносимой жары и подкрепиться. Едва переступив порог следовательского кабинета, они спешили сбросить мокрые от пота рубахи и

набрасывались на приготовленные для них прохладительные напитки...

Зиновьев страдал астмой и мучился от жары. Вскоре его страдания усугубились: его начали изводить приступы колик в печени. Он катался по полу и умолял, чтобы пришел Кушнер — врач, который мог бы сделать инъекцию и перевести его в тюремную больницу. Но Кушнер неизменно отвечал, что не имеет права сделать ни то, ни другое без специального разрешения Ягоды. Его функции ограничивались тем, что он выписывал Зиновьеву какое-то лекарство, от которого тому становилось еще хуже. Было сделано все, чтобы полностью измотать Зиновьева и довести его до такого состояния, когда бы он был готов на все. Конечно, при этом Кушнер был обязан следить, чтобы Зиновьев, чего доброго, не умер.

Даже смерть не должна была избавить Зиновьева от той, еще более горькой судьбы, какую уготовил ему Сталин.

Тем временем Миронов продолжал допрашивать Каменева. Он вслух, в его присутствии, анализировал положение дел и пытался убедить его, что у него нет иного выбора, кроме как принять условия Сталина и тем самым спасти себя и свою семью. Я совершенно уверен, что Миронов был искренен: подобно большинству руководителей НКВД, он поверил, что Сталин не посмеет расстрелять таких людей, как Зиновьев и Каменев, и был убежден, что ему необходимо только публично опозорить бывших лидеров оппозиции.

Однажды вечером, когда у Миронова в кабинете был Каменев, туда зашел Ежов. Он еще раз завел мучительно длинный разговор с Каменевым, стараясь внушить ему, что, как бы он ни сопротивлялся, от-

вертеться от суда ему не удастся и что только подчинение воле Политбюро может спасти его самого и его сына. Каменев молчал. Тогда Ежов снял телефонную трубку и в его присутствии приказал Молчанову доставить во внутреннюю тюрьму сына Каменева и готовить его к суду вместе с другими обвиняемыми по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра».

Все это время Ягода внимательно следил за состоянием Зиновьева и Каменева, но не спускал также глаз с Ежова. Как я уже упоминал, Ягodu уязвило до глубины души то, что Сталин поручил Ежову контролировать подготовку судебного процесса. Он тщательно проанализировал протокол разговора Ежова с Зиновьевым и понял, что Ежов задумал обработать Зиновьева по всем правилам инквизиторского искусства, так что рано или поздно Зиновьев и Каменев придут к выводу о бесполезности сопротивления. Ягода не мог допустить, чтобы слава победителя досталась Ежову. В глазах Сталина он, Ягода, должен был оставаться незаменимым наркомом внутренних дел. Для этого ему лично надлежало принудить Зиновьева и Каменева к капитуляции и обеспечить успешную постановку самого грандиозного в истории судебного процесса.

По существу, на карту была поставлена вся карьера Ягоды. Он знал, что члены Политбюро ненавидят и боятся его. Это под их влиянием в 1931 году Сталин направил в «органы» члена ЦК Акулова, который должен был стать во главе ОГПУ. Правда, Ягоде вскоре удалось добиться дискредитации Акулова и убедить Сталина убрать его из «органов». Но Ежов-то был действительно сталинским фаворитом и поэтому представлял несравненно большую опасность.

Тщательно следя за подготовкой судебного процесса, Ягода приказал своим помощникам немедленно поставить его в известность, как только будут замечены хоть малейшие признаки колебаний Зиновьева и Каменева.

Такой момент наступил в июле 1936 года. Как-то после чрезвычайно бурного объяснения с Ежовым и Молчановым, растянувшегося на целую ночь, Зиновьев, уже вернувшись в камеру, попросил вызвать начальника тюрьмы и сказал тому, что просит доставить его к Молчанову снова. Там он стал настаивать, чтобы ему разрешили поговорить с Каменевым наедине. С такой просьбой он обращался к следствию впервые. По тону Зиновьева и по некоторым другим признакам в его поведении Молчанов сообразил, что Зиновьев намерен капитулировать и хочет обсудить свое решение с Каменевым.

Дали знать Ягоде, который тут же распорядился привести Зиновьева в свой кабинет. Он сказал Зиновьеву, что его просьба предоставить свидание с Каменевым будет удовлетворена. На этот раз Ягода был слащав до приторности. Он обращался к заключенному, как в прежние времена, по имени-отчеству — Григорий Евсеевич — и выразил надежду, что, обсудив положение, оба обвиняемых придут к единственно разумному выводу: нельзя не подчиниться воле Политбюро. Пока Ягода беседовал с Зиновьевым, помощник начальника Оперативного управления НКВД занимался установкой микрофона в камере, где должна была состояться встреча Зиновьева и Каменева.

Их разговор занял около часа. Руководство НКВД не было заинтересовано в ограничении времени их встречи. Располагая микрофоном, оно полагало, что

чем дольше они будут беседовать, тем больше удастся разузнать об их действительных намерениях.

Зиновьев высказал мнение, что необходимо явиться на суд, но при условии, что Сталин лично подтвердит обещания, которые от его имени давал Ежов. Несмотря на некоторые колебания и возражения, Каменев в конце концов согласился с ним, выдвинув условие для переговоров: Сталин должен подтвердить свои обещания в присутствии всех членов Политбюро.

После такого разговора «наедине» Зиновьев и Каменев были доставлены в кабинет Ягоды. Каменев объявил, что они согласны дать на суде показания, но при условии, что Сталин подтвердит им свои обещания в присутствии Политбюро в полном составе.

Сталин воспринял известие о капитуляции Зиновьева и Каменева с нескрываемой радостью. Пока Ягода, Молчанов и Миронов подробно докладывали ему, как это произошло, он, не скрывая удовлетворения, самодовольно поглаживал усы. Выслушав доклад, он встал со стула и, возбужденно потирая руки, выразил свое одобрение: «Браво, друзья! Хорошо сработано!»

На следующий день, поздно вечером, проходя мимо здания НКВД, я натолкнулся на Миронова, стоявшего возле подъезда № 1, предназначенного для Ягоды и его ближайших помощников.

— Я тут жду Ягodu, — сказал Миронов. — Он сейчас в Кремле, но должен появиться с минуты на минуту. Мы с Молчановым только что оттуда, возили к Сталину Зиновьева и Каменева. Ох, что там было! Загляни ко мне через часок.

Когда я вошел к нему в кабинет, он ликующе объявил:

— Никакого расстрела не будет! Сегодня это окончательно выяснилось!

Поскольку Миронов рассказал мне об очень важных вещах, я постараюсь передать все, что услышал от него, как можно более точно.

«Сегодня, отбыв в Кремль, — рассказывал Миронов, — Ягода велел, чтобы Молчанов и я не отлучались из своих кабинетов и были готовы доставить в Кремль Зиновьева и Каменева для разговора со Сталиным. Как только Ягода позвонил оттуда, мы забрали их и поехали.

Ягода встретил нас в приемной и проводил в кабинет Сталина. Из членов Политбюро, кроме Сталина, там был только Ворошилов. Он сидел справа от Сталина. Слева сидел Ежов. Зиновьев и Каменев вошли молча и остановились посередине кабинета. Они ни с кем не поздоровались. Сталин показал на ряд стульев. Мы все сели: я — рядом с Каменевым, а Молчанов — с Зиновьевым.

— Ну, что скажете? — спросил Сталин, внезапно посмотрев на Зиновьева и Каменева. Те обменялись взглядами.

— Нам сказали, что наше дело будет рассматриваться на заседании Политбюро, — сказал Каменев.

— Перед вами как раз комиссия Политбюро, уполномоченная выслушать все, что вы скажете, — ответил Сталин.

Каменев пожал плечами и окинул Зиновьева вопросительным взглядом. Зиновьев встал и заговорил.

Он начал с того, что за последние несколько лет ему и Каменеву давалось немало обещаний, из которых ни одно не выполнено, и спрашивал, как же после всего этого они могут полагаться на новые обеща-

ния. Ведь, когда после смерти Кирова их заставили признать, что они несут моральную ответственность за это убийство, Ягода передал им личное обещание Сталина, что это — последняя их жертва. Тем не менее теперь против них готовится позорнейшее судилище, которое покроет грязью не только их, но и всю партию.

Зиновьев взывал к благоразумию Сталина, заклиная его отменить судебный процесс и доказывая, что он бросит на Советский Союз пятно небывалого позора.

— Подумайте только, — умолял Зиновьев со слезами в голосе, — вы хотите изобразить членов ленинского Политбюро и личных друзей Ленина беспринципными бандитами, а нашу большевистскую партию, партию пролетарской революции, представить змеиным гнездом интриг, предательства и убийств... Если бы Владимир Ильич был жив, если бы он видел все это! — воскликнул Зиновьев и разразился рыданиями.

Ему налили воды. Сталин выждал, пока Зиновьев успокоится, и негромко сказал:

— Теперь поздно плакать. О чем вы думали, когда вступали на путь борьбы с ЦК? ЦК не раз предупреждал вас, что ваша фракционная борьба кончится плачевно. Вы не послушали, — а она действительно кончилась плачевно. Даже теперь вам говорят: подчинитесь воле партии — и вам и всем тем, кого вы завели в болото, будет сохранена жизнь. Но вы опять не хотите слушать. Так что вам останется благодарить только самих себя, если дело закончится еще более плачевно, так скверно, что хуже не бывает.

— А где гарантия, что вы нас не расстреляете? — наивно спросил Каменев.

— Гарантия? — переспросил Сталин. — Какая, собственно, тут может быть гарантия? Это просто смешно! Может быть, вы хотите официального соглашения, заверенного Лигой Наций? — Сталин иронически усмехнулся. — Зиновьев и Каменев, очевидно, забывают, что они не на базаре, где идет торг насчет украденной лошади, а на Политбюро коммунистической партии большевиков. Если заверения, данные Политбюро, для них недостаточны, — тогда, товарищи, я не знаю, есть ли смысл продолжать с ними разговор.

— Каменев и Зиновьев ведут себя так, — вмешался Ворошилов, — словно они имеют право диктовать Политбюро свои условия. Это возмутительно! Если у них осталась хоть капля здравого смысла, они должны стать на колени перед товарищем Сталиным за то, что он сохраняет им жизнь. Если они не желают спасти свою шкуру, пусть подышают. Черт с ними!

Сталин поднялся со стула и, заложив руки за спину, начал прохаживаться по кабинету.

— Было время, — заговорил он, — когда Каменев и Зиновьев отличались ясностью мышления и способностью подходить к вопросам диалектически. Сейчас они рассуждают, как обыватели. Да, товарищи, как самые отсталые обыватели. Они себе внушили, что мы организуем судебный процесс специально для того, чтобы их расстрелять. Это просто неумно! Как будто мы не можем расстрелять их без всякого суда, если сочтем нужным. Они забывают три вещи:

первое — судебный процесс направлен не против них, а против Троцкого, заклятого врага нашей партии.

второе — если мы их не расстреляли, когда они активно боролись против ЦК, то почему мы должны расстрелять их после того, как они помогут ЦК в его борьбе против Троцкого?

третье — товарищи также забывают (Миронов особо подчеркнул то обстоятельство, что Сталин назвал Зиновьева и Каменева товарищами), что мы, большевики, являемся учениками и последователями Ленина и что мы не хотим проливать кровь старых партийцев, какие бы тяжкие грехи по отношению к партии за ними ни числились.

— Последние слова, — добавил Миронов, — были произнесены Сталиным с глубоким чувством и прозвучали искренне и убедительно...

— Зиновьев и Каменев, — продолжал Миронов свой рассказ, — обменялись многозначительными взглядами. Затем Каменев встал и от имени их обоих заявил, что они согласны предстать перед судом, если им обещают, что никого из старых большевиков не ждет расстрел, что их семьи не будут подвергаться преследованиям и что впредь за прошлое участие в оппозиции не будут выноситься смертные приговоры.

— Это само собой понятно, — отозвался Сталин».

Физические страдания Зиновьева и Каменева закончились. Их немедленно перевели в большие и прохладные камеры, дали возможность пользоваться душем, выдали чистое белье, разрешили книги (но, однако же, не газеты). Врач, выделенный специально для Зиновьева, всерьез принялся за его лечение. Ягода распорядился перевести обоих на полноценную диету и вообще сделать все возможное, чтобы они на суде выглядели не слишком изнуренными. Тюремные охранники получили указание обращаться с обоими

вежливо и предупредительно. Суровая тюрьма обернулась для Зиновьева и Каменева чем-то вроде санатория...»

Подобные методы применялись и по отношению к непосредственному исполнителю убийства — Николаеву.

Из рекомендаций Сталина Я. Агранову (заместителю наркома внутренних дел СССР):

«...Подкормите Николаева. Купите ему курочек и др. продуктов, кормите его, чтобы он окреп, а потом расскажет, кто им руководил, а не будет говорить, сыпем ему — все расскажет и покажет...»

Каменев и Зиновьев были расстреляны, а 15 марта 1938 года (через четыре года после того, как провел расследование обстоятельств убийства Кирова) был расстрелян Генрих Ягода. Бывший нарком признался во всех мыслимых и немыслимых злодеяниях.

Гарантии, что не расстреляют, нет. Все боятся смерти.

Хрущев вспоминал:

«В последние годы перед смертью у Сталина развился какой-то страх. Это я замечал по таким признакам.

Например, когда мы ехали из Кремля после просмотра фильмов на ближнюю дачу, мы вдруг начинали петлять по улицам и переулкам Москвы на довольно коротком расстоянии от Кремля до Москвы-реки. В машину обычно со Сталиным садились Берия и Маленков, а все остальные рассаживались по своему выбору. Мы чаще всего садились в одну машину с Булганиным. Если Берия не ехал со Сталиным, то они ехали с Маленковым.

Я спрашивал тех, кто ехал со Сталиным: «Чего вы петляли по переулкам?» Они отвечали: «Ты не спра-

шивай нас. Не мы определяли маршрут. Сталин сам называл улицы».

Он, видимо, имел план Москвы, намечал маршрут, и, когда выезжали, он сам говорил: туда повернуть, сюда повернуть, так-то ехать, туда-то выехать. Не надо быть умным, чтобы не догадаться: он принимал меры, чтобы ввести в заблуждение врагов, которые могли бы покушаться на его жизнь. Он даже охране не говорил, каким маршрутом поедет. Он каждый раз менял эти маршруты. Чем это вызвано? Это вызвано недоверием и страхом, страхом за свою жизнь.

Потом мы стали замечать и злословили между собой на тему замков. Когда приезжали на ближнюю дачу, то там с каждым разом усложнялись запоры. Появились всякие задвижки, чуть ли не сборно-разборные баррикады. Ну, кто же может к Сталину на дачу зайти, когда там два забора построено, а между заборами собаки бегают, электрическая сигнализация проведена и прочие средства охраны? Мы считали, что это правильно. Сталин, занимая такое положение, для врагов советского строя был очень «привлекательной» фигурой. Тут шутить было нельзя, хотя и вредно ему подражать.

Я один раз был свидетелем такого факта, и мне было очень неприятно. Сталин пошел в уборную. Охрана — человек, который за ним буквально по пятам ходил, остался на месте.

Сталин вышел из уборной и набросился при нас на этого чекиста, начал его распекать: «Что вы не выполняете своих обязанностей? Вы охраняете, так вы должны охранять, а вы тут сидите, развалившись!»

Он оправдывался: «Товарищ Сталин, я же знаю,

что там дверей нет. Вот одна дверь-то, так за той дверью стоит мой человек, который несет охрану».

Он на него грубо набросился: «Вы со мной должны ходить!»

Это невероятно, чтобы он с ним ходил даже в туалет!

Сталин даже в туалет боялся зайти без охраны. Это, конечно, результат работы большого мозга. Человек сам себя запугал, да тут, видимо, и Берия руку приложил.

Сталин с Берия изощрались в убийствах людей, невероятные способы придумывали и уничтожали их. Вот он, видимо, и переносил на себя: почему к нему не могут применять такие же методы люди, желающие его сжить со свету?

Я думаю, что именно это его начинало терзать. Его терзали действия, которые он применял к своим врагам, к людям, к которым он с недоверием относился. Все они были «враги народа».

ДЕЛА МЕДИЦИНСКИЕ

Р. Конквест в фундаментальном исследовании «Большой террор» особое внимание уделил «медицинским убийствам» — истинным и мнимым.

Выдвинуть обвинение в «медицинских убийствах» против участников оппозиции решено было, видимо, после того, как наркомом внутренних дел стал Ежов. Планы НКВД впутать в дело профессора Плетнева восходят к декабрю 1936 года, но арестован он был, по-видимому, не раньше первой половины июня сле-

дующего года. По крайней мере, «Правда» от 8 июня 1937 года пишет в настоящем времени, что «Плетнев занимает выборную должность» в обществе врачей. Доктора Левина арестовали в промежутке между смертью Орджоникидзе (тогда, в феврале 1937 года, его имя появилось в последний раз в списке кремлевских врачей) и 12 июня 1937 года (когда в подобном же списке его имя уже не появилось). Секретарь покойного Горького Крючков подвергся нападкам в «Правде» от 17 мая вместе с другими литераторами, якобы связанными с Ягодой. Можно считать, что его арест состоялся около этой даты.

Помимо врачей, обвинявшихся на процессе, были названы еще двое «убийц» — доктор А. И. Виноградов из санчасти ОГПУ, в отношении которого следствие было прекращено за смертью обвиняемого, и начальник Лечсанупра Кремля до 1938 года Ходоровский, которого, видимо, не успели «подготовить» к суду. Годом его смерти назван 1940-й.

На суде разбирались четыре так называемых убийства. Первым, в мае 1934 года, был будто бы умерщвлен предшественник Ягоды на посту начальника ОГПУ Менжинский. Согласно официальной версии, Менжинского умертвил его любимый врач Казаков — по инструкциям, исходившим от доктора Левина. Потом, в том же месяце, был якобы уничтожен сын Горького Максим Пешков. Это убийство приписывалось Левину и профессору Плетневу. Следующей жертвой этих двоих стал, по обвинительному заключению, Куйбышев, и, наконец, они же погубили самого Горького.

Первым давал показания 68-летний доктор Левин. Он, дескать, вместе с Ягодой был организатором медицинских убийств. Роль Левина — его действитель-

ная роль — самое темное место во всем процессе. Ягода вряд ли стал бы вербовать постороннего врача на такое дело, как убийство по приказу, но это соображение не относится к человеку, который с 1920 года «работал в штатной должности и в качестве консультанта санитарной части НКВД», Левин работал с Дзержинским, Менжинским и Ягодой, так что можно определенно сказать, что он пользовался в ОГПУ—НКВД не только медицинским авторитетом. По его собственным словам, «это было внимание со стороны руководителя такого органа, как ОГПУ. Я видел в этом определенное признание и доверие ко мне со стороны руководителя такого учреждения». Он также чувствовал, что погибнет вместе с Ягодой. Можно фактически считать Левина до известной степени членом того круга сотрудников Ягоды в НКВД, который в полном составе последовал за наркомом в камеры смертников.

Кроме того, Левин обронил на суде, что стал говорить правду с «самого первого дня, как я вступил в тюрьму». Если принять это на веру, то такое поведение настолько резко отличается от образа действий остальных беспартийных обвиняемых, что свидетельствует либо о высочайшей «дисциплинированности» Левина перед лицом НКВД, либо о некоей достоверности его признаний (опять-таки в отличие от большинства подсудимых).

Как мы знаем, Левин в каком-то смысле замешан в смерти Орджоникидзе. Его подпись, в числе других, стоит под фальсифицированным медицинским заключением о смерти Орджоникидзе в то время. Но если Левин и был вовлечен во все эти злодейские дела, то надо по справедливости отметить, что об этом очень мало кто знал. Видный советский дипломат Бармин

полагал, что Левин был просто врачом, преданным своей профессии и ни в чем не замешанным.

Левин дал образцовые показания о планировании и проведении так называемых медицинских убийств. Согласно его рассказу и показаниям других, было выполнено следующее:

1. Казакову, доктору-шарлатану и любимцу Менжинского, приказали убить Менжинского чрезмерной дозой одного из «лизатов» собственного, казаковского, изготовления, дабы освободить пост начальника ОГПУ для Ягоды.

2. Убили Максима Пешкова в два этапа: сперва приказали секретарю Горького Крючкову напоить Пешкова и оставить пьяным на садовой скамейке, «на холоде» (хотя был май); а затем, когда Пешков простудился, напустили на него Левина, Виноградова и Плетнева.

3. На прогулках с Горьким для него разжигали костры, которые он очень любил, хотя у писателя были слабые легкие, и костры плохо действовали на его здоровье; возили Горького к его внучкам, когда те лежали с простудой, и тем самым заразили писателя, а потом отдали его в руки Левина и Плетнева.

4. Куйбышева просто неправильно лечили от болезни сердца — но скончался-то он в конце концов потому, что ему не была вовремя оказана медицинская помощь, хотя следовало бы полагать при таких обстоятельствах, что отсутствие «преступной» врачебной помощи не ухудшило его состояния перед смертью!

Левин очень правдоподобно объяснил, каким образом его завербовал Ягода; и так правдоподобно, что вызвал вздох даже у выдавшей виды аудитории Октябрьского зала.

Левин: Он сказал: «Учтите, что не повиноваться мне вы не можете, вы от меня не уйдете. Раз я вам оказал в этом доверие, раз вам оказывается доверие в этом деле — вы это и должны ценить и вы должны это выполнить. Вы никому не сможете об этом рассказать. Вам никто не поверит. Не вам, а мне поверят. Вы в этом не сомневайтесь. Вы это сделайте. Вы обдумайте, как можете сделать, кого можете привлечь к этому. Через несколько дней я вызову вас». Он еще раз повторил, что невыполнение этого грозит гибелью и мне, и моей семье. Я считал, что у меня нет другого выхода, я должен ему покориться. Опять-таки, когда смотришь с перспективы, с сегодняшнего дня на 1932 год, когда видишь, насколько мне, как беспартийному человеку, казался всемогущим Ягода, то, конечно, очень трудно было отвертеться от его угроз, от приказов его.

Для подтверждения показаний Левина о Менжинском с места вызвали Казакова. В отличие от Левина и Плетнева, Казаков не пользовался высокой медицинской репутацией, но в своих эксцентричных идеях о новых средствах лечения был, очевидно, искренен. Он применял (как в дальнейшем заметил Буланов) «такие мудреные лекарства, которые не только не известны медицине, но слабо известны самому Казакову».

Это, к слову сказать, один из примеров того, как советские руководители хватались за идеи, отвергнутые специалистами в соответствующей области науки. То же было с лингвистикой Марра, биологией Лысенко. Последний пример из области медицины относится к началу шестидесятых годов, когда ленинградское партийное руководство с энтузиазмом проталкивало метод лечения рака, изобретенный не-

ким Качугиным и отвергнутый профессиональными врачами.

Менжинский безгранично верил казаковскому методу лечения «лизатами». В показаниях доктора Левина есть ироническое упоминание всяких толков о чудотворных лекарствах, разработанных профессором Шварцманом, который в свое время произвел хорошее впечатление на Менжинского. Затем наступило разочарование. А «затем была другая реклама, начали шуметь вокруг Игнатия Николаевича Казакова, и тогда он (Менжинский) обратился к Казакову... он был одним из небольшой группы крупных людей в то время, которым казалось, что он чрезвычайно им помогает». Было даже специальное заседание Совнаркома, обсуждавшее казаковские методы лечения.

Казаков подтвердил показания Левина и сказал, что был вызван лично к Ягоде. Он, дескать, подчинился, испугавшись таких слов Ягоды: «Имейте в виду, что если вы попытаетесь не подчиниться мне, то я сумею вас быстро уничтожить».

Вызвали Ягоду. По Маклину, он выглядел совсем иначе, чем в дни своей власти. Волосы поседели, недавнее самодовольство исчезло. Но он все-таки излучал определенную мрачную энергию. Его показания были необычны, и их следует считать многозначительными, несмотря на то, что позднее в тот же день Ягода отказался от них.

ВЫШИНСКИЙ: Подсудимый Ягода, давали вы поручение Левину о вызове к вам Казакова для разговора?

ЯГОДА: Я этого человека вижу первый раз здесь.

ВЫШИНСКИЙ: Значит, такого поручения вы Левину не давали?

ЯГОДА: Я давал поручение Левину перегово-
рить...

ВЫШИНСКИЙ: С кем?

ЯГОДА: С Казаковым, но сам лично его не при-
нимал.

ВЫШИНСКИЙ: Я вас не спрашиваю, принимали
вы его или нет, а я спрашиваю, давали вы поручение
Левину переговорить с Казаковым?

ЯГОДА: Поручения переговорить с Казаковым я
не давал. Вышинский: Вы только что сказали, что да-
вали Левину такое поручение.

ЯГОДА: Я давал Левину поручение об умерщвле-
нии Алексея Максимовича Горького и Куйбышева, и
только.

ВЫШИНСКИЙ: А насчет Менжинского?

ЯГОДА: Ни Менжинского, ни Макса Пешкова я не
умерщвлял.

ВЫШИНСКИЙ поднял с места Крючкова, и тот
подтвердил свою роль в убийстве Пешкова по прика-
зам Ягоды. Прокурор снова обратился к Ягоде и прочел
то место из его показаний на предварительном
следствии, где Ягода признавался в умерщвлении
Менжинского и Максима Пешкова.

ВЫШИНСКИЙ: Вы это показывали, обвиняемый
Ягода?

ЯГОДА: Я сказал, что показывал, но это неверно.

ВЫШИНСКИЙ: Почему вы это показывали, если
это неверно?

ЯГОДА: Не знаю почему.

ВЫШИНСКИЙ: Садитесь. «Я вызвал Казакова к
себе, подтвердил ему мое распоряжение... Он сделал
свое дело, Менжинский умер». Показывали это, обви-
няемый Ягода?

ЯГОДА: Показывал.

ВЫШИНСКИЙ: Значит, вы встречали Казакова?

ЯГОДА: Нет.

ВЫШИНСКИЙ: Почему вы показывали неправду?

ЯГОДА: Разрешите на этот вопрос не ответить.

ВЫШИНСКИЙ: Вы отрицаете, что вы организовали убийство Менжинского?

ЯГОДА: Отрицаю.

ВЫШИНСКИЙ: В этом показании вы это признали?

ЯГОДА: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Когда вас допрашивал Прокурор Союза, то вы как ответили на этот вопрос о своем отношении к убийству Менжинского?

ЯГОДА: Тоже подтвердил.

ВЫШИНСКИЙ: Подтвердили. Почему вы подтвердили?

ЯГОДА: Разрешите на этот вопрос не ответить.

ВЫШИНСКИЙ: Тогда ответьте на мой последний вопрос. Вы заявляли какие-нибудь претензии или жалобы по поводу предварительного следствия?

ЯГОДА: Никаких.

ВЫШИНСКИЙ: Сейчас тоже не заявляете?

ЯГОДА: Нет.

ВЫШИНСКИЙ перешел затем к умерщвлению Максима Пешкова и продолжал допрос так:

ВЫШИНСКИЙ: Так что все, что говорит Крючков...

ЯГОДА: Все ложь.

ВЫШИНСКИЙ: Вы ему такого поручения о Максиме Пешкове не давали?

ЯГОДА: Я заявлял, гражданин Прокурор, что в отношении Максима Пешкова никаких поручений не давал, никакого смысла в его убийстве не вижу.

ВЫШИНСКИЙ: Так что, Левин врет?

ЯГОДА: Врет.

ВЫШИНСКИЙ: Казаков говорит ложь?

ЯГОДА: Ложь.

ВЫШИНСКИЙ: Крючков?

ЯГОДА: Ложь.

ВЫШИНСКИЙ: Крючкову по поводу смерти Максима Пешкова поручений не давали? Вы на предварительном следствии...

ЯГОДА: Лгал.

ВЫШИНСКИЙ: А сейчас?

ЯГОДА: Говорю правду.

ВЫШИНСКИЙ: Почему вы врали на предварительном следствии?

ЯГОДА: Я вам сказал. Разрешите на этот вопрос вам не ответить.

Американский наблюдатель на процессе отмечал, что Ягода говорил «с такой концентрированной злобой и яростью», что все присутствующие затаили дыхание «в тревоге и ужасе». Когда в допрос вмешался Ульрих, Ягода повернулся к нему и сказал (эта фраза не вошла ни в один официальный отчет): «Вы на меня можете давить, но не заходите слишком далеко. Я скажу все, что хочу сказать... Но... слишком далеко не заходите». Все были вновь потрясены. Маклин пишет, что на процессе тайно присутствовал Сталин, сидя в помещении на хорах и наблюдая через окно. По его словам, был момент, когда многие ясно увидели Сталина при переключении света. Если это так, то, вероятно, при этой фразе Ягоды Сталин подумал, не проваливается ли весь его план.

Ягода имел больше причин сопротивляться процессу, чем кто-либо другой из подсудимых. Он помогал Сталину вернее всех, он сослужил ему незамени-

мую службу. Арест так подействовал на Ягоду, что он долго не мог ни спать, ни есть, и Ежов опасался за его психику. К нему послали для переговоров начальника иностранного отдела НКВД, вкрадчивого и льстивого Слуцкого. В ходе их разговора Ягода горько жаловался, что разрушен аппарат безопасности, который он создавал пятнадцать лет. А однажды сказал Слуцкому, что Бог, наверно, все-таки есть: от Сталина он, дескать, получал только благодарности, а от Бога получил то, что его теперь постигло.

Но на процессе демонический взрыв Ягоды повис в воздухе. Вышинский перестал задавать ему вопросы и вновь обратился к Левину. Тот рассказал детали умерщвления Куйбышева и Горького, после чего Ягода эти детали подтвердил.

К концу утреннего заседания, когда Левин излагал подробности умерщвления Горького, Ягода вдруг спросил, может ли он задать Левину вопрос. Хотя подобные вопросы одного подсудимого другому были обычной практикой в предыдущие дни процесса, Ульрих поспешно ответил, что только после того, как Левин закончит показания. Ягода, желая подчеркнуть неотложность вопроса, сказал тогда, что он касается смерти Максима Горького.

Ульрих, явно опасаясь худшего, обрезал его, повторив, что Ягода сможет задать свой вопрос после дачи показаний Левина. Вскоре он объявил тридцатиминутный перерыв. После перерыва Вышинский объявил, что подсудимый Ягода хотел задать вопрос подсудимому Левину.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: Подсудимый Ягода, можете задать вопросы.

ЯГОДА: Я прошу ответить Левина, в каком году постановлением лечебной комиссии Кремля он, Ле-

вин, был прикомандирован ко мне как лечащий врач и к кому еще он был прикомандирован?

Когда ответ на этот вопрос был дан — без каких-либо ссылок на смерть Горького или на другие преступления — Ягода сказал, что больше у него вопросов нет. Легко заметить, что до перерыва в судебном заседании он хотел спросить совсем не о том, о чем фактически спросил после перерыва.

Потом задавать вопросы Левину стал его «защитник» Брауде. Были отмечены два момента. Во-первых, Левин подчеркнул то, что, очевидно, в том или ином смысле, было мощной причиной его повинования сильным людям, способным на жесткие меры: «Меня больше всего страшило то, что он пригрозил разгромить мою семью. А семья моя — хорошая, трудовая советская семья». Затем, о «директивной организации», принявшей решение об убийствах, Левин сказал следующее: «Я об этом ничего не знал. Я узнал об этом на самом процессе».

Еще раньше суд объявил состав экспертной комиссии из пяти врачей. Утреннее заседание 8 марта закончилось следующим обменом репликами:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ: У экспертизы есть какие-нибудь вопросы к подсудимому Левину?

ШЕРЕШЕВСКИЙ И ВИНОГРАДОВ: У экспертизы никаких вопросов нет, все ясно.

На вечернем заседании 8 марта были заслушаны основные показания Буланова (личного помощника Ягоды) и самого Ягоды.

Буланов был ветераном НКВД — еще в январе 1929 года он руководил высылкой Троцкого из страны. На суде он изложил свою особую версию якобы запланированного государственного переворота с захватом Кремля. По этой версии в деле участвовали

Енукидзе и Ягода, причем поддерживалась будто бы связь с группой Тухачевского и с Караханом, проводившим переговоры с немцами. Затем Буланов сказал, что Ягода покрывал Угланова и Ивана Смирнова в ходе их допросов, а также распорядился не делать обысков при арестах Зиновьева и Каменева. Он оговорил всех бывших руководителей НКВД, назвав их участниками заговора; он описал, как Ягода приказал Запорожцу «облегчить» убийство Кирова, как Запорожец выпустил убийцу Николаева после его первой попытки проникнуть в Смольный, как после убийства Кирова уничтожил его личного телохранителя Борисова.

По Буланову, сотрудники Ягоды Паукер и Волович, ответственные за личную безопасность Сталина, тоже были участниками заговора. В таком случае любопытно, почему Ягода, организовавший с помощью Запорожца доступ убийцы к Кирову в Ленинграде, не мог организовать чего-либо в том же роде в Москве.

Потом на сцене появилось новое «преступление» — попытка Ягоды убить Ежова после того, как Ежов возглавил НКВД в сентябре 1936 года. Буланов и другой сотрудник НКВД Саволайнен (чье дело было выделено в особое производство) будто бы шесть или семь раз опрыскивали кабинет Ежова ртутным раствором, нанося ртуть в смеси с каким-то неизвестным ядом на ковры и занавеси.

Возможно, таким путем и можно добиться нужных результатов. Когда Клара Люс была послом США в Риме, у нее случилось отравление токсичной краской, отслаивавшейся с потолка кабинета. Если яд в кабинете Ежова вообще существовал в природе, он мог быть того же типа. В случае с Кларой Люс ни у

кого не было по отношению к ней преступных намерений — в случае Ежова такие намерения якобы существовали.

После этого Буланов стал описывать специальную лабораторию по ядам, основанную будто бы Ягодой под его личным наблюдением. Буланов заявил, что Ягода «исключительно» интересовался ядами. Сейчас распространено мнение, что подобная лаборатория могла существовать на деле (до революции Ягода был фармацевтом). В свете того, каковы были действующие лица и их мотивы, можно предположить, что это единственное преступление из всех упомянутых на процессе, могло быть настоящим. Тем более что здоровью Ежова, как говорилось в зале суда, «был причинен значительный ущерб». Тем не менее в Советском Союзе именно эта история всегда рассматривалась как чистейшая фантазия.

Касаясь «медицинских убийств», Буланов довольно правдоподобно заметил: «Насколько мне известно, Левина Ягода привлек, завербовал к этому делу и вообще к случаям отравления, используя какой-то компрометирующий против него материал...».

Буланов объявил, что Казаков действительно приходил к Ягоде, вопреки отрицаниям последнего. Казаков тут же подтвердил это вновь. И тогда Вышинский опять обратился к Ягоде.

ВЫШИНСКИЙ: После этих показаний, которыми устанавливается ваше участие в отравлении, вы будете продолжать отрицать это участие?

ЯГОДА: Нет, я подтверждаю свое участие.

И затем, сразу после этого — новый нажим:

ВЫШИНСКИЙ: Подсудимый Буланов, а умерщвление Максима Пешкова — это тоже дело рук Ягоды?

БУЛАНОВ: Конечно.

ВЫШИНСКИЙ: Подсудимый Ягода, что вы скажете на этот счет?

ЯГОДА: Признавая свое участие в болезни Пешкова, я ходатайствую перед судом весь этот вопрос перенести на закрытое заседание.

Иностранные наблюдатели сообщали, что на утреннем заседании Ягода выглядел загнанным и отчаявшимся, но теперь, во время этого обмена репликами, он был абсолютно сломлен и давал показания почти беззвучно.

За Ягодой наступила очередь Крючкова — секретаря Горького. Это он будто бы оставлял Максима Пешкова лежать в снегу дважды — в марте и апреле — без результатов, пока, наконец, в мае, Пешков не подхватил простуду. После этого Левин и А. И. Виноградов уговорили якобы остальных врачей и сестер дать больному слабительное, вызвавшее смерть. Когда, в свою очередь, простудили Горького, Плетнев и Левин настояли на введении пациенту излишних доз наперстянки.

9 марта утром допрашивался профессор Дмитрий Плетнев — самая трагическая фигура всех трех процессов. Плетнев, шестидесятишестилетний специалист-кардиолог, долгое время пользовался репутацией ведущего врача России, им гордилась вся медицинская профессура. Теперь, впервые в практике процессов (если исключить мелкого мошенника Арнольда, прошедшего по делу Пятакова и других), совершенно чуждый государственному механизму человек, не замешанный ни в какие политические противоречия, стоял перед судом и «признавался»! Профессор Плетнев как бы представлял на суде безмолвную массу беспартийных, чьи страдания во время террора прошли бы иначе совершенно незамеченными.

Когда Ежов решил, что показания одного Левина окажутся явно недостаточными, он обратил внимание на другого главного медика, лечившего Горького. До революции Плетнев был членом конституционно-демократической (кадетской) партии, так что не могло быть и речи о воздействии на его «сознательность коммуниста». После же революции профессор совершенно отошел от политики, и против него, таким образом, был равно невозможен какой-либо политический шантаж. Он был известен в советских сановных кругах, лечил Орджоникидзе, и есть даже сообщение, исходящее из кругов НКВД, что в момент «самоубийства» Орджоникидзе он был у него дома.

Решение, принятое Ежовым о воздействии на профессора, было мерзким даже по ежовским стандартам. По тому, как развивались события, можно заключить, что решение состряпать историю о «медицинских убийствах» было принято вскоре после того, как Ежов занял пост Ягоды. Молодая женщина-провокатор, обычно используемая НКВД для компрометации иностранцев, была послана к Плетневу в качестве «пациентки». После двух визитов она вдруг обвинила профессора в том, что два года назад он якобы к ней «приставал». В декабре 1936 года эта женщина стала ходить на квартиру к Плетневу, стала систематически досаждать его дочери и домработнице. Профессор пожаловался в милицию.

Вначале милиция как будто приняла жалобу, но вскоре оказалось, что ход дан контржалобе, принесенной шантажисткой на Плетнева.

В июне 1937 года «Правда», нарушив свой обычный принцип не выступать по поводу индивидуальных преступлений, опубликовала огромный трехко-

лонник под сенсационным заголовком: «Профессор — насильник, садист». В статье говорилось, что профессор Плетнев 17 июля 1934 года набросился на пациентку Б. и сильно укусил ее за грудь. Это, дескать, причинило ей хроническую травму, которую Плетнев, не будучи специалистом по грудным заболеваниям, пытался лечить. Увидев, что лечение его безуспешно, он обратился в милицию, чтобы его оградил от приставаний женщины. Милиция стала разбираться, а тем временем, 7 января, Б. написала Плетневу письмо, которое «Правда» характеризует как «потрясающий человеческий документ»:

«Будьте прокляты, преступник, надругавшийся над моим телом! Будьте прокляты, садист, применивший на мне свои гнусные извращения. Будьте прокляты, подлый преступник, наградивший меня неизлечимой болезнью, обезобразившей мое тело! Пусть позор и унижения падут на вас, пусть ужас и скорбь, плач и стенания станут вашим уделом, как они стали моим с тех пор, как вы, профессор-преступник, сделали меня жертвой вашей половой распущенности и преступных извращений. Я проклиная вас. Б.»

На следующий день «Правда» от 9 июня напечатала короткое сообщение, подписанное Вышинским. Согласно этому сообщению, все материалы по делу Плетнева переданы в следственный отдел по особо важным делам Прокуратуры СССР.

На суде, состоявшемся 17—18 июля 1937 года, Плетнев был приговорен к двум годам заключения. В печати было сказано, что он «признался» в своем преступлении. Вот в таком-то виде, разбитый и обесчещенный, преданный своими коллегами, осужденный за «позорное преступление», он был доставлен в

следственные камеры Лубянки, где его ожидало нечто еще худшее.

Теперь, на суде, Плетнев говорил о «сильных угрозах (Ягоды) по отношению ко мне и по отношению к моей семье» и под градом вопросов Вышинского «признавался» в своей роли в убийстве Куйбышева и Горького.

В темной истории смертей Менжинского, Пешкова, Куйбышева и Горького не все ясно.

Прежде всего: были ли они вообще убиты? А если да, то врачами ли — хоть кем-нибудь из врачей?

Сразу же надо сказать, что надежда на силу медицинской «клятвы Гиппократ», обязывающей врача к профессиональной добросовестности, тут не оправдывается. Действительно: либо пятеро врачей (Левин, Плетнев, Казаков, А. И. Виноградов и Ходоровский) были виновны в предъявленных им преступлениях, либо пятеро других врачей — членов экспертной комиссии, — а также доктор-свидетель Белостоцкий виновны в соучастии в юридическом убийстве первых пяти.

Ни в одном случае врачей нельзя обвинять в том, что они были инициаторами преступлений. Однако деградация гуманной — в этом случае, медицинской — профессии под действием политического террора делает описанные события особенно отвратительными.

Наиболее вероятно, что ни доктора А. И. Виноградов и Ходоровский, умершие при неизвестных обстоятельствах в руках органов безопасности, ни опозоренный профессор Плетнев, скончавшийся в каком-то штрафном лагере от истощения, ни доктора Левин и Казаков, расстрелянные на Лубянке в подвалах смертников после суда, не совершили ни-

каких приписанных им преступлений. А если даже тот или иной из них что-то и делал, то ясно, что происходило это под исключительным и невыносимым давлением всей мощи государства. В любом случае они могут считаться в определенном смысле мучениками — их судьбой было неизвестное миру, печальное мученичество обыкновенных людей, сбитых с толку и попавших более или менее случайно в сферу политического маневрирования таких лидеров, для которых человеческая жизнь или правда — просто ничто.

Ясно только одно: если «медицинские убийства» и имели место, то выполнялись они по приказам Сталина. Например, Левин, работавший в Кремле, лечивший Сталина и его семью, мог обратиться лично к Сталину после ужасающего предложения, сделанного ему Ягодой, — мог бы, если бы не знал, что за кулисами всех действий Ягоды стоял сам Сталин. Заявление на суде, что Левин-де счел приказ одного Ягоды недостаточным и этот приказ был подкреплен прямым указанием Енукидзе, было полнейшей бессмыслицей. Ведь Енукидзе был тогда намного более слабой и менее внушительной фигурой, чем Ягода. Был в СССР только один человек, более сильный, чем Ягода, и способный ему приказывать...

Вся эта история (если в ней есть крупница правды) — еще один пример того, как слово «Енукидзе» подставлялось вместо слова «Сталин»; ведь такая же подстановка делалась Ягодой в его показаниях об убийстве Кирова.

Существует простой довод в пользу того, что никаких «медицинских убийств» вообще не было. Довод такой: Сталину нужно было еще несколько убийств после Кирова, чтобы обвинить в них оппозицию и

разделаться с нею; и он сумел превратить естественную смерть нескольких человек в убийство. Сам по себе довод безупречен — но он полностью негативный и не дает нам возможности решить, как же обстояло дело в действительности. Логика этого довода не идет дальше следующего предположения: «Если смерть Горького и других была естественной, то Сталин мог использовать ее в своих целях».

Противоположный (и не менее общепринятый) довод столь же силен, как и предыдущий. Утверждается, что Куйбышев и Горький были препятствиями для Сталина, а как Сталин умел избавляться от препятствий — известно достаточно хорошо. Предположить, что Сталин и Ягода могли обратиться к методу «медицинских убийств» — значит, нисколько не выйти за рамки их характеров, достаточно изученных по другим примерам. Лучше, следовательно, обратить внимание на детали самого дела.

Прежде всего, есть показания Ягоды на утреннем судебном заседании 8 марта, где он признает себя виновным в умерщвлении Куйбышева и Горького, но не Пешкова и не Менжинского.

Если же говорить о сыне Горького Пешкове, то весь замысел его убийства выглядит практически бессмысленным. Ягода справедливо заметил: «никакого смысла в его убийстве не вижу». Тот факт, что жена Пешкова была любовницей Ягоды, мало добавляет к этой мотивировке. Он ведь никогда не обещал на ней жениться; он был женатым человеком и в последующие три года не делал никаких попыток убить свою жену или развестись с нею. Кроме того, сам метод убийства Пешкова — даже в том виде, в каком он был изложен на суде, — выглядит, мягко говоря, не очень убедительным.

Американский журналист Уолтер Дюранти, присутствовавший на процессе, поверил почти всему, что там говорилось, и поведал миру о своей «поддержке» процесса, но даже он сильно сомневался в виновности врачей!

Что касается смерти Горького, то, возможно, он и был убит, но только не Плетневым и не Левиным.

Социал-демократка, журналистка Бригитта Герланд, сидевшая в лагере на Воркуте с 1948 по 1953 год, описывает свое знакомство с доктором Плетневым, которому было уже за восемьдесят. По словам Герланд, он продолжал работать лагерным врачом. Журналистка пишет, что двадцатипятилетний срок заключения Плетневу был снижен до десяти лет, но по окончании этих десяти лет он так и не был освобожден.

Герланд пишет, что Плетнев сообщил ей о Горьком следующее. Писатель хорошо оправился после сердечного заболевания, но он терзался морально, желая покинуть СССР и вернуться в Италию. Смерть писателя была обставлена самым грубым образом. Ему дали коробку явно отравленных засахаренных фруктов. Из этой коробки он угостил двух ухаживавших за ним мужчин-санитаров, и оба они быстро умерли. Немедленное вскрытие этих двоих показало, что они погибли от яда. Врачи сохранили это происшествие в полной тайне. (В пользу этого свидетельства есть такое соображение: было явно легче принудить беспартийных врачей — будто бы в интересах покойного или в государственных интересах — подписать фальшивое заключение о смерти, чем заставить их совершить убийство.)

Бригитта Герланд обсуждает в своей статье, почему метод убийства Горького был таким грубым. Она

задает вопрос: неужели в НКВД не нашлось врачей, способных выполнить более тонкое «медицинское» убийство. И объясняет только тем, что методы НКВД были вообще грубыми.

О Плетневе она говорит, что он умер летом 1953 года, перед ее освобождением.

Однако, по крайней мере в отношении смерти Горького, теперь появилось гораздо более убедительное свидетельство. Старый знакомый Горького, американский журналист Дон Левин посетил в 1963 году в Москве 86-летнюю вдову писателя Екатерину Пешкову. Она спокойно сказала американцу, что не сомневается: смерть ее сына Макса была естественной. Гость заметил на это, что, мол, теперь говорят, что и смерть Максима Горького была естественной. Тут старая женщина пришла в волнение и воскликнула: «Это не совсем так, но не просите меня об этом рассказывать! Если я стану говорить об этом, я три ночи не сомкну глаз».

Очевидная убежденность вдовы Горького, что смерть Максима Пешкова была естественной, а смерть Горького — нет, полностью совпадает с первыми показаниями Ягоды на процессе. Обращаясь к ответам Ягоды по обстоятельствам убийства Кирова, мы тоже, по иронии судьбы, приходим к заключению, что бывший глава НКВД, единственный из обвиняемых, дал в основном правдивые показания! А если так, то его свидетельство об убийстве Куйбышева служит хорошим указанием, что из трех других умерших, помимо Горького (Куйбышев, Менжинский, Максим Пешков), один Куйбышев был действительно убит. Но это, конечно, скорее логическая догадка, нежели доказательство: мы пока не можем исключить возможности того, что в этом единственном случае

своевременная смерть человека, которого Сталин хотел убрать с дороги, оказалась все же естественной. Нет больших надежд и на то, что очень многое в этом деле дополнительно выйдет наружу, когда откроются секретные советские архивы. Ибо довольно маловероятно, чтобы планы убийств такого рода излагались на бумаге.

Когда с допросами врачей, их «подстрекателей» и «пособников» было покончено, профессор Бурмин огласил ответы медицинской экспертизы на вопросы, поставленные государственным обвинителем. Эти ответы подтвердили виновность врачей и «установили» ущерб, причиненный здоровью Ежова, основываясь на анализе его мочи. Если не считать короткого закрытого заседания, где Ягода, как было объявлено, «полностью признал организацию им умерщвления товарища М. А. Пешкова», слушание дела было окончено.

МЫ СВОЕ ДЕЛО СДЕЛАЛИ И ТЕПЕРЬ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНЫ

«Многие историки недвусмысленно намекают на причастность моего отца к смерти Серго Орджоникидзе, убийству Сергея Мироновича Кирова, — пишет Серго Берия. — Говорит об этом и Светлана Аллилуева: «И лето 1934 года прошло так же — Киров был с нами в Сочи. А в декабре последовал выстрел Николаева... Не лучше ли и не логичнее ли связать этот выстрел с именем Берии, а не с именем моего отца, как это теперь делают? В причастность отца к

этой гибели я не поверю никогда... Был еще один старый друг нашего дома, которого мы потеряли в 1936 году, — я думаю, не без интриг и подлостей Берии. Я говорю о Георгии Константиновиче, Серго Орджоникидзе». Уверен, что подобных обвинений читатель встречал немало. Но кто знает, как дороги были всю жизнь и моему отцу, и всей нашей семье эти два человека. Серго Орджоникидзе — мой крестный отец... меня ведь и называли в честь Серго. Когда родители приезжали из Тбилиси в Москву, непременно останавливались в его доме, да и Серго часто бывал у нас, когда приезжал по делам или на отдых в Грузию. Такие были отношения.

Наверное, это странно звучит, но мой отец был очень мягким человеком. Странно, потому что за последние сорок лет столько написано о допросах, которые он якобы проводил в подвалах Лубянки, о его нетерпимости к чужому мнению, о грубости. Все это, заявляю откровенно, беспардонная ложь. Это по его настоянию — в архивах есть его записка в Политбюро и ЦК по этому поводу — был наложен запрет на любое насилие над обвиняемыми.

Это он сделал все, чтобы остановить колесо репрессий, очистить органы государственной безопасности от скомпрометировавших себя активным участием в массовых репрессиях работников. Впрочем, это тема отдельного разговора, от которого я ни в коей мере не собираюсь уходить. Пока скажу лишь одно: не был мой отец тем страшным человеком, каким пытались его представить в глазах народа тогдашние вожди. Не был и не мог быть, потому что всегда отвергал любое насилие.

Даже когда говорят, что отец, став наркомом внутренних дел, разогнал «органы», повинные в злодеяни-

ях 30-х годов, это не так. Ушли, вынуждены были уйти и понести ответственность лишь те следователи, сотрудники лагерной охраны, кто нарушал закон. Этого отец не прощал ни тогда, ни позднее. А тысячи и тысячи честных работников продолжали бороться с уголовной преступностью, как и прежде, работали в разведке и контрразведке. Насколько известно, приход нового наркома внутренних дел связан и с самой реорганизацией карательных органов, и с массовым освобождением из тюрем и лагерей сотен тысяч ни в чем не повинных людей».

Что же представляла из себя очередная реорганизация карательных органов?

Об этом рассказал Сергей Федосеев в статье «Фаворит Ежова»:

«В августе 1938 года, в дни работы второй сессии Верховного Совета СССР, Ежов пригласил своих соратников Успенского и Литвина к себе на дачу в Серебряный бор. Во время застолья Ежов выглядел подавленным: с назначением Лаврентия Берии он предчувствовал финал своей карьеры, так успешно начатой чисткой чекистского корпуса (по личному указанию Сталина).

Тогда были арестованы и расстреляны поголовно все, кто имел отношение к проведению московских процессов и знал тайны и механику совершенных фальсификаций.

Сейчас запахло паленым, приспешники Ежова понимали, что зашли слишком далеко, что их беспощадно выметет новая метла. Кое-кто кончал жизнь самоубийством.

За рюмкой водки Ежов мрачно бросил своим ближайшим соратником: «Мы свое дело сделали и теперь больше не нужны. И слишком много знаем. От нас

будут избавляться как от ненужных свидетелей» — и предупредил, чтобы в темпе сворачивали работу по находящимся в производстве политическим следственным делам, да так, чтобы в них нельзя было толком разобраться.

«Если нам не удастся выпутаться, — меланхолично заметил Литвин, — то придется... уходить из жизни. Как только почувствую, что дела плохи, немедленно застрелюсь» (он так и поступил весной 1939 года).

Накануне, 14 ноября 1938 года, в наркомате все шло вроде как обычно: в своем рабочем кабинете нарком принимал людей, вел допрос арестованных, просматривал материалы к очередному заседанию «тройки», читал шифровки и прочую корреспонденцию.

В шесть часов попросил вызвать машину, чтобы поехать домой пообедать и заодно переодеться в штатское. «Вечером предстоит работа в городе», — бросил он на ходу секретарю. Около девяти часов вечера в штатском костюме, с небольшим чемоданчиком в руках Успенский вернулся в здание наркомата, прошел в свой кабинет и корпел там над бумагами до пяти утра. Наконец вышел на улицу, но от машины отказался, сказав секретарю, что решил прогуляться пешком.

На следующий день в обычное для него время нарком на службу не явился, не было его на месте и три часа спустя. Секретари осмелились позвонить ему домой, там ответили, что вечером перед уходом на работу он предупредил, что будет занят до утра, но до сих пор не возвращался.

Куда исчез нарком?

Прождав еще два часа, секретарь и помощник наркома решились открыть кабинет запасным ключом.

чом... На рабочем столе нашли записку: «Ухожу из жизни. Труп ищите на берегу реки». О ЧП тут же доложили Ежову, начали прочесывать берега Днепра и обнаружили в кустах одежду наркома. Утопился! Пошли с баграми по реке, мобилизовали водолазов. Однако...

Комиссар государственной безопасности третьего ранга нарком внутренних дел Украины Александр Успенский был слишком крупной птицей, чтобы сразу, без тщательного дознания, поверить в версию самоубийства.

За короткое время в свои 35 лет Успенский сумел сделать блестящую карьеру в органах ОГПУ—НКВД: был начальником экономического отдела полномочного представительства ОГПУ по Московской области, помощником коменданта Кремля, заместителем начальника управления НКВД по Новосибирской области, начальником Оренбургского управления НКВД.

Фаворит наркома внутренних дел СССР Николая Ежова, он не раз доказывал ему свою преданность, выполняя деликатные поручения большой важности.

В те времена расстреливали пачками, в марте 1937 года перед назначением в Оренбург Ежов приказал Успенскому: «Не считаясь с жертвами, нанести полный оперативный удар по местным кадрам. Да, могут быть и случайности. Но лес рубят — щепки летят. Имей в виду, в практической работе органов НКВД это неизбежно. Главное, что требуется от тебя, — это показать эффективность своей работы, хорошие результаты, блеснуть внушительно цифрой арестов».

Успенский ревностно принялся выполнять указа-

ния своего покровителя: он сфальсифицировал в Оренбурге ряд «громких» дел, в том числе о мифической белогвардейской организации, имевшей якобы войсковую структуру. По этому «делу» было арестовано несколько тысяч человек.

Усердие не осталось без внимания. На всесоюзном совещании руководителей органов НКВД в июне 1937 года Ежов ставит его в пример другим, а спустя пять месяцев направляет ему шифровку следующего содержания: «Если вы думаете сидеть в Оренбурге лет пять, то ошибаетесь. В скором времени, видимо, придется выдвинуть вас на более ответственный пост».

Уже в январе 1938 года Ежов рекомендует Успенского на должность наркома внутренних дел Украины, дав ему в замы другого выдвиженца — Михаила Литвина, имевшего опыт работы на Украине. С ним Ежов работал в Казахстане, а позже выдвинул на должность начальника ключевого секретно-политического отдела.

Дабы поддержать нового наркома, как бы в помощь им, в Киев направляется группа во главе с самим Ежовым для «нанесения удара» по кадрам партийных, советских и хозяйственных органов республики.

Успенский получает санкцию на арест 36 тысяч человек с указанием решить их судьбу во внесудебном порядке — постановлением «тройки при НКВД Украины (в нее входили нарком внутренних дел, прокурор республики и первый секретарь ЦК ВКП(б) Украины — в то время Н. С. Хрущев).

В ноябре 38-го киевские чекисты несколько дней энергично искали труп своего наркома. И безуспешно. Тогда в подозрительных чекистских головах роди-

лась версия: нарком жив, все это хитроумная инсценировка!

Дело взял под личный контроль Сталин. Во всех местных управлениях НКВД спешно создали специальные розыскные группы, а в самом наркомате — центральный штаб для объединения сил в масштабе страны.

Фотографией Успенского и описанием его примет снабдили все органы милиции, включая транспортную, а также службы наружного наблюдения в Центре и на местах.

Основная тяжесть розыскной работы легла на плечи Московского управления НКВД, где я тогда начинал свою службу: в Подмосковье жили родственники Успенского, у которых он мог искать приюта, за ними требовался глаз да глаз. Один из двоюродных братьев Успенского, работавший на железной дороге в Ногинске, обнаружив слежку, и очевидно, ожидая ареста, неожиданно повесился, это насторожило других.

Атмосфера вокруг дела с каждым днем накалялась: непрерывные грозные телефонные звонки сверху, постоянно личное вмешательство нового наркома Берии.

В штаб непрерывно поступали сигналы, что там-то и там-то видели Успенского. Порой дело доходило до курьезов: на Каланчевской площади был задержан и доставлен на Лубянку для опознания один из руководителей штаба — Илья Илюшин, внешне похожий на Успенского.

А что в это время делает Успенский?

Расчет временно отвлечь внимание чекистов на поиски уопленника оправдался. В ночь побега он отправляется на вокзал, где его ожидает жена с необхо-

димыми вещами и билетом на поезд до Воронежа. Выходит в Курске (еще один трюк), снимает поблизости от станции комнату в квартире паровозного машиниста, где отсиживается четверо суток.

Затем, купив теплые вещи, мчится в Архангельск. Пытается устроиться на работу, обращается в «Северолес» и еще в две организации, но кадровиков настораживает его интеллигентный вид (по фиктивным документам он «рабочий»), ему дают от ворот поворот.

В панике он немедленно покидает Архангельск и держит путь в Калугу (в 60 километрах от нее, в Суходоле Алексинского района, проживали его престарелые родители). Там, представившись командиром запаса, готовящемся к поступлению в Военную академию, снимает комнату у ночного сторожа какого-то кооператива.

Но покоя нет.

Через пять дней — в Москву, еще теплится надежда разыскать верных друзей, остановиться у них. Он мечется, в каждом прохожем чудится чекист. Наконец через справочное бюро получает адреса своего старого сослуживца Дмитрия Виноградова и своей бывшей любовницы — врача Матсон, в прошлом жены его хорошего знакомого, полномочного представителя ОГПУ по Уралу, арестованного в 1937 году. Приняв меры предосторожности, направляется на квартиру Матсон и — о счастье! — застаёт ее дома (она жила в Москве на полуполюгальном положении, так как самовольно оставила работу в Кировской области). Рассказывает, что оставил «постылую семью и опасную работу» и решил скрыться, воспользовавшись фиктивными документами, клянётся в своей верности.

Удивительно, но женщина верит ему! Сама перепуганная насмерть, сама под страхом ареста, она предлагает жить вместе, обещает материальную поддержку, вызывается помочь найти работу на периферии, пока же Успенский должен отсиживаться в Калуге.

Он не знал, ищут его или поверили в самоубийство? Что с семьей? Поэтому мчится в Тулу, к свояченице, может, она знает о жене. Хотя... скорее всего, жену либо уже арестовали, либо оставили на свободе в качестве приманки.

Свояченицу не находит, а тут к хозяину его калужской квартиры является неизвестный, отрекомендовавшийся работником райисполкома. Значит, ищут, возможно, засекли его письмо к свояченице — срочно в Москву!

К этому времени Матсон получает в наркомздраве назначение на работу в Муром. Там она работает заведующей родильным отделением городской больницы, выдавая Успенского за мужа-литератора, работающего на дому.

Но квартиры надо менять, соседи наблюдательны, к тому же они (конспирация!) живут без прописки.

Новая квартира, но и там нет покоя.

Ищут ли его или поверили?

Решил проверить, не разыскивают ли его по фиктивному адресу, выписанному на чужую фамилию, отважился явиться в милицию, наклеив на фиктивный паспорт свою фотографию.

В милиции на него никто не обратил внимания — значит, фамилия владельца фиктивного паспорта остается неизвестной. Значит, не ищут?

Или все-таки...

Вдруг в дом, где обосновались Успенский и Мат-

сон, приходит участковый инспектор для проверки документов. Провал! Он несколько дней бродит по городу, не ночует дома и успокаивается, лишь узнав от Матсон, что интереса к нему никто не проявлял.

Но не так-то просто жить нелегально, да еще с обманутой женщиной, кожей чувствовавшей все. Нет денег, скандалы с Матсон, она упрекает в иждивенчестве.

Матсон уже работает в Муромской школе медицинских сестер, имеет доступ к бланкам и штампам этого учреждения, и Успенский просит отпечатать на пишущей машинке справку, удостоверявшую его работу в качестве помощника директора школы по хозяйственной части. Выкрав чистый бланк, она фабрикует свидетельство о пребывании Успенского с 18 января по 19 марта 1939 года на лечении в муромской больнице. Соответствующие подписи, штамп и печать, теперь есть шанс оформить на новом месте жительства трудовую книжку.

И тут удар!

14 марта Матсон уезжает в Москву и вскоре пишет, что не намерена возвращаться в Муром и жить с Успенским. Успенский умоляет ее в письмах изменить решение, сам едет в Москву, но Матсон нервна, она тоже в панике, уговаривать ее далее бесполезно. Успенский идет к своему бывшему сослуживцу Виноградову, рассказывает, что несколько месяцев якобы провел в Бутырской тюрьме и был освобожден в связи с прекращением дела.

Тут полезная информация: Виноградов 110 дней отсидел на Лубянке, его допрашивали, и был вопрос о его связи с Успенским. Случайно Виноградов узнал, что жена Успенского арестована и находится в стенах НКВД СССР.

Конец!

Он бежит с квартиры Виноградова, ищет «хвост» и мчится в Муром. Чтобы несколько изменить внешний вид, покупает у вокзала грубошерстный пиджак и переобувается в сапоги — легкая маскировка.

Итак, ищут, ищут, идут по следу, проверяют связи!

В Казань! Там никто не знает его в лицо из местных чекистов.

Увы, в Казани без командировочного удостоверения не дают места в гостинице и даже в Доме колхозника.

Тогда — в Арзамас. Сдав, как обычно, вещи в камеру хранения на вокзале, Успенский пускается на поиски жилья, снимает комнату.

Но ищут, ищут, вот-вот возьмут за горло!

Свердловск. Но и здесь не нашел работы и сразу же в Челябинск в надежде обосноваться на Миасских золотых приисках.

Шел пятый месяц розыска Успенского. Все попытки обнаружить его местонахождение успеха не имели, вмешательство Сталина в ход розыска становилось все более жестким и категоричным. Но вдруг...

Арестованная жена Успенского вспомнила, что как-то видела паспорт, который хранил Успенский дома, — он был на фамилию Шмаковского Ивана Лаврентьевича. По всему СССР пошло предупреждение, что Успенский, объявленный в розыск как особо опасный преступник, может пользоваться документами на имя Шмаковского.

А дальше события разворачивались так.

14 апреля Успенский прибыл на станцию Миасс Южно-Уральской железной дороги. Начал хлопоты по поводу трудоустройства, но не было военного билета, и он решил оставить Миасс.

А в это время группа розыска Управления НКВД по Свердловской области, получив дополнительную ориентировку об Успенском, проводила на станции Миасс проверку квитанций на вещи, сданные в камеру хранения ручного багажа. В одной из них значилась фамилия Шмаковского И. Л. Проверили содержимое сданного на хранение чемодана: в нем, кроме личных вещей, оказался револьвер с запасом патронов. В камере хранения был выставлен скрытый пост наблюдения для захвата получателя чемодана.

16 апреля Успенский в ожидании прибытия поезда находился в ресторане при вокзале. Прикрываясь газетой, делал вид, что читает, между тем пристально всматривался в лица входящих в ресторан. В какой-то момент в появившемся в дверях человеке сразу опознал чекиста.

Успев выскочить из ресторана на перрон, Успенский бросился бежать по станционным путям, оперработник — за ним! Гнал вперед, обливаясь потом, но от погони не оторвался. Пришлось остановиться и поднять руки.

На допросе Успенский показал, что мысль избежать ареста за содеянное возникла у него под воздействием беседы на даче Ежова. В Киеве выяснил возможность перехода советско-польской границы вместе с женой и сыном. Увы, это оказалось иллюзией.

Тогда, сославшись на указание Центра, дал задание оперативно-техническому отделу изготовить пять комплектов фиктивных документов для легализации на территории СССР. Один из комплектов оставил у себя, остальные уничтожил.

И когда днем 14 ноября 1938 года раздался звонок

Ежова, то его слова: «Тебя вызывают в Москву — плохи твои дела» он воспринял как сигнал, предупреждение о грозившем аресте. Стреляться или бежать? Ежов в беседе намекнул: «А в общем, ты сам смотри, как тебе ехать и куда именно ехать».

Кара постигает всех причастных к преступлениям. И детям приходится расплачиваться за грехи отцов чаще, чем об этом принято думать.

Судьба дочери Ежова сложилась крайне несчастливо.

Своего подлинного происхождения она так никогда и не узнала. Старая няня уверяла, что ее настоящим отцом был цыган, шофер по фамилии Кудрявый, погибший в автокатастрофе. Мать умерла от саркомы. А семимесячную Наташу удочерили бездетные супруги Ежовы.

Но по утверждению Наташиной тетки — она внебрачная дочь Николая Ежова. Иначе чем объяснить, что из множества детей сиротского дома Ежов выбрал ее — самую слабую и болезненную.

Она даже не могла держать голову, вдобавок тело ее было покрыто какими-то струпьями. Она не плакала, а рыдала.

Все это быстро прошло, когда она стала законной дочерью кровавого сталинского наркома. Ее жизнь до шести лет была чудесной сказкой. Дом в Подмоскowie, отдельная детская комната, полная игрушек. Мама, папа, няня, домашний кинозал, машина с веселым шофером Васей. Площадка для городков, для крокета, для тенниса, павлины, купальня, говорящий попугай.

Наташа любила играть в теннис с ежовским поваром. Когда она выигрывала, то получала вкусную конфетку. А когда проигрывала — отдавала повару павлинье перо.

Наташа думала, что так живут все. Ведь она была в гостях на дачах Орджоникидзе, Молотова. У Светланы Молотовой была даже комната для кукол. В ней стояло шесть взрослых кроватей, и в них отдыхали куклы в человеческий рост.

В дом к Ежовым был вхож поэт Маршак. И ему там нравилось. Хотя не у всех литераторов впечатления от знакомства с «кровавым карликом» были столь радостными. Лев Кассиль вспоминал, как его, начинающего писателя, в журнале «Пионер» познакомили с дамой «высшего света», опекавшей молодых литераторов. Та лестно отозвалась о его творчестве и пригласила к себе в гости.

По легкомыслию Кассиль даже не выяснил, кто она. Во время визита в шикарную московскую квартиру внезапно пришел муж светской дамы — Николай Ежов, невысокий человек с тихим, монотонным голосом.

Кассиль мысленно прощался с жизнью. Московская молва утверждала, что нарком стреляет внезапно, не вынимая рук из кармана. А тот нескончаемо долго показывал Кассилю многочисленные макеты яхт и кораблей, то ли сделанные им самим, то ли собранные в уникальную коллекцию. Минуты, пережитые в компании Ежова, стали для Кассиля чуть ли не самыми страшными в жизни.

Вскоре тридцатичетырехлетняя жена Ежова умерла при загадочных обстоятельствах. Случилось это так.

У нее пошаливали нервы и сердце. И время от времени она ложилась в больницу подлечиться. Ее врачом был известный профессор. Очередная госпитализация совпала с отъездом Ежова.

Уже в больнице она получила письмо-анонимку, в

котором ее обвиняли в шпионаже. От шока она потеряла дар речи. Послали за профессором. Пока его ждали, в больницу приехала Зинаида Гавриловна Орджоникидзе. Жена наркома написала ей на бумажке, что если она вдруг умрет, то пусть та попудрит ей нос.

Наконец, приехал профессор, сделал ей укол, и она уснула. На следующий день родным сообщили, что она умерла, так и не приходя в себя. Тело было предано кремации.

Узнав о случившемся, Ежов страшно метался, вероятно догадываясь об истинной причине смерти жены. Он несколько раз повторял одну и ту же фразу: «Не успел! Не успел!»

Последний раз Наташа видела отца, когда он приезжал на день ее рождения. Ей исполнилось шесть лет. Он подарил ей часы марки «Титан» с перламутровым циферблатом. Вскоре его арестовали.

Незнакомая женщина забрала Наташу из кремлевской квартиры и отвезла в какой-то детский сад, где девочка пробыла до позднего вечера. Потом женщина вновь пришла за ней. Они поехали на вокзал и сели на поезд.

В купе тетя Нина не давала ей есть, пока она не запомнит свою новую фамилию. От страха Наташа все твердила, что ее фамилия Ежова, и тетя Нина билась по губам.

В конце концов ее отвезли в детский дом в Пензе, а потом в лесную школу, словно пряча от кого-то. И все же через несколько лет ее найдет старая няня Марфа, нескончаемо долго обивавшая пороги высоких инстанций. Но будет уже поздно. Ее кудрявая любимица Наташа превратится в стриженую злобную девочку, больше похожую на дикую кошку с горящими зелеными глазами.

Эта встреча разбила сердце старушки, приехавшей с намерением забрать Наташу из детского дома и удочерить. Но, проведя с девочкой всего лишь неделю, пришла в ужас.

Наташа обманывала ее, выманивала деньги, мучила, доводила до слез. Слишком много к тому времени накопилось у нее обид на людей.

С самого начала ее сиротской жизни ей доставалось и от взрослых, и от детей. Если в детский дом приходила комиссия из района или приезжало еще какое-нибудь начальство, ее демонстрировали как экспонат. Наряжали, показывали, а когда начальство удалялось, у нее отбирали игрушки и вещи.

Она никак не могла забыть отца. Иногда ей удавалось достать его фотографию, которая была в это время запретной для всех. Она прятала ее, чтобы, оставшись наедине, разговаривать с отцом.

Директриса, застав Наташу за этим занятием, порвала фотографию на части. Она царапалась, кусалась, за что ее прозвали Волчонком.

В четырнадцать лет ее отправили на завод. Она попала в группу часовщиков-сборщиков и безответно влюбилась в молодого мастера.

Как-то раз, не выдержав, она пыталась повеситься. Веревка оборвалась, она упала и сильно разбилась.

Внести некоторые облегчения в ее жизнь удалось Зинаиде Орджоникидзе. С ее помощью Наташа получила комнату и даже смогла поступить в музыкальное училище.

Понимая, что ей никогда не простят отца, Наташа не верила в счастливые для себя перемены. При распределении она попросилась на Север, в самые глухие места. Ее отправили в поселок Ягодное, чуть ли не в зону вечной мерзлоты.

Здесь она пережила лучшие минуты своей жизни. Благодаря любви, которая продолжалась целых две недели, до той самой минуты, пока она не узнала, что любимый ею человек женат. В 1959 году у Наташи родилась дочь Женя. И она вернулась в Пензу, где за ней была забронирована комната.

Она работала, отдавая дочку в круглосуточный садик и забирая лишь на выходные. Дочь так отвыкала от нее за неделю, что называла на «вы».

Однажды она получила газету, в которой рассказывалось о расхитителях золота на Севере. Эти люди ворочали фантастическими деньгами. В разных городах имели по несколько сберегательных книжек на огромные суммы. Среди приговоренных к расстрелу она нашла и фамилию отца своей дочери.

Кстати, нищенствуя, бедствуя, она никогда не говорила отцу Жени о финансовых затруднениях, никогда не брала у него ни копейки.

И она вернулась на Север. Но в Ягодном, где ей, пусть недолго, было так хорошо, остаться не смогла. Уехала на прииск имени Горького.

Дикая тоска, несправедливость жизни угнетали ее с каждым днем все больше и больше. Она начала пить.

Этот период продолжался у нее довольно долго. И лишь невероятным усилием воли она сумела остановиться на краю пропасти.

БЕСЧИНСТВА ПРОКУРОРА

Главным обвинителем на «Больших московских процессах» был Андрей Январевич Вышинский. Эти

процессы принесли Вышинскому всемирную, но страшную славу преступного прокурора.

А. Орлов знал Вышинского как коллегу. В «Тайной истории сталинских преступлений» он писал:

«Читатель будет удивлен, если я скажу, что Вышинский сам ломал себе голову, пытаясь догадаться, какими чрезвычайными средствами НКВД удалось сокрушить, парализовать волю выдающихся ленинцев и заставить их оговаривать себя.

Одно было ясно Вышинскому: подсудимые невиновны. Как опытный прокурор, он видел, что их признания не подтверждены никакими объективными доказательствами вины. Кроме того, руководство НКВД сочло нужным раскрыть Вышинскому некоторые свои карты и указать ему на ряд опасных мест, которые он должен был старательно обходить на судебных заседаниях.

Вот, собственно, и все, что было известно Вышинскому. Главные тайны следствия не были доступны и ему. Никто из руководителей НКВД не имел права сообщать ему об указаниях, получаемых от Сталина, о методах следствия и инквизиторских приемах, испытанных на каждом из арестованных, или о переговорах, которые Сталин вел с главными обвиняемыми. От Вышинского не только не зависела судьба подсудимых, — он не знал даже, какой приговор заранее заготовлен для каждого из них.

Многих за границей сбила с толку статья одной американской журналистки, пользующейся мировой известностью. Эта дама писала о Вышинском как о чудовище, пославшем на смерть Бухарина и многих других. Но они никогда не были друзьями Вышинского. В дни Октября и Гражданской войны они находились по разным сторонам баррикады. До

1920 года Вышинский был меньшевиком. Мне думается, многие из старых большевиков впервые услышали эту фамилию только в начале 30-х годов, когда Вышинский был назначен Генеральным прокурором, а увидели его своими глазами не ранее 1935 года, когда их ввели под конвоем в зал заседаний военного трибунала, чтобы судить за участие в убийстве Кирова.

В 1923 году Вышинский появился в Верховном суде в качестве прокурора юридической коллегии. В нашей бесхитростной атмосфере, среди простых и скромных людей он чувствовал себя не в своей тарелке. Он был щеголеват, умел «подать себя», был мастером любезных расшаркиваний, напоминая манерами царского офицера. На революционера он никак не был похож. Вышинский очень старался завязать дружеские отношения со своим новым окружением, но не преуспел в этом.

Я занимал тогда должность помощника прокурора апелляционной коллегии Верховного суда. Все мы — прокуроры и судьи — раз в день сходились в «совещательную комнату» попить чайку. Часто за чашкой чая завязывались интересные разговоры. Но я заметил одну примечательную вещь: стоило войти сюда Вышинскому, как разговор немедленно затихал и кто-нибудь обязательно произносил стандартную фразу: «Ну, пора и за работу!»

Вышинский заметил это и перестал приходить на наши чаепития.

Хорошо помню, как однажды, когда мы все сидели в этой комнате, дверь приоткрылась и заглянул Вышинский. Все посмотрели в его сторону, но он не вошел и быстро притворил дверь.

— Я его терпеть не могу! — с гримасой неприяз-

ни сказал Галкин, председатель апелляционной комиссии.

— Почему? — спросил я.

— Меншевик, — пояснил сидящий рядом Николай Немцов. — До двадцатого года все раздумывал, признать ему Советскую власть или нет.

— Главная беда не в том, что он меньшевик, — возразил Галкин. — Много меньшевиков сейчас работает с нами, но этот... он просто гнусный карьерист!

Никто из старых большевиков не был груб с Вышинским, никто его открыто не третировал. Если он о чем-то спрашивал, ему вежливо отвечали. Но никто первым не заговаривал с ним. Вышинский был достаточно умен, чтобы понимать, что старые партийцы смотрят на него как на чужака, и начал их избегать. Он привык целыми днями сидеть в одиночестве в своей комнате.

Как-то — дело происходило в 1923 году — я выступал с докладом перед членами Московского городского суда и коллегии защитников. Темой доклада были последние изменения в уголовном кодексе. Присутствовал и Вышинский, и мы вышли из здания Мосгорсуда вместе. Он сказал мне, что до революции намеревался посвятить себя юриспруденции и по окончании курса был оставлен при университете, но вмешалось царское министерство просвещения и лишило его возможности сделать ученую карьеру. Тут Вышинский сменил тему и заговорил о революции 1905 года. Оказывается, его тогда посадили на два года за участие в организации забастовок рабочих. Помню, это произвело на меня впечатление, я даже подумал, что, быть может, Вышинский не такой уж плохой человек. По-

том выяснилось, что эту историю Вышинский рассказывал и другим членам Верховного суда. Он явно стремился завоевать наше расположение и прорвать изоляцию, в которой очутился.

В конце того же 1923 года в стране была объявлена чистка партии. Нашу партийную ячейку «чистил» Хамовнический райком, и мы явились туда в полном составе. Райкомовская комиссия партийного контроля, непосредственно занимавшаяся чисткой, состояла из видных большевиков, а возглавлял ее член Центральной комиссии партконтроля. Каждый из нас написал свою биографию и приложил к ней поручительства двух других членов партии. Сдал автобиографию и Вышинский. В ней он указал, что при царском режиме отсидел один год в тюрьме за участие в забастовке.

Комиссия партконтроля вызывала нас по одному и, задав несколько вопросов, возвращала предварительно отобранный партбилет. Для старых большевиков из Верховного суда с этой процедурой не было связано никаких проблем, да и вопросов им практически не задавали. Для них это была просто мимолетняя встреча со старыми товарищами, заседавшими в комиссии. Некоторые из нас, более молодые, пройдя комиссию, не спешили уйти, а оставались ждать, пока не закончится рассмотрение всех дел. Наступила очередь Вышинского. Для него это было серьезным испытанием: во время предыдущей чистки, в 1921 году, его исключили из партии и восстановили с большим скрипом лишь год спустя.

Прошло полчаса, еще час, еще один, еще полчаса, а Вышинский все не появлялся. Кто-то уже устал ждать и ушел. Наконец, Вышинский выскочил, возбужденный и красный как рак. Выяснилось, что ко-

миссия не вернула ему партбилет. Это означало исключение из партии. Вышинский не рассказал нам, что происходило в течение этих трех часов за закрытой дверью. Он ушел в дальний конец вестибюля и там в волнении ходил взад и вперед.

Когда, направляясь к выходу, мы поравнялись с ним, Вышинский возбужденно воскликнул:

— Это возмутительное издевательство! Я этого так не оставлю. Пойду в ЦК и швырну им в физиономию свой партбилет.

Было не очень ясно, как он собирается швырнуть партбилет, который у него отобрали. Мы посоветовали ему не совершать опрометчивых действий, а обсудить все с Крыленко или Сольцем. Сольц, председатель юридической коллегии Верховного суда, одновременно возглавлял Центральную комиссию партийного контроля и руководил чисткой партии по всей стране.

Уже отойдя несколько кварталов, мы услышали сзади торопливые шаги. Нас снова догонял Вышинский. Переведя дыхание, он горячо попросил нас никому не передавать его слов насчет ЦК. Мы обещали.

На следующий день встревоженная девушка-секретарша вошла в зал заседаний и сказала, что в кабинете Сольца истерически рыдает Вышинский. Перепуганный старик выскочил из кабинета, чтобы принести ему воды.

Мне начало казаться, что наши партийцы несправедливы к Вышинскому; оставалось надеяться, что со временем они изменят отношение к нему.

Однако вскоре произошел небольшой, но характерный эпизод, показавший, что интуиция их не подвела. Зимой 1923 года прокурор республики Николай

Крыленко вызвал нескольких работников, в том числе Вышинского и меня, и сообщил, что Политбюро поручило ему разобраться в материалах секретного расследования деятельности советских полпредств за рубежом. Ввиду огромного объема материалов Крыленко с согласия Политбюро привлекает к данной работе нас. Нам придется вместе с ним изучить их и доложить ЦК свои соображения. Работать будем у него дома, по вечерам, так как он обещал эти документы никуда не передавать.

В тот день мы так и не ушли из роскошного крыленковского особняка, владельцем которого до революции был князь Гагарин. Предстояло изучить тридцать или сорок папок, и Крыленко распределил их между нами. Он пояснил при этом, что нарком государственного контроля Аванесов, проводивший расследование, обнаружил в советских представительствах за рубежом скандальные факты коррупции и растраниживания секретных денежных фондов и что некоторые служащие подозреваются в сотрудничестве с иностранными разведками.

Крыленко попросил нас излагать свои выводы на больших листах бумаги в таком порядке: слева, под фамилией обвиняемого лица, мы должны кратко сформулировать суть обвинения и указать, достаточно ли имеется доказательств, чтобы возбудить судебное преследование. Справа помечалось, куда следует передать дело: в уголовный суд, в ЦКК — либо решить его в дисциплинарном порядке, а также каким должно быть наказание.

Документы оказались куда менее интересными, чем можно было ожидать. Они содержали в основном бездоказательные обвинения, которые возводили друг на друга не ладившие между собой бюрократы,

подогреваемые своими вздорными супругами. Лишь незначительная часть бумаг свидетельствовала о фактах растраты, моральной распущенности и других вещах, способных нанести ущерб престижу Советской страны. Случаев государственной измены мы не обнаружили вовсе.

Все вечера Крыленко работал вместе с нами. Время от времени он подходил к кому-нибудь из нас и смотрел, как подвигается работа. Заглядывая через плечо Вышинского, он заинтересовался делом одного советского дипломата, обвинявшегося в чрезмерно роскошном образе жизни, сближении с женой одного из подчиненных и других грехах. Вышинский предлагал исключить его из партии, предать суду и приговорить к трем годам заключения.

— Как это так — три года? — недовольным тоном спросил Крыленко. — Вы тут написали, что он дискредитировал Советское государство в глазах Запада. За такое дело полагается расстрел.

Вышинский сконфузился и покраснел.

— Вначале я тоже хотел предложить расстрел, — подхалимским тоном забормотал он, — но...

Тут он запнулся, пытаясь подыскать объяснение. Не найдя его и окончательно растерявшись, он проямлил, что признает свою ошибку. Крыленко насмешливо уставился на него — похоже, что замешательство Вышинского доставляло ему удовольствие.

— Да здесь вовсе нет преступления, — неожиданно произнес он и, показывая пальцем на запись Вышинского об исключении этого дипломата из партии и предании его суду, заключил:

— Пишите: закрыть дело!

Я не смотрел на Вышинского, не желая смущать

его еще больше. Но Вышинский вдруг разразился угодливым смехом:

— Как вы меня разыграли, Николай Васильевич! Вы меня сбили с толку... Когда вы предложили дать ему расстрел, я совсем растерялся. Я подумал, как же это я так промахнулся и предложил только три года! А теперь... ха-ха-ха...

Смех Вышинского звучал фальшиво и вызывал чувство гадливости.

Аркадий Ваксберг утверждал, что «такой человек, как Вышинский, появился на политической сцене отнюдь не случайно. Он был необходим своему времени. Сталину, если точнее. На много голов выше, чем другие «соратники» и «ученики», умный и образованный, находчивый и решительный, властный и дальновидный, необычайно чуткий к политической реальности. Лишенный при этом такой обузы, как совесть и сострадание».

Аркадий Ваксберг посвятил личности преступного прокурора документальную повесть «Царица доказательств».

«Ревностных исполнителей, орудовавших за плотно закрытыми дверями, в подвалах, камерах и кабинетах, хватало с избытком. Но мало кто мог столь успешно витийствовать на сцене — пред очами всего человечества, доводя до публики потаенные замыслы «отца народов», беря на себя и хулу, и хвалу, не стыдясь, а гордясь своей палаческой ролью. Во всяком случае, второго Вышинского — пусть даже слабой его копии — мы не имели. И это говорит само за себя.

В Одессе, давшей миру столько блестящих писателей, актеров и музыкантов, в неприметной и пришедшей семье 10 декабря 1883 года родился рыжеголо-

вый мальчик, имени которого суждено будет прогреметь на весь мир. Почти сто лет спустя именно этот день — 10 декабря — Организация Объединенных Наций объявит Международным Днем прав человека: случайное совпадение, в котором, право же, есть историческая закономерность. Есть версия, что Андрей (Анджей, если быть более точным) Вышинский происходит из древнего польского рода и даже — в каком-то боковом ответвлении — приходится будто бы дальним родственником знаменитому польскому кардиналу. Утверждают даже, что по крайней мере до конца тридцатых годов некоторые не очень дальние его родственники занимали весьма высокое положение в политической иерархии Польского государства. Впрочем, фамилия «Вышинский» относится в Польше к числу самых распространенных, и, вполне возможно, речь идет лишь об однофамильцах, а вовсе не родственниках.

Ему еще не было пяти лет, когда семья отправилась из Одессы искать счастья в Баку. Этот город отличался большой терпимостью к языкам и верованиям, к происхождению и биографическим данным. И еще высоким накалом революционной борьбы, политическими страстями, которыми была пронизана общественная и духовная жизнь.

Опытный провизор, Януарий Вышинский сначала поступил на службу в Кавказское товарищество торговли аптекарскими товарами (управляющим бакинским отделением), а потом открыл и свое дело — аптеку (на нынешнем бульваре Губанова), приносящую немалый доход. Все шло хорошо, семья не знала материальных забот, но, видимо, произошли какие-то нелады в супружеских отношениях, потому что мать, пианистка, забрав детей, переехала в Харьков, жила

уроками музыки да еще содержанием домашней столовой, где за умеренную плату питались малоимущие студенты и служилый люд.

Лишь через три или четыре года семья снова собралась в Баку, и Андрей, которому уже исполнилось восемь лет, стал учиться в классической гимназии, давшей ему блестящее образование, тем более что учился он превосходно — без понуждений и понуканий. Многие годы спустя бакинский адвокат Григорий Мелик-Шахназаров вспоминал в письме к «дорогому Андрею» их совместную учебу в третьем, четвертом и пятом классах, где будущий прокурор «особенно отличался своими бицепсами, так что небезопасно было вступать в единоборство с их обладателем».

«Обладатель» бицепсов был еще и большим поклонником муз: в доме Вышинских устраивались литературно-музыкально-вокальные вечеринки с танцами, на которые собирались дети «своего круга».

На гимназическом балу познакомился Андрей Вышинский с юной красавицей Капой Михайловой, за которой увивались десятки поклонников. Но пробиться к сердцу Капы удалось лишь ему — несколько лет спустя он женился на ней и безоблачно прожил с нею всю жизнь. Капитолина Исидоровна Вышинская умерла в глубокой старости, пережив своего мужа на 19 лет.

Революционный дух города оказался сильнее консервативного духа благоденствующей семьи. Когда отец послал своего сына учиться на юридический факультет Киевского университета, за плечами Андрея было уже бунтарское прошлое. Ни одна гимназическая сходка противников самодержавия не проходила без его участия.

Киев тоже был городом с революционными традициями — студент-новичок сразу же включился в работу нелегальных марксистских кружков. Уже через несколько месяцев участников студенческих «беспорядков» изгнали из университета и даже из города. Андрей вернулся под родительский кров, где его ждала отцовская любовь, но отнюдь не отцовское одобрение. Впрочем, идейно расколотых семей было тогда в России великое множество.

Изгнанный студент не сделал для себя желанных властям (и родителям) выводов, а еще активнее включился в запрещенную деятельность, вступив в партию социал-демократов. Но не большевиков — меньшевиков! Его имя стало известно «всему Баку», если учесть, что по ту или по эту стороны революционной баррикады был тогда действительно весь Баку. Крутая волна рабочих и студенческих волнений вознесла его наверх благодаря темпераменту и ораторскому дару. Осенью и зимой 1905 года он принял участие в массовой железнодорожной стачке, к которой присоединились и другие рабочие.

Сорок с лишним лет спустя один из участников этой стачки, рабочий консервного завода из грузинского города Гурджаани Василий Одзелашвили, в письме к Вышинскому красочно описал роль своего адресата в этой акции. Правда, целью письма было желание увеличить пенсию «за боевое революционное прошлое», и автор явно стремился польстить другу юности, но, скорее всего, он не особенно грешил против истины, поскольку те же или очень похожие детали содержатся и в иных письмах от людей, не знавших друг друга.

«...Товарищ Вышинский, помните, Вами была организована боевая дружина, которая состояла из ра-

бочих (Вышинскому был тогда 21 год). Все мы были вооружены... Вы жили тогда угол Армянской и Гимназической, вход со двора, как входим — направо. Я к Вам в дом очень часто ходил за прокламациями... Помните, в 1905 г. была большая забастовка, которой Вы руководили. Тогда боевая дружина сыграла большую роль... Товарищ Вышинский, Вы работали в полотноном магазине Дорожного бухгалтером. Вы там укрывались... Черносотенцы охотились на Вас, Ваш дом обыскали охранники и все перевернули, но ничего не нашли, мы за 3—4 дня до этого забрали от Вас оружие, прокламации, шрифты...

Помните Александровский собор, напротив была хулиганская типография, печатала прокламации. Вы послали нас туда отобрать их, я взвалил мешок на плечи и принес Вам, но Вас дома не было, а была только Ваша супруга, и я ей сказал: «Вот, передайте товарищу Андрюше». (Автор письма явно был рядовым исполнителем. Для доверенных лиц у Вышинского было нелегальное имя Юрий.)

Помните, когда черносотенцы убили Петра Монтана и под Вашим личным руководством были организованы крупные похороны, вся наша боевая дружина была там... Вы шли впереди, шагов на 10 от нас, в студенческой шапке и летнем пальто. Когда дошли до крепости, там что-то рухнуло, народ шарахнулся, мы думали, что на нас напала черносотня. Вы обернулись и сурово сказали нам: «Дружина, не разбегайтесь, будьте готовы». Мы ответили: «Умрем, товарищ Вышинский, вместе»... Вы поднялись на ступеньку вагона и произнесли речь. Долго Вы говорили, там было море народу, а мы, дружинники, все время были около Вас. Последнее Ваше слово помню, как будто это было вчера. Вы сказали:

«Придет время, отомстим врагу за все». И действительно, это сбылось».

По неосведомленности или из желания не напоминать адресату о других сторонах его деятельности, Васо Одзелашвили не написал о том, чем главным образом занималась руководимая Вышинским боевая дружина.

Сначала послушаем самого Вышинского. В начале тридцатых годов им написана автобиография для личного дела в связи с намечавшимися поворотами его бурной служебной карьеры. Этот период своей жизни он описывал так: «Под влиянием ужасов февральской армяно-татарской резни, этой чудовищной полицейской бойни, устроенной бакинской полицией и татарскими беками под прикрытием казаков Лабинской сотни и солдат Сальянского полка, в течение трех дней расстреливавших на бакинских улицах армянское беззащитное население и сжигавших женщин и детей в пылающих домах армянских кварталов, я решил приложить все силы на организацию боевых сил партии. Я занялся в эти дни организацией боевой дружины, в которую вошло несколько сот бакинских рабочих — меньшевиков и большевиков». (В середине тридцатых годов Вышинский отредактировал этот текст. Конец последней фразы звучал так: «главным образом большевиков».)

И опять об основном назначении той боевой дружины Вышинский умолчал. Занималась она преимущественно убийствами тех, на кого пало подозрение в связях с полицией. Он сам организовал и осуществил — наряду, конечно, с другими — убийство провокаторов Александра Григорьева, Мовсумова и Плакиды. За это (или за все «по совокупности») в

1907 г. Вышинский вместе с женой подвергся — есть такая версия, вошедшая даже в старые справочники, — нападению черносотенца из «Союза русского народа». Правда, нет нигде и намека на то, как, когда, с каким результатом нападение это было осуществлено, хотя социал-демократическая печать освещала такие события очень подробно, требовала наказания виновных, добивалась суда. Да и сами жертвы потом, после революции, рассказывали об этом детально.

Вышинский оказался в тюрьме — по делу о железнодорожной забастовке, причем в вину ему был поставлен лишь один, даже не второстепенный, а третьестепенный эпизод: «В декабре 1905 г. в г. Баку в одном из собраний в железнодорожном театре произносил речь, в коей возбуждал железнодорожных служащих примкнуть ко всеобщей политической забастовке...» В феврале 1908 года Особое присутствие Тифлисской судебной палаты только за это и приговорило Вышинского к одному году крепости.

Вышинского отправили отбывать наказание в Баилловскую тюрьму.

Сохранившаяся и до наших дней Баилловская тюрьма была переполнена тогда арестантами. Ее вместимость — по плану и санитарным нормам — составляла 400 человек, набили же туда более полутора тысяч. Режим был достаточно свободным, двери камер не закрывались, арестанты ходили «в гости» из камеры в камеру, многие спали в коридорах.

Камера, куда попал Вышинский, как и все остальные,местила много больше обитателей, чем полагалось. Одно из мест на нарах занимал осужденный, доставленный сюда еще в марте. В поли-

цейских документах он значился как Гайоз Нижа-радзе, арестанты звали его Коба, настоящее же имя его было Иосиф Виссарионович Джугашвили, или, проще говоря, Сталин. Забившись в угол и поджав под себя ноги, повернувшись ко всем спиной, в синей косоворотке без пояса, с перекинутым через плечо башлыком, он часами изучал «язык будущего» — эсперанто. (Ни эсперанто, ни немецкий, которым он увлекался раньше, в Батумской тюрьме, Сталин так и не выучил.)

Отрываясь время от времени от учебника, Сталин вступал в жаркие споры с меньшевиками и эсерами, составлявшими основную часть «политических». Уголовники относились к нему с почтением и в споры никогда не вступали. Вышинский, как и другие меньшевики, был среди основных оппонентов. Трудно сказать, кто оказывался победителем, — ведь ни судей, ни жюри на тех поединках не существовало, — но Коба, вспоминают его сокамерники, участвовал в спорах, доводил своих противников до иступления: на тюремном языке это называлось «загнать в пузырь». Одним из тех, кто всегда его поддерживал — зачастую не словами, а «действием», — был Серго Орджоникидзе.

Страсти подчас накалялись до предела, спорили до хрипоты — ведь спешить было некуда, — но, пожалуй, лишь двух человек никогда не удавалось вывести из равновесия: Кобу и Юрия. Как ни отличались они друг от друга по темпераменту, знаниям и манерам, у обоих были железные нервы. А железные нервы Коба чтит еще и тогда.

«Политические» жили коммуной, деля по-братски продукты, приходившие с воли. Когда было из чего, Коба с удовольствием готовил харчо и острый гру-

зинский соус. Впрочем, мало кому шли продуктовые передачи: в большинстве своем заключенные происходили из беднейших семейств, родственники чаще всего жили далеко от Баку. Среди очень и очень немногих, кого не забывали и кто снабжался «по высшему уровню», был Вышинский. Никаких ограничений не существовало, и любящая молодая жена регулярно приносила вкусную домашнюю еду. Она шла в общий котел, но в знак примирения — и с общего одобрения — Вышинский нередко отдавал свою долю урюмому Кобе. И Коба ел с удовольствием. А поев, вместо спасибо начинал новый спор, браня на чем стоит свет речистого меньшевика.

Так продолжалось четыре месяца. 23 октября 1908 г. Вышинский отбыл определенный ему тюремный срок и в тот же день был освобожден. Через 17 дней Сталин отправился в сибирскую ссылку. Теперь они встретятся почти через десять лет.

Освобожденный из тюрьмы и отдохнувший в семейном кругу от нервных перегрузок (этот отдых даст ему и большую личную радость: в 1909 году на свет появилась дочь Зинаида, любовь к которой он пронесет через всю жизнь), Вышинский вскоре оказался в Киеве: здесь его сразу же зачислили в университет, на юридический, разумеется, факультет; посреди года восстановили в студенческих правах — через семь лет после изгнания по причинам политической неблагонадежности. Эти семь летместили столько фактов бурной биографии бакинского меньшевика, которые вряд ли могли его сделать более благонадежным: организатор политических забастовок, руководитель боевой дружины, террорист, секретарь президиума выборного совета, претендовавшего на реальную власть в городе, наконец, только

что отбывший наказание государственный преступник — полицейская аттестация хоть куда!.. И все-таки университет безропотно принял Вышинского в свое лоно и более уже не ставил ему никаких палок в колеса.

Может быть, и не следует этому удивляться: ведь учился Вышинский прекрасно, сразу же обнаружил и способности, и трудолюбие. Он активно участвовал в работе студенческих кружков, испытывая в равной мере влечение к разным областям науки. Особенное внимание оказывал ему известный специалист по истории русского права профессор Владимирский-Буданов, под руководством которого он подготовил доклад «О происхождении права», открывший зрелому студенту (ему ведь уже почти тридцать) путь в науку: ученый совет единодушно проголосовал за оставление выпускника Вышинского на кафедре уголовного судопроизводства для подготовки к профессорскому званию.

Опять Вышинского приютил Баку. Найти работу по специальности не удавалось, а на нем уже висела семья — вполне житейские заботы не погасили амбиций, но заставили подумать прежде всего о хлебе насущном. Давно известно: у кого есть руки — не пропадет. У кого голова — тем более.

Молодой интеллигент с университетским дипломом производил хорошее впечатление на богатых родителей нерадивых учеников: его охотно приглашали за вполне приличную плату давать частные уроки. Слух о способном учителе дошел до директора частной гимназии Анания Павловича Емельянова — он пригласил Вышинского преподавать русскую литературу, географию и латинский язык: поистине этот одаренный специалист был мастером на все руки.

Однако влекла профессия — все-таки он был юрист не только по диплому, но по призванию. Все попытки заполучить адвокатскую практику в Баку окончились неудачей. Вышинский отправился за счастьем в Москву. Но у каждого практикующего адвоката вполне хватало расторопных помощников. А иного пути пробиться к самостоятельной практике не было: предварительный стаж работы в кабинете какого-либо присяжного поверенного являлся обязательным условием допуска к судебной трибуне.

После долгих мытарств (Вышинский и в Москве перебивался частными уроками) ему улыбнулось счастье: безработного юриста 32 лет от роду заметил один из самых выдающихся адвокатов того времени, Павел Николаевич Малянтович, участник множества политических процессов: защитник Льва Троцкого, защитник по делу о декабрьском вооруженном восстании в Москве (1905 год), по делу восставших моряков крейсера «Азов» и многих других. Это был человек с ярко выраженными либерально-демократическими убеждениями, которого политическое прошлое Вышинского не шокировало, а напротив, привлекало. Он взял его в помощники, и лишь благодаря этому Вышинский смог официально быть зачисленным в состав адвокатского сословия Московской судебной палаты. Его скромная, но дававшая надежды на перспективы юридическая практика длилась около полутора лет.

Судьба П. Н. Малянтовича — готовая документальная драма с поразительными зигзагами, на которые только была способна наша эпоха.

Сам Ленин не придавал распоряжению Малянтовича о своем аресте того значения, которое навязыва-

ли историки и юристы сталинской школы. Он знал его не только как выдающегося политического защитника и общественного деятеля, изгнанного московским генерал-губернатором из университета с воспрещением жительства в Москве и Московской губернии; не только как автора гремевших на всю страну речей против политики царского правительства, в поддержку рабочих и их прав: не только как защитника известного большевика Вацлава Воровского, знаменитого Петра Заломова, ставшего прообразом Павла Власова — героя романа М. Горького «Мать»... Но еще и как юриста, выступавшего по делу о наследстве миллионера Саввы Морозова и отсудившего для партии большевиков 100 тысяч рублей. И как человека, спасавшего известного большевика Виргилия Шанцера (Марата): после его ареста Малянтович взял на воспитание двух детей своего подзащитного.

По личному предложению Ленина Петроградский Совет принял решение о немедленном освобождении Малянтовича из крепости. В дальнейшем, во избежание возможных недоразумений, нарком юстиции Курский и нарком просвещения Луначарский снабдили его соответствующими мандатами, гарантирующими неприкосновенность личности. Три года спустя Ленин распорядился привлечь Малянтовича к работе в Главполитпросвете, а еще год спустя Дзержинский пригласил его возглавить юридическую часть руководимого им Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ). То есть, иначе говоря, приказ об аресте Ленина ни сам Ленин, ни ближайшие сотрудники Ленина никогда не ставили ему в вину.

Но наступили «проклятые тридцатые», и все повернулось. 1 ноября 1937 г. Малянтовича постигла

общая судьба миллионов: его бросили на Лубянку, оттуда в камеру пыток Лефортовской тюрьмы, потом в Бутырку. Было намерение объявить его руководителем «заговора» в московской адвокатуре, членом которой он тогда состоял. Судя по их сановным подписям в материалах следствия, к «делу» Малянтовича приложили руку деятели НКВД высокого уровня: Лев Владзимирский, Соломон Мильштейн, Всеволод Меркулов. Тяжелобольной 68-летний арестант героически выдержал все пытки и ни в чем виновным себя не признал. Его истязали более двух лет — и все напрасно.

Вот выдержка из протокола от 14 января 1939 г.:

«СЛЕДОВАТЕЛЬ МИРОНОВИЧ: Намерены ли вы сегодня дать показания о своей контрреволюционной деятельности?

МАЛЯНТОВИЧ: Я намерен сегодня сказать то же, что скажу завтра и послезавтра, — что никогда контрреволюционной деятельностью не занимался, ни в каких контрреволюционных организациях не состоял и ими не руководил.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Ваши увертки, Малянтович, вам не помогут... Не дожидайтесь, Малянтович, дальнейшего изобличения».

Малянтович верил в то, что его бывший помощник, человек, которого он вытащил из беды, ставший, как некогда и он, во главе прокуратуры страны, не даст свершиться расправе. Писал Вышинскому он сам — из тюрьмы. Писала жена — ослепшая и прикованная к постели Анжелика Павловна Кранихфельд-Малянтович, которой 20 с небольшим лет назад Андрей Януарьевич целовал ручки, благодаря за душистый чай и булочки с кремом, и которая, будучи известным московским дантистом, бесплатно ле-

чила ему зубы. Писала дочь Галли Павловна Малянтович-Шелковникова... Прокурор СССР А. Я. Вышинский повелел не отвечать на эти письма. Почти год Малянтовича ни разу не вызвали на допрос — он ждал очереди предстать перед Военной коллегией Верховного суда СССР. 22 января 1940 г., после 15-минутного рассмотрения дела, Малянтовича расстреляли. Вместе с ним погибли два его сына, брат и семья брата...

В Баку семья Вышинских поддерживала соседскую дружбу с семьей Халатовых. Когда у Баграта и Кати родился первенец — Артемий, — участвовал в дружеской вечеринке по этому поводу и гимназист Андрей.

Халатов-младший подросток, стал студентом Московского коммерческого института. Когда дипломированный сосед — бездомный и неприкаянный — приехал искать фортуны в Москве, юный Артемий охотно делил с неюным Андреем свою койку.

Вышинский в долгу не остался: став большим человеком в районе, он сделал Артемия членом Замоскворецкой думы и, что гораздо важнее, членом ее продовольственной управы. Сразу же после революции в Петрограде, не дожидаясь исхода боев в Москве, Артемий Багратович, которому только что исполнился 21 год, вступил в партию большевиков.

Прошла неделя, другая, и ситуация в корне изменилась. Уже не Вышинский тянул Халатова, а Халатов — Вышинского: долг платежом красен. Меньшевик Вышинский покинул мэрию и стал рядовым продинспектором, а большевик Халатов занял кресло заместителя московского чрезвычайного комиссара по продовольствию и транспорту.

Вскоре в Москве появился третий бакинец — не

по рождению, правда, но по стажу работы. Сталин — некогда тюремный сокамерник, а теперь влиятельный член большевистского руководства, нарком по делам национальностей. Мог ли «товарищ Андрияша» тогда, в Баиловской тюрьме, даже отдаленно предположить, что его неистовый оппонент, без толку зубривший эсперанто и благосклонно принимавший чужие дары, заберется на такие высоты?! Правительство переехало в Москву, двери гостиницы, где расположились наркомы, были всегда открыты: мания всеобщей секретности и всеобщего страха еще не настала...

Именно в их первую московскую встречу Вышинский совершил самый провидческий и самый мудрый за всю свою жизнь поступок, а таковых — будем справедливы — окажется на его веку немало: ни единым словом не напомнил он о благодеяниях, некогда оказанных им узнику Баиловской тюрьмы, и с порога обратился к нему на «вы», хотя невозможно себе представить, чтобы в тюрьме товарищи по несчастью и по борьбе общались так между собою. Камера, споры, дележ продуктов — все было напрочь забыто. У Вышинского хватило ума и такта не предпринять ни малейшей попытки реанимировать прошлое, дабы извлекать выгоду из него.

И как раз потому, что он ее не извлекал, она к нему шла: парадокс лишь для тех, кто не слишком разбирается в людях.

Итак, вчера еще мучительно ищущий, где бы приткнуться, он обрел наконец не просто хлебное место — трамплин для карьеры. Стоит вспомнить, чем стало продовольствие и вообще чем являлась система снабжения уже в конце 1917 года, чтобы понять, какая реальная власть и какие реальные пер-

спективы открылись сразу же перед Вышинским. Какая реальная власть (не над городом или районом — над жизнью и смертью) оказалась в его руках.

Его прямыми начальниками были Артемий Халатов и Алексей Рыков — оба члены коллегии Наркомпрода, ответственные за снабжение продовольствием Москвы. Штаб состоял при Московском Совете, во главе которого находился Лев Каменев. Под началом этой «тройки» Вышинский сделал два главных броска вверх: сначала он стал заведующим реквизиционным (!) отделом Московского железнодорожного узла (этот отдел отнимал у крестьян продукты, которые они везли на продажу в Москву), а потом — начальником управления распределения Наркомпрода. То есть, проще сказать, человеком, занявшим ключевой пост: ведь именно в его монопольном распоряжении находилось распределение продуктов и предметов первой необходимости по всей голодной, раздетой, разутой — по разоренной великой стране.

Дружными усилиями Сталина, Рыкова, Каменева он уверенно поднимался все выше и выше. Добрым гением, который вывел его на широкий простор, был Халатов.

Этот крупный деятель государства не имел какой-либо узкой специальности, а, как верный солдат, шел туда, куда его посылали. Главную известность получил как заведующий объединением государственных издательств, когда сблизился с Горьким и другими виднейшими писателями.

27 июня 1937 г. Халатов был арестован. Двумя неделями позже та же участь постигла его жену. Сразу же прогнали с работы (она заведовала книжным фондом Библиотеки им. Ленина) и выслали из

Москвы его мать, Екатерину Герасимовну. На те письма, в которых она, конечно, ни словом не обмолвилась ни о встречах в Баку, ни о том, чем обязан прокурор страны ее сыну, Вышинский вообще не ответил. И на письма жены Артемия Халатова — Татьяны Павловны Худяковой — тоже. Мать и жена, проведя в лагерях и ссылке 17 лет, дожили до посмертной реабилитации Халатова, которой активно добивались Екатерина Павловна Пешкова, академик Кржижановский и известный режиссер и актер Николай Охлопков.

Вышинский действительно любил свою профессию и только в ней себя чувствовал как рыба в воде. Поэтому просьба, с которой он, попав в номенклатуру (понятия такого еще не было, а сущность уже была), обратился в Московский городской комитет своей родной большевистской партии, казалась искренней: он просил найти ему место по юридической части.

Место нашлось: его послали в адвокатуру (тогда она называлась коллегией защитников), рекомендував (уже появилось вошедшее вскоре в политический обиход такое словечко — лукавый эвфемизм необсуждаемого приказа) на пост председателя. «Рекомендацию», конечно, уважили, избрав товарища Вышинского главой столичной адвокатуры открытым голосованием. Осмелившихся голосовать против, разумеется, не нашлось.

С уничтожением старой судебной системы была разгромлена и адвокатура, и теперь на новых началах (самое главное — по классовому признаку) она рождалась заново: бессмысленный декоративный довесок к зависимому суду, псевдогарантия прав обвиняемых и подсудимых. Создать и возглавить этот

правовой институт так, чтобы, оставаясь ничем, он выглядел всем, — задача труднейшая и в высшей степени ответственная. По плечу только верным и преданным.

Уже через два или три месяца защитник сменил квалификацию: стал обвинителем. Прокурором судебной коллегии только что образованного Верховного суда Российской Федеративной Республики. О прокуроре заговорили. Имя его снискало популярность.

...1 июня 1939 г. очередная сессия Верховного Совета утвердила А. Я. Вышинского заместителем Председателя Совнаркома, освободив от обязанностей Прокурора СССР. Его место в кабинете на Пушкинской улице занял безликий и неведомый никому человек — Михаил Панкратьев. Стране не было сообщено ничего — буквально ничего! — о том, что представляет собой тот, кто пришел на смену юристу с мировым именем и занял в государстве ключевую позицию такой огромной важности. И дело не в том даже, что эта фигура была крошечной пешкой в игре, временщиком, которого скоро па этом посту не будет. Дело в том, что сам этот пост никакой ключевой позицией не являлся. Даже в бытность Вышинского. Не пост давал Вышинскому силу, он сам, личным своим присутствием, возвышал этот пост, создавая иллюзию власти, будто бы в нем заключенной. Он оставался на этом посту до тех пор, пока такая иллюзия была нужна для высокой политики. С его уходом эта должность и во внешнем своем проявлении обрела те черты, которые отличали ее сущность. Форма и содержание слились в том гармоничном единстве, о котором так любили рассуждать сталинские философы.

Переход на другую работу дал возможность Вы-

шинскому уделить больше внимания творчеству. Как-никак он только что (январь 1939 г.) стал академиком — положение обязывало время от времени подтверждать свою принадлежность науке.

Вышинский сознавал, что вышедшие за его подписью брошюры «Подрывная работа разведок капиталистических стран и их троцкистско-бухаринской агентуры» и «Некоторые методы вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков» (почему не шпионов?) вряд ли будут признаны современниками, а тем паче потомками, за исследования ученого. А он, как мы помним, тяготел к научным лаврам — научным, а не каким-то другим. Считал себя ученым, волею обстоятельств призванным на государственный пост, а отнюдь не чиновником, «спущенным» еще и в науку...

За высоким забором роскошной дачи допоздна светилось окно в кабинете на втором этаже. Вся Николина гора знала: Вышинский работает. Создавалась книга «Теория судебных доказательств в советском праве» — главный труд академика, который выйдет не одним изданием, будет удостоен Сталинской премии первой степени и объявлен классикой правоведения. И действительно, это труд обстоятельный. Даже фундаментальный. Он создан человеком, отлично владеющим материалом, оснащенным железной логикой, сильным своей убежденностью. Книга пересыпана латинскими формулами, крылатыми изречениями, обилием цитат, множеством ссылок на десятки, если не на сотни научных трудов — русских, советских, американских, английских, французских, немецких. Старых, новых, новейших... Слог достаточно легкий, не давит тяжеловесным наукообразием, каким отличались и отличаются сочинения иных правоведов. Не-

которые главы и сегодня не устарели — те, где автор далек от политики.

Но не этими главами прославилась книга. Не за них получила награды. А за два основных достоинства, в которых не преуспел ни один коллега Вышинского.

Одно из них особенно трогает: Вышинский страстно и последовательно утверждал в теории именно то, с чем столь же страстно и столь же последовательно боролся на практике. «Подлинно народное правосознание, — сказано в книге, — как и подлинно свободное внутреннее судебное убеждение, возможно лишь в подлинно народной и свободной стране, где самое правосудие осуществляется свободно и независимо, в интересах народа и непосредственно самим народом». Чем же иллюстрировал автор наглядность и точность этих поистине золотых утверждений? Приговорами Военной коллегии под председательством Ульриха.

Или еще один пассаж — он говорит сам за себя. «Оговор, — утверждает Вышинский, — это опаснейшее орудие против правосудия». Лучше не скажешь, если не вспомнить, как и сколько он сам «орудовал» им.

Второе же достоинство похлестче первого. Оно в теоретическом обосновании того беззастенчивого попрания законности, на ниве которого так преуспел Вышинский-практик».

ПРОВАЛ СТАЛИНСКОГО «БЛИЦКРИГА»

Эта война была преступной, как, впрочем, и все войны на земле. Ее развязывание было безумием,

точного количества жертв никто не знает по сей день.

Следует отметить, что во всех кремлевских преступлениях количество жертв — тайна.

В душах и памяти старших поколений, несмотря на усилия отечественной пропаганды, советско-финляндская война оставила не «героический след», а лишь смешанное чувство горечи, больших сомнений, ощущение какой-то вины и неудовлетворенности.

В Краткой советской энциклопедии, выпущенной в 1943 году, говорится:

«...Советские войска потеряли 48.745 человек убитыми и 158.863 человек ранеными».

Однако в ходе научно-практической конференции на тему: «Документы государственного архивного фонда СССР об укреплении обороноспособности страны накануне Великой Отечественной войны советского народа 1941—1945 гг.» названы другие данные. За 105 дней советско-финляндской войны Красная Армия потеряла 289.510 человек, их них 74 тыс. убитыми и 17 тыс. пропавшими без вести. Остальные — раненые и обмороженные.

С просьбой обсудить проблему безопасности Ленинграда, а финская граница проходила от него всего в 35 километрах, советская сторона обратилась в Хельсинки еще в 1937 г.

В 1938 году, после поглощения Австрии Германией, Москва вступила с Хельсинки в секретные переговоры по вопросу безопасности. Советский Союз добивался от Финляндии твердых гарантий, что та будет защищать свой нейтралитет, если Германия решит вторгнуться в Советский Союз с севера, то есть с финской территории. Москва не верила, что Финляндия сможет и даже пожелает защитить свою территорию, если Германия решит напасть на Совет-

ский Союз через нее. Москва добивалась участия Советского Союза в создании оборонительных объектов на Аландских островах и на принадлежащем Финляндии Сурсаари в Финском заливе. Финляндия должна была согласиться принять помощь Советского Союза в отражении нападения Германии. Финляндия отклонила эти предложения, поскольку они расценивались как противоречащие принципам суверенитета и скандинавского нейтралитета. Макс Якобсон прекрасно охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Финляндия испытывала страх перед Советским Союзом, Дания — перед Германией, Швеция никак не могла решить, кого ей следует бояться в достаточной безопасности, чтобы не бояться никого».

После первой встречи правительства обеих стран решили действовать по параллельным направлениям: не отказываясь от политических переговоров, они начали предпринимать опасные меры, причем военного характера. Советский Союз — наступательные, а Финляндия — оборонительные. Строительство оборонных сооружений в Финляндии началось еще в 30-х годах, в чем ей активно помогали западные страны. С участием немецких специалистов была сооружена аэродромная сеть, способная принять в 10 раз больше самолетов, чем их насчитывал воздушный флот страны. Англия, Франция, Германия, Бельгия оказали Финляндии существенную помощь в сооружении на Карельском перешейке линии Маннергейма — системы укреплений общей глубиной почти 90 километров.

В эти годы Маннергейм был командующим вооруженными силами Финляндии.

Карл Маннергейм родился в 1867 году в Финляндии в семье выходцев из Швеции. Он получил образование в кадетском корпусе, Гельсингфорском ли-

щее и в Николаевском кавалерийском училище в Петербурге, знал шведский, финский и русский языки. Впоследствии овладел еще языками: кроме немецкого, английского, французского, мог изъясняться на китайском.

Карл Маннергейм верой и правдой служил русскому царю. Участвовал в войне с Японией, отличился в сражении под Мукденом и был досрочно произведен в полковники.

После войны Маннергейм был направлен Генеральным штабом в военно-научную экспедицию по странам Центральной Азии. Он путешествовал по русскому и китайскому Туркестану, был в Пекине, добрался до Японии.

Маннергейм первым из европейцев встретился с таинственным далай-ламой. Сделал фотоснимки сцен быта и богослужения буддийских монахов. Дневники путешественника были изданы в 1909 году, а в 1940 году на их основе в Финляндии появилась увлекательная книга.

После экспедиции Маннергейм был произведен в генерал-майоры свиты Его Величества.

Затем он командовал дивизией в Польше. Участвовал в первой мировой войне.

После Октябрьского переворота Маннергейм, будучи уже генерал-лейтенантом, ушел в отставку и уехал в Финляндию.

После достижения Финляндией независимости в ней не было первоначально собственной системы управления. Крупные промышленники пригласили на финляндский трон немецкого принца Фридриха Карла Гессенского. Но тот даже не успел добраться до места царствования: отречение кайзера после ноябрьской революции в Германии сорвало эти планы.

Судьбу страны вручили Маннергейму. Ему присвоили звание правителя Финляндии. В этом ранге он разработал основы государственного управления, занимался дипломатической деятельностью: вел успешные переговоры о признании Англией и Францией независимости Финляндии.

Но на президентских выборах летом 1919 года Маннергейм потерпел поражение.

Верный «белой идее», он написал в октябре 1919 года письмо правительству, в котором призвал организовывать военный поход против России. Широкая общественность крайне негативно восприняла этот призыв. Маннергейм надолго отошел от политической жизни.

Генерал много путешествовал. Заседая в правлении банков, создал Союз защиты детей, возглавил финский Красный Крест.

В 1931 году Маннергейма пригласили председательствовать в только что созданном Совете обороны и присвоили ему звание маршала.

Когда вспыхнула «зимняя война», маршал взял на себя командование войсками.

Возвращаясь к отношениям Финляндии и Советского Союза в 1939 году, необходимо отметить, что новую ситуацию создало заключение советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 года. В секретном приложении к этому договору Финляндия была отнесена к сфере советского влияния.

Командующему ЛВО было приказано срочно подготовить план «прикрытия контрудара», тайно форсировать подготовку войск и ускорить военное строительство. Расчет строился на том, что «контрудар» должен быть осуществлен в максимально короткие сроки. (Странно лишь, почему эти действия называ-

лись «контрударом». Ведь никто серьезно не рассчитывал на опасность «удара» с финской стороны).

Справедливости ради следует сказать: стороны не теряли надежды на политическое урегулирование возникшего спора. Свидетельством тому стало решение о возобновлении переговоров представителей обеих стран с 12 октября 1939 года.

Правительство Финляндии получило приглашение послать своего представителя в Москву для обсуждения «конкретных политических вопросов».

Финляндское правительство попросило Юхо Кусти Паасикиви стать этим представителем. Он возглавлял финляндскую делегацию, которая заключила мирный договор в Тарту в 1920 году — правовая основа последующих отношений между Финляндией и Советской Россией. Этот договор был дополнен пактом о ненападении, подписанным в 1932 году, который должен был оставаться в силе до 1945 года.

Врученные Паасикиви инструкции разъясняли, что финляндское правительство не может вести переговоры о каком-либо пакте о взаимной помощи, территориальных уступках или создании баз на финляндской границе. Утверждалось, что это было бы несовместимо с провозглашенной Финляндией политикой нейтралитета. Самое большее, на что Финляндия была теперь готова, это согласиться с русскими просьбами при условии получения соответствующей компенсации. Таким образом, не могло быть и речи о заключении соглашений того сорта, которые были достигнуты с Прибалтийскими республиками. Чтобы подкрепить свою позицию, правительство Финляндии мобилизовало армию и начало эвакуацию крупных городов и пограничных районов.

Переговоры открылись в Москве между Сталиным

и Молотовым с одной стороны, и Паасикиви — с другой. Советский Союз предложил пакт о взаимной помощи либо общего характера, либо относящийся только к зоне Финского залива СССР, далее, потребовал передать ему в аренду полуостров Ханко для создания военной базы, с гарнизоном численностью 5 тысяч человек, уступить все внешние острова, включая самый крупный и самый западный остров — Сурсаари; отодвинуть государственную границу на Карельском перешейке примерно на 40 миль дальше от Ленинграда.

Сталин сказал: «Мы не можем ничего поделать с географией. Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется передвинуть от него подальше границу».

Далее предлагалось ликвидировать все укрепления по обеим сторонам новой границы; передать СССР финскую половину полуострова Рыбачьего на севере страны и заключить соглашение, что ни одна из сторон не будет вступать в какие-либо пакты, направленные против другой стороны. В свою очередь СССР предлагал в качестве компенсации территорию в Советской Карелии в два раза большую, чем та, которую уступала Финляндия, и выражал готовность разрешить Финляндии построить укрепления на Аландских островах, которые в то время были демилитаризованы, но вооружения которых Финляндия добивалась с 1938 года.

Паасикиви имел строгие инструкции придерживаться существовавших договоров и не принимать никаких предложений, которые могли бы поставить под вопрос нейтралитет страны.

Позиция Хельсинки состояла в том, что у Москвы нет законных оснований выдвигать требования, которые сделали бы для Финляндии невозможным при-

держиваться принципов скандинавской политики нейтралитета. Финляндия могла и стала бы защищаться: от неё или от другого государства с её территории не исходило никакой угрозы для Советского Союза. Существовали сильные опасения, что территориальные уступки, особенно предоставление военно-морской базы в западной части Финского залива, будут первым шагом к потере независимости. Занимая эту твердую позицию, правительство могло рассчитывать на поддержку общественного мнения, которое всецело выступало за сохранение территориальной целостности.

Несмотря на уступки с обеих сторон, соглашение так и не было достигнуто, и переговоры были прерваны в середине ноября 1939 года. Камнем преткновения оказалась военно-морская база на Ханко.

Следует подчеркнуть, что в Хельсинки предавались опасному заблуждению юридического порядка, полагая, что Сталин не пойдет на объявление войны, чтобы добиться своего; что Советский Союз, который неоднократно подчеркивал свое стремление к миру, не поставит под угрозу свою международную репутацию, развязав войну против крошечного северо-западного соседа. Угрозы и предостережения Молотова принимались за блеф, испытание нервов, приемы, с помощью которых русские хотели запугать финнов. Ведь не объявлялось никаких ультиматумов. Считали, что либо все останется по-прежнему, либо будут продолжены переговоры.

И только два влиятельных лица — сам Паасикиви и Маннергейм, главнокомандующий вооруженными силами Финляндии на время войны, — выступили в пользу далеко идущих уступок. Эти двое были готовы принять большинство русских требований, касаю-

щихся Карельского перешейка, и предложить некоторые прибрежные острова в качестве баз вместо полуострова Ханко, ибо ни один из них не имел иллюзий относительно намерений СССР и других стран мира. Оба они верили, что, если Финляндия позволит войне разразиться, ей придется сражаться в одиночку и она потерпит быстрое поражение.

Маннергейм писал: «Я говорил, что Финляндии было бы гораздо выгоднее передвинуть, за компенсацию, разумеется, государственную границу от Петербурга на несколько миль западнее...»

После прекращения переговоров наступило временное затишье. Правительство Финляндии было уверено в том, что оно избрало правильный путь. Никаких шагов по возобновлению переговоров не делали. Эвакуированные жители стали возвращаться домой, планировали возобновление занятий в школах.

26 ноября в Майниле на Карельском перешейке произошел странный инцидент — в результате артобстрела погибли несколько советских солдат. Финляндскому правительству была направлена нота, обвинявшая финских артиллеристов в ответственности за это событие и требовавшая отвода от границы финских войск. В ноте говорилось, что СССР не хочет раздувать этот инцидент: это, по-видимому, подразумевало, что даже теперь Финляндия может отказаться от своей позиции.

Этот инцидент был предметом долгих споров среди политиков и исследователей. Сейчас существуют источники, указывающие на то, что артобстрел этот был делом ведомства Берии.

Вот что писал Н. С. Хрущев: «Однажды, когда я приехал в Москву — это, по-моему, уже была поздняя осень 1939 года, Сталин меня пригласил к себе на

квартиру: «Приезжайте ко мне, покушаем. Будут Молотов и Куусинен».

Куусинен тогда работал в Коминтерне.

Я приехал в Кремль, на квартиру к Сталину. Начался разговор, и по ходу его я почувствовал, что это продолжение предыдущего разговора. Собственно, уже реализации принятого решения о том, чтобы предъявить ультиматум Финляндии. Уже договорились с Куусиненом, что он возглавит правительство создающейся Карело-Финской ССР.

Было такое мнение, что Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера, которые она уже отвергла на переговорах, и если она не согласится, то начать военные действия. Такое мнение было у Сталина. Я тоже считал, что это правильно. Достаточно громко сказать, а если не услышат, то выстрелить из пушки, и финны поднимут руки, согласятся с нашими требованиями.

Я опять повторяю, какие конкретные территориальные претензии были выдвинуты, какие политические требования, какие взаимоотношения должны были сложиться, я сейчас не помню, но, видимо, какие-то условия были выдвинуты с тем, чтобы Финляндия стала дружеской страной. Эта цель преследовалась, но в чем это выражалось, как формулировалось, я не знаю. Я эти документы не читал и не видел.

Тогда Сталин говорил: «Ну вот, сегодня будет начато дело».

Мы сидели довольно долго, потому что был уже назначен час. Ожидали. Сталин был уверен, и мы тоже верили, что не будет войны, что финны примут наши предложения и тем самым мы достигнем своей цели без войны. Цель — это обезопасить нас с севера.

Вдруг позвонили, что мы произвели выстрел. Финны ответили артиллерийским огнем. Фактически началась война. Я говорю это потому, что существует другая трактовка: финны первыми выстрелили, и поэтому мы вынуждены были ответить.

Имели ли мы юридическое и моральное право на такие действия? Юридического права, конечно, мы не имели. С моральной точки зрения желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах».

28 ноября Советский Союз заявил о денонсации Договора о ненападении и отзыве своих дипломатических представителей из Финляндии.

Войска Ленинградского военного округа получили приказ путем активных боевых действий отодвинуть границу на Карельском перешейке. Целью последующих военных мер ставился выход на линию Кексгольм—Выборг, что, по замыслам советского командования, должно было решить исход войны. 3 ноября части Красной Армии перешли границу Финляндии.

Численность населения Финляндии в 1939 году не превышала 4 миллионов человек. Финская армия в период между 10 и 23 октября была дислоцирована на территории, предусмотренной планами на случай оборонительных действий. Там войска занимались строительством фортификационных сооружений, по возможности знакомились с местностью будущих боев.

Общая численность армии к тому времени составляла 337 тысяч человек. Она имела на вооружении 500 полевых орудий, 118 самолетов. Отсутствие противотанковых орудий, довольно устаревшая полевая артиллерия, недостаточное количество к ней снарядов, а также плохая авиационная техника снижали

ударную мощь армии. Сталин, однако, сильно недооценивал боевой дух финских солдат.

Маршал А. М. Василевский в беседе с К. Симоновым поделился следующими воспоминаниями: «Военный совет поставил вопрос о том, что, раз так, то нам придется воевать с Финляндией. Шапошников, как начальник Генерального штаба, был вызван для обсуждения плана войны. Оперативный план войны с Финляндией, разумеется, существовал, и Шапошников доложил его. Этот план исходил из реальной оценки финской армии и реальной оценки построенных финнами укрепленных районов. И в соответствии с этим он предполагал сосредоточить больше сил и средств, необходимых для решительного успеха этой операции.

Когда Шапошников назвал все эти запланированные Генеральным штабом силы и средства, которые до начала этой операции надо было сосредоточить, то Сталин поднял его на смех. Было сказано что-то вроде того, что, дескать, вы для того, чтобы управиться с этой самой... Финляндией, требуете огромных сил и средств. В таких масштабах в них нет никакой необходимости.

После этого Сталин обратился к Мерецкову, командовавшему тогда Ленинградским военным округом, и спросил его: «Что, вам в самом деле нужна такая огромная помощь для того, чтобы справиться с Финляндией? В таких размерах вам это нужно?»

Мерецков ответил: товарищ Сталин, надо подсчитать, подумать. А помощь нужна, но, возможно, что и не в таких размерах, какие были названы.

После этого Сталин принял решение: «Поручить всю операцию против Финляндии целиком Ленинградскому фронту. Генеральному штабу этим не заниматься, заниматься другими делами».

Он таким образом заранее отключил Генеральный штаб от руководства предстоящей операцией. Более того, сказал Шапошникову, что ему надо отдохнуть, предложил ему дачу в Сочи и отправил на отдых. Сотрудники Шапошникова были тоже разогнаны кто куда, в разные инспекционные поездки. Меня, например, загнал для чего-то на демаркацию границ с Литвой».

Войну начинали силами Ленинградского военного округа.

Правда, военный округ получил подкрепления, однако они так и не успели дойти до границы Финляндии к началу войны. Тогда в распоряжении командования Ленинградского военного округа было 19 дивизий, то есть около 450 тысяч человек, свыше 2 тысяч танков и около тысячи самолетов.

Ленинградский фронт начал действовать рано утром 30 ноября 1939 года; советские войска перешли в наступление на суше, на море и в воздухе. Основной удар наносился на Карельском перешейке, где действовала 7-я армия под руководством командира 2-го ранга Яковлева. В ее составе было 190 тысяч бойцов, 900 пушек и гранатометов, почти тысяча танков. «Карельский перешеек» находился под командованием генерал-лейтенанта Хюго Эстермана. В его подчинении находилось приблизительно 133 тысячи солдат и офицеров, 330 единиц полевой артиллерии.

Севернее Ладоги действовали 8-я армия и базировавшаяся в Мурманске 14-я армия.

Первый период боев на перешейке развивался согласно финскому плану. Отступление сил прикрытия усилилось до 5 декабря, когда советские войска подошли к «линии Маннергейма».

Финны утверждают, что в этих боях они добились

значительных успехов и нанесли тяжелые потери наступавшим. Но главное — финские войска приобрели боевой опыт, особенно в борьбе с танками, в которой они широко использовали бутылки с горючей жидкостью. Другой характерной чертой этих боев была тактическая неповоротливость Красной Армии. Масштабированные атаки велись в плотных боевых порядках, в результате их легко и с большими потерями для наступавших можно было отразить; танки и артиллерия никак не могли наладить эффективное взаимодействие с пехотой.

Советские войска оказались слабо подготовленными к боевым действиям в условиях бездорожья, что усугублялось к тому же необычно суровой зимой. Танки и тяжелая техника увязали в глубоком снегу, снабжение многих частей и соединений оказалось прерванным; резко нарушилось управление войсками. К тому же начались массовые обморожения и простудные заболевания сравнительно легко экипированных бойцов и командиров Красной Армии.

Одной из серьезнейших причин провала сталинского «блицкрига» являлось состояние командного состава Вооруженных Сил СССР. Именно в «зимней» войне впервые пришлось пожинать горькие плоды беззаконий и репрессий предшествующих месяцев и лет, когда был уничтожен, по существу, весь цвет Красной Армии.

Но других методов, кроме репрессий, советское командование не знало.

Вот что писал, например, в конце декабря 1939 года Сталину и Молотову нарком и «первый маршал» Ворошилов, пытавшийся снять с себя всякую ответственность за провалы и общее состояние боеготовности войск: «Считаю необходимым провести радикаль-

ную чистку корпусов, дивизий и полков. Выдвинуть вместо трусов и бездельников (сволочи тоже есть) честных и расторопных людей...»

В боевых частях и соединениях снова прокатилась волна репрессий. Широко практиковалось проведение ускоренных судов, а затем расстрелов осужденных перед личным составом войск. Вспомнили и о «положительном» опыте времен Гражданской войны: на боевых участках ближайших тылов пяти действующих армий по приказу НКО и НКВД были учреждены контрольно-заградительные отряды НКВД.

К концу декабря советское наступление на Карельском перешейке было приостановлено. Когда началась война, Финляндия обратилась в Лигу Наций с просьбой о поддержке. Лига Наций, в свою очередь, призвала СССР прекратить военные действия, но получила ответ, что Советская страна не ведет никакой войны с Финляндией.

14 декабря Лига Наций приняла решение об исключении СССР из этой организации.

Газета «Правда» отреагировала следующим образом: «Лига Наций, по милости ее нынешних режиссеров, превратилась из кое-какого «инструмента мира», каким она могла быть, в действительный инструмент англо-французского военного блока по поддержке разжигательств войны в Европе.

При такой бесславной эволюции Лиги Наций становится вполне понятным ее решение об «исключении» СССР... Что же, тем хуже для Лиги Наций и ее подорванного авторитета. В конечном счете, СССР может здесь остаться и в выигрыше... СССР теперь не связан с пактом Лиги Наций и будет иметь отныне свободные руки».

О реакции на войну крупнейших держав мира

вспоминает советский посол в Англии И. М. Майский:

«За семь лет моей предшествующей работы в Лондоне в качестве посла СССР я переживал немало антисоветских бурь, но то, что последовало после 30 ноября 1939 года, побило всякие рекорды.

Начало буре положила речь Чемберлена 30 ноября в парламенте, где он резко выступил против СССР в поддержку Финляндии. Не менее резко выступил против СССР и Галифакс в палате лордов. Одновременно Рузвельт провозгласил «моральное эмбарго» в отношении Советской страны, а бывший президент Гувер потребовал даже отзыва американского посла из Москвы. Вслед за тем в США развернулась шумная антисоветская кампания в печати, по радио и с церковных кафедр. Многие страны провели сбор средств в пользу Финляндии или предоставили займы, в частности, США и Швеция. Больше всего оружия поставили Великобритания и Франция, но снаряжение в основном было устаревшим. Наиболее ценным был вклад Швеции: 80 тысяч винтовок, 85 противотанковых орудий, 104 зенитных орудия и 112 полевых орудий. Выражали недовольство действиями СССР и немцы. Эта война нанесла ощутимый удар по жизненно-важным для Германии поставкам леса и никеля из Финляндии. Сильное сочувствие западных стран сделало реальным вмешательство в войну северной Норвегии и Швеции, что повлекло бы за собой ликвидацию ввоза железной руды в Германию из Норвегии. Но даже оказавшись перед такими затруднениями, немцы соблюдали условия пакта.

В связи с затишьем на Карельском перешейке центр военных действий сместился на север, где финны предприняли ряд успешных контратак. Все эти

операции имеют общие черты. Советские войска, привязанные к дорогам, были вынуждены остановиться из-за сопротивления финнов, бездорожья, трудностей снабжения и тяжелых климатических условий. Затем финны, используя отряды лыжников, наносят удары во фланг и тыл русским. Русские колонны подчас оказываются окруженными, но вместо отступления окапываются и занимают круговую оборону — финны называли такие окруженные группировки «моти».

На северном берегу Ладоги 168-я советская дивизия была остановлена. Ее правый фланг прикрывала 128-я дивизия. Две первые попытки финнов 12 и 17 декабря атаковать их провалились. Но русские были то ли слишком измотанными, то ли непредприимчивыми, чтобы развить этот успех и перейти в наступление. 26 декабря финны начали третью попытку. Финские атаки достигли своего апогея 5 января, когда 18-я дивизия была рассечена на части, окружена и перешла к обороне, а 11 января финские лыжники достигли берега Ладоги в тылу 168-й дивизии, которая быстро заняла круговую оборону «моти» у Кителя.

Эта крупная группировка — целая дивизия — снабжалась по воздуху советской авиацией. И уничтожить ее финнам не удавалось, поэтому они старались не допустить к ней пробивавшиеся по льду Ладожского озера на выручку советские части. 6 марта русские все же прорвали финские заслоны и установили связь с окруженными войсками.

18-я дивизия фактически была уничтожена, и финны захватили большую часть ее тяжелого оружия. Две окруженные группы войск этой дивизии, однако, упорно оборонялись и выстояли до конца войны. Хотя 4-й армейский корпус финнов добился ощу-

тимых успехов, эти успехи были неполными. Финны рассчитывали ликвидировать русские части, перебросить корпус на другие фронты, но эти расчеты сорвались из-за неожиданно затянувшегося сопротивления окруженных русских войск.

Трагической оказалась судьба 44-й дивизии: сбив хилую финскую погранзаставу в Раате, она двинулась в направлении городка Суомуссалми, чтобы там соединиться с 163-й дивизией, наступавшей с севера, а потом вместе выйти к побережью Ботнического залива и отрезать Финляндию от Швеции, которая снабжала ее военными материалами.

У наступавших было огромное преимущество. Но на пути от Раате до Суомуссалми было наспех устроено несколько линий обороны. Первая задержала 44-ю дивизию всего на сутки, вторая — уже на неделю. Русские войска продолжали двигаться вперед... Но потом к обороняющимся подошло подкрепление из двух неполных полков. И вот тогда отряды финских лыжников напали на растянувшуюся по дороге дивизию. Они рассекли ее на несколько частей и стали уничтожать...

Финская кинохроника запечатлела страшные кадры: на узкой дороге — столпотворение из горящих танков, машин, брошенных орудий, полевых кухонь, госпитального оборудования и множество трупов красноармейцев. Здесь через несколько часов после разгрома 44-й дивизии побывал финский фронтовой корреспондент, который на следующий день писал в своей газете:

«Целая дивизия заледенела в наших жестоких зимних холодах... Тысячи и тысячи солдат без ореола славы и геройских могил».

Профессор истории Хельсинкского университета

Охто Маннинен рассказывал корреспонденту газеты «Известия» Марату Зубко:

«Зимние леса действовали на советских солдат просто парализующе. Об этом стало известно из дневников погибших. В одном из них командир роты, видимо, доведенный до полного отчаяния, писал: «Наши начальники совсем не знают, как вести бои в лесу». Две недели он с бойцами находился в снегах. «Зачем же нас сюда послали?» — вопрошал он...»

Разумеется, Сталин не мог простить разгрома. Перед строем были расстреляны оставшиеся в живых командир 44-й дивизии генерал Виноградов, командир полка Саров, комиссар полка Подхомутов и командир батальона капитан Чайковский.

В феврале советское командование попыталось, следуя примеру финнов, использовать лыжную бригаду. Но бригада под командованием полковника Долина формировалась в спешном порядке после начала войны, и, как оказалось, недостаточно было только научить солдат ходить на лыжах. Неудачное тактическое использование бригады привело к катастрофе. Финские патрули преследовали ее в глуши лесов, и к 15 февраля бригада распалась на отдельные мелкие группы.

Неудачи декабрьского наступления на Карельском перешейке привели советское командование к выводу, что только подготовленный штурм финских укреплений может иметь успех. Основная передислокация началась 26 декабря. 28 декабря издали новые оперативные приказы. От массированных атак отказались — вместо этого упор был сделан на постепенное, шаг за шагом, продвижение, после того, как артиллерия разрушит железобетонные укрепления. Почти целый месяц шло обучение войск, в ходе кото-

рого отрабатывалась атака на доты, особое внимание уделялось взаимодействию пехоты, танков и артиллерии.

Что произошло дальше — известно. Ленинградский фронт начал войну, не подготовившись к ней, с недостаточными силами и средствами, и топтался на Карельском перешейке целый месяц, понес тяжелые потери и, по существу, преодолел только предполье. Лишь через месяц подошел к самой «линии Маннергейма», но подошел выдохшийся, брать ее было уже нечем.

Вот тут-то Сталин и вызвал из отпуска Шапошников, и на Военном совете обсуждался вопрос о дальнейшем ведении войны. Шапошников доложил, по существу, тот же самый план, который он докладывал месяц назад. Этот план был принят. Встал вопрос о том, кто будет командовать войсками на Карельском перешейке.

Сталин сказал, что Мерецкову мы это не поручим, он с этим не справится. Спросил: «Так кто готов взять на себя командование войсками на Карельском перешейке?»

Наступило молчание, довольно долгое. Наконец поднялся Тимошенко и сказал: «Если вы мне дадите все то, о чем здесь сказано, то я готов взять командование войсками на себя и надеюсь, что не подведу вас». Так был назначен Тимошенко.

На фронте наступила месячная пауза. По существу, военные действия заново начались только в феврале. Этот месяц ушел на детальную разработку плана операции, на подтягивание войск и техники, на обучение войск. Этим занимался там, на Карельском перешейке, Тимошенко и занимался, надо отдать ему должное, очень энергично — тренировал, обучал вой-

ска, готовил их. Были подброшены авиация, танки, тяжелая, сверхмощная артиллерия. В итоге, когда заново начали операцию с этими силами и средствами, которые были для этого необходимы, она увенчалась успехом — линия Маннергейма была довольно быстро прорвана.

Положение финнов резко ухудшалось после того, как советские войска крупными силами стали наступать через Выборгский залив. Финляндское командование, осознавая возможности броска по льду, укрепило оборону побережья, перебросив туда целую дивизию. Этот район был усеян многочисленными островами, а скалистый берег с глубокими заливами был удобен для обороны.

Наступление войск Красной Армии по льду залива было проведено решительно и смело. Лед мог выдержать только легкие танки, но они успешно блокировали удерживаемые финнами острова и поддержали наступление войска при выходе на побережье.

Северо-восточнее Выборга находился ключевой сектор Тали, который обороняла 23-я пехотная дивизия. Финны, открыв шлюзы, приступили к затоплению этого района, но лед быстро замерзал и мог выдержать пехотинцев. К 9 марта русские войска глубоко вклинились в полосу укреплений. Один отборный пехотный отряд форсировал затопленный район — по пояс в ледяной воде, несмотря на сильный мороз, — и вышел в тыл финского батальона, который оставил свои позиции и в панике разбежался. Таким образом, к 13 марта Красная Армия фактически прорвала оборону финнов в секторе Тали.

13 марта Ставка отдала приказ о штурме Выборга, который начался утром.

Сражение было ожесточенным и кровопролитным.

Об этом писал в сборнике «Бои в Финляндии» участник штурма батальонный комиссар П. Белоусов: «Наш славный полк одним из первых вступил в город Выборг, на улицах которого рвались снаряды и мины и с грохотом рушились стены горящих зданий. Вот он, Выборг, — узкие улицы, освещенные пламенем многочисленных пожаров».

Когда в начале марта финляндское правительство стало получать донесения о тяжелейшем положении на фронте, оно, наконец, согласилось на мирные переговоры.

Переговоры начались в Москве 7 марта. Советская делегация выдвинула в дополнение к прежним условиям договора новые требования о передаче части территории в районе Салла-Куусамо и о строительстве железнодорожной ветки от мурманской железной дороги к Ботническому заливу.

Правительство в Хельсинки было возмущено этим, как оно считало, нечестным приемом советской стороны, но 9 марта оно получило доклад о военной обстановке, который предсказывал возможность полного развала финской обороны в ближайшее время.

На основе этого доклада Маннергейм решительно потребовал заключения мира, и правительство уполномочило делегацию — в случае единодушного согласия — подписать договор на русских условиях.

Вечером 12 марта 1940 года был подписан мирный договор. Военные действия должны быть прекращены 13 марта в 12 часов.

Согласно Московскому мирному договору 1940 года, в состав территории СССР включался весь Карельский перешеек, западное и северное побережье Ладожского озера, территория восточнее Меркярви с

Куолоярви, часть полуострова Рыбачьего. Финляндия сдавала в аренду СССР сроком на 30 лет полуостров Ханко и прилегающие к нему острова и морскую территорию «для создания там военно-морской базы», а также соглашалась на строительство на своей территории железной дороги Кандалакша — Кемиярви. Советский Союз снял свое предложение о заключении пакта о взаимной помощи и обязательств вывести свои войска из области Петсамо.

Вновь обращаясь к потерям в этой войне, необходимо отметить, что в Красной Армии они были значительно выше, чем в финской. Мы назвали цифру убитых 74 тысячи, но есть предположение, что их число достигало 131 тысячи. Раненых было 186 129 человек, обмороженных — 13213, контуженых — 240.

Согласно данным Военного архива Финляндии и подсчетам финских коллег, финские войска потеряли: убитыми — 19 567, ранеными — 43 557, пропавшими во время войны без вести — 4101 и попавшими в плен — 825 человек (о количестве обмороженных и контуженых сведений не имеется).

По финским сведениям, они взяли в плен 5469 советских военнослужащих. Судьба их оказалась трагической. После освобождения из тяжелого плена они вместе с частями Красной Армии прошли по улицам Ленинграда, осыпаясь цветами. Затем их отделили от «воинов-победителей», погрузили в отдельный спецэшелон, и все они канули в безвестность...

Советско-финляндская война не преумножила славу русского оружия, вскрыв крупные недостатки в подготовке и боеспособности Красной Армии. После войны от обязанностей наркома обороны был освобожден К. Ворошилов, проявивший свою некомпетентность в руководстве вооруженной борьбой, этот

пост занял С. Тимошенко. Был реорганизован Генштаб, расширилась сеть военных училищ.

Кардинальные меры принимались по укреплению дисциплины: в августе 1940 года в армии и на флоте было введено единоначалие. Совершилась штатная организация стрелковых соединений. Штат дивизии стал менее громоздким, при этом возросли огневые возможности. Вместо танковых и броневых бригад с 1940 года началось формирование танковых и моторизованных дивизий, как правило, входивших в состав вновь создаваемых механизированных корпусов.

Война с Финляндией ухудшила международное положение СССР. Она укрепила убежденность Гитлера в успехе предстоящей агрессии против СССР, в быстрой и легкой победе вермахта над Красной Армией, являвшейся, по его словам, «колоссом на глиняных ногах и к тому же без головы».

Мнение о крайней слабости СССР, особенно в военном отношении, сложилось и в правящих кругах Лондона и Парижа.

Словом, эта локальная война имела далеко идущие последствия.

СМЕРТЬ ОТ СМЕРША

ОГПУ еще в середине 20-х годов ввело в практику похищение и убийство «предателей», нашедших прибежище в зарубежных странах. В 1936 году для этой цели в НКВД было создано «управление специальных заданий», которое сами чекисты окрестили «управлением мокрых дел». На его счету ликвидация

многих троцкистов, и, наконец, самого Л. Д. Троцкого в 1940 году.

В начале войны в 1941 году этот орган был преобразован в 4-е или «партизанское» управление с задачей организации шпионажа, диверсий и партизанских операций в немецком тылу. Позднее появился СМЕРШ — организация, созданная Сталиным по решению Государственного Комитета Обороны в начале 1943 года.

СМЕРШ — сокращение от слов «смерть шпионам», в его функции входили контрразведка, обезвреживание шпионов и контрпропаганда.

Согласно немецким архивным документам, именно СМЕРШ организовал убийство гауляйтера В. Кубе в Минске и губернатора О. Бауэра во Львове.

Руководитель разведки при верховном командовании немецкой армии Р. Гелен должным образом оценил эффективность новой организации. Его донесения 1943 и 1944 годов полны предупреждений о «террористических динамитчиках и убийцах» СМЕРШа.

В июле 1943 года агенты Гелена сумели добыть секретное учебное пособие для сотрудников СМЕРШа, которое было специально для фюрера переведено на немецкий язык. Гитлер с большим интересом изучил этот документ.

После войны СМЕРШ был упразднен. В НКВД было создано специальное бюро номер 1, в функции которого входила организация диверсий и убийств на территории других государств.

В течение 58 лет имя Павла Анатольевича Судоплатова являлось одним из самых больших секретов Советского Союза. Управление специальных операций, которое одно время возглавлял Павел Судоплатов, занималось организацией диверсий, похи-

щений и уничтожения врагов страны за ее пределами.

Павел Судоплатов родился в небогатой семье в Мелитополе и большую часть жизнь трудился в органах государственной безопасности. Сначала специализировался на борьбе с украинскими националистами, в тридцатые годы стал заместителем начальника иностранного отдела НКВД. В 1938 году в роттердамском ресторане подарил своему «наставнику», одному из лидеров ОУН полковнику Коновальцу коробку конфет, которая унесла в небеса и брненное тело полковника, и четверть дома. Под руководством Судоплатова и его друга Эйтингона было успешно осуществлено убийство Льва Троцкого в Мексике. Во время войны генерал возглавлял разведывательно-диверсионное управление НКВД-НКГБ, бесспорен его вклад в партизанское движение, немалую роль он сыграл в создании атомной промышленности в СССР. После смерти Сталина и расстрела Берии Судоплатова арестовали, обвинили в попытках тайно заключить мир с немцами, а также в систематических «эксах» с помощью «Лаборатории-Х», в которой разрабатывались специальные яды. В обвинениях недостатка не было. 15 лет просидел в советской тюрьме, реабилитирован был лишь в 1992 году.

«Мы не верили, — пишет Судоплатов в своей книге, — что в проблеме убийства Троцкого или других наших бывших товарищей, превратившихся в противников, могут существовать какие-либо моральные аспекты. Мы вели борьбу не на жизнь, а на смерть за торжество великого эксперимента, создание новой социальной системы, которая уничтожит алчность капиталистической системы. Мы верили, что каждая западная страна ненавидит нас и желает

нам гибели. Всякий, кто был не с нами, — был против нас...»

Михаил Любимов назвал Судоплатова «русским терминатором». Встреча с лидером украинских националистов полковником Коновальцем была оговорена в ресторане «Атланта», недалеко от главного почтамта и вокзала. Тридцатилетний Паша Судоплатов покинул советское торговое судно «Шилка», на котором находился под прикрытием радиста, и 23 мая 1938 года ступил на ярко блестящие после дождя улицы Роттердама. Было солнечно, и жарко становилось оттого, что в кармане пиджака лежала коробка шоколадных конфет: переверни ее в горизонтальное положение — и начнет работать часовой механизм. Специалист по взрывным устройствам Саша Тимашков, сопровождавший Судоплатова, зарядил бомбу лишь за десять минут до его ухода с судна. Коробка жгла бок, но больше всего волновала мысль: удастся ли выполнить важнейшее поручение партии и лично товарища Сталина.

По профессиональной привычке Павел явился на встречу чуть раньше: часы показывали 11.50.

Кафе хорошо просматривалось, и Павел сразу заметил полковника, безмятежно ожидавшего его за столиком. К счастью, тот был в одиночестве — а как развернулись бы события, если бы, черт возьми, он притащил с собой еще кого-нибудь из сподвижников? А вдруг бомба взорвется сейчас, на самом подходе? Павел отбросил эту дурацкую мысль и решительно вошел в кафе. Разговор старых друзей был короток, договорились встретиться снова в 5 часов в деловой части Роттердама. Павел говорил, а сам думал, что через тридцать минут после того, как он положит коробку на стол, естественно, в горизонтальное положе-

ние, от Коновальца останутся только ключья. А сейчас он улыбался и радовался встрече.

Судоплатов достал конфеты — слабость Коновальца — и положил презент рядом с ним на стол. Полковник был тронут вниманием, они крепко пожали друг другу руки. Выходя из кафе, Павел еле-еле сдержал желание дать деру, подальше от этого адского места. Но он, наоборот, замедлил шаг, чтобы ничем не выдать своего волнения, повернул направо и зашагал, набирая скорость, по торговой улице. Наконец заскочил в магазин, долго выбирал, что купить, — тридцать минут тянулись мучительно медленно, казалось, что они уже прошли, и вся операция позорно сорвалась. Что скажет начальство? Какую мину сделает товарищ Сталин, попыхивая своей легендарной трубкой? Рассеянно купил шляпу и легкий плащ — все скромно и не слишком модно: в ОГПУ весьма недолго любили сотрудников Иностранного отдела, считая их пижонами, гонявшимися за заграничными шмотками. Обыкновенная зависть внутренников, только и способных вербовать дворников. Тридцать минут. В чем же дело? Он вдруг почувствовал, что совершенно спокоен. Что ж, если «экс» провалится, сделаем вторую попытку. Расплатился. Снова толкаться в магазине было глупо. Только раскрыл дверь — и услышал хлопок, напоминавший взрыв шины. В сторону «Атланты» бежал народ — надо было смываться, и как можно дальше, благо вокзал находится рядом. Завтра утром явка в Париже, встреча со связником. Он сел на поезд Роттердам — Париж, но, проехав час, решил выйти: вдруг его запомнили железнодорожники? Случайность — это бич разведки, об этом он хорошо знал. Сошел почти у самой бельгийской границы, заскочил в ресторан. Дико болела голова, и совсем не хотелось

есть. (Впрочем, у каждого террориста после убийства своя реакция, некоторые, наоборот, едят и пьют на полную катушку. Павел Судоплатов не выносил алкоголь).

В Москве Ежов взял Судоплатова на прием к Сталину, где оказался и Петровский. План проникновения был доложен за пять минут. Сталин дал слово Петровскому, который торжественно заявил, что украинское правительство приговорило Коновальца к смертной казни за тяжкие преступления против украинского пролетариата. Сталин прервал его: «Это не просто акт возмездия, хотя Коновалец является агентом германского фашизма. Наша цель — обезглавить украинское фашистское движение накануне войны и заставить этих бандитов убивать друг друга в борьбе за власть» (примечательно, что разговор шел в 1938 году, когда вся страна была залита кровью). Судоплатов с восторгом слушал указания вождя, который вдруг спросил: «Каковы личные пристрастия Коновальца? Их нужно использовать...» Тут Судоплатов и рассказал вождю, что Коновалец любит шоколадные конфеты и не упускает случая, чтобы купить коробку-другую. Сталин предложил обдумать это и спросил на прощание, понимает ли разведчик всю политическую важность возложенной на него миссии. «Да! — ответил Судоплатов. — Ради этого я не пожалею своей жизни». «Желаю успеха», — просто сказал Сталин.

Началась разработка операции, изготовление бомбы в камуфляже. Судоплатов получил фальшивый чешский паспорт и огромную по тем временам сумму — 3000 долларов. Напутствовал его Шпигельглас (его вскоре расстреляли): «Вот тебе «вальтер». Если накроют, ты должен вести себя как мужчина».

Однако очень подробно обсуждались все варианты ухода после «экса». Павлу был вручен железнодорожный билет, годный для проезда в любой город Западной Европы в течение мая — июня (еще одна предосторожность, зачем зря «светиться», покупая каждый раз билеты?), после проведения операции шеф рекомендовал чуть видоизменить внешний вид, купив плащ и шляпу.

На пароходе боевик читал пространные статьи о врагах народа, в том числе и о «главном оружии партии» — кровопускание «отец народов» устроил мощное, и из кадров внешней разведки уцелели лишь единицы. Он верил и не верил в то, что его товарищи по оружию могли быть вражескими шпионами, но он был молод, не очень образован, не слишком искушен в делах политических. И свято верил в коммунистическое будущее, в правоту дела партии и мудрость товарища Сталина. Сейчас, с высот конца двадцатого века, после крушения коммунистических режимов (но не идей, как многие полагают), легко судить и вешать ярлыки. А ведь дело Ленина — Сталина поддерживал не только Коминтерн, к коммунистам с симпатией относились и Герберт Уэллс, и Бернард Шоу, и Андре Мальро, и Андре Жид, и левое крыло социалистов и лейбористов, и многие другие... Никто не сомневался в фатальном кризисе капитализма, над Европой витал призрак фашизма.

Все было просто и ясно пареньку, родившемуся в украинском городке Мелитополь в семье мельника, где было пятеро детей. Отец — украинец, мать — русская. Начальная школа, бедная семья, любимая книга «АВС коммунизма» Николая Бухарина. В 12 лет убежал из дома и присоединился к полку Красной Армии, отступавшему из Мелитополя под

напором белых; бои на Украине; служба в разведотделе дивизии — все-таки умел читать и писать. После установления Советской власти на Украине вернулся домой в родной Мелитополь, где работал в местной ЧК, в 1927 году направлен в харьковское ОГПУ, там и женился на сотруднице органов Эмме Кагановой, с которой прожил всю нелегкую жизнь. Молодой чекист стремился, как и все поколение, к самоусовершенствованию, в свободное от работы с агентурой время посещал лекции в Харьковском университете. В 1933 году переведен в Москву в Иностранный отдел, а вскоре — нелегал с задачей проникновения в украинскую эмиграцию.

Дела шли прекрасно, и в голову не приходило, что впереди война, и тюрьма, и реабилитация лишь в 1992 году, и даже иск украинской прокуратуры в том же году по убийству Коновальца (ныне национального героя Украины), в котором было отказано, ибо полковник не только оставил много кровавых следов на Украине вместе с Петлюрой (его ОГПУ убрало еще в конце двадцатых), но и официально объявил террор против Советской власти. На войне как на войне.

Все было ясно тогда: религия — опиум для народа, Бердяев, Ильин и Федотов — злейшие враги, Ленин в башке и наган в руке.

Убийство Коновальца послужило блестящим трамплином для Павла Анатольевича, и он стал заместителем начальника разведки и шефом по «мокрым делам». Страшное это было время, и завесу над ним он поднимает осторожно...

Сталин поставил перед Судоплатовым новую задачу: ликвидировать Троцкого, жившего в Мексике. После расстрела Ежова и прихода к власти Берии (он и с живым наркомом не церемонился, ласково назы-

вал «дорогой Ежик» и хлопал по плечу) Судоплатов ожидал ареста — а тут удача! Правда, он прямо сказал Сталину, что не сможет сам провести этот «экс», ибо не знает испанского, однако взял на себя всю организацию операции, которую поручил своему заместителю и близкому другу Леониду Эйтингону, недавно вернувшемуся из Испании и державшему на связи надежную испаноговорящую агентуру.

Убийство Коновальца и организация убийства Троцкого, пожалуй, самые яркие страницы в биографии Судоплатова как разведчика-боевика, далее уже он выступает в роли талантливой руководителя специальных операций и свидетеля многих важнейших политических событий. Тут факты калейдоскопически перемешаны с наблюдениями и личными умозаключениями, небезынтересными для всех, кого волнует героическая и кровавая история Советского государства. Приведем их без особых комментариев, помня, что автор во время войны возглавлял управление специальных операций, а в 1944 году к этому добавилась работа по организации вместе с Берией нашей атомной промышленности, и прежде всего обеспечение ученых информацией из-за рубежа: Сталин не готовил убийства Кирова, хотя в полной мере им воспользовался для разгона оппозиции. Киров был верным сталинистом, пользовался успехом у дам, имел роман с Мильдой Драуле, женой Николаева, который и убил его из ревности.

Утверждения многих историков о том, что гестапо подбросило ОГПУ дезинформацию о заговоре Тухачевского через Бенеша и другие каналы, ничем не подтверждены. Тухачевский и некоторые военные пытались сместить Ворошилова и остро критиковали военное руководство, что вызвало гнев Сталина. (Аба-

кумов потом говорил П. А., что эти военные вообще вели себя нагло и нескромно, даже приглашали на домашние вечеринки военные оркестры — сравним с временем нынешним).

Агент КГБ белый генерал Скоблин помог вывезти из Парижа в СССР генерала Миллера (его тут расстреляли), однако он не имел никакого отношения к похищению другого белого генерала, начальника РОВСа Кутепова. Последнего брала группа во главе с другом Судоплатова Яковом Серебрянским, переодетая в форму французских полицейских (Кутепов неожиданно умер в машине).

В развязывании второй мировой войны повинны в равной степени и СССР и Запад, который вел себя непоследовательно, заигрывал с Гитлером и сталкивал его с СССР. Разведывательная информация накануне войны была противоречивой, сообщались совершенно разные даты о нападении Гитлера на СССР. Сталин тем не менее был убежден, что в 1941 году агрессии не будет, он верил Гитлеру. Утверждение Хрущева, что Сталин в первые дни войны был в шоке и не управлял страной, является вымыслом. (Правда, приведенные Судоплатовым архивные документы о встречах Сталина с руководителями страны исчерпываются лишь 21 и 22 июня, какие-либо записи в последующие дни отсутствуют).

Судоплатов подробно рассказывает о работе НКВД по созданию партизанских отрядов, засылке связников, радистов и диверсантов. Он признает, что нападение Гитлера на СССР значительно дезорганизовало работу разведки за рубежом, однако информация поступала, небезызвестная «Красная капелла» не имела во время войны первостепенного значения.

Большую роль во время войны сыграла операция

«Монастырь», проходившая под руководством Судоплатова. Инсценировалось создание антисоветской, прогерманской подпольной организации, искавшей контакта с гитлеровским командованием. Важную роль в ней играл старый агент ОГПУ — НКВД Александр Демьянов, сын царского офицера, завербованный накануне войны немецкой разведкой. На лыжах он перешел линию фронта, прошел обучение в школе абвера, в феврале 1942 года был выброшен на парашюте в район Ярославля и стал немецким резидентом в Москве. Он не только способствовал арестам немецкой агентуры, но и вел дезинформационную работу. Немцы так и не разгадали истинной роли Демьянова, и бывший шеф западногерманской разведки Гелен сравнительно недавно в мемуарах писал о подвигах агента Макса (кличка Демьянова в абвере).

Огромную сенсацию на Западе вызвали утверждения Судоплатова, что ученый-атомщик Роберт Опенгеймер, глава проекта «Манхэттен», работал на советскую разведку и даже имел кличку Стар (о чем и не подозревал). Кроме того, советской разведке помогали известные ученые Ферми и Сциллард, а также Нильс Бор. Они руководствовались ненавистью к фашизму, а также опасались, что при наличии атомной бомбы США могут стать на путь господства, если не будут иметь противовес в лице СССР. Еще Вернадский советовал Сталину найти подходы к Бору (тот посещал наше посольство в Лондоне), а Петр Капица в 1943 году после переезда Бора из Лондона в Копенгаген предлагал Сталину и Берии пригласить его в СССР для работы над нашим атомным проектом и даже лично излагал Бору эту идею в письмах.

Заявление Судоплатова с негодованием опровергли американские ученые, да и наша служба внешней

разведки отмежеввалась от ветерана, бывший резидент в США опроверг наличие подобной агентуры.

В 1948 году Судоплатов выехал в Прагу вместе с отрядом особого назначения. Через бывшего резидента ОГПУ в Праге он должен был предъявить Бенешу расписку на 10 000 фунтов, подписанную его секретарем во время ареста Бенеша в Лондоне, организованного нашей разведкой после мюнхенскогоговора в 1938 году. Бенешу следовало предложить мирно уступить власть коммунистическому правительству Готвальда, в противном случае расписка, а также материалы об участии Бенеша в политическом перевороте в Югославии накануне войны будут опубликованы. Операция прошла успешно, Бенеш сдался без боя.

Судоплатов признается, что на его счету организация четырех убийств на территории СССР (естественно, с санкции Сталина и его соратников, эти убийства ему и инкриминировали в суде): это украинский националист Шумский и униатский священник Ромжа. Убрать этих людей в 1946 году было несложно, ибо оба лечились в больницах, и оставалось лишь подбросить соответствующее «лекарство», изготовленное в спецлаборатории, экспериментирующей с ядами над людьми, приговоренными к смерти. (Судоплатов отвергает утверждение, что он курировал эту лабораторию).

Кроме того, в 1947 году по указанию Судоплатова в Ульяновске был ликвидирован польский инженер Самет, работавший на секретном объекте и вынашивавший план побега за границу. Шеф «лаборатории ядов», медицинское светило Майроновский, просто вколол ему дозу во время медицинского обследования в Ульяновске. Четвертой и последней жертвой про-

извола (Судоплатов постоянно отмечает, что он лишь выполнял указания Сталина и других членов ПБ) был американец Исаак Оггинс, работавший как агент НКВД в Китае и на Дальнем Востоке.

Жена Оггинса, тоже закордонный агент НКВД, после того как мужа посадили в тюрьму в СССР, уехала в США, стала сотрудничать с ФБР и начала кампанию за вызволение мужа. Опасаясь скандала, решили и это дело по-келейному: сделали Оггинсу укольчик по примеру других. Вряд ли Судоплатов раскрывает всю картину послевоенного террора и внутри страны, и за границей.

Он чувствовал себя на вершине славы — один из мощных мужей тайной полиции.

Однако рано или поздно за все приходится платить: уже в 1951 году с началом «дела врачей» были арестованы многие руководители органов (евреи по национальности), обвиненные в «сионизме». Смерть Сталина повлекла новую вспышку борьбы за власть, затем — расстрел Берии и аресты его приближенных, в том числе и Судоплатова. Произошло это 12 августа 1953 года (ему было 46 лет), дальше начнется черная, а возможно, и самая светлая, искупительная часть жизни Павла Анатольевича, его хождение по мукам. Допросы на всех уровнях, следователи и прокуроры, чутким носом улавливавшие политическую конъюнктуру обвинения в попытках вместе с Берией заключить сепаратный мир с Гитлером и участи в «заговоре Берии» против партии и так далее, и тому подобное.

Бутырка, Лефортово, Владимирская тюрьма. По иронии судьбы, в последней подобралась приятная компания: бывший министр иностранных дел Латвии Мунтерс, вывезенный оттуда в 1940 году (вначале Су-

доплатов устроил его преподавателем в Воронежский университет, но недолго ему пришлось здравствовать на ниве просвещения), бывший заместитель председателя Думы В. Шульгин, захваченный в 1945 году в Белграде, сын Сталина Василий, устраивавший скандалы и требовавший его выпустить, а также шеф «лаборатории по ядам» Майроновский, милый человек.

Вскоре круг пополнился старым другом и соратником Эйтингоном, многими другими чекистами. Так прошли в тюрьме 15 лет — «расплата за ошибки, она ведь тоже труд».

21 августа 1968 года (роковая дата) Судоплатов обрел свободу и занялся литературной деятельностью под псевдонимом Андреев. Опубликовав три книги, получил право на пенсию как литератор (130 рублей в месяц) и был доволен гонорарами, более того, все больше увлекался писательством, пытаясь утвердить себя. Сначала по совету друзей и не требовал реабилитации, однако к концу 70-х уже начал обращаться во все инстанции. Но колеса нашей бюрократической телеги всегда двигались еле-еле, а мысли чиновников не поспевали за свежими поветриями, отнюдь не случайно, что реабилитация пришла лишь в 1992 году.

К чекистам и вообще к тайной полиции в любом обществе особое отношение: их не любят и всегда меряют специальной меркой, и обычно судят по гамбургскому счету. Политикам удобно отыгрываться на тайной полиции, замазав грехи собственные. Так после Сталина спокойно жили не тужили партийцы-сталинисты из его антуража вроде Суслова, да и члены хрущевского, а потом брежневского Политбюро, определявшие и санкционировавшие все репрес-

сии органов, никогда плохо себя не чувствовали и не чувствуют. Наверное, хорошо, что возмездие не настигает всех.

Что же, Судоплатов, наверное, искупил свою вину в тюрьме, подвел итоги своей жизни в мемуарах. Жаль, что в них не видно его души. Она заслонена пестрым и зачастую неточным хаосом событий, известных из западных книг о КГБ.

Необычное это было поколение: они легко шли на смерть, но боялись сказать лишнее слово, они умели неукоснительно подчиняться и выполнять приказы, но страх, взлелеянный в период сталинщины, совершенно лишил большинство их мыслить свободно (впрочем, не только их беда), они отталкивали своим фанатизмом или догматизмом, но подкупали бескорыстием — большинство жили скудно, тех, кто стремился к комфорту, зачастую карали как «морально разложившихся». Помнится, все ахали от ужаса, когда прошел слух, что у Абакумова после ареста нашли целых шесть костюмов.

Судоплатов и его соратники — это строители великой державы, крепости на костях, они — хранители ее мощи, палачи и мученики в одном лице...

Был ли Судоплатов шизофреником? На эту тему в газете «Совершенно секретно» рассуждал А. Прокопенко.

Судоплатов умер в 1996 году в возрасте 89 лет, его книга мемуаров имела шумный успех на Западе и у нас в стране. Немногим его коллегам удалось приоткрыть завесу над своей совершенно секретной жизнью.

Исторические факты свидетельствуют о том, что преступники, стремившиеся избежать тюремного заключения или каторжных работ, во время следствия

или суда пытались выдавать себя за психически ненормальных. Но удача сопутствовала не всем.

В справке главного врача психоневрологической городской больницы № 5 (Москва) Ю. Розинского, направленной в КПК при ЦК КПСС 25 января 1956 года, приводятся примеры не только вопиющей профессиональной безграмотности экспертов Института имени Сербского при определении психического состояния подсудимых, но и умышленного увода от суда некоторых заключенных. Зафиксирован, пожалуй, только один уникальный случай, когда осужденный по ст. 58 УК РСФСР был признан невменяемым не по классическим чекистским канонам и направлен на принудительное лечение в тюремную психиатрическую больницу МВД СССР.

О причинах и деталях ареста знаменитого русского «Скорцени» П. А. Судоплатова, ходе следствия общественности ничего не известно.

1953 год завершился личной трагедией верхушки органов государственной безопасности, виновной в бесчисленных кровавых репрессиях против миллионов советских и иностранных граждан. Были расстреляны Берия, Абакумов, Гоглидзе и многие другие. Под горячую руку мог попасть и Павел Судоплатов. Полагаю, что в некоторых кругах государственной власти созрел план увода легендарного чекиста от возможной «вышки». Едва ли специалисты Института имени Сербского были посвящены в это дело.

Во время следствия «в связи с неправильностями поведения» Павел Анатольевич незамедлительно был подвергнут освидетельствованию комиссией психиатров. Случилось это 3 декабря 1954 года в Бутырской тюрьме.

Вот заключение комиссии санчасти тюрьмы: «Су-

доплатов П. А. обнаруживает признаки легкого реактивного состояния с чертами установочного поведения, в отношении инкриминируемых ему деяний — вменяем. Комиссией рекомендовано было лишь изменение режима. Допущен был к следствию, однако с июля 1954 г. стал обнаруживать своеобразное поведение с отказом от пищи, в силу чего был переведен из тюрьмы в психиатрическое отделение Бутырской тюрьмы».

Почти через полгода заключенного доставили в стационар ленинградской тюремной психиатрической больницы, где он наблюдался и «лечился» с 7 мая 1955-го по 17 января 1957 года, согласно предписанию начальника тюремного отдела МВД СССР полковника Буланова, по указанию Генерального прокурора страны Руденко.

После многолетней активной терапии Судоплатова представляют психиатрам на предмет вынесения «приговора» о состоянии его здоровья. В комиссии были все «свои»: главврач ЛТПБ майор медицинской службы П. В. Блинов, заведующий отделением принудительного лечения ЛТПБ МВД СССР майор м/с А. П. Дементьев, заведующая судебно-психиатрическим экспертным отделением ЛТПБ МВД СССР майор м/с Р. М. Кельчевская и заведующий кафедрой психиатрии ГИДУВ профессор И. Ф. Случевский.

Из акта от 17 января 1957 года: «Психическое состояние з/к сл. СУДОПЛАТОВА П. А. выразилось долгое время однотипно, клинически скудной симптоматикой, глубокого торможения (ступор). Внешне находился в согбенной позе, с низко опущенной головой, закрытыми глазами, складкой сосредоточения на лбу. На вопросы словесно не отвечал, на обращения давал однотипную реакцию — вздрагивал, глубоко вздыхал, иногда со слезами на глазах.

На фоне ступора, однако, пассивного подчинения не отмечалось, также не было и восковой гибкости, т. е. застывания приданной позиции рук или общей позы. Наоборот, сопротивлялся изменению позы, противодействовал обследованию, кормлению, проявляя таким образом негативизм. На фоне такой симптоматики были замечены активные проявления, примерно: настороженно поглядывая в очко наблюдения, делал гимнастические движения, к чему прибегал, видимо, с потребностью отдыха, от вынужденной однообразной позы.

Все время был опрятен, пользовался самостоятельно судном без напоминания, однако после провоцирующего замечания врача на обходе об удивительной опрятности, несвойственной глубоко психически расстроенным, допустил мочеудержание в постель.

Проведено лечение: сонная терапия с целью углубления его защитно-охранительной реакции, что осталось без эффекта; после этого применено растормаживание разнообразными средствами наряду с психотерапией, но оно не дало результатов.

В течение марта и июня 1956 г. применена электрошоковая терапия в сочетании с психотерапией. После третьего сеанса з/к сл. Судоплатов сразу, без промежуточных стадий и состояний, перешел на поведение нормального типа, вступил в речевой контакт, обнаружив сохранность интеллекта, цельность личности, способность суждений, с использованием представлений житейского опыта, общественно-политической ориентации, особенно конспирации службы.

Держался вообще корректно, с навыками изысканной культуры. Самоанализом, под ведущими вопросами врача, никакого бреда не вскрыл ни до ареста, ни в период следствия.

Эмоционально явно был депрессивен с чертами раздражительной слабости — легко приходил и волнение и сильно плакал.

По существу инкриминируемых деяний соблюдал должную конспирацию, но в обобщенных выводах отводил себе пассивную роль исполнителя, беспощадно порицал себя в своеобразном понимании служебной дисциплины и абсолютной подчиняемости.

Из бесед с врачом. Оставаясь в палате, был задумчив и стремился в индифферентных разговорах с дежурным медицинским персоналом отвлекаться от депрессирующих переживаний, концентрируя внимание на любви к семье.

В отношении своей ситуации был активен, с врачом выяснял свои перспективы; исходя из болезненно перенесенного состояния и после трехдневного нормального поведения вновь впал в состояние оцепенения (ступора), с отказом от пищи. Так же держится в согбенной позе, с опущенной головой, полуоткрытым ртом, без мимических движений, с застывшей мимикой скорби. На обращения не реагирует внешне, требований не выполняет, во время психотерапевтических приемов плачет слезами, вздыхает, стискивает голову руками. Однако при таком торможении соблюдает элементарную чистоплотность — полощет рот, пользуется сам судном, промывает после себя унитаз.

Кормится через зонд, дополнительно к чему из рук персонала кормится фруктами, овощами, молочными изделиями (сырками и др.).

Из анамнеза. В период речевого контакта дал краткие сведения — развивался по нормальному типу, в характере рано определившиеся черты активности, настойчивости, самоуверенности, целенаправленности и трудолюбия.

В 1921 г. при падении с лошади подвергся тяжелому ушибу головы, после чего будто бы были судорожные припадки в течение одного года, которые больше не повторялись.

Комиссия психиатров на основании вышеизложенного пришла к заключению: з/к сл. Судоплатов Павел Анатольевич продолжает находиться в состоянии реактивного психоза, с элементами депрессии. В связи с тем, что заболевание приняло упорно затяжное течение, целесообразно перевести его на принудительное лечение с изоляцией и содержанием на общем лечебном режиме, с терапевтическими целями».

Сугубо медицинский документ наводит на невольные размышления.

Нам уже известно, что политическим противникам советского строя диагнозы ставили, исходя из необходимости изоляции их от общества. Отправной точкой самых невероятных диагнозов и заключений становились какие-то общие психопатические проявления личности испытуемых.

Практически все акты психиатрической экспертизы «политических», данные Институтом имени Сербского, вызывают недоверие по двум причинам: элементарная беспринципность, «верность долгу» или личная трусость психиатров-экспертов, состоявших на службе КГБ СССР, и изолированность от чужого глаза действия экспертизы, когда можно было в заключении записать любые категории расстройства души.

Характерна в этом отношении «психиатрическая» одиссея П. А. Судоплатова. Преследовалась цель не расправиться с идейным противником, а, напротив, спасти любезного властям человека, которому в силу

причудливости исторического хода событий в СССР (смерть Сталина, расстрел Берии, желание руководящей верхушки страны отмежеваться от кровавого прошлого) угрожала смертная казнь.

И посему он был умышленно арестован по ст. 58 (вот обидно-то настоящим антисоветчикам!) и разыгрывал роль душевнобольного до той поры, пока не улеглись страсти, связанные с разоблачениями Берии и его присных.

Можно только гадать, сам Судоплатов «вышивал» канву своего сумасшествия или верные ходы ему подсказывали профессионалы-психиатры в синих погонах, но это оградило Павла Анатольевича от возможного желания кого-либо из могущественных в политических ли, в шкурных ли интересах публично наказать его как преступника.

И даже в 1957 году на всякий случай (береженого Бог бережет) ему назначают принудительное лечение с изоляцией (в котором он, как следует из акта, уже не нуждался), что обеспечило Судоплатову относительно спокойное существование.

И все для Судоплатова закончилось благополучно. Он, «возвратясь в полное душевное здравие», был осужден, отбыл положенный срок в ГУЛАГе, а затем отправился, как принято у нас говорить, на заслуженный покой.

В 1954 году провалилась попытка убийства одного из лидеров НТС Г. Околовича — его предполагаемый убийца Н. Хохлов перебежал на Запад.

Хохлов работал на эстраде мастером художественного свиста, когда в 1941 году был завербован НКВД. К 1954 году он дослужился до звания капитана и в том же году получил приказ ликвидировать Околовича. В помощь ему были приданы два агента-

немца. Убийство человека для Хохлова не было чем-то необычным: во время войны он убивал и приказывал убивать. На этот раз приказ вызвал у него внутренний протест. В своей книге «Именем совести», изданной в США в 1959 году, он утверждает, что не мог совершить предумышленное убийство в мирное время. В этом его поддержала его жена Яна, женщина очень религиозная. Кроме того, он был удручен перспективами дальнейшей работы в органах безопасности после дела Берии. Готовясь выполнить поручение начальства, Хохлов изучал досье на НТС и пришел к выводу, что эта организация может помочь ему в решении стоящей перед ним дилеммы: он придет к Околовичу, признается во всем, и тот поможет ему организовать переход на Запад и вызволить из Союза жену и дочь.

Вечером 18 февраля 1954 года Хохлов постучал в дверь квартиры Околовича во Франкфурте-на-Майне. Когда тот открыл дверь, последовало представление и признание Хохлова в своей миссии, а также его просьба о помощи. Лидер НТС предложил ему на выбор американцев, англичан или французов. Агент КГБ предпочел первых.

Сотрудники ЦРУ отнеслись к Хохлову с недоверием, сочтя его за провокатора и подвергнув пристрастному допросу. Один из них высказал мнение, что тот, возможно, просто «чокнутый». Хохлов был подвержен аресту, обыску, затем брошен в тюрьму. Чтобы заставить своих новых хозяев верить, пришлось ему выдать обоим своих помощников-немцев и сообщить о тайнике, где хранилось оружие убийства — пистолет, замаскированный под зажигалку. В конце концов, месяц спустя ему поверили. Руководство в Вашингтоне решило преподнести дело Хохлова как

победу Запада над Востоком в «холодной войне» и настояло, чтобы тот провел пресс-конференцию о своем перебеге. Взамен ему обещали выволить жену и дочь из России. Пресс-конференцию он провел, она наделала много шума. Но американцы не выполнили обещания о вызове семьи. Однако жребий уже был брошен, у него не было иного выхода. Хохлов стал активным сотрудником НТС.

Советские власти были вынуждены реагировать на это весьма неприятное дело, они утверждали, что заявление Хохлова — это злостные выдумки ЦРУ. Был пущен также слух, что Хохлов — родственник Околовича и что оба они — фашистские военные преступники. Но были приняты и некоторые внутренние меры.

Еще в сентябре 1954 года «спецбюро» было преобразовано в «девятый отдел», а с преобразованием МГБ в КГБ в 1954 году — в отдел 13 первого главного управления.

Тем не менее, акты политического террора продолжались. В ноябре 1954 года агент КГБ М. Исмаилов связал проволокой заведующего азербайджанской редакцией радио «Освобождение» Абдула Фаталибея и избил его до смерти. В декабре 1954 года некий Вильдпретт сознался, что получил приказ убить лидера НТС В. Поремского.

Вскоре пришла очередь самого Хохлова, который, очевидно, был приговорен в Москве к высшей мере наказания.

15 сентября 1957 г., участвуя в работе одного совещания во Франкфурте, он почувствовал себя плохо и упал в обморок. Придя в себя, он жаловался на сильную тошноту, и врачи сочли, что у него резкий гастрит. Но лечение не помогло. На пятый день в

больнице, где он лежал, в его палату зашла медсестра и застыла в ужасе. «Что такое?» — спросил он и сам посмотрел на себя в зеркало. Коричневые пятна и синие вздутия обезобразили его лицо и тело, из глаз сочилась липкие выделения, через поры кожи просачивалась кровь, сама кожа была сухой, как при холере. При простом прикосновении руки с головы выпадали клочья волос. Опытный медик-профессор решил что он отравлен таллием — редким ядовитым металлом, и назначил соответствующее лечение, но все было бесполезно. Анализы показали, что белые кровяные тельца в его крови быстро гибнут, кости разрушаются, кровь превращается в плазму, железы, вырабатывающие слюну, атрофируются.

Ночью 22 сентября врачи сообщили Околовичу, что больной при смерти. Лидер НТС, считая себя обязанным Хохлову жизнью, обратился за помощью к американцам, и умирающий был перевезен в американский военный госпиталь во Франкфурте. Американские врачи начали заочную дуэль с отравителями. Круглые сутки они делали больному уколы кортизона, витаминов и экспериментальных медикаментов, оживляя его внутренним питанием и переливанием крови. Рядом стоял анестезиолог, готовя для его рта растворы, так как в нем самом не было слюны. Приходили специалисты для консультаций, прибывали новые лекарства. Сражение со смертью продолжалось целую неделю. Затем по причинам, которые врачи так и не поняли, их интенсивное лечение и воля Хохлова к жизни начали постепенно приносить положительные результаты. Три недели спустя состояние больного заметно улучшилось, хотя он совершенно облысел и был обезобразен шрамами.

Лишь через несколько лет один известный американский токсиколог, изучив историю болезни, нашел ответ. Оказалось, что Хохлов был отравлен таллием, подвергшимся сильной дозе атомной радиации, в результате которой металл распадается на крошечные частицы. Попадая в организм с пищей, радиоактивные частицы полностью распадаются и поражают всю систему жизнеобеспечения смертоносной радиацией.

В то время, как отравленный Хохлов боролся за жизнь в американском госпитале во Франкфурте, его коллега по КГБ Богдан Сташинский 12 октября 1957 года ликвидировал в Мюнхене одного из руководителей украинских националистов Льва Ребета.

15 октября 1959 года подошла очередь Степана Бандеры. Если верить тому, что пишут на Западе, после перебега Б. Сташинского и суда над ним в ФРГ в 1962 году советское руководство резко ограничило практику политических убийств и дало указание допускать такие убийства в мирное время «лишь в особых обстоятельствах». По некоторым свидетельствам, акты политического террора и после этого проводились, но не советскими гражданами, а наемными убийцами из иностранных граждан. Вопрос о недопустимости таких актов в наш цивилизованный век, без суда и следствия, тем более на территории иностранных государств, — такой вопрос в то время, очевидно, и не ставился.

В возрасте 87 лет Павел Судоплатов издал толстую книгу мемуаров о своей тайной деятельности с именами и кличками агентов и сотрудников, описаниями операций и закрытых совещаний. Книга прогремела сенсацией на весь мир.

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОСОБОГО РИСКА

Это испытание было нужно не только для создателя атомной бомбы, но и дипломатии как фактор устрашения явных и потенциальных врагов СССР ТАСС о событии сообщило нарочито скупое, справедливо полагая, чем меньше информации, тем больше страха. «В соответствии с планом научно-исследовательских работ в последующие дни в Советском Союзе проведено испытание одного из видов атомного оружия. Целью испытания было изучение атомного взрыва...»

У причастных к испытанию взяли подписку о неразглашении тайны. Люди опасались четверть века рассказать об увиденном и пережитом 14 сентября 1954 года даже женам и детям. Но сегодня, четыре десятилетия спустя, это стало возможным.

Встретиться с двумя участниками тех событий посоветовал заместитель начальника отдела УКГБ по Гомельской области Михаил Воронович: «Им будет что рассказать!» Иван Рыбак, 1932 года рождения, житель горпоселка Копаткевичи Петриковского района.

«Это я с виду ничего, а внутри трухлявый. Особенно ноги подводят. Все мы, ветераны тех учений, пали на ноги — кто раньше, кто позже. В тридцать лет стали гипертониками, сердечниками. Так что какой уж с меня землероб.

... Посмотрите, каким я был в сорок третьем. Немецкая фотография. Нас с матерью только что привезли в концлагерь. Это в Германии. В городке Лерта. Донорами крови были. Видите, на воротнике номер 71/6? То есть 71-е место, 6-й барак. Нас с

матерью по разным баракам развели. Весной сорок пятого подростков стали водить на уборку в гестапо лагерь. Война шла к концу, и мы решили бежать. Выкрали наши личные дела, выдрали фотографии. Думали, если у немцев не будет наших фотографий, то они нас не найдут... Побег не удался, а вскорости нас освободили англичане. Впрочем, это другая тема. Остались живы — и слава богу.

В пятьдесят первом меня призвали в армию. Служил в артиллерии в Прикарпатском военном округе под Львовом. Закончил полковую школу, был помощником командира взвода. Потом направили на курсы командиров отделения химической защиты. О радиационном поражении живой силы на курсах и речи не было.

20 июня 1954 года ночью сыграли боевую тревогу. В те годы этим злоупотребляли, и мы к тревогам привыкли. Вот и на этот раз спокойно подцепили к тягачам свои гаубицы — и маршем на железнодорожную станцию. Закрепили технику на платформах, ждем отбоя. Но вместо него подают паровоз. Поехали. Куда — не говорят.

Вот и Москва. Мы — к замполиту, а он знает столько же, как и мы. Ладно, едем дальше. Вторые, третьи, четвертые сутки. На пятые пересекли Волгу, подъезжаем к батушке Уралу. Чуем сердцем, что-то затевается. В наш состав «впрягся» второй паровоз, перевалили и через перевал. Прибыли на станцию Тоцкое. А там народу военного, техники всех родов войск — взглядом не окинешь.

Жара в те дни стояла, скажу я вам, невыносимая! А тут команда — 50-километровый марш-бросок в глубь степи. Приехали, разбили палатки, обустроились. Только тогда собрал всех начальник штаба и

произнес по-солдатски краткую, жесткую речь. Вы сюда приехали не к теще, а на первое испытание атомной бомбы с участием войск. Это большая честь для каждого солдата Советской Армии.

В письмах, предупредил начальник штаба, — ни слова о том, где вы, чем занимаетесь. Ваша переписка будет контролироваться. Все дали подписку о неразглашении военной тайны в течение 25 лет.

Моя Галина Степановна до сих пор на меня обижается. Если бы знала, говорит, что ты был под тем проклятым атомным грибом, ни за что не пошла бы за тебя. «А если бы дети калеками родились?» Слава богу, все обошлось. Дети здоровы, уже и внуков дождалась.

Июль, август и часть сентября занимались усиленной подготовкой к предстоящим учениям, командовать которыми было поручено Георгию Константиновичу Жукову. Нас, химзащитников, начали натаскивать по части умения пользоваться рентгенометром, дозиметрами и гамма-бета-радиометром, которые до тех пор были засекречены.

О радиационной опасности особенно не распространялись. Но, если имеется противогаз, бояться нечего. Правда, предупреждали не смотреть на вспышку взрыва. А уж если кому невтерпеж — вот вам защитные пленки к окулярам противогаза. От ударной же волны надо прятаться. Для проверки и настройки приборов выдали эталонные ампулы с мощным радиоактивным излучением. Этакие безобидные на вид металлические карандаши. Почти три месяца они нас постоянно облучали. Но никто нам не говорил, что это опасно для здоровья.

— Ученые были?

— Надо полагать. Сужу по тому, что работать с

приборами нас обучали гражданские специалисты весьма высокой квалификации. Дело другое, что они были неразговорчивы. Значит, поступило соответствующее указание на этот счет.

Эпицентр обозначили белым треугольником, чтобы хорошо просматривался с высоты. В него навезли целые колонны различной военной техники и «живой силы противника» в виде коров, овец, собак, птицы. Целый Ноев ковчег! Животных помельче позапихивали в кабины внутрь танков, самоходок. Живность покрупнее привязали к колесам. Все это оградил желтыми флажками, как территорию, на которую выпадает больше всего радионуклидов и в которую без специального разрешения нельзя заходить.

Вокруг эпицентра сплошным кольцом располагались все роды войск со своей техникой, вооружением. Диаметр этого живого кольца я не знаю. Полагаю, он был не больше 20 километров. Знаю только, что наше отделение располагалось в пяти километрах от флажков. Мы сидели в блиндажах с двойным бревенчатым перекрытием и слоем земли сверху, соединенных между собой траншеями. Технику укрыли в окопах.

Внешне оцепление разбивалось на две полудуги — «обороняющие войска» и «наступающие».

Я был в «наступающих». Перед нами ставилась такая задача: после взрыва броском достичь флажков, по пути замеряя радиацию и осветительными ракетами предупреждая об опасности. Затем войти в соприкосновение с «обороняющимися».

14 сентября. Утро, солнце и безветренность обещали знойный день. Настроение тревожное, подавленное. Большинству из нас по 20, не женаты. Ходили слухи, что после облучения может возникнуть

мужское заболевание... А тут еще наигранное безразличие командования к безопасности людей. Мол, учение как учение, не лучше и не хуже других.

Нас заранее предупредили: бомбу взорвут между 9 и 10 часами. У кого имелись часы, смотрели на циферблат. В 9.20 Жуков отдал приказ.

Что собой представляет звук взрыва атомной бомбы? Похож на мощный, противный, сухой треск грозового разряда, от которого вдруг качнулась земля. Вспышки света не видел. Через короткий промежуток времени послышался нарастающий сплошной гул. И вдруг физически ощущаешь, слышишь, как чудовищной силы воздушная волна сдувает все с блиндажа, выворачивает бревна перекрытия, давит до треска на двери, и на голову сыплется земля. Тут же команда майора, начальника химзащиты отделения: «По машинам! Вперед!» (В некоторых средствах массовой информации называется другое время выхода из укрытия — через 40 минут). Выскакиваем в противогазах, одних гимнастерках и кирзовых сапогах из блиндажей и видим пугающее своими размерами, разрастающееся грибовидное облако. Пыль превращает день в сумерки. Вскакиваем в оснащенный приборами бронетранспортер — и вперед! А в это время все огневые средства, доставленные на учения, в том числе и самолеты, ударили по эпицентру. Пыль стоит — света божьего не видно, гудит земля от разрывов, а клубящийся гриб все выше, кучерявее. Как в дурном сне.

Многие воинские подразделения в пыльной буре сбились со своего сектора продвижения к эпицентру. Мы залетели за желтые флажки. Приборы зашкаливали. Я дал предупредительную ракету и остановил «наступающих». Плутали в пыли минут 15. Выбрались. Опять дал ракету: «За нами!»

Обошли флажки, благополучно достигли позиций «обороняющихся». Замерили друг на друге радиационный фон — примерно — 48 бэр. (Допустимая накопленная доза для работников группы А, обслуживающих атомные реакторы, имеющих дело с радиоактивными материалами, — 5 бэр в год.)

— Таким образом, побывать в эпицентре вам не пришлось?

— Нет, побывал. На следующий день нас туда повезли на экскурсию — показать «работу» атомного взрыва, бомбометания и наземного оружия. Так что я своими кирзовыми сапогами топтал опаленную атомным взрывом степь Тоцкого полигона. Передать словами увиденное невозможно. Например, башни тяжелых танков КВ посрывало и поразбрасывало по сторонам, как фанерные макеты.

Стволы орудий поскрючивало в фиги. Запомнился корпус самолета, аккуратно перерезанный ударной волной, а в кабине еще живой баран с запекшейся кровью у носа, рта, ушей. Животные, которые были снаружи, почти все погибли от температуры взрыва, ударной волны и радиационных ожогов. На них обгорела шерсть, вздулась кожа. Техника была разбросана, искорежена, перевернута. Березовая роща превратилась в скопление черных свеч. Трава выгорела, поэтому малейшее дуновение ветра — и в небо взлетала туча пепла.

Солдат, техники на учение нагнали столько, что наш отъезд задержался на месяц. И все это время ветер поднимал пепел полигона и разносил по всему Оренбуржью.

— Вам выдали какой-нибудь документ, подтверждающий участие в Тоцких учениях?

— Нет. Только десятилетия спустя, уже после

чернобыльской катастрофы, я начал писать в военные архивы.

Откликнулись и прислали выписку из приказа от 20 октября 1954 года, изданного в Тоцке. «Личному составу нашей бригады выпала великая честь участвовать в учениях с применением атомного оружия. Отмечаю наиболее отличившихся в ходе учений: командира отделения химзащиты сержанта И. П. Рыбака...» Вот и все.

— Этот документ дает вам право на какие-то льготы?

— Обещают приравнять к ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС, но с выдачей удостоверения что-то не спешат.

Закончив отвечать на вопросы, Иван Рыбак начал размышлять вслух:

— В 11 лет фашисты угнали меня в Германию, превратив в донора крови. Пусть символически, с большим опозданием, но немцы передо мной повинились, выплатив 760 дойчмарок. Кроме того, имея статус малолетнего узника немецких концлагерей, я получаю 50 процентов надбавки к минимальной пенсии. А Родина-мать, сделав меня в 1954 году подопытным кроликом, подкосив мои ноги, заткнув мне на 25 лет рот, да так, что я и врачам не мог ни в чем признаться, — эта Родина-мать не то что помочь, но и повиниться передо мной не хочет.

— Так вы бы, участники Тоцких учений, создали общественную организацию, которая защищала бы ваши интересы!

— Маленько опоздали с советом, — иронизировал Иван Петрович, протянув еще один документ.

«Временное удостоверение, выданное Рыбаку Ивану Петровичу Всесоюзным комитетом ветеранов

подразделений особого риска, объединяющих в своих рядах бывших военных и служащих Советской Армии и ВМС, войск МВД и КГБ СССР, принимавших участие в войсковых учениях с применением атомного оружия в целях испытания этого оружия. Деятельность комитета направлена на решение медицинской, социальной и материальной реабилитации этой категории людей. Просим оказать содействие и помощь. Без оригинала подписи и печати недействительна». Подпись, дата — октябрь 1991 г.

Уповая на просьбу этого комитета, поехал Рыбак в Гомель в областной спецдиспансер радиационной медицины. Пожаловался на старый недуг ног. Уехал ни с чем. «Ваше заболевание не связано с радиационным облучением...» «Не связано» — и все тут. Не веришь — попробуй проверь...

Обидно ветеранам подразделения особого риска. Обидно и нам за них.

Рассказывает Дмитрий Борисович Соловьев, 1933 года рождения, житель г. Петрикова:

— В 1954-м я был авиамехаником в Закавказском военном округе. Наш авиационный полк располагался недалеко от Тбилиси, точнее — в г. Марнеули. В июне начальство получило приказ поднять на крыло 30 МиГ-15 и отправить их на всесоюзные учения. Куда — пообещали сообщить потом. Начали тщательно готовиться к отлету. Обслуга вылетела недели на две раньше. В воздухе нам сообщили: летим в Оренбургскую область на Тоцкий полигон.

Две дозаправки в пути, и мы садимся на аэродром в десяти километрах от Тоцка. Он был сооружен на скорую руку — вымощен большими металлическими плитами. Здесь сообщили новость, которая всех проняла, что называется, до костей: мы будем участво-

вать в учениях с применением атомного оружия. Эпицентр взрыва километрах в 35 от аэродрома.

Разбили палатки, начали готовиться к приему наших самолетов. Когда они прибыли, пошли ежедневные учения по отработке полетов к эпицентру взрыва, обозначенного белым треугольником, имитацией бомбометания и обстрела ракетами цели с фиксацией ФКП — фотокинопулеметом. Было и такое задание: пролететь через облако атомного взрыва.

Хотя мы были на удалении от «передовой», тревога нас не покидала. Все помнили о Хиросиме и Нагасаки, были наслышаны о мощи и коварстве атомного оружия.

Официально не сообщалось, но наши летчики знали, и, разумеется, поделились секретом со своими механиками: бомбу понесет один из средних бомбардировщиков ИЛ-28 в сопровождении двух истребителей. Эти самолеты располагались на нашем же аэродроме, но отдельно, взлетали с грунтовой дорожки. Они так же, как и мы, ежедневно отрабатывали свое задание.

О дате и времени взрыва атомной бомбы — между девятью и десятью часами — мы знали. Всем выдали светозащитные пленки к противогазам.

Утро 14 сентября. Накануне была жара до 40 градусов. Начавшийся исторический день прохлады тоже не предвещал. Было много работы. Все МиГи под завязку были заправлены горючим, загружены боеприпасами. На душе тревожно. В 9.20 поступает команда о начале учения. Вырулил и поднялся в небо со своей полосы с чудовищным грузом ИЛ-28, за ним — сопровождающие истребители. Летный состав всех подразделений начеку у самолетов.

В 9.34. — ослепительная вспышка. Мне показа-

лось, что я почувствовал на щеке тепло. Тяжелым, сотрясающим душу громом ухнул взрыв, и через какое-то время до нас докатилась тугая волна воздуха. Не опрокидывающая (все же далековато от эпицентра), но ударная, дышащая раскаленным воздухом, пыльная. Я глянул в сторону взрыва и увидел атомный гриб, мощно разрастающийся в объеме, медленно поднимающийся в небо. (Потом от летчиков мы узнали, что бомба сбрасывалась с большой высоты и взорвалась в трехстах метрах от земли, с отклонением от цели 200 метров). Тут же последовала команда нашего командира полка: «Запустить двигатели!» Самолеты один за другим пошли в небо.

Сразу после атомного взрыва послышался сплошной гул. Это молотила по эпицентру из всех видов оружия наземная техника. Потом аэродромный рокот заглушил другие звуки. Летчики рассказывали, что, заходя на бомбометание, иногда сквозь пыль удавалось увидеть технику и сооружения, разбросанные, разбитые взрывом, наземными огневыми средствами. Поднятая пыль мешала точному бомбометанию, хотя и производилась оно с небольшой высоты.

Погода моментально испортилась. Откуда-то появились тучи, подул сильный ветер, поднялась пыльная буря. Она была настолько сильной, что один из наших МиГов, не видя полосы, вынужден был сесть, не выпуская шасси.

Кроме противогазов, никаких средств защиты не было. Между тем радиоактивного пепла и песка было столько, что их приходилось стряхивать с одежды и палаток. Кто из нас тогда знал, как они опасны?! Стоит ли удивляться, что у всех участников учений впоследствии появились характерные заболевания.

Но, дав подписку о неразглашении военной тайны, мы не имели права раскрыть ее даже врачам.

— До или после взрыва вас медики проверяли?

— Ни нас, ни пехоту, насколько я знаю, не проверяли. А вот животных, помещенных в эпицентр, говорят, проверяли и до и после. И хотя многие из нас дожили до седых волос, имеем семьи, детей (дай боже, чтобы тоцкая атомная бомба не сказалась на наших внуках и правнуках), все мы, ветераны тех испытаний, приобрели с молодых лет характерные болезни, которые никому не видны лишь потому, что медицинская статистика ими не занимается, не анализирует. И раньше, и сейчас государству выгодно, чтобы о Тоцких учениях забыли напрочь. Раньше — по причине секретности, теперь — чтобы не разориться на льготах.

Сентябрь 1954-го. Трагедия и уроки. Уроки мужества, гражданской позиции и уроки равнодушия, фарисейства. Тот сентябрьский день породил святое и грешное. Затянувшийся грех — преемственный и вызывает к государственному покаянию. И дай бог, чтобы этот зов не стал гласом вопиющего в пустыне.

Кто первым из живых существ поднялся в космос на искусственном спутнике Земли? Для полета в космос могли выбрать любое животное. Советские ученые выбрали собаку. Они могли выбрать собаку самой редкой породы. Но выбрали дворняжку. И выбор этот был не случайным. В его основе — серьезный научный расчет.

Двадцатого августа 1960 года первые «космонавты» вернулись на Землю: то были дворняжки Белка и Стрелка, каждая весом пять с половиной килограммов. Они совершили полет на космическом корабле, сделав 18 витков вокруг земного шара. Обе дворняжки — од-

на в зеленом, другая в красном спецкостюме — весело встретили участников группы поиска. А вскоре «космонавтка»-2 по кличке Белка принесла потомство — трех здоровых веселых щенят...

В феврале—марте 1966 года находились на космической орбите на спутнике «Космос-110» дворняжки Уголек и Ветерок. Они провели много часов в радиационном поясе Земли и, следовательно, получили сильную дозу облучения. А весной 1974 года ласковый и терпеливый Ветерок стал отцом четверых щенят.

Один из них оказался похож на папу как две капли воды. Но эксперименты проводились не только на собаках, но и на людях. Чрезвычайный интерес медиков к воздухоплаванию сопровождался огромной заинтересованностью в их исследованиях военных: первое военное применение авиации помечено 1911—1912 годами, то есть кануном войны — тогда надо отметить и стремление военных оттеснить врача от пилота или нанять врача на военную службу (что иногда есть одно и то же).

В 20-е годы в Военно-медицинской академии проводились опыты на животных, близкие целям будущей космонавтики. Существовал научно-исследовательский санитарный институт (НИСИ РККА), где работала комиссия по допуску пилотов к полетам (руководитель ее был застрелен летчиком, забракованным комиссией, этот факт, на мой взгляд, подтверждает силу идеологии, не признающей за медициной права на безапелляционные суждения, опровергнуть медика считалось доблестью волевого человека). С 1937 по 1941 год существовал институт авиационной медицины имени Павлова, неоправданно закрытый на время войны и заново учрежденный в 1947-м.

Первая наша центрифуга была трофеем германского производства. Война заканчивалась, когда стало известно местонахождение немецкого ракетного полигона. В Пенемюнд понеслись Королев и другие, так было вывезено оборудование (американцам достался Вернер фон Браун, отец ФАУ-2, раненый во время бомбардировки Пенемюнда). Наши первые ракеты появились в 1948-м. Не медикам, а военным техникам принадлежит идея посадить в отсек, предназначенный для боевого заряда и прежде заполняемый метеорологическими приборами, какое-либо животное. Первый опыт, строжайше засекреченный, осуществился, видимо, в 1951 году.

Вернер фон Браун заявил в 1951 году, то есть на заре практической ракетной авиации, что основной вопрос развития ракетной техники — сможет ли эти условия перенести человек. Так был сформулирован новый военный заказ медицине непредсказуемых ситуаций и враждебных стихий.

Начало «холодной войны»... В США в Белых песках запускаются новые ФАУ-2, в СССР, в Капустинском Яре, ведутся опыты по созданию баллистических ракет, нужна была такая, что «способна трахнуть по Вашингтону»... но 1957 год был «геофизическим годом Земли», годом Циолковского и годом молодежного фестиваля: Королев заявил, что мы близки к запуску спутника. Так произошло частичное рассекречивание наших исследований, наши ракеты по рассекречиванию должны были неминуемо называться «геофизическими».

Космос стал «мирным» благодаря стечению обстоятельств.

Первая группа испытателей появилась у нас в 1948 году, она состояла из военных: военных врачей,

участников собственных экспериментов, и военнотружущих — и была предназначена для испытаний в области ракетной авиации. Есть сведения, что по этому поводу издавался специальный приказ, инициированный, между прочим, и неудачами в небе Кореи.

В корейском конфликте участвовали МиГ-15, американцы использовали «Сейберы», имевшие сравнительно с МиГаами лучшие маневренные характеристики. Превосходство янки имело и другую причину: «серая пелена», с которой столкнулись еще летчики второй мировой, внезапно терявшие сознание при выходе из глубокого пике, этот бич реактивной авиации, в Корее уже не представляла угрозы — американцы имели противоперегрузочный костюм.

Академик Олег Газенко, участник корейского конфликта, запомнил «малого по фамилии Мюллер, сбитого нами, его самолет был украшен в носовой части нарисованной пастью акулы: тогда я впервые увидел этот костюм».

В Корее американцы имели и еще одно преимущество, признаваемое нами с неохотой. Их летчики не боялись «заходить» над морем. Они имели все основания считать, что в случае катастрофического катапультирования для их спасения предусмотрено все. Наша военная идеология пренебрегала особым состоянием духа, обеспечиваемым уверенностью в безопасности, и в рискованном полете советский мужественный летчик опирался на вдохновение камикадзе... но разве иное чувство вело нас в смертный бой все наши годы великих свершений?

Через пятнадцать лет от института авиационной (космической) медицины отделился особенный НИИ, призванный служить космосу, новому учреждению досталось примерно 85 процентов «космических» тем.

В 1970 году полетел «Союз-9» с Севастьяновым и Николаевым. До них летали считанные сутки, самое большое пять. Американцы достигли предела в 14 суток. наших ребят после окончания 18-суточного полета вынесли из спускаемого аппарата на руках... Так из-за предельных перегрузок взлета и посадки возник целый комплекс проблем, связанных с длительным пребыванием человека в космосе.

Западные державы, ведущие исследования в области космической медицины, не имели в распоряжении научных и военных центров профессиональных испытуемых.

У нас такие группы были всегда. Самая многочисленная — в 70-е годы. Это были самые бесправные покорители космоса.

...Разные судьбы Сергея Нефедова, Евгения Кирюшина, Виктора Волкова, Юрия Савочкина, Михаила Ходжакова... и Михаила Гришкова, и Саши Огурцова — не очередной ли это повод воскликнуть: что они сделали с нами! Не только это.

Они продержались дольше всех на высшей ноте ликующего государственного гимна мертвого государства.

«Перед экспериментом мы подписывали карту испытателя, подписывали порой в конце эксперимента всем скопом. Когда случилась клиническая смерть на тренажере, ввели странную форму заявлений: «Я, такой-то, прошу на добровольной основе...» «Это было всем смешно...»

«Я пришел из армии в двадцать пять лет, сразу женился и получил квартиру: одни пустые стены. После окончания техникума связи получал 115 рублей. Родилась дочь. Тут мне позвонили и говорят: «Федорович, ведь ты же спортсмен!»

Так я попал в институт. Комиссию прошел — как ласточка, и сразу же попал на сорокадевятисуточную гипокинезию.

Денежный фактор отрицать не буду: пообещали по триста за эксперимент, включая месяц входа и месяц на реабилитацию. Потом были разные эксперименты за пять лет работы, но первый был до того тяжелый! Голова разрывалась. Думал: убегу. Но на четвертый день лежания стало полегче, только вместо мочи пошел кальций.

Впрочем, отношение наше к собственному здоровью было легким, беспечным. Ну, скажем, я знал, что у меня прыгает давление... Те, кто за себя боялся, те уходили. Конечно, мы чувствовали риск. Зато мы знали всех гражданских космонавтов. Савицкая и другие девочки. Серебров. Савиных. Когда начинался шестимесячный эксперимент, нам сказали, что мы идем непосредственно перед космонавтами. И тогда ведь Гречко полетел на четыре месяца.

Мы всегда старались довести эксперимент до конца.

Когда нам вводили изотопы — йод-132, то говорили, что это «не страшно». Много лет спустя, по черномыльским информациям, я узнал, что йод-132 выводится в течение семи лет.

Я тогда считал, что есть врачи порядочные, человеческие, а есть бесчеловечные, которым лишь бы получить результаты. А на нас им наплевать.

В одном эксперименте у меня случился аппендицит, и он разлился, а перед этим я отработал на велоэргометре часа полтора и закончил с частотой пульса 216. Я помню, что экспериментаторы переглянулись, мне уже было плохо, у меня быстро взяли кровь, прибежала чудесная врач, и меня положили на стол оперировать. В реанимации я пролежал два дня.

Наша группа испытателей, как я понимал, числилась в институте нелегально. Эксперименты проводились то в одном месте, то в другом, они выпрашивали помещение у клиник.

Иногда с нами работали психологи, но мне они не нравились и толку от них не было: они все расспрашивали о секс-влечениях.

Первый раз, вернувшись с эксперимента, я жене ничего не сказал, а потом приходил, улыбаясь, и стал ее готовить к такой мысли, что все это очень весело.

Зондирование сердца было моим последним экспериментом. Пока я лежал и ждал своей очереди, люди спокойно приходили и уходили, но я, как только прошел зондирование, почувствовал холод в икроножных мышцах. Я пожаловался. Была срочная операция на Волоколамке, оказалось, что у меня образовался тромб. Десять суток я провалялся и понял, что случай мой тяжелый: нога бездействовала. Тромб был в три сантиметра. Больница, где меня оперировали, не была специализированной. Однажды я открыл глаза под капельницей и увидел пузырек воздуха в 15 сантиметрах от иглы...

У Саши Маркелова после биопсии мышечной ткани тоже были неприятности, образовалась гематома, он лежал три недели...

Все же с тромбом у меня получилось удачно, зашили мне артерию. Но дальше, как я понял, никто за меня ответственность нести не хотел. А ввиду секретности и больничный мне они выдать не могли, так что я, отлежавшись, пошел по месту жительства, где на меня взглянули, как на бешеного.

У меня от всех этих лет осталась похвальная грамота».

Из рассказа бывшего механика Института медико-биологических проблем Юрия Савочкина:

«На центрифугу я ходил с Женей Кирюшиным и с Сережей Нефедовым. С Женей в паре часто работал Миша Ходжаков, он был внештатником, студентом, но был лучше иного профессионала...

Центрифугу вы, конечно, видели в кинохронике, одно время ее часто показывали. Тебя размазывает, как блин. До восьми «ж» еще можно дышать полной грудью, после — только животом: человек не в силах был бы разомкнуть сложившуюся на выдохе грудную клетку.

Мы старались не прерывать эксперимент, это было вопросом порядочности. В тот день, когда я перекатался, я, конечно, мог отказаться от вращения, поскольку и врач меня спросила: «Вы что такой?» — «Не выспался», — ответил я. Я довел вращение до конца.

С 1970 по 1972 год я ходил на перегрузки, на высотные эксперименты в барокамере.

Когда ходили на декомпрессионку, то нам делали отмывку гелием: гелий, замещая в организме азот, предупреждает расстройства типа кессонной болезни. От взрывной декомпрессии погибли наши трое космонавтов. Все это было интересно. Никто не знал, каким будет итог. В 1972-м у меня родилась дочь (жили тремя семьями в двухкомнатной квартире) — и сразу же я перекатался... Я задержался на «десятке» сверх положенного времени, но довел вращение до конца. Слабость была сильная, я вспотел как мышь. Мне не дали встать, повезли в клинотдел, ничего не сказав, я пролежал три дня и был отправлен в клинику Института физкультуры, где при мне уже открыто говорили о блокаде... Это означало, что я по-

садил сердце. В клинике я проходил как спецконтингент, как бы из отряда подготовки космонавтов.

Потом меня отправили в Ермолово в дом отдыха, жена после родов лежала в больнице, а ребенок начинал жизнь как беспризорный, то у одной бабушки, то у другой, они все работали. А 16 апреля мне сказали: переходи в техники на свои сто рублей.

Я ушел. Никто не позвонил мне, не поинтересовался. В самом начале работы в институте я стал учиться на заочном в МИРЭА. Перед сессией у меня образовались хвосты по французскому, а надо было идти в эксперимент, меня торопили, и я попросил заступиться за меня в МИРЭА, объяснить. Когда я вышел из эксперимента, меня уже отчислили.

...После окончания эксперимента, когда уже и дверь открыта — можно выходить! — эти 15—20 минут такая эйфория. Ты отработал честно.

Я не хотел об этом вспоминать. Я не знаю, сколько докторских, сколько кандидатских и дипломов было защищено на материале наших экспериментов.

Тех, у кого уже был «фон», старались убрать, избавиться от них. В связи с этим началось нехорошее...»

«Гов. Гришкову М. И. Уважаемый Михаил Иванович! По поручению Секретариата Президиума Верховного Совета СССР Министерство здравоохранения СССР внимательно рассмотрело Ваше письмо и сообщает следующее. Ваше заболевание (рассеянный энцефаломиелит), по поводу которого Вам дана инвалидность 2-й группы, не связано с Вашим участием в проводимых Институтом медико-биологических проблем исследованиях и испытаниях в качестве испытателя-добровольца. Помимо того, в соответствии с имеющимися директивными документами, за участие

в указанных исследованиях и испытаниях Вам были выплачены денежные вознаграждения...»

(Из письма зам. начальника Третьего главного управления при Минздраве СССР.)

НЕ НАСТУПИ НА КРОВЬ...

Прошло тридцать пять лет со времени трагедии в Новочеркасске, и многие люди, которые молчали все эти годы, начинают говорить.

Я, Валентина Краскова, сижу в мягком кресле и слушаю рассказ очевидца и участника Новочеркасских событий.

«В 1962 году мне было 22 года. Я работал на военном заводе № 31, расположенном в поселке Хатунок. Поселок находился на расстоянии 2—3 километров от города, с Новочеркасском его соединяла трамвайная линия, тянувшаяся до электровозостроительного завода имени С. М. Буденного.

После первой смены я встретился со своими приятелями, один из которых, Николай Коваленко, был в ту пору членом партии. Он рассказал, что на партийном собрании было сказано о «возможных беспорядках», связанных с повышением цен на хлеб, молоко, мясо. Также было сказано, чтобы члены партии проявляли бдительность, пресекали всякого рода провокации. Все это нас не сильно встревожило.

На следующий день по радио мы услышали официальное подтверждение рассказа нашего приятеля-коммуниста.

Позавтракав в заводской столовке, мы спокойно

отправились на работу. К обеду по заводу поползли слухи, что на НЭВЗ — забастовка. И, как бы в подтверждение слухам, в цехах появилось городское начальство. Они пожимали рабочим руки, угощали дорогими папиросами «Казбек», призывали к спокойствию. Говорили: «Поймите, повышение цен — временная мера. Мы надеемся, что вы нас не подведете!» Было заметно, что они явно встревожены ситуацией. Скажу сразу, на военном заводе даже не было попыток забастовки. Завод был маленький, с несколько даже патриархальной атмосферой, все друг друга знали: начальство рабочих, а рабочие начальство.

После смены мы с приятелями поехали в поселок Молодежный, возле которого и расположен НЭВЗ — самый крупный завод города. Уже в трамвае мы узнали, что на заводе действительно забастовка. Там же мы слышали и о начале забастовки. Получалось так: утром представители дирекции НЭВЗ в пропагандистских целях отправились по цехам завода. В сталелитейном цеху директор завода на вопрос рабочего «Что же мы теперь будем есть на свою зарплату?» имел глупость ответить: «На ливерных пирожках перебьетесь!» За такой ответ директор получил от одного из рабочих в морду. Завязалась драка, в которой победа досталась рабочим. Рабочие вышли из цехов, началась забастовка.

Мы приехали к заводу около 18 часов. К этому времени все пространство перед зданием заводоуправления заполнено людьми. Все стояли группами и, похоже, чего-то ждали. На высокой металлической мачте рядом с подземным переходом под железную дорогу висел плакат: «Хлеба, молока, мяса, прибавки заработной платы».

На балкон заводоуправления вышли люди с пап-

ками в руках, которые стали призывать рабочих к порядку, убеждать, что партия не оставит народ в беде, что повышение цен дело временное, что рабочие должны понять вынужденность этой меры. Когда один из выступающих заговорил о том, что растительное масло намного полезнее сливочного, в толпе раздались свист, крики, на балкон полетели камни, бутылки из-под кефира в авоськах. Эти бутылки летели, как кометы с хвостами. Люди на балконе скрылись, прикрыв голову папками.

Толпа рванула на штурм заводууправления. Мы были вместе со всеми. Кабинеты оказались заперты, но замки были слабые, двери не держали. Люди взламывали двери в поисках виноватых, но в пустых кабинетах находили только телефоны, которые без умолку звонили. Никого не обнаружив, толпа снова вывалила на территорию завода. На доске объявлений висел дохлый, полуистлевший кот с прикрепленным к нему плакатом: «При Ленине жил, при Сталине сох, при Хрущеве сдох!» У проходной в одну кучу складывали портреты Хрущева. Получилась куча около метра высотой. Потом портреты подожгли.

Все время ревел заводской гудок. Прокатился слух, что к заводу едет милиция. Я увидел на противоположной стороне железной дороги 4—5 грузовиков, с которых выпрыгивали милиционеры в голубых рубашках. Их было человек 50. Строем они двинулись к заводу. Рабочие двинулись навстречу. Из толпы полетели камни, комья глины и грязи. Милиционеры дрогнули, побежали, теряя фуражки (от одной из них я оторвал кокарду на память)... Одним словом, милиция уехала.

Мы вернулись на митинг. Трибуной служил козырек над подземным переходом. Выступающие призы-

вали идти на другие заводы, чтобы забастовка была общегородской. Предлагали отправить делегации в Новошахтинск на шахты, в Ростов. Кто-то говорил, что делегации посылать не надо: там и так идут свои забастовки, ведь люди не дурные...

Подъехали два БТРа, подошли солдаты в полевой форме. Запомнились радиостанции с длинными гибкими антеннами за спинами у солдат.

Люди окружили солдат плотным кольцом. Командир стал горячо убеждать рабочих, что его отряд просто «заблудился», а не послан на усмирение бастующих. Люди расступились, отряд отошел, БТРы уехали. Но пацаны, которые сидели на деревьях, начали кричать: «Танки, танки!». Через несколько минут слышался утробный гул, к заводууправлению подъехали танки. Танки остановились. Офицеры кричали в толпу: «Что вы делаете?! Думаете вам это так пройдет?! Хотите стать врагами народа?!» Один танк провалился в яму для гашения извести.

Несмотря на прибытие танков, люди не расходились, оставались у проходной. Стояли танки, стояли и люди.

Стемнело. Мы отправились в поселок Молодежный к танцплощадке. В поселке сооружались баррикады. Тут тоже появились танки. Танкисты из машин не выходили, вели переговоры с людьми через смотровые щели. Запомнился мальчишка, который сидел на броне и пел песню из популярного тогда фильма «Человек-амфибия»: «Нам бы, нам бы, нам бы всем на дно! Там бы, там бы, там бы, там бы пить вино!»

Переговоры с танкистами заканчивались тем, что в танки летели камни, смотровые щели задраивались, и танки, взревев, уезжали, оставляя после себя облако пыли.

Танцы в этот день не состоялись. Какие могли быть танцы! Мы вернулись к заводу. Раздался клич: «Пошли электродный поднимать!» Человек 60 рабочих, а в их числе и я, отправились на электродный завод, чтобы прекратить его работу.

На проходной электродного завода ни охраны, никого... Зашли на территорию завода, в освещенных цехах тоже никого, кроме двух перепуганных уборщиц.

Раздается новый клич: «Пошли на газораспределительную станцию! Перекроем газ! Станут все заводы!» Пошли туда. Станция была окружена высоким сетчатым забором. Около десяти человек перелезли через забор и направились к зданию. Что там происходило, я не знаю. Через полчаса они вернулись. Начались разговоры о том, что газ перекрыт. Был ли он перекрыт на самом деле — я не знаю. В два часа ночи я вернулся в общежитие своего завода.

Наш завод не бастовал. На следующий день я снова работал в первую смену. Около 10 часов по нашему заводу прокатился слух, что рабочие НЭВЗ и электродного колоннами идут в город. Я, как и многие другие, забрался на крышу цеха — посмотреть. Действительно, шоссе Ростов—Шахты на всем обозримом пространстве было заполнено людьми.

Шли с плакатами, портретами Ленина, красными знаменами. После обеда стали говорить, что в городе произошел расстрел демонстрации. Сразу же после смены вся молодежь нашего общежития (в основном парни), переодевшись, отправились в центр города. Транспорт не работал. Мы шли по шоссе, по обочинам которого горела сухая трава. Около моста через Тузлов стояли танки, окруженные солдатами.

Центральная улица Московская была наполнена людьми. Тротуары засыпаны битым стеклом — окна

вылетели после выстрела танка. На улице говорили разное: о том, что была попытка ограбления банка, и грабителей расстреляли на месте; о том, что во время расстрела погибло много детей, потому что первый залп был сделан поверх голов, а дети сидели на деревьях, именно они и стали первыми жертвами расстрела. Рассказывали о капитане, который после приказа «Огонь!» застрелился на глазах у всех. Все это я успел услышать по пути к горкому — месту, где и произошел расстрел.

По центральной улице носились БТРы и ездил танк. На весь город гремели праздничные марши, как это бывало в день 1 мая или 7 ноября. Ни милиции, ни солдат заметно не было.

Мы вошли в сквер возле горкома и сразу увидели поваленные чугунные решетки, пятна крови на лавках. Небольшая площадь перед горкомом была заполнена людьми, само здание горкома окружено танками, на газонах сидели вооруженные солдаты.

Кто-то взял меня осторожно за руку, и я услышал слова: «Не наступи на кровь...» Я посмотрел вниз. На асфальте было множество небольших лужиц крови. Остановивший меня человек объяснил, что после расстрела всех оставшихся на площади убитых и раненых увезли на машинах скорой помощи. А потом приехала поливалка, чтобы смыть кровь. Но смыть кровь не удалось...

Наступил вечер. Площадь все больше и больше наполнялась людьми. Начался митинг. Трибунами служили башни стоявших здесь же танков. Звучали призывы забастовку не прекращать, не сдаваться. Слухи о количестве убитых в первый же день были самые разные. Одни называли цифру 200, другие — 170. Самая меньшая цифра была 100.

Звуки праздничной музыки были настолько громкие, что порой было трудно слышать, что говорит даже стоящий рядом с тобой человек. Думаю, это было сделано специально, чтобы не слышали выступающих.

Во время митинга открылось окно на втором этаже горкома, и кто-то в мегафон сказал, что в город из Москвы прибыла правительственная делегация во главе с Анастасом Микояном, что они скоро придут на площадь и выступят перед народом. Но для этого митингующие должны позволить танкам уехать от здания горкома партии. Микоян якобы сказал: «Не могу же я выступать перед народом, когда на него направлены дула танков!» В ответ митингующие стали скандировать: «Нет! Пусть посмотрит!»

Через несколько минут танки попытались отъехать от здания горкома, но люди, как муравьи, облепили этих стальных жуков и не позволили им этого сделать. А давить людей все же не решились... Еще через несколько минут над площадью стал кружить вертолет. Говорили, что это прилетели Микоян и Полянский.

Быстро темнело. Здесь же на площади я встретил свою девушку. Она предложила мне вернуться в общежитие. Мы ушли из города. Спустившись к Тузовскому мосту, услышали выстрелы — одиночные и очереди. По пути обсуждали все происшедшее. Она рассказала мне, что все студенческие общежития (политехнического, инженерно-мелиоративного институтов и техникумов) находились в оцеплениях солдат. Студентов в город просто не пускали. Она все время спрашивала у меня: «Как же мы теперь будем жить после расстрела?»

Город в условиях чрезвычайного положения оста-

вался целую неделю: везде патрули, БТРы, кое-где стояли танки. Местное радио целыми днями твердило о хулиганствующих элементах, происках империализма, контрреволюции. Стали исчезать люди. Многие брали прямо на заводах. В середине июня я уехал из Новочеркасска. В Москву, где поступил в университет».

Журналист В. Ладный отмечает, что «бабушка тогда не пустила маленького Сашу Лебеда на Дворцовую площадь. И уберегла его от расстрела.

На Новочеркасском кладбище царила непривычная суэта. Рабочие выносили из грузовичка цветы, высаживали на четырех братских могилах — зелено-желтые и еще алые наискосок, будто траурные ленты. 26 человек похоронены тут 2 года назад; а убиты они... ровно 35 лет назад. Такой вот страшный парадокс.

Мировая история помнит, множество случаев, когда полиция расстреливала толпы соотечественников. Но кровавые события июня 1962 года стоят особняком в этом ряду. Потому что в тот день, 2 июня, демонстранты шли к Дворцовой площади Новочеркасска в нарядной одежде, в белых рубахах, с красными знаменами и портретами Ленина. Фразы «моя милиция меня бережет» и «слуги народа» вовсе не вызывали тогда смеха — напротив, в них верили.

Очевидцы рассказывали, что один мальчишка так и лежал потом на площади — с простреленной грудью и пробитым портретом Ленина в руках.

Когда Ольга Артющенко пришла забирать сына, хотя бы труп его — во всех инстанциях ей говорили: вы о чем? Никто не погиб. Идите, пока сами целы.

— По сей день неизвестна точная цифра павших, — говорит мне занимающийся эксгумацией и опознани-

ем археолог-эксперт Николай Крайсветный. — Для пущей секретности погибших закапывали ногами, ногами утрамбовывали в общие ямы. Лишь через 33 года павшие обрели могилы. Но не все: например, трупы расстрелянных по приговору суда так и не выданы — даже после полной реабилитации. И погибших детей не можем найти — кто говорит, их закопали в дамбу за тюрьмой, кого сбросили в шахту... Погибло гораздо больше, чем объявили официально. Просто невыгодно властям показывать реальное число застреленных — так происходит всегда.

— Мы в центре живем, НЭВЗ от нас далеко, — рассказывает мне Екатерина Григорьевна Лебедь, мама знаменитого теперь уроженца этих мест. — Когда в 62-м люди пришли к зданию администрации, я слышала, как приезжал Микоян и призывал к порядку: «Разойдитесь, разойдитесь!» Со второго этажа администрации мы видели, как в разных направлениях шли танки... А сыну моему Саше было 12 лет, и когда началась стрельба, они с братом сидели на тютине перед домом, обедали ее. Бабушка, Анастасия Никифоровна, согнала их с дерева и заперла в доме, сказала: никуда не ходите! А то Сашка, конечно, рвался туда, как любой мальчишка.

Маленького Александра Лебеда не пустили. А кем могли бы стать мальчишки, которые прорвались? Которых раздавили, расстреляли? Если б выросли?

А те, кого сослали в лагерь?

Председатель фонда жертв новочеркасской трагедии Валентина Водяницкая показывает мне список: 59 было ранено, 7 — расстреляно по приговору суда со странной формулировкой «бандитизм» и реабилитировано посмертно, 122 — посажено.

Вале было 23 в те страшные дни. Красивая дере-

венская девчонка, работавшая на электровозостроительном — НЭВЗе — крановщицей, она выбежала на площадь посмотреть: «Интересно же, а я маленького роста, прыгаю, лезу поближе». Когда солдаты открыли огонь, инстинктивно спряталась за спину одного из них: «Дядечки, не надо!». Она была советской девушкой и думала, что человек с ружьем защитит. «Солдатики забаррикадировались, смотрю, один плачет — зачем, говорит, мы в своих стреляем?»

Потом военные вытолкнули ее на балкон горкома партии:

«Крикни, чтоб толпа выпустила танки с площади!» — приказал ей полковник. И она кричала, уговаривала. Вернулась к полковнику: «Они не хотят!» — «Спроси, почему?» Валюшка вышла к толпе. И услышала многоголосый крик: «Пусть Микоян видит, что с нами делают!»

Потом были две недели работы на кране и молчаливый человек в штатском внизу. Потом голубая «победа», куда кричащую Валю запихнули и увезли от заводской проходной, оставив на пыльной трассе трехлетнего ее сына Женю. Абсурдные обвинения сменялись, как в калейдоскопе: «Плеснула водой в лицо предисполкома», «Организовала подпольную типографию», «Призывала убить Микояна».

— Так я переселилась из барака заводского в тюремный, оставив сына сиротой, — рассказывает она мне. — В зоне, шнырем работая, всему научилась. Там закон один: если ночью рядом убивают человека — натяни одеяло на глаза, а то без глаз останешься. Хотя иногда думаешь: разве на воле не так?

«Мяса, масла, повышение зарплаты!» — знаменитый плакат, написанный тогда НЭВЗовским художником Корогеевым. Именно 30-процентное повышение

стабильных цен на мясо, объявленное по телевидению, стало толчком к этому маленькому и кровавому восстанию трудящихся.

2 июня 1997 г., в Новочеркасске был траурный день — ежегодно поминают в этот день убиенных 62-го. И было традиционное отпевание усопших в Вознесенском кафедральном соборе. И поездка на Братское кладбище к мемориалу. И митинг на той самой Дворцовой площади. И все больше сбиваются на нем выступающие на день сегодняшний... Мясо да колбасу теперь можно купить прямо здесь, на площади, но цены на нее и нынче безбожно растут. А с зарплатой на простаивающем НЭВЗе сегодня хуже, чем в 1962-м. И бастовать пытаются, и голодовки объявляют, а уж протестующих митингов — не счесть. Никто их нынче не разгоняет, а потому забываются они на следующий день.

В. Шестаков назвал новочеркасские события «началом конца эры Хрущева».

Есть любопытный диалог пенсионера Хрущева с фотожурналистом Кримерманом. Хрущев, прослушав передачу «Голоса Америки» о Советском Союзе, сказал: «Как много они знают. Даже я в свое время был менее осведомлен». Журналист: «Разведка у них хорошо работает». Хрущев: «Какая, к черту, разведка. Это элементарное умение анализировать факты, знание экономики, трезвый взгляд на вещи. Этого трезвого взгляда как раз и не было».

А может, видеть правду не хотели? Ведь далеко не случайно через несколько часов после начала волнений в провинциальном Новочеркасске оказалась чуть ли не половина верхушки тогдашнего президиума ЦК КПСС — фаворит Хрущева и фактически второй секретарь ЦК Фрол Козлов, председатель прези-

диума Верховного Совета Анастас Микоян, члены ЦК Кириленко, Ильичев, Железный Шурик (Шелепин) и еще с десятков высокопоставленных из ЦК КПСС, КГБ, МВД.

Местная администрация сумела представить события как антихрущевскую акцию, затем и как антисоветский бунт. По существу, трагедию спровоцировал перепуганный насмерть первый секретарь Ростовского ОК КПСС Басов, который приехал уговаривать рабочих не бастовать и который вызвал войска в заводской поселок.

Новочеркасск поставил крест на народном варианте реформ, открыв дорогу аппаратному. И именно в этом смысле Новочеркасск стал началом конца карьеры Хрущева. Конечно, новочеркасский излом показал тем, кто хотел и мог видеть, прогнивший каркас советской системы. Она исчерпала себя уже тогда. Требовались кардинальные преобразования. Но одна эта мысль пугала.

Снимки 29-летней давности предоставил в распоряжение редакции «Комсомольской правды» режиссер «Центрнаучфильма» Михаил Марьянов, автор фильма «Новочеркасский альбом». На один день. Под честное слово.

Большинство фотографий уникальны. Они взяты из уголовного дела. На них — «участники массовых беспорядков» в Новочеркасске («ярых подстрекателей») следователи поместили крестиками).

Этих снимков больше нет. Пролежавшие двадцать семь лет в секретных архивах, они были извлечены оттуда лишь на четвертом году перестройки, исчезли — на пятом. При пересылке восьми томов «Новочеркасского дела» из Главной военной прокуратуры в Прокуратуру Союза фотографии бесследно

пропали. Хорошо, военный прокурор, подполковник юстиции Александр Третецкий, до этого снял с них ксерокопии.

В феврале этого года Третецкий передал их группе Марьянова, работавшей над документальной картиной о тех событиях.

Пропавшие фотографии использовались для опознания инакомыслящих. «Комментарии» к ним, написанные в стиле шолоховского Мишки Кошевого («Пущал пропаганды, чтобы свергнули Советскую власть»), оригинальны. Они взяты из уголовного дела.

Попавшие в объектив были приговорены. И хотя часть жителей знала о съемках, уехать из Новочеркасска было трудно. Тех, кто летом шестьдесят второго пытался это сделать, заставляли возвращаться.

Сегодня достоверно известно, что один из приговоренных потом к расстрелу — Александр Зайцев — был «вычислен» именно так — по фотографии.

Даже сейчас многие свидетели молчат — их еще в шестьдесят втором предупредили: запомните навсегда, у нас никто не бастовал, никто не стрелял, никто не убит. Предупредили убедительно, под расписку.

О съемках «Новочеркасского альбома», наверное, тоже можно снять фильм — о том, как добывали всевозможные допуски и разрешения, о том, как таинственно исчезали документы, о том, как за группой следили.

Для встречи с бывшим начальником Каменского УГРО, участвовавшим в тайном захоронении убитых демонстрантов, съемочная группа отмахала сто двадцать километров. За полчаса до этого его увезли «представители местной власти». Все объясняется просто: на автобазу, обеспечивавшую киногруппу транспортом, регулярно звонили — справлялись о маршрутах...

Шел январь 1991 года. Для чего это делалось? Вряд ли лишь для того, чтобы скрыть настоящих виновников трагедии от кинокамер «ярких подстрекателей» образца девяносто первого года. Может, все дело в том, что жуткие по своей невинности лозунги новочеркасских рабочих за двадцать девять лет не потеряли своей актуальности? Кстати, по самым скромным подсчетам, уже после смерти Сталина в нашей стране случилось четыре десятка новочеркасских...

Рассказывает Ольга Ефремовна Артющенко: «Ну пришла я в милицию. В милиции сказали, нужно идти в горсовет. Пришла в горсовет — там Сиротин, секретарь. Такой худой какой-то. Говорит: что ты хочешь? Говорю: да убили у меня мальчика, отдайте хоть тело. А он говорит, здесь никто не стрелял, никто никого не убивал... Молодой человек подошел, забрал меня и рот мне закрывал... и до военных повел. А там ничего не могут сказать. Говорят, ну придите завтра. Я и завтра ходила. И это... Сиротина побила. И меня отправили в нервное отделение. Там недалеко, в психдом».

Сыну Ольги Ефремовны было пятнадцать лет.

РАСПИСКА

Я, милиционер Каменского ГОМ даю настоящую расписку в том что я обязуюсь выполнить правительственное задание и выполнение его хранить как государственную тайну.

Если я нарушу эту настоящую подписку то буду привлечен к высшей мере наказания расстрелу в 16 часов 30 минут 4 июня 1962 года, МОИСЕЕВ Анатолий Алексеевич.

(Орфография оригинала сохранена).

Семерых участников демонстрации приговорили к расстрелу. Коркач Андрей Андреевич (1917 г. р.), Черепанов Владимир Дмитриевич (1933 г. р.), Сотников Сергей Сергеевич (1937 г. р.), Мокроусов Борис Николаевич (1923 г. р.). Шуваев Владимир Георгиевич (1937 г. р.). Кузнецов Михаил Александрович (1930 г. р.). Зайцев Александр Федорович (1927 г. р.).

Шестеро из приговоренных сегодня полностью реабилитированы. Одному оставлено обвинение в хулиганстве. Максимум, что ему полагалось по закону, — три года...

В. Абанькин вспоминал: «В тот день, 2 июня 1962 года, я, шестнадцатилетний житель Ростова-на-Дону, возвращался домой с тренировки по плаванию. Вдруг — гром среди летнего неба — унижение обыска. Четыре раза останавливали меня на улицах чекисты и до тошно перетряхивали мою спортивную сумку.

Позднее я узнал, что в этот день прогремели выстрелы в Новочеркасске, и кровь человеческая лилась там прямо на площади Ленина, у подножия памятника вождю пролетариата. И у нас, в Ростове-на-Дону, моментально ввели «режим повышенной бдительности». За углами прятались «черные вороны». Я видел, как людей хватили прямо напротив обкома КПСС. Слухи из города-мученика шли самые ужасные, и в Ростове пахло бунтом — я дышал им, ощущал его, осязал.

Жажда мести затмевала во мне все другие чувства. В магазине «Динамо» купил четыре пачки пороха — тогда он продавался свободно — и стал тайком делать бомбу, чтобы подбросить ее... в обком КПСС. Отец успел помешать мне... Отец был военный моряк, капитан 3-го ранга, военный инженер. Три брата служили в Военно-Морском Флоте, старший из

них стал адмиралом, заместителем командующего ВМФ СССР. Еще до войны отец, по его словам, умолял брата-адмирала помочь ему проникнуть в окружение Сталина, чтобы убить тирана. Но тот отказался, братья поссорились и долго не виделись.

Однажды ночью я нечаянно подслушал, как отец говорит обо мне со своим другом. «Боюсь я за него, — шептал он вздыхая. — Весь в мать пошел. Как бы не кончил тем же, что она». Тут я только узнал, что мать моя не умерла во время родов, как меня уверяли: ее схватили на вокзале в Ейске, когда она распространяла листовки против Сталина...

Учение пришлось бросить, и я пошел в плотники на судоремонтный завод, а оттуда был призван в армию. Меня направили служить в Германию. С первых же дней в полку я стал рассказывать солдатам о Новочеркасске. В зеленой ученической тетради я записал три своих стихотворения, в которых призывал народ вспомнить о новочеркасских жертвах и отвоевать свободу, которая «не дается даром, как плод упавший с неба».

Тетрадь моя тайком ходила по рукам у солдат. Но однажды она попала в руки старшины, и я вынужден был бежать из части. Вместе с ближайшим товарищем Виктором Чесноковым я решил уйти в Западный Берлин. Трое суток пробирались мы к границе. Но у нейтральной зоны нас задержали пограничники ГДР. На суде я сказал, что не Родине изменил, а власти, которая не имеет права отождествлять себя с Родиной. Виновным себя я так и не признал, да это никого и не интересовало. Мне дали 12 лет, Чеснокову — одиннадцать...

Проснулся я от стука разбушевавшегося дождя. Все заключенные спали. Только Юра Галансков си-

дел на корточках, пригнув голову к коленям, и качался маятником. У Юры были две язвы: двенадцатиперстной кишки и желудка. Я встал и спросил шепотом: «Юра, дать воды? Может, лекарство какое?» И погладил его по плечу. Взяв кружку, я вышел в коридор. Барак во сне сопел, храпел, стонал. В слабоосвещенном коридоре перед мышьиной норой сидел бывший полицейский. В руке — короткая палочка с гвоздем. Если мышь высывалась из норы, он тут же протыкал ее, потрошил, жарил на костре и кормил свою кошку.

...Когда вроде последние силы иссякают, доброта человеку новый порох дает. Эти старики-полицаи и власовцы — когда-то творили одно зло, но все-таки добро таилось в запасе. И вот пришла старость, да еще в лагере, и многое в жизни переоценено... Этот вот кошку завел. Если она уляжется на его койке, он ее ни пальцем, — пускай себе блаженствует. А сам подушку осторожно возьмет и пойдет дремать на лавочку да еще нас попросит, чтоб не шумели...

(Когда несколько стариков поддержали нашу голодовку в знак протеста против издевательств и унижений, надзиратели переловили кошек, единственную привязанность этих людей, посадили в мешок и бросили в топку котельной. Тут уж мы встали на защиту полицаев.)

И во мне тоже тосковало добро. Все годы, проведенные в тюрьмах и лагерях, я постоянно испытывал на себе насилие и произвол. Никогда не забуду этапный бокс горьковской тюрьмы. Грязные стены, заблеванная кровью угол, а на стене, по грязной шубе (шуба — специально сделанные на штукатурке неровности, чтобы нельзя было ничего писать) кровью кто-то вывел слова, ввевшиеся в память на всю

жизнь: «Будь проклят тот отныне и до века, тюрьмой кто хочет исправить человека». Меня решетка и колючая проволока «воспитывали» целых двенадцать лет...

...Набрал я воды и понес Юрке, он выпил пару глотков. За окном ветер еле шевелил деревья. Гроза проходила. Я помог Юре подняться с пола, и мы вышли в коридор. Он закурил. (Он считал, что от никотина ему легче.) Не успел Юра выкурить сигарету, как на пороге появился надзиратель: зэков было положено пересчитывать по нескольку раз за ночь. Особенно часто проверяли тех, у кого на деле была наклеена красная полоса: это означало — «склонен к побегу». Мне такую полосу поставили с самого начала срока, и ночью светили в лицо фонарем, щупали — не кукла ли, не ушел ли?..

— Ну-ка, по койкам, нечего здесь тусоваться, — прогундосил надзиратель, гремя сапогами.

— Слушай, старшой, — обратился я к нему, — вызови-ка врача, а потом проверяй хоть до утра.

...Юра, между тем, снова сел на пол. На твердом ему было немного легче, чем на кровати. Часто просыпаясь ночью, я видел на фоне окна его голову — значит, совсем плохо, раз на полу сидит. И вставал, чтобы хоть своим присутствием помогать ему переносить боль. Поднимались со мной и другие: Николай Иванов и Владлен Павленков, и Гера Гаврилов...

Мы видели, что Юра угасает, но помочь не могли, и от этой беспомощности все внутри немело. Да, мы не раз писали жалобы, голодали, требуя, чтобы Галанскову смягчили меру наказания или хотя бы взяли всерьез за его лечение — все было тщетно. Юру отправляли в больничку и, подержав пару недель на каких-то таблетках, привозили назад. Дорогу в тот

госпиталь мы называли дорогой смерти: она шла по лесу, и «воронок» так кидало по ухабам, что не каждый морской волк выдержал бы такую болтанку. Понятно, от такого лечения Галанскову лучше не становилось — просто боли ненадолго утихали.

— Слушай, зови врача! Кончай свою проверку!

От шума многие проснулись. Не понимая, что происходит, ругались. В лагере я слыл «агрессивным». Не раз, защищая справедливость, очертя голову бросался в бой.

...Надзиратель струхнул и пошел на вахту. Тут же прибежал дежурный офицер.

— Что, опять за старое, бунтуешь все?

Иванов и Павленков оттащили меня в сторону, чтобы я не бросился на офицера. Врач в зону так и не вошел. Согнутого от болей Галанскова повели на вахту. Там эскулап определил, что у Юры обострение язвенной болезни.

На другой день мы объявили голодовку на день в знак протеста против содержания в лагере тяжело больного. Написали жалобы и заявления в разные инстанции. И все тщетно: остановить машину зла было выше наших сил.

«...Утром, после грозы, надзиратель нашел на тропинке в зоне лагеря мокрого, нахохлившегося совенка. Видно, сильным ветром выбросило птицу из гнезда. Надзиратель был из добрых — так и не отыскав гнезда, он принес совенка нам. Какая была радость! Мы, отрезанные от жизни, имеем птицу — лесную, живую и такую красивую! Я взял в ларьке картонную коробку из-под каких-то консервов и посадил в нее совенка, налил в баночку воды. Совенок испуганно оглядывал нас, вбирая голову в крылья. Все были озабочены одним: что станет с птенцом дальше, как

вырастить его на нашем убогом лагерном пайке? Мяса мы и сами не видели, но у кого-то оказалась банка рыбных консервов. Я стал кормить совенка, раскрывая ему клюв пальцами. Потом напоил его водой и прикрыл коробку. Надо было, чтобы он хорошо обсох и поспал.

Настало время обеда. Я, как обычно, нарвал лебеды, порезал, посолил и с такой приправой к лагерному борщу отправился в столовую. (Так делали все, потому что витаминов мы никаких не получали. А лебеду есть можно, мы где-то вычитали, что она не уступает некоторым овощам по содержанию витаминов.) В столовой я бросил клич: все для совы — и что началось! То один, то другой подбегали ко мне и отдавали мясные ниточки, попавшиеся в борще. Так почти со всех я собрал около пятидесяти граммов мясных нитей.

Около совенка уже толпились старики и молодежь. Я открыл коробку, погладил птицу по головке и стал совать ей в клюв скрученные шариком мясные ниточки. Совенок жадно глотал. Все заворуженно глядели.

Вдруг после очередной порции совенок сам открыл клюв: раз берет пищу из рук, значит, доверяет. «Ну, Абанькин! Ну, дрессировщик!» — ликовали все.

Потом я посадил совенка на палец. Он обхватил его лапками и сжал когти. Было больно, но я терпел. С любопытством, уже не таясь, птица разглядывала людей.

В понедельник мы начали голодовку в защиту Галанскова. А вскоре ко мне на свидание приехал отец. Я должен был передать ему записку для моих друзей с адресами наших единомышленников. Только как ее принести? На свидание вызывали неожи-

данно, и мне приходилось, постоянно рискуя, носить бумажку с собой.

И на этот раз все получилось вдруг — меня дернули прямо с работы. Я шел между двумя надзирателями и лихорадочно думал, куда спрятать этот бумажный клочок? После обыска выдавалась одежда дома свиданий, а личная отбиралась и просматривалась, из своего оставалось только нижнее белье.

Человек я рисковый и не привык ломать долго голову, раз опасность на носу. Зажал бумажку между большим пальцем правой руки и ладонью, благо, что записка была маленькой. Мне приказали раздеться. Я тут же начал препираться с надзирателем и офицером, стараясь вывести их из равновесия: у разгневанного человека слабеет внимание. (Но нельзя было и переборщить — запросто могут лишить свидания!)

Пока я раздевался догола, вошли оперуполномоченный и начальник режима. Они по очереди стали заглядывать мне в рот, в уши, заставили приседать. Нагнувшись, я ждал, пока все исследовали мой зад. Все во мне кипело. Ненависть и презрение к этим извергам не имели границ...

— Что вы там ищете? Коммунизм увидели?

Это их сразу завело. Начальник режима зло бросил: «Абанькин, доболтаешься, гляди, в зону пойдешь!» Я продолжал стоять нагнувшись, хотя осмотр был закончен.

«Опер» и «режим» вышли, хлопнув дверью. Мне дали одежду дома свиданий. Конечно, я очень рисковал, но записку я все же пронес.

Отца обыскивали так же, как и меня. 60-летнего капитана 3-го ранга в отставке раздели донага, заставляли приседать, заглядывали в рот, в уши. После свидания я написал заявление, что отказываюсь

от встреч с родными в знак протеста против унижения человеческого достоинства при обыске. Отцу я запретил приезжать, и с тех пор его больше не видел.

(Это было мое второе и последнее свидание с отцом. Он умер за десять месяцев до моего освобождения. Он никогда не осуждал меня. Раз даже пошутил, что сам скоро окажется в одном лагере со мной, и я, как мог, уговаривал его не приносить себя в жертву...)

Через несколько дней один из надзирателей сказал нам тайком, что слышал, как «Голос» передавал о Галанскове, о голодовке в лагере, о беззакониях. Мой отец выполнил все, что надо...

...Дни шли за днями. Сова уже стала крупной птицей, и само собой получилось, что все стали звать ее Софушкой. Она радовалась каждому, кто заговаривал с ней. Но я боялся, что когда-нибудь и ее постигнет участь лагерных кошек, и потихоньку учил сову летать. Сажал ее на палец, поднимал руку вверх и опускал к земле так резко, что она поневоле расправляла крылья и взмахивала ими. Солдаты с вышек с любопытством наблюдали за нами.

Потом я стал расставлять от барака до барака табуретки. Сажал сову на перила веранды жилого барака и сталкивал. Она летела до первой табуретки. Потом я сталкивал ее опять, и она летела до второй. Скоро сова пролетала уже все расстояние без посадок.

...Однажды я шел из лагерного ларька. Вдруг кто-то тяжело хлопнул меня по плечу. Повернув голову, я раскрыл рот — на левом плече сидела сова и заглядывала мне в глаза...

За машинками мы шили рукавицы. Норма — 65

пар в смену, потом ее подняли до 72 пар, а еще позже — 75. Нормы поднимались, как и везде по стране, с грубым нарушением КЗОТа. Мы, конечно, жаловались, но никакого ответа не получали. Дешевле козы обходится зэк государству.

Галанскову опять стало плохо, и мы добились, чтобы его отправили в больницу. Существенного лечения там не было, но уже то, что он две недели не работал, шло ему на пользу.

Пошли слухи, что нас скоро вывезут из Мордовии. Информация из лагерей все-таки просачивалась на волю, и в самых высоких кругах было принято решение убрать наиболее активных политических заключенных в глубь страны, в Пермь. В Мордовии мы все-таки притерлись за годы к надзирателям, к администрации, а на новом месте все началось сначала: усиление произвола, ужесточение режима...

...Прощай, наконец, лагерь № 17 Мордовской АССР. Зачитали нам списки уезжающих. Собрали мы вещи и обнялись с теми, кто оставался: с Галансковым, Ивановым, Павленковым и другими нашими ребятами.

...Недолго оставалось мучиться Юре Галанскову. 4 ноября 1972 года у него случилось прободение одной из язв. Повезли его в больничку, но не в «скорой помощи», а в «воронке», по той самой ухабистой дороге, которая и здоровому все внутренности отбивала. Узнав о смерти Юры, мы в Перми собрались за большим столом.

Пели «Черный ворон», а надзиратели кричали и растаскивали нас. Но злая песня не прекращалась, и они растерялись, отступили. Стоя в стороне как побитые, исподлобья они смотрели на нас.

...А сова и дальше жила в 17-м».

Вячеслав Костиков так характеризовал положение простого человека в СССР:

«Еще в 1930 году Малая Советская Энциклопедия называет паспорт «важнейшим орудием полицейского воздействия и податной политики в т. н. полицейском государстве». Однако уже в 1932 году в СССР вводятся паспорта и прописка по определенному месту жительства. «Полицейское воздействие» распространяется на каждого гражданина. Передвигаться по стране можно лишь при наличии паспорта. Крестьянам паспорта не полагались, и они тем самым фактически прикреплялись к земле, становились рабами колхозов и совхозов.

В августе 1932 года принимается жесточайший закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности». Закон предусматривал применение к рабочим и крестьянам «высшей меры социальной защиты» — расстрела, который при «смягчающих обстоятельствах» мог быть заменен на срок не менее десяти лет.

После принятия антирабочего закона 1940 года российский пролетарий, мечтавший принести свободу трудящимся всего мира, сделался рабом трудовой книжки, рабом администрации. Рабочий мог уволиться с завода лишь с разрешения начальства, а такое разрешение давалось далеко не всегда. Зато рабочий мог попасть под суд за несколько опозданий или за прогул в течение одного дня.

Этот варварский закон был отменен 25 апреля 1956 года — два месяца спустя после XX съезда партии. Рабочие получили право менять место работы по своему усмотрению путем простой подачи заявления.

Установление минимума заработной платы (закон

от 8 сентября 1956 г.), сокращение на два часа рабочей недели, удлинение оплачиваемого отпуска по беременности, прекращение изнурительных для бюджета семьи займов, введение в июле 1956 года новой системы пенсионного обеспечения — все эти меры позволили улучшить положение рабочих в стране. Но речь шла лишь об исправлении вопиющих отставаний в положении трудящихся.

В сущности же, экономика тотального надзора и не могла прокормить и одеть тех людей, на чьем горбу она медленно ползла в гору. Положение трудящихся продолжало оставаться тяжелым, порождая новые экономические и социальные проблемы.

Время от времени эти накопившиеся тяготы и обиды давали трагические, иногда кровавые «выбросы», тщательно скрываемые от общественности охранительными органами и пропагандой. Об одной из таких трагедий уже упоминалось в советской прессе. Речь идет о новочеркасских событиях лета 1962 года. 1 июня 1962 года в газетах было опубликовано сообщение о повышении цен на мясо и на масло (на 30 и 25 процентов). Но эта мера была лишь фоном развернувшихся событий. В сущности, трудящиеся скрепя сердце готовы были признать вынужденность этого шага. Прямым поводом для забастовки на Новочеркасском электровозном заводе послужило другое. Рабочих спровоцировала глупость властей, а точнее сказать, их непрерывный номенклатурный зуд, стремление так выпрыгнуть из штанов, чтобы начальство в Москве заприметило инициативную голову. Еще в апреле 1962 года в области родилась очередная «инициатива» по экономии производственных расходов. Газеты начали немедленно раздувать «по-

чин трудящихся». Особое рвение проявил Новочеркасский горком партии, выдвинувший «встречный» лозунг — «сберечь по 100 рублей на каждого рабочего в течение года». Но поскольку экономических стимулов и предпосылок для экономии не оказалось, прибегли к испытанному: понизили расценки. Разгневанные рабочие вышли на улицы города. Демонстранты несли портреты Ленина.

Дальше события разворачивались трагическим образом. Были вызваны войска, пролилась кровь. Прилетевшие в Новочеркасск Микоян и Козлов, успокаивая рабочих, убеждали их в том, что забастовка и волнения в городе — дело рук провокаторов. На какое-то время полки продовольственных магазинов Новочеркаска завалили продуктами. Волнения постепенно улеглись. Потом начались суды...

Характерная черта: в новочеркасских событиях активное участие принимали женщины-работницы и жены рабочих. И это, надо полагать, не случайно. Работающей женщине у нас приходится особенно трудно. Ведь по доле ручного труда мы занимаем одно из «ведущих» мест в мире. А на ручных, неквалифицированных работах в стране занято огромное число женщин».

ГРУППОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

В 60-е годы танки появились не только на улицах Новочеркаска.

В ночь с 20 на 21 августа 1968 года войска пяти

стран Варшавского Договора — СССР, НРБ, ВНР, ГДР и ПНР — перешли чехословацкую границу.

Из Заявления ТАСС («Правда», 21 августа 1968 года): «ТАСС уполномочен заявить», что партийные и государственные деятели Чехословацкой Социалистической Республики обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами. Это обращение вызвано угрозой, которая возникла существующему в Чехословакии социалистическому строю... со стороны контрреволюционных сил...

Советские воинские подразделения вместе с воинскими подразделениями... союзных стран... будут незамедлительно выведены из ЧССР, как только создавшаяся угроза завоеваниям социализма в Чехословакии, угроза безопасности стран социалистического содружества будет устранена и законные власти сочтут, что в дальнейшем пребывании там этих воинских подразделений нет необходимости...

Братские страны твердо и решительно противопоставляют любой угрозе извне свою нерушимую солидарность. Никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических государств».

И. Мильштейн писал: «Трагические события августа 1968 года прервали процесс демократических преобразований не только в Чехословакии. В равной мере пострадали народы тех стран, чьи войска были посланы в Прагу. Гусеницы танков проехали по ним самим. Так лишний раз подтвердилась старая истина: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Жестокий удар был нанесен и самой

идее социалистического содружества наций, посеяв в «братской семье единой» семена раздора, недоверия, вражды. Недавно в Москве было принято заявление правительств пяти стран, осудивших свои совместные действия. Справедливость восторжествовала.

Они не были одиноки — те, кто решился тогда выйти на площадь. За ними стояли тысячи других, согласных с ними, но — молчавших. И десятки тех, кто не молчал, и среди них — академик Андрей Дмитриевич Сахаров, математик Александр Есенин-Вольпин, поэт Евгений Евтушенко, открыто протестовавшие против вмешательства во внутренние дела суверенного государства.

В те годы народ у нас был благонамеренный, не то что теперь. На заводах и фабриках, в колхозах и конторах по всей стране состоялись митинги, были приняты резолюции.

Стараниями умелых организаторов митингов и бойких газетчиков мир узнал мнение советского народа о событиях в Чехословакии.

Существовало и другое мнение.

Прежде всего его придерживались многие чехи и словаки, включая тогдашнее руководство страны. Иной оказалась и позиция некоторых компартий. О «капиталистах» нечего и говорить.

Иную точку зрения открыто высказала и горстка наших граждан. Причем некоторые из них протестовали против ввода войск еще до того, как он совершился.

Утром 29 июля 1968 год арестовали Анатолия Марченко. За «нарушение паспортного режима». Нелепость обвинения — тридцатилетнего грузчика задержали в Москве, где он не был прописан, однако работал — объяснять не приходилось. В недавнем

прошлом политзаключенный, автор получившей широкое хождение в самиздате книги «Мои показания». Марченко незадолго до ареста опустил в почтовый ящик «Открытое письмо чехословацким газетам», в котором писал:

«Я внимательно (насколько это возможно в нашей стране) слежу за событиями в Чехословакии и не могу спокойно и равнодушно относиться к той реакции, которую вызывают эти события в нашей печати. На протяжении полугода... газеты стремятся дезинформировать общественное мнение нашей страны и в то же время дезинформировать мировое общественное мнение об отношении нашего народа к этим событиям. Позицию партийного руководства газеты представляют как позицию всего населения — даже единокорпусную. Стоило только Брежневу навесить на современное развитие Чехословакии ярлыки «происки империализма», «угроза социализму», «наступление антисоциалистических элементов» и т. п. — и тут же вся пресса, все резолюции дружным хором подхватили эти же выражения, хотя наш народ сегодня, как и полгода назад, ничего, по существу, не знает о настоящем положении дел в Чехословакии».

С осени 1967-го лишь малый круг интеллигенции, как губка, впитывал все сведения, поступавшие из Праги. События, происходившие в этой стране, вызывали горячее сочувствие, внушали надежду и тревогу. Еще продавались в киосках «Союзпечати» пражские газеты; их молниеносно раскупали, быстро переводили и шумно обсуждали. Ясно было одно: правительство Дубчека решилось на дерзкий эксперимент — действуя в рамках социалистической системы, оно почти упразднило цензуру, на деле, а не на

словах предоставило своим гражданам свободу высказывать и отстаивать убеждения.

А на московских кухнях кипели споры. К весне 1968-го, когда разногласия между «братскими компартиями» стали очевидны, ощущение тревоги сменилось предчувствием беды, и все дискуссии свелись к одному простому вопросу: «Задавят или не задавят?» Одни (их было большинство) полагали, что вооруженное вторжение невозможно, приводя достаточно веские доводы. Если танки войдут в Прагу, говорили они, то будет дискредитировано мировое коммунистическое движение, от нас отшатнутся даже друзья, чего не могут не понимать наши руководители... Так что ситуация будет урегулирована мирным путем, более того, пример Чехословакии чему-нибудь и нас научит! Другие были не столь категоричны, они предполагали худшее, хотя и не теряли надежд на благоразумие Советского правительства. Третьи (их было немного) считали, что вторжение почти неминуемо, и всеми силами стремились если не предотвратить, то хотя бы отдалить трагедию.

Из самиздатовской «Хроники текущих событий» (выпуск третий, 1968 год); «29 июля в посольство Чехословакии было передано письмо пяти советских коммунистов с одобрением нового курса КПЧ и осуждением советского давления на ЧССР. Письмо подписали П. Григоренко, А. Костерин, В. Павлинчук, С. Писарев и И. Яхимович».

Еще у многих на памяти были венгерские события 1956 года. Советские интеллигенты, убежденные в том, что чехи разделят судьбу венгров, оказались в мучительнейшем положении людей, которые знают о готовящемся преступлении, ничем не могут помочь

жертве, но и молчать тоже не могут. Обязаны предупредить, хоть это и бесполезно...

Суд над А. Марченко был назначен на 21 августа.

Обычно приговор по столь ничтожному делу, как нарушение паспортных правил, оглашается быстро и сводится к штрафу, а тут заседание продлилось до позднего вечера, и судья был строг, и приговор не мягок: год лагерей. И все уже понимали, что на свободу Марченко выйдет не скоро, что в лагере добавят... Расчет властей был прост: припугнуть, предупредить «диссидентов» (чужой народ в грош не ставим, с вами тем более не будем чикаться), принудить к молчанию. Крови не алкали — жаждали послушания. Но просчитались.

А на короткой волне уже звучал исполненный боли и отчаяния женский голос с чуть заметным чешским акцентом: «Русские братья, уходите, мы вас не звали!..» Еще — звучал.

Из «Хроники текущих событий» (выпуск четвертый, 1968 год): «В ночь с 21 на 22 августа... 20-летний ленинградец Богуславский написал на трех клодтовских конях: «Вон Брежнева из Чехословакии». Тут же, на Аничковом мосту, он был арестован и через две недели осужден по ст. 70 на пять лет строгого режима. Верховный суд РСФСР... переквалифицировал его действия на ст. 190 и соответственно изменил меру наказания: 3 года общего режима (максимум по данной статье).

Эстонский студент, написавший в Тарту на стене кинотеатра в ночь с 21 на 22 августа: «Чехи, мы — ваши братья», при задержании был зверски избит: у него отбиты почки, и он до сих пор находится в больнице».

23 августа 1968 года Москва встречала Людвика

Свободу. «В тот день я шла по Ленинскому проспекту, — рассказывает Лариса Богораз. — Транспорт не ходил. Стояли толпы людей, согнанных, как водится, из разных учреждений встречать дорогого гостя, сучали, жевали пирожки, обмахивались чехословацкими флажками. Гостя долго, очень долго не было. Я успела пройти весь проспект, повернуть к «Ударнику»... Наконец появились машины. Везли Свободу. Он ехал, стоя в открытой машине, слепо смотрел перед собой. Лицо его было безжизненной, трагической маской. Рядом с ним, добро улыбаясь, стояли Брежнев с Подгорным, а стоящий сзади Косыгин был, как всегда, мрачен. Машина шла медленно. Люди на тротуаре замахали флажками, закричали, заприветствовали. Свобода глядел вперед, не поворачивая головы ни вправо, ни влево. Видеть это было страшно и невыносимо, словно посреди карнавала шла по улицам похоронная процессия. Мне захотелось выкрикнуть что-то наперекор этой равнодушно-веселой толпе, ведь произошла жуткая трагедия, наши танки вошли в Прагу, и все мы, и я в том числе, в этом виновны... Я сдержалась».

«Утром 25 августа, — вспоминает Юлий Ким, — ко мне пришел Вадик Делоне. Все уже было решено, отговаривать поздно, но Вадик мог и не знать... Знал. Он коротко спросил: «Идут или не идут?» Соврать я не мог и все же вяло напомнил Вадиму, что на нем висит еще прежний, условный срок. Он в корне пресек эти поползновения, протянул руку и сказал, картавя на все буквы в силу своего французского происхождения: «Пгощай, стагик, чегез тги года встгетимся». Меня потрясла будничность этого — нет, не предсказания, не пророчества, не предвидения — достоверного распределения своей жизни... «Все, я по-

шел в лагерь, старик», — так это прозвучало. Так и исполнилось».

Два года спустя во Франкфурте-на Майне выйдет книга Натальи Горбаневской «Полдень», где будут собраны документы, рассказы друзей, свидетельства очевидцев, чудом добытая стенограмма суда... Часть этих материалов использована в статье.

Наталья Горбаневская:

«Флажок я сделала еще 21 августа: когда мы ходили гулять, я прицепляла его к коляске, когда были дома, вывешивала в окне. Плакаты я делала рано утром 25-го: писала, зашивала по краям, надевала на палки. Один из них был написан по-чешски: «At' zije svobodne a nezavisle Cescoslovensko!», то есть «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!». На втором был мой любимый призыв: «За вашу и нашу свободу»...

Я подошла к Лобному месту со стороны ГУМа, с площади подошли Павел, Лариса, еще несколько человек. Начали бить часы. Не на первом и не на роковом последнем, а на каком-то случайном из двенадцати ударов, а может быть, и между ударами, демонстрация началась. В несколько секунд были развернуты все четыре плаката (я вынула свои и отдала ребятам, а сама взяла флажок), и совсем в одно и то же мгновение мы сели на тротуар».

Это такая традиция российская — идти на площадь. В счастливые годовщины, в праздники на площадях собираются ликующие толпы. В дни испытаний и бед сюда шли тоже — свергать царей, но шли уже по-другому, стиснув зубы или выкликая проклятия. Красная площадь немало их повидала, бушевавших под кремлевскими стенами. Те, кто пришел сюда 25 августа 1968 года, сразу направились к Лобному

месту, потому что никого свергать не намеревались, а только «за правду порадеть и крест принять опальный». Ведь случилась беда, и они явились, чтобы рассказать об этом. Молча, сидя лицом к Историческому музею, с развернутыми плакатами и маленьким флажком чужой страны. Константин Бабицкий, лингвист, и Лариса Богораз, филолог. Владимир Дремлюга, рабочий, и Вадим Делоне, поэт. Павел Литвинов, физик, и Наталья Горбаневская, поэт. Татьяна Баева, студентка, и Виктор Файнберг, искусствовед.

Что видит и слышит человек, сидящий среди бе-ла дня у Лобного места на Красной площади? Он видит ноги гуляющих, вдруг обступившие его со всех сторон, слышит недоуменные голоса. Это длится недолго. Дальше все происходит еще быстрее. Расталкивая кучку любопытных, на демонстрантов разом набрасываются какие-то одинаковые люди, вырывают из рук и рвут плакаты, пытаются отнять флажок. «Вы хотите отнять у меня чехословацкий государственный флаг?» — спрашивает Горбаневская. Рука разжимается, но тут же на помощь ей приходит другая, и флажок гибнет. Толпа увеличивается. Слышны возгласы: «Это что, чехи?», а им в ответ: «Бей антисоветчиков!», матерщина. Начинается избиение. Какая-то женщина бьет Литвинова тяжелой сумкой по голове. Сидящего трудно ударить рукой, ногой — легче. Лариса Богораз вдруг чувствует, что у нее на спине намочла блузка — это выбили зубы сидящему сзади Виктору Файнбергу, и кровь идет у того изо рта. Таня Баева, присев на корточки, вытирает ему платком лицо. Избивают Делоне. Толпа стоит смотрит; демонстранты молча сносят побои, слышны лишь крики избиваемых, их сопение, треск рвущейся материи.

Начинают подъезжать машины. В них, выворачивая руки и продолжая наносить удары, вталкивают участников демонстрации. За юную Татьяну Баеву вступается совершенно незнакомый ей юноша из толпы (М. Леман), его тоже втаскивают в машину, потом разберутся, отпустят.

В 50-м отделении милиции, располагавшемся тогда на Пушкинской улице и известном в народе как «полтинник», встретились вновь. Чувство, переполнявшее их, называлось счастьем. Все-таки посмели, сбросили с плеч эту окаянную ношу, вышли на площадь. Пусть знают чехи, что мы им все-таки братья... Пусть знают люди... Пусть знает мир... Дело сделано. А теперь будь что будет.

9 октября 1968 года, крохотный, битком набитый зал Пролетарского райсуда, где рассматривается Мосгорсудом «уголовное дело по факту учинения групповых действий на Красной площади, грубо нарушивших общественный порядок». Судят Ларису Богораз, 39 лет, Вадима Делоне, 21 год, Павла Литвинова, 28 лет, Константина Бабицкого, 39 лет, Владимира Дремлюгу, 28 лет. Позади полтора месяца, обыски, допросы, тюрьма. Обвинительное заключение подписано старшим следователем прокуратуры г. Москвы советником юстиции Л. Акимовой. Что касается В. Файнберга, то он находится на стационарной судебно-психиатрической экспертизе, его дело выделено в отдельное производство — человека с четырьмя выбитыми передними зубами сочли, вероятно, нежелательным персонажем на данном процессе. Н. Горбаневская признана невменяемой и отдана пока под опеку матери. Т. Баеву к суду не привлекли — конечно, ей не поверили, когда она, посоветовавшись с Л. Богораз, заявила следователю, что на площади

оказалась случайно, — но и упорствовать не стали, решив, по-видимому, что чем меньше будет «отщепенцев», тем лучше (а еще лучше их бы вообще не было). Ее только выгнали из института.

Председательствует судья В. Г. Лубенцова (подсудимые ее скоро нарекли «Лубянцевой»), ей помогают народные заседатели П. И. Попов и И. Я. Булгаков. Государственное обвинение поддерживает прокурор В. Е. Дрель.

Наша Конституция в те годы, несомненно, являлась самой демократической в мире, поскольку не была рассчитана на применение. Так что судить обвиняемых за сам факт участия в демонстрации было неприлично — как бы противоречило Конституции. Судили по уголовной статье 190.

Судья зачитывает обвинительное заключение. Все демонстранты обвиняются в том, что вступили «в преступный сговор... заранее изготовив плакаты с текстами, содержащими заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а именно: «Руки прочь от ЧССР»... «Долой оккупантов», «Свободу Дубчеку», пришли на Красную площадь, где и нарушили «общественный порядок и нормальную работу транспорта»; развернули «вышеуказанные плакаты», выкрикивали «лозунги аналогичного с плакатами содержания, чем вызвали возмущение собравшихся вокруг граждан...».

А в переулке перед зданием суда развернулось иное действие, чем-то неуловимо схожее с основным сюжетом. Уже наученные опытом предыдущих процессов, власти знали, что у входа с утра до вечера будут дежурить друзья и родственники подсудимых. Решено было дать «идейный отпор». Тщательно про-

инструктированные, явились комсомольцы-оперотрядчики. Они разъясняли случайным прохожим, кого и за что судят сегодня. К ним присоединился люд постарше, компенсировавший некоторую свою необразованность предельной искренностью и категоричностью суждений. Эти жаждали общения с П. Григоренко, И. Габаем, П. Якиром... Впрочем, дискуссия носила несколько односторонний характер. Довольно скоро в адрес «диссидентов» послышались выкрики вроде: «Молодец Гитлер, передал вас, гадов, — жалко, что не всех», или «Эх, мне бы сейчас автомат в руки!..». Кто-то очень умело продумал этот спектакль в тиши кабинета, вызвал актеров, раздал роли да сам и суфлировал...

Но вернемся в зал суда. Тут самое время сказать об адвокатах. Немногие в те годы соглашались защищать людей, обвиняемых по 70-й либо 190-й статьям. Во-первых, ничего, кроме неприятностей, эти процессы адвокатам не сулили: во-вторых, исход дел всегда был предрешен.

В своем последнем слове на процессе известный правозащитник Илья Габай сказал: «Я видел такие нарушения прав человека, умолчание о которых мне представлялось равноценным соучастию». Я к тому же считала, что необходимо использовать судебную трибуну, чтобы донести до людей правду, чтобы открыто и во весь голос сказать свободное слово».

«Наверное, разные адвокаты должны были по-разному ответить на этот вопрос, — продолжает Дина Каминская в своей книге «Записки адвоката», изданной в США. — Для некоторых главной движущей силой было стремление разоблачить, сделать наглядным для всех тот трагический фарс, каким являлись

все политические процессы. Но для меня разоблачение было следствием работы, результатом той тщательности, с которой готовилась к каждому делу, но не ее причиной».

В зал один за другим входят люди, на чьих показаниях так хорошо и убедительно держится обвинение. Но странно сегодня звучат их речи и неправдоподобны ответы на вопросы адвокатов и подсудимых. Скажем, свидетель Стребков. 25 августа он нес службу на патрульной машине у Красной площади. Внезапно получил приказ подъехать к Лобному месту. Подъехал. Видит: двое граждан ведут под руки третьего, сажают в машину и велят Стребкову доставить его в милицию. «Эту команду мне дали неизвестные граждане», — вдруг говорит он. «И вы исполнили команду каких-то граждан?» — спрашивает С. Калистратова. Свидетель растерян, он отвечает: «Да». «Если завтра к вам подойдут двое, ведущие третьего, — оживляется подсудимый Бабицкий, — и прикажут отвезти его, вы исполните их приказание?» Судья снимает вопрос.

Готовясь к суду, адвокаты обратили внимание на нескольких свидетелей, обозначенных в деле как «сотрудники воинской части», причем оставалось лишь гадать, какую форму они носят, находясь на службе. И вот один из них, Долгов, отвечает на вопросы суда. Скоро выясняется, что никого из своих сослуживцев он не знает, разве что «видел где на партконференции».

Но вызывается свидетель Иванов, «сотрудник» той же воинской части, и сообщает совершенно противоположное: с Долговым они знакомы. И что же, начинается перекрестный допрос? Нет, суд более не возвращается к этой теме. Зато показания свиде-

лей, весьма невыгодные для обвиняемых, остаются одной из главных улик следствия.

«В советском суде тот факт, что свидетель является сотрудником КГБ или милиции, никак не обесценивает значимость его показаний, — замечает Д. Каминская в «Записках адвоката». — Приговоры по множеству уголовных дел основываются целиком или в основном на показаниях оперативных работников милиции и уголовного розыска.

Что мешало свидетелям просто сказать суду:

— Да, мы сотрудники КГБ. В нашу обязанность входило наблюдение за порядком на Красной площади. Мы считали, что сидячая демонстрация нарушает порядок, и задержали демонстрантов».

Допрос свидетелей продолжается. Еще один из них, Давидович, чье место работы суд так и не установил, на предварительном следствии заявлял, что оказался на площади случайно, вышел из ГУМа. «Но ГУМ в воскресенье закрыт», — замечает подсудимый Литвинов. «Это не имеет значения», — раздраженно отвечает свидетель. Суд удовлетворен этим ответом и внимательно выслушивает показания Давидовича, весьма путанные и противоречивые, чтобы не сказать лживые.

Начинаются судебные прения. Из речи прокурора суд узнает, что «нет надобности доказывать... плакаты носили явно клеветнический характер». Это первое доказательство вины. Есть и второе: «Наша печать разъяснила всем гражданам прогрессивный характер действий Советского правительства, и не понимать это невозможно». Все, вина доказана. Остается, впрочем, еще мелочь: конституционное право граждан на демонстрацию. Тут совсем просто. «Да, действительно, — заявляет Дрель, — статья (Консти-

туции) предусматривает свободу демонстраций. Но то, что совершили подсудимые, отнюдь не может называться демонстрацией. Под демонстрацией мы имеем в виду организованные действия. Подсудимые демагогически ссылались на одну ее часть, забывая о второй части Конституции, которая называет демонстрацией организованное шествие в интересах трудящихся и в целях укрепления социалистического строя. Что касается сборища 25 августа, то его нельзя отнести к демонстрации ни по существу своему, ни по содержанию».

Тем не менее долгая речь прокурора слушается с напряженным вниманием. Устами его говорит Государство; тот приговор, который он сейчас предложит, суд, скорее всего, и вынесет. Прокурор выносит приговор...

Теперь очередь адвокатов. Каждый из них абсолютно уверен в невиновности своих подзащитных: если у кого-то еще оставались какие-то сомнения, то на суде они развеялись. Ясно и то, что никакой надежды на оправдательный приговор после речи прокурора уже не остается. Разве что надежда на чудо.

Дина Каминская, адвокат Павла Литвинова. Опытнейший защитник, она вряд ли надеется на чудо: предыдущие политические процессы, в которых принимала участие, не сделали ее оптимистом. Остается лишь честно и безукоризненно исполнить свой долг. «Закон карает, — объясняет она суду, — ...за систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений. Ни в тексте обвинительного заключения, ни в речи прокурора такого обвинения в адрес подсудимых не было.

Статья 190 предусматривает также ответственность за изготовление клеветнических произведений.

Защита считает, что поднятый Литвиновым лозунг не является произведением, что в деле нет никаких доказательств того, что этот лозунг был изготовлен именно Литвиновым, и что текст этого лозунга не носит клеветнического характера...

Не так давно в кинотеатре «Россия» демонстрировался фильм «За вашу и нашу свободу». Название этого фильма точно соответствует лозунгу, поднятому Литвиновым на Красной площади. Никто не считает название этого фильма клеветническим. Значит, не смысл этого лозунга, а подразумеваемый подтекст... признается сейчас неправильным и преступным...»

Не нужно, думаю, объяснять, какого мужества требовало само решение, выступив в защиту диссидента, потребовать его оправдания.

Девять лет спустя Д. Каминская будет исключена из коллегии адвокатов, у нее дома устроено несколько обысков, за нею установят слежку, под угрозой ареста окажется муж — и их обоих буквально вытолкают в эмиграцию.

Выступает Софья Калистратова, защитник Вадима Делоне. У нее огромный опыт адвокатской деятельности, в том числе и участие в политических процессах. Ее подзащитный — молодой поэт, у которого за плечами условный срок, несколько месяцев пребывания в следственном изоляторе КГБ за участие в правозащитной демонстрации на Пушкинской площади.

С. Калистратова подробно рассказывает о судьбе молодого человека, еще не нашедшего места в жизни, зато уже испытавшего и тягость заключения, и наветы прессы. «Я имею право утверждать, что наш закон не знает уголовной ответственности ни за убеждения,

ни за мысли, ни за идеи, а устанавливает уголовную ответственность только за действия, содержащие конкретные признаки того или иного уголовного преступления. Вот позиция защиты, которая дает мне право утверждать, что умысла порочить советский государственный строй у Делоне не было, что он в своих действиях руководствовался совсем другими мотивами. Если эти мотивы, это своеобразие мнений и убеждений прокурор охарактеризовал как политическую незрелость и неустойчивость, то за политическую незрелость и неустойчивость нет уголовной ответственности».

В 1976 году С. Калистратова уйдет из адвокатуры; за участие в правозащитной деятельности переживет пять обысков. Семь лет над нею будет висеть уголовное «дело», прекращено оно будет лишь в 1988-м... за год до смерти.

За оправдание своих подзащитных выступают и адвокаты Владимира Дремлюги и Константина Бабицкого — Н. Монахов и Ю. Поздеев.

Лариса Богораз, отказавшись на время суда от услуг адвоката, защищает себя сама. Она пытается объяснить, что заставило ее выйти на площадь, но эти объяснения никак не могут устроить судью и прокурора. Речь Л. Богораз неоднократно прерывается требованиями «не пропагандировать свои взгляды», «не излагать свои убеждения». Подсудимая объясняет суду, что убеждения ее, как и любого нормального человека, гораздо шире того, о чем она вынуждена говорить. «Для себя я не прошу ни о чем, — произносит она в конце. — Прошу обратить внимание суда на вопрос о мере наказания для Делоне». И вновь судья ее обрывает: «У каждого подсудимого есть свой адвокат, говорите о себе».

О себе Л. Богораз скажет в последнем слове, в последний день судебного заседания.

«Я люблю жизнь и ценю свободу, и я понимала, что рискую своей свободой и не хотела бы ее потерять.

Я не считаю себя общественным деятелем. Общественная жизнь для меня далеко не самая важная и интересная сторона жизни. Тем более политическая жизнь. Чтобы решиться на демонстрацию, мне пришлось преодолеть свою инертность, свою неприязнь к публичности...

Я оказалась перед выбором: протестовать или промолчать. Для меня промолчать — значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать — значило для меня солгать. Я не считаю свой образ действий единственно правильным, но для меня это было единственно возможным решением.

...Именно митинги, радио, сообщения в прессе о всеобщей поддержке побудили меня сказать: я против, я не согласна...»

Последнее слово предоставляется Павлу Литвинову.

«...Для меня не было вопроса, выйти или не выйти. Как советский гражданин я считал, что должен выразить свое несогласие с грубейшей ошибкой нашего правительства, которая взволновала и возмутила меня, — с нарушением норм международного права и суверенитета другой страны.

...Прокурор называет наши действия сборищем, мы называем их мирной демонстрацией. Прокурор с одобрением, чуть ли не с нежностью говорит о действиях людей, которые задерживали нас, оскорбляли и избивали. Прокурор спокойно говорит о том, что, если

бы нас не задержали, нас могли бы растерзать. А ведь он юрист! Это-то и страшно».

Последнее слово Вадима Делоне:

«Я понимал, что мое положение особое. И что обвинение, безусловно, воспользуется этим, если против меня будет возбуждено дело. В отличие от других подсудимых я знал, что такое тюрьма... Однако я все-таки вышел на демонстрацию... Это лишь доказывает, что я действовал с глубокой убежденностью в своей правоте... Я понимал, что за пять минут свободы на Красной площади могу расплатиться годами лишения свободы».

Суд удаляется на совещание.

Сегодня, когда вынесены все приговоры, и время, о котором идет речь, названо «застойным», нетрудно припомнить день и час, обозначившие неуклонное сползание страны в трясины беззаконий, лицемерия, лжи. Ночь с 20 на 21 августа. С этой поры начинаются равномерное и жестокое удушение культуры, идеологические погромы, экономический развал. Обиженные XX съездом неосталинисты восприняли «чешские события» как сигнал к действию, и пошли по нашим городам и весям проработки, исключения, аресты, ссылки, высылки... Конечно, все это происходило и раньше, но такой размах и силу в новейшей истории приобрело лишь с августа 1968 года.

«ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ...» Суд выносит приговор, который вполне совпадает с требованием прокурора. Чудес не бывает и отныне не будет.

«Суд приговорил Дремлюгу В. А. к трем годам, Делоне В. Н. — к двум годам и десяти месяцам лишения свободы; Литвинова П. М. — к пяти годам, Бого-

раз Л. И. — к четырем годам и Бабицкого К. И. — к трем годам ссылки.

Подсудимые получили свое. Получили по заслугам. Находившиеся в зале представители общественности Москвы с одобрением встретили приговор суда. Пусть наказание... послужит серьезным уроком для тех, кто, может быть, еще думает, что нарушение общественного порядка может сходить с рук. Не выйдет!» (А. Смирнов, «Вечерняя Москва», 12 октября 1968 года.)

Приговор был странный: статья, по которой судили демонстрантов, не предусматривала ссылки.

Верховный суд РСФСР подтвердил все вынесенные приговоры.

Виктору Файнбергу, а впоследствии и Наталье Горбаневской другие суды «назначили» принудительное психиатрическое лечение — приговор, едва ли не более жестокий, чем лагерь. Освободившись, оба в разное время покинули страну, ныне живут во Франции. Вадим Делоне, отбыв срок, вышел на свободу, но тут арестовали его жену. Ирину Белгородскую. Платой за ее свободу была совместная эмиграция. Он умер в Париже 35 лет от роду. Владимир Дремлюга получил в лагере второй срок, освободился, уехал в США. В США живет и Павел Литвинов. Лариса Богораз и Константин Бабицкий проживают в Москве.

Демонстрация на Красной площади была актом отчаяния. Отчаяния такой глубины и силы, что оно перевесило, превозмогло страх перед оскорблениями, побоями, тюрьмой. Они были и остались очень разными людьми, но в те августовские дни одно и то же чувство объединило их. Они вышли на площадь не потому, что рассчитывали что-либо изменить, а

именно потому, что никакой надежды на это уже не было.

«Не ругайте нас, как все нас сейчас ругают. Каждый из нас сам по себе так решил, потому что невозможно стало жить и дышать». Эти слова Л. Богораз написала 25 августа 1968 года. «И не пишите о нас, как о героях, мы были обычными людьми», — добавляет она 21 год спустя.

БОРЬБА ЗА ДУШУ БРЕЖНЕВА

Заговор — тайное планирование соответствующих действий, направленных на достижение целей, осуществление которых законным путем невозможно.

Заговоры — теневая сторона политики.

Заговорщикам редко доводится пожинать плоды своих заговоров. Почему? По разным причинам. А самая главная причина заключается в том, что заговорщики не могут предусмотреть все последствия своих собственных действий.

Во всяком правиле есть исключения. Так, Леонид Брежнев не только пожал плод заговора, но и правил огромной страной до конца дней своих. Но было ли это правление столь простым и благополучным?

Историк и экономист Георгий Арбатов вспоминал.

«Смещение Н. С. Хрущева в октябре 1964 года я считаю самым настоящим «дворцовым переворотом». После того, как вызванного из отпуска Хрущева на Президиуме ЦК заставили подать в отставку. Пленум ЦК КПСС был призван лишь утвердить решение и придать ему видимость законности. При этом произо-

шла очень странная вещь, о которой я не раз потом думал. В партии и стране практически не ощущалось недовольство этой, в общем-то, демонстрацией произвола. Наоборот, почти повсеместно решение Пленума было встречено с одобрением, а то и с радостью (другой вопрос, что многие беспокоились за будущее страны — на место Хрущева пришли невыразительные, не пользовавшиеся поддержкой и даже известностью фигуры).

Ситуация кажется парадоксальной. То, что сделал за время своего руководства партией и страной Хрущев для всех слоев общества, для советских людей, по логике вещей, должно было обеспечить ему значительную популярность. Но оказалось, что ее не было. Собственно, в тот момент это никого и не могло удивить — слишком очевидно было все большее и большее падение авторитета Хрущева, даже уважения к нему в самых разных кругах общества.

Причины непоследовательности Хрущева, мне кажется, нельзя сводить к его чисто человеческим слабостям и прагматическому расчету (борьбе за власть), хотя было и то, и другое. Главное, видимо, в том, что сам он был порождением своей эпохи, порождением сталинизма. Конечно, разоблачение преступлений Сталина послужило началом глубоких политических процессов обновления — в этом великая заслуга Хрущева. Однако на большее в преодолении наследия сталинщины он, скорее всего, просто не был способен, других задач не понимал и не ставил, и потому перешел в политике к «бегу на месте». Едва ли тогда это очень ясно понимали даже политические аналитики, а тем более широкая общественность. Но в общественном сознании, наверное, созрела мысль о бесперспективности политики Хрущева, и это определяло

настроения, в том числе среди рабочих и крестьян, которым, нередко грубо переигрывая, он так старался понравиться своей манерой поведения, своими выступлениями.

Такие настроения в народе, конечно, облегчили «дворцовый переворот» и даже в какой-то мере вдохновили его организаторов. Но этими людьми двигали, по моему глубокому убеждению, не высокие идеи — главными мотивами были самая банальная борьба за власть или страх потерять свое кресло, что бы ни говорили сегодня участники того сговора (в частности, охотно выступавший в последние годы в печати В. Семичастный — в момент октябрьского Пленума Председатель КГБ).

Я не располагаю никакими документальными данными о том, как было организовано смещение Хрущева (впрочем, те, кто смещал его, едва ли оставили по этому поводу много документов), но некоторые свои наблюдения помню хорошо. Я тогда работал в аппарате ЦК КПСС и видел, как около его здания, у постов на входах, в коридорах в те дни и некоторое время после них вышагивали или стояли, стреляя во все стороны глазами, незнакомые молодые люди в штатском. Опытные работники аппарата были особенно осторожны, разговаривая в служебных помещениях; даже дома, если кто-то с ними затевал серьезный разговор по телефону, тут же переводили его на футбол или погоду; если же в комнате были все «свои», делали красноречивый жест рукой в сторону потолка или телефона.

То один, то другой фрагмент происходившего выявлялся позднее — из услышанного, а в последнее время — и написанного (в частности, из воспоминаний С. Н. Хрущева и П. А. Родионова), и из этих

фрагментов складывается картина заговора. Уже после октябрьского Пленума я тоже слышал рассказы о его подготовке и о том, что Брежнев отчаянно трусил, иногда чуть не до истерики. Позже я познакомился с Брежневым, не раз работал в коллективах, готовивших его выступления и отдельные партийные документы. И я еще расскажу о своих впечатлениях об этом человеке. Но в одном убежден: сам он едва ли мог быть мозгом и волей заговора. Допускаю, правда, что это была затея групповая, коллективная, и Брежнев вполне мог быть одним из трех-четырех главных организаторов. Но из всего, что я знаю и понимаю (сразу оговорюсь, что знаю и понимаю не все), следует: очень активную роль играл более волевой, более напористый Н. В. Подгорный, не мог не участвовать М. А. Сулов.

И очень видной фигурой в организации самого переворота был все-таки А. Н. Шелепин. Человек, несомненно, крайне честолюбивый, тоже волевой, с юности обученный искусству аппаратных интриг. И к тому же имевший уже свою команду, настоящее «теневое правительство» (включая и «теневое Политбюро»). Ему было легче сколотить такую команду, чем другим, только приехавшим из провинции. Занялся он этим, видимо, еще тогда, когда был первым секретарем ЦК ВЛКСМ. И все время после этого Шелепин не только сохранял прочные связи с множеством бывших комсомольских работников, получивших потом ответственные должности, но и способствовал их выдвижению и продвижению, в том числе в последние перед октябрьским Пленумом годы и месяцы, когда он курировал в качестве члена Политбюро и одного из секретарей ЦК КПСС подбор и расстановку кадров. А в качестве бывшего Предсе-

дателя КГБ он позаботился о том, чтобы и там на руководящих постах иметь доверенных людей, включая своего преемника Семичастного. Не знаю, был ли Шелепин мозгом заговора (допускаю, что — вместе с Подгорным — был), но в дополнение ко всему он был еще и его руками, его мускулами. Этими «мускулами» Александр Николаевич Шелепин (он получил в аппарате прозвище Железный Шурик) мог стать, поскольку располагал полной поддержкой Семичастного и ряда других людей, руководивших КГБ, а также МВД РСФСР (во главе этого министерства стоял В. Тикунов, тоже очень близкий к Шелепину человек и тоже пришедший с комсомольской работы). К «комсомольской группе» принадлежал также и Н. Миронов — заведующий отделом административных органов ЦК КПСС, курировавший армию, КГБ, МВД, суд и прокуратуру.

Потом мне рассказывали, что к группе Шелепина был близок посвященный в планы смещения Хрущева маршал С. Бирюзов — тогда начальник Генерального штаба (Бирюзов и Миронов буквально через несколько дней после октябрьского Пленума погибли в авиационной катастрофе на территории Югославии, куда направлялись в составе делегации, приглашенной на торжества по случаю двадцатилетия освобождения Белграда). Словом, особая забота была проявлена именно о том, чтобы загодя прибрать к рукам контроль за всеми «непарламентскими» и «внепартийными» рычагами силы и власти.

В некоторых недавно опубликованных воспоминаниях утверждается, что Хрущеву перед отъездом в отпуск сообщили о заговоре, но он ничего не смог сделать. Допускаю, что так и было, хотя трудно себе представить, что активный человек, прошедший че-

рез огонь и воду множества боев за власть, если бы считал эти сведения хоть в малейшей мере достоверными, не принял бы никаких мер и просто уехал в отпуск. Но в другом я почти уверен — в том, что накануне заседания Президиума ЦК ему объяснили, кто участвует в акции и кто ее поддерживает, чтобы он не пытался сопротивляться. И Хрущев, хорошо понимая, кто именно решает дело в условиях существовавшего тогда, во многом унаследованного от Сталина механизма власти, действительно сразу же подал заявление с просьбой об отставке.

Только так я могу объяснить столь несвойственную Хрущеву пассивность, отказ от борьбы, даже от попытки что-то внятное сказать на Пленуме ЦК. Хотя не исключаю, что в нем к тому времени что-то надломилось, он просто устал, изнемог под огромным бременем руководства страной, отягощенной множеством проблем, найти пути решения которых не сумел.

Другая характерная деталь. Накануне событий были довольно ловко убраны из Москвы (в том числе отправлены в загранкомандировки — дело, требовавшее официального решения Секретариата ЦК КПСС) люди, входившие в узкий круг приближенных Хрущева. И прежде всего те, кто составлял так называемую «пресс-группу», возглавлял средства массовой информации (редактор «Правды» П. Сатюков, председатель Гостелерадио М. Харламов и др.). Не думаю, чтобы они оказали сопротивление готовившейся акции, но ее организаторы, видимо, хорошо помнили совет Ленина революционерам: прежде всего захватить почту, телеграф, телефон. И модернизировали его, поставив на первое место средства массовой информации.

Действительно, поздно вечером в канун главных событий на Гостелерадио прибыл с полномочиями нового председателя Н. Месяцев. Он не имел никакого журналистского опыта, работал долгое время в милиции, зато был другом-приятелем и доверенным лицом Железного Шурика. Очевидцы его появления в здании Гостелерадио потом рассказывали забавную историю, которая проливает свет на психологическую атмосферу, в которой готовилось и совершалось смещение Хрущева. Приехав в Комитет по радиовещанию и телевидению, Месяцев задал единственный вопрос: «Где кнопка?» Собравшиеся руководители комитета не сразу поняли, что новый председатель имеет в виду кнопку, которая отключала эфир, то есть могла «вырубить» все радио- и телепередачи.

Вспоминая обо всем этом не в осуждение кого-либо — я не готов однозначно оценивать сам факт смещения Хрущева. Чтобы более или менее четко представить себе, как бы развивались события, если бы Хрущев еще несколько лет оставался у руководства партией и страной, надо много лучше, чем я, знать тогдашнее реальное положение дел, прежде всего внутри страны. Не хочу и морализировать, ведь и Хрущев не раз применял старые, недемократические, возникшие в недрах сталинщины «правила игры». А кроме того, я не уверен, что существовали другие способы смены руководителя.

Мотивы, которые заставили меня обратиться к теме заговора, иные. Первый. Хочу обратить внимание на то, что мы имели уже после смерти Сталина один «дворцовый переворот». Многие несовершенства политического механизма, делающие такой переворот возможным, сохраняются еще и сегодня.

Сменили лидера. Но какая идеология и какая политика должны сопутствовать этой смене, какие теперь утвердятся политические идеи? Эти вопросы не обрели ответа. Ибо, как отмечалось, к власти пришли люди, у которых не было единой, сколько-нибудь определенной идейно-политической программы.

Чтобы не сбиваться с хронологии, расскажу, однако, сперва о том, что произошло седьмого ноября. После весьма длительного перерыва на празднование впервые приехала очень представительная китайская делегация. Возглавлял ее Чжоу Эньлай. Все понимали, что это зондаж, попытка выяснить, «чем дышит» новое советское руководство. Чжоу Эньлай имел репутацию умеренного среди китайских руководителей, и его визит в Москву мог дать шанс для разумного решения проблемы советско-китайских отношений. Но мог и поставить нас в трудное положение, так как Мао Цзэдун требовал за примирение очень большую цену (отказ от критики культа личности Сталина и политики мирного сосуществования), — такие мысли тоже приходили в голову. Поэтому отношение к визиту было двойственное, во всяком случае, у нас, консультантов отдела ЦК, занимавшегося отношениями с социалистическими странами. Зарождавшееся беспокойство: не отступят ли новые руководители от важных принципов политики — все же соседствовало с надеждой, что удастся покончить с накалявшейся между СССР и КНР враждой.

В день праздника я дежурил по отделу, то есть сидел у телефонов. Ближе к вечеру — звонок из приемной Андропова, его секретарь передает приглашение зайти. Юрий Владимирович сидит за письменным столом озабоченный, смотрит невидящим взглядом в окно.

Только что, узнаю от него, закончился традиционный праздничный прием в Кремле. Р. Я. Малиновский (тогда министр обороны) выпил лишнего и произнес задиристый антиамериканский тост, чем обидел посла США. «Это, — сказал Андропов, — первая плохая новость. Во всех столицах бдительно следят за каждым словом из Москвы, пытаются оценить политику нового руководства». Но дальше в лес — больше дров. К Малиновскому вместе с другими членами китайской делегации подходит Чжоу Эньлай и поздравляет его с «прекрасным антиимпериалистическим тостом». «Я, — рассказывает Юрий Владимирович, — стою рядом и просто не знаю, куда деться: всю сцену наблюдает не только руководство, но и дипломатический корпус. И тут Малиновский — он совсем закусил удила — говорит Чжоу Эньлаю: давайте выпьем за советско-китайскую дружбу, вот мы своего Никиту выгнали, вы сделайте то же самое с Мао Цзэдуном, и дела у нас пойдут лучшим образом. Чжоу Эньлай побледнел — наверное, подумал о доносах, которые на него настрочат спутники, что-то зло сказал, повернулся и ушел с приема. Ну что ты об этом скажешь?»

Через несколько дней китайская делегация уехала. Переговоры не дали результатов.

Брежнев и большинство людей в аппарате ЦК и вокруг ЦК считали слабой, а многие — временной фигурой. Не исключая, что именно поэтому на его кандидатуре и сошлись участники переворота. Так бывало не раз в прошлом: безусловной кандидатуры на роль лидера не было, и те, кто решал дело, искали компромиссную фигуру, предпочитая слабого тому, кого считали более сильным (некоторые в надежде вскоре заменить лидера). Однако тем, кто не-

дооценил Брежнева, его способность сохранить власть, потом пришлось поплатиться. А вот люди, хорошо знавшие нового лидера лично, такого исхода ожидали. Помню, через несколько недель после октябрьского Пленума мой близкий товарищ Н. Н. Иноземцев рассказал о своем разговоре с академиком А. А. Арзуманяном, который был хорошо знаком с будущим Первым секретарем на войне. В доверительной беседе Арзуманян так охарактеризовал Брежнева: «Учить этого человека борьбе за власть и расставлять кадры не придется».

Но кто были другие претенденты?

Прежде всего я назвал бы А. Н. Шелепина. Человек это был аппарату хорошо известный. До войны он учился в знаменитом тогда гуманитарном Институте истории, философии, литературы — ИФЛИ (хотя, как рассказывали его однокашники, учился неважно, основную активность проявляя в общественной работе). Потом очень успешно начал делать карьеру. Вначале в комсомоле, быстро поднявшись до Первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Затем его сделали председателем КГБ (при Хрущеве, в то время когда комитет занимался реабилитацией невинных жертв репрессий, хотя, конечно, далеко не только ею). А после этого Шелепин стал секретарем ЦК КПСС и членом Политбюро. Хрущев, видимо, очень доверял ему, поручал самое важное, тонкое, в частности партийные кадры.

То был типичный аппаратчик, притом несомненно из сильных, может быть, самых сильных представителей этого сословия, как рыба в воде чувствовавший себя в обстановке интриг.

У него было редкое и для борьбы за власть очень важное умение собирать вокруг себя деятельных,

верных, лично преданных людей. Как упоминалось, они к моменту октябрьского Пленума и вскоре после него были расставлены на множестве стратегических позиций. Фактически Шелепин имел в своем распоряжении настоящий «теневой кабинет» из людей, которых он готовил на все ключевые посты, была у него также прочная опора на периферии. Большую ставку Шелепин делал на молодую часть партийного и государственного аппарата — это вполне естественно, ведь по комсомольской работе он знал многих.

Что касается политических взглядов, то Шелепин был прежде всего «за порядок», а это тогда ассоциировалось прежде всего с порядком сталинским. Хотя при Хрущеве он несколько раз выступал с антисталинскими речами, это ни в коей мере не помешало ему и его сторонникам начать после октябрьского Пленума активное наступление на линию XX съезда. Шелепин и его люди громче всех ратовали за возрождение «классового подхода», «классовости» во внешней политике, отвергали линию на улучшение отношений с капиталистическими странами и, во всяком случае, в тот период пытались разыграть «китайскую карту».

Поначалу близкие Шелепину люди даже не скрывали, что считают Брежнева временной фигурой — его-де очень скоро заменит Шурик. Своим поведением, некоторыми поступками и заявлениями такое впечатление создавал и он сам. Может быть, это было самой грубой ошибкой. Очень чувствительный к таким вещам, тонко понимающий их, Брежнев сразу же насторожился, вокруг него сплотились все, кто боялся появления нового диктатора.

Еще одним возможным соперником Брежнева тогда считался А. Н. Косыгин. Он был, несомненно, бо-

лее интеллигентен и образован. Опытный хозяйственник, он в какой-то мере был открыт для новых экономических идей. Но в политических вопросах, увы, консерватор, начиная с отношения к Сталину. Конечно же, Косыгин не был сторонником репрессий, деспотизма, беззаконий. Однажды во время отпуска в Кисловодске (декабрь 1968 года) я встретил его на прогулке (людей он не сторонился, вел себя демократично) и в ходе разговора упомянул о том, как пострадал от сталинских кровопусканий корпус командиров производства. Он охотно поддержал тему, тепло вспоминал своих безвинно пострадавших коллег. Но как политический деятель Алексей Николаевич все же был порождением авторитарной системы и верил в нее, возможно, просто потому, что не представлял себе никакой другой. А кроме того, насколько я знаю, он как-то лично тепло относился к Сталину, был предан ему. На победу в соперничестве с Брежневым он едва ли мог претендовать — за ним не было ни мощи партийного аппарата, ни возможностей, которые тогда открывала должность Первого секретаря. Да и по складу он не был «первым человеком» даже в те, предельно бедные сильными руководителями годы. Не «найдишь» Брежнев, Первым секретарем ЦК стал бы, скорее всего, кто-то третий, но не Косыгин. Так мне, во всяком случае, кажется. Словом, Косыгин остался хозяйственным, а не политическим руководителем. Но его взгляды в первые годы, а тем более первые месяцы после октябрьского Пленума оказывали немалое влияние на ход дел.

Не знаю, претендовал ли на первую роль Н. В. Подгорный (на вторую претендовал точно), но он был еще темнее и консервативнее Брежнева. М. А. Суслов, как мне представляется, не хотел становиться пер-

вым человеком в партии и стране. Ему привычнее и удобнее была роль «серого кардинала», закулисного вершителя судеб.

Однако, когда я говорю о борьбе, ожесточенной борьбе «за душу» Брежнева, — это вовсе не преувеличение. Главные схватки шли, как можно догадаться, в Политбюро и Секретариате ЦК, отголоски этих схваток докатывались и до нас. Но для меня и моих коллег более «прозрачным», открытым был, так сказать, рабочий уровень борьбы — теоретической, идеологической, политической.

Из тянувших вправо людей, близких к Брежневу, хотел бы прежде всего назвать С. П. Трапезникова. В Молдавии он, кажется, был преподавателем марксизма. Помощником Брежнева стал, когда того перевели в Москву. Претенциозных неучей среди преподавателей марксизма при Сталине, да и после него, оказалось великое множество. Трапезников писал с огромным количеством грамматических ошибок (не говорю уж о стиле, а тем более о содержании), но, используя служебное положение, защитил все требуемые диссертации, устроился профессором в Высшую партийную школу. Когда Брежнев стал Генеральным секретарем, он выдвинул Трапезникова на пост заведующего отделом науки ЦК. Вот тогда этот закоренелый сталинист и получил возможность развернуться. Под стать ему был один из помощников Брежнева, убежденный сталинист В. А. Голиков, тоже мнивший себя «выдающимся марксистом» и тоже малограмотный; он при случае выступал в печати в качестве «теоретика» в области экономики, культуры, идеологии, даже международных дел.

И тогда и, естественно, потом я не раз задавал себе вопрос: а что думал сам Брежнев, каковы были его

убеждения? Не мог же он сохранить свои представления в виде *tabula rasa* — нетронутого листа, на котором другие могли писать что им заблагорассудится. Ведь ему было уже под шестьдесят и он прошел, притом на весьма ответственных постах, почти через все главные политические события своего времени.

Вот здесь-то и заключен один из (используем известное американское выражение) «грязных маленьких секретов» — один из феноменов нашего (а точнее, того) времени. Это сформировавшийся при Сталине, затем формировавшийся примерно так же при Хрущеве, а затем при Брежневе тип руководителя, который политическим деятелем вовсе не является. Командно-административной системе политические деятели, исключая верховного вождя, не нужны, наоборот, они ей противопоказаны.

Типичным руководителем становится функционер, чиновник, в совершенстве овладевший правилами аппаратной игры. Он не очень образован, подчас, несмотря на диплом о высшем образовании, почти безграмотен, с марксизмом знаком в объеме «Краткого курса» и сталинской политграмоты, нетерпим к инакомыслию, к новым идеям. Твердых идеологических и политических принципов у деятелей этого типа чаще всего нет — иначе в пору бесконечных ломок и перемен они бы просто не уцелели. Все это, разумеется, не исключает у них большего или меньшего здравого смысла, большей или меньшей жизненной мудрости, личной доброжелательности к людям (если, конечно же, это не соперники), большей или меньшей любознательности.

Вот к такому типу руководителей принадлежал и Брежнев. Притом — рискую здесь вступить в спор со многими — был отнюдь не худшим из них, во всяком

случае, в первые годы своего руководства партией и страной.

Став Первым секретарем ЦК КПСС, Брежнев с немалым трудом привыкал к своей новой ответственности, проникался пониманием того, какое огромное бремя легло на его плечи. И хотя столь высокое положение ему, несомненно, очень нравилось, поначалу были и робость, и осторожность, и боязнь ошибиться. Его, конечно, очень серьезно обременял старый, скудный интеллектуальный багаж, провинциальные взгляды на многое, узкий, даже мещанский, обывательский кругозор (потом все это сыграло очень дурную роль). Самонадеянность появилась позже, и не без помощи подхалимов, ставших со сталинских времен, пожалуй, самой большой угрозой для политического руководства страны, собственно, для руководства на любом уровне. А о поразивших его еще позже болезни, старости, даже маразме разговор особый.

И еще один фактор, способствовавший подрыву разрядки во второй половине 70-х — начале 80-х годов, — болезнь Брежнева. Когда серьезно и долго болеет лидер страны, так серьезно и долго, что раз за разом прокатывается волна слухов о его близящейся кончине и возможных преемниках, очень большую власть забирает высший эшелон бюрократии. В том числе военный.

Мне кажется, будь Брежнев в нормальном состоянии, он не дал бы, например, согласия строить Красноярскую радиолокационную станцию. Тем более что Министерство обороны, вносящее вопрос «наверх», не скрывало, что ее местоположение нарушает договор ОСВ-1 (которым Брежнев, кстати, очень — и по праву — гордился).

О болезни Брежнева много я сказать не могу —

тогда это был большой государственный секрет. А потом как-то я не решался расспрашивать врачей, может быть, просто из уважения к врачебной тайне. Но вот то, что я знаю. В декабре 1974 года на военном аэродроме близ Владивостока, едва успев проводить президента США Форда, Брежнев почувствовал себя плохо. Посещение города, где на улицы для торжественной встречи вышли люди, отменили. Больного усиленно лечили в специальном поезде, на котором он должен был ехать во Владивосток. И все же на следующий день Брежнев отправился, как было запланировано, в Монголию. Вернувшись оттуда, он тяжело и долго болел, настолько долго, что это дало толчок первой волне слухов о его близящемся уходе с политической сцены. С того времени Брежнев жил, «царствовал», хотя не всегда управлял, еще восемь лет.

Временами его здоровье несколько улучшалось, но он уже никогда не приходил в нормальное работоспособное состояние, болезнь неуклонно прогрессировала — это было видно всем окружающим. Он быстро уставал, утрачивал интерес к предмету обсуждения, все хуже говорил, терял память. К концу жизни даже самые элементарные вещи к предстоящим беседам и протокольным мероприятиям для Брежнева заранее писали — без таких «шпаргалок» он уже просто не мог обойтись.

Опасность серьезных ошибок в политике возросла — и ошибки эти не заставили себя ждать.

Но то была лишь одна сторона дела. Другая, не менее важная, определялась нашими политическими слабостями. Среди них особенно существенными мне представляются две. Одна — сбои, неверные идеологические подходы к некоторым важным проблемам

внешней политики. И другая — преувеличение роли военного фактора в политике, приведшее к становлению и укреплению весьма влиятельного военно-промышленного комплекса, контроль над которым, по существу, был утрачен.

Пережитки «революционаристской» идеологии, остатки прежней веры в идеи «экспорта» революции приняли к тому времени форму и силу определенной политической доктрины — о нашем долге оказывать освободительным движениям различные виды помощи, включая прямую военную. Эти идеи, уходящие корнями в революционный романтизм, свойственное на каких-то стадиях многим великим революциям мессианство причудливым образом переплетались с имперскими притязаниями и амбициями. А те, в свою очередь, коренились в еще более далеком прошлом; после революции они были возрождены Сталиным и в той или иной форме пережили его. При таком крутом «замесе» тех и других мотивов в ряде ситуаций становилось все труднее точно, верно и трезво оценивать, насколько государственная политика соответствует национальным интересам.

Все это с середины 70-х годов заметно давало себя знать, особенно в отношении к странам «третьего мира». Как раз в этом политическом регионе тогда начались весьма драматические события, послужившие одной из причин свертывания разрядки.

Первым из таких событий стала, пожалуй, посылка кубинских войск в Анголу для поддержки одной из сторон — партии МПЛА — в разгоревшейся там политической и вооруженной борьбе, определявшей, кто будет у власти после ухода португальских колонизаторов. Насколько я знаю (правда, представления у меня самые общие), инициатором в этом деле дей-

ствительно была Куба, но мы в него с самого начала оказались вовлечены. И не только тем, что политически поддерживали Кубу и снабжали ее оружием, но и прямым участием в переброске кубинских вооруженных сил в Анголу, а потом широкой помощью правительству МПЛА, в том числе оружием и военными советниками.

Конечно, ситуация в Анголе была непростая, вмешательство в ее дела осуществляли США (тайно, через ЦРУ), Китай и ряд других стран. Но это не отменяет того факта, что наша политика противоречила провозглашенным нами принципам и могла иметь — и имела — негативные последствия.

Что меня особенно беспокоило в то время? То, прежде всего, что участием в этой акции мы вступили на путь использования или содействия использованию иностранных вооруженных сил в странах «третьего мира». Как бы для контраста нашим действиям конгресс США отказался предоставлять ассигнования на дальнейшую поддержку проамериканских партий и фракций, боровшихся за власть в Анголе. В общем, я считал, что все это не только очень плохо повлияет на наши отношения с США, да и с Западом в целом, но может негативно сказаться на развитии аналогичных событий, послужит началом, «почином» такого рода международного поведения. Видел это не один я. Многие специалисты и эксперты понимали, что такой поворот событий, такое наше поведение могут серьезно подорвать разрядку.

Несколько раз я говорил на эту тему с Андроповым. Он внимательно слушал, не обрывал меня и со мною не спорил, впрочем, и согласия не выражал. Говорил я, притом обстоятельно, также с Громыко. Разговоры были с глазу на глаз. А вот с Брежневым до-

велось поговорить, поспорить на эту тему в присутствии целой группы товарищей, некоторые из них живы и продолжают работать. Произошло это осенью (то ли в ноябре, то ли в декабре) 1975 года в Завидово, где собрались работники ЦК, МИД СССР, а также ученые, которых привлекли к подготовке документов XXV съезда КПСС. В ходе обсуждения внешнеполитического раздела будущего доклада разговор зашел о только заваривавшихся событиях в Анголе. Я сказал Брежневу, что, по моему мнению, участие там кубинских войск и наша помощь в обеспечении этой операции могут обойтись очень дорого, ударят по основам разрядки. Моим главным оппонентом сразу же выступил А. М. Александров, возразивший, что ему Ангола напоминает Испанию в 1935 году, и мы просто не можем остаться в стороне. Брежнев заинтересовался завязавшимся диалогом и сказал: «Представьте себе, что вы члены Политбюро, спорьте, а я слушаю» (к такому приему — вызвать на спор и послушать — он прибегал не раз). Присутствовали Андропов, Иноземцев, Бовин, Загладин, но не вмешивались.

Мои доводы сводились в основном к тому, что мы, конечно, вправе, даже связаны моральным долгом помогать национально-освободительному движению. Наверно, нет сомнений, что самый достойный представитель этого движения в Анголе — МПЛА. Но есть ведь разные формы помощи. Политическая поддержка не вызывает сомнения, возможна и экономическая помощь, нельзя исключать даже, скажем, помощи оружием. Но участие в военных действиях подразделений регулярных вооруженных сил иностранной державы радикальным образом меняет ситуацию. Американцы только что ушли из Вьетнама, а тут мы и наши друзья в совершенно новой ситуации,

в условиях разрядки, пытаемся возродить дурную традицию.

Александров, возражая мне, в основном приводил доводы идеологического характера — о нашем интернациональном долге, о том, что мы не можем от него уклоняться. В какой-то момент Брежнев, слушавший довольно внимательно, нас прервал и, обратившись ко мне, сказал, что понял, что я имею в виду, — участие регулярных вооруженных сил в военных действиях за рубежом будет противоречить Хельсинкскому акту. Я, разумеется, живо согласился с ним. Но тут Александров привел совершенно неожиданный для меня довод: «А помните, Леонид Ильич, как вели себя американцы во время индо-пакистанского конфликта?» Брежнев очень эмоционально отреагировал, сказал о политике США что-то резкое и вдруг как-то сразу погас, «выключился», — это с ним после болезни все чаще случалось. А через минуту сказал: «Ну, вы спорьте, а я пойду к себе». На этом спор и закончился.

К сожалению, я оказался прав. Ангола открыла целую серию аналогичных акций. В политике часто бывает, что, если какой-то шаг, какая-то акция сходит с рук, вроде бы приносит успех, ты почти обречен на повторения. До тех пор, пока не нарвешься на крупную неприятность. Мне кажется, что так получилось и в данном случае. После Анголы мы смело зашагали по этому накатанному пути, на деле же — по ступеням эскалации: Эфиопия, Йемен, ряд африканских стран, наконец — Афганистан».

Брежнев и его сподвижники, как известно, совсем не были склонны обременять себя доверительными беседами с управляемым ими народом. И советские журналисты не спешили оповестить мир о том, что

происходит за закрытыми дверями ЦК. И в советском Генштабе не устраивали регулярных «брифингов» для инкоров. Наоборот — и чекисты, и обслуживающая их пресса вкупе с КГБ и цензурой были озабочены тем, как бы понадежнее упрятать концы в воду и скрыть тайну. Так что вещи мандельштамовские слова — «мы живем, под собою не чуя страны», — в Советском Союзе оставались актуальны. И можно только посочувствовать многострадальному племени западных советологов, которым приходится, сравнивая и сопоставляя разрозненные факты, по крупице восстанавливать — словно доисторического динозавра по нескольким позвонкам — подлинную картину происходящего за стенами Кремля.

Плотным покровом тайны была окружена и «афганская операция». Среди западных экспертов до сих пор не утихают споры о том, в чем же заключалась ее истинная цель: одни утверждают, что вторжение в Афганистан лишь «первая ласточка», за которой должен был следовать советский рывок к Персидскому заливу и Индийскому океану. Другие говорят, что оккупация Афганистана — мера, направленная в первую очередь на охрану советских среднеазиатских республик от проникновения идей воинствующего ислама. Третьи считают, что Москва просто-напросто воспользовалась благоприятным моментом и прибрала к рукам то, что «плохо лежало».

Рано или поздно все тайное становится явным, и спустя год после вторжения в печать стала просачиваться информация, проливающая истинный свет на мотивы и намерения, толкнувшие кремлевских стратегов на афганскую авантюру. Немалая заслуга в этом принадлежит двум экспертам по Афганистану — английскому журналисту индийского проис-

хождения Энтони Маскаренхасу и американскому востоковеду Зелигу Харрисону. Им удалось встретиться и побеседовать со многими участниками и очевидцами афганской драмы и сделать собранные сведения достоянием гласности.

Чтобы понять первопричины событий, закончившихся вторжением 85-тысячного советского экспедиционного корпуса в пределы южного соседа, необходимо хотя бы вкратце ознакомиться с афганской историей предшествующего десятилетия. Испокон веку многочисленные племена, населяющие страну, враждовали между собой. И высшим судьей и последним аргументом в спорах и раздорах чаще всего оказывалась винтовка. Но даже и по афганским меркам история последнего десятилетия была особенно кровопролитной: в течение семи лет четыре раза менялась власть в Кабуле, и все четыре раза новое правление начиналось с похорон предыдущего властителя.

40 лет — с 1933 по 1973 год — Афганистаном правил Захир-шах. В 1973 году Захир-шаха сверг его же первый министр Мохаммед Дауд, провозгласивший себя президентом, а Афганистан — республикой. Став у кормила власти, Дауд продолжал прежнюю афганскую политику нейтралитета с легкими реверансами в сторону северного соседа. Москва к нему относилась терпимо и особенных планов в отношении Афганистана не строила.

В это время в стране уже существовали две коммунистические фракции, связанные с разными этническими группами. Одна из них — Халк, возглавляемая Ноором Тараки и Хафизуллою Амином, вербовала своих последователей из числа жителей небольших городов и горных деревень и из среды военных. Другая — Парчам, под руководством Баб-

рака Кармаля, в большинстве состояла из выходцев из средних городских слоев и мелкой интеллигенции. Москва с самого начала больше благоволила к Парчаму и его лидеру Кармалю. Но коммунисты в середине семидесятых годов пользовались в исламском Афганистане весьма незначительным влиянием. И только после того, как Мохаммед Дауд стал все больше склоняться к западной ориентации и вместе с бывшим иранским шахом строить планы создания военного и политического союза, Кремль начал ратовать за слияние обеих коммунистических групп для противодействия Дауду.

Коммунистический переворот произошел 27 апреля 78-го года, можно сказать, на ровном месте. Поводом к нему послужило убийство одного из лидеров Парчама — Мир Акбар Хайбера, последовавшая вслед за тем многотысячная демонстрация во время его похорон и начавшиеся за ней по приказу Дауда аресты коммунистов. Но Дауд промедлил — 27 апреля произошел переворот, и Дауд был казнен.

Коммунистический режим в Афганистане был преподнесен Кремлю, что называется, на блюде. Правда, у руля оказались не совсем те люди, на которых ставила Москва. Премьер-министром стал лидер Халка учитель Ноор Тараки, а Бабрак Кармаль, протеже Кремля, получил портфель заместителя премьера. Фактический же организатор переворота Хафизулла Амин на первых порах удовольствовался постом министра иностранных дел. Но с точки зрения Кремля, произошло главное — страна стала коммунистической. Неудобных же лидеров в Кремле надеялись поменять. И для начала посоветовали обеим группировкам объединиться. Через месяц после переворота в мае 78-го года обе группы слились в еди-

ную Народного-демократическую (коммунистическую) партию Афганистана.

Хотя номинально Хафизулла Амин был всего лишь министром иностранных дел, с самого начала коммунистического переворота он стал в новом правительстве едва ли не главной фигурой. Кроме того, его и Бабрака Кармаля разделяла личная вражда, и Кармаль, опасаясь за свою жизнь, добился назначения на пост афганского посла в Чехословакию. (Любопытно, что, придя к власти в сентябре 1979 года, Амин потребовал отзыва Кармаля, но за того вступилась Москва и несколько раз отказывалась его выдать, несмотря на все настояния Амина). Амин пользовался очень большим влиянием в афганской армии и в аппарате госбезопасности и упорно отказывался от помощи экспертов из КГБ, которую ему усиленно навязывали.

Беспокоило Москву и то обстоятельство, что коммунист Амин в свое время три года обучался в Колумбийском университете и принимал самое активное участие в организованной Соединенными Штатами программе образования в Афганистане (недаром сразу же после вторжения в Афганистан советских войск Амин был задним числом ославлен как американский агент, задумавший продать родину ЦРУ). В довершение ко всему Амин поддерживал самые тесные отношения с американским послом в Афганистане Адольфом Дабсом, бывшим сотрудником американского посольства в Москве (он погиб в начале 79-го года при весьма загадочных обстоятельствах). После прибытия Дабса в Кабул Амин в качестве министра иностранных дел встречался с ним 14 раз. Эти и другие обстоятельства (упорные требования продолжения советской финансовой помощи и одновременный отказ от

«дружеских советов» советских специалистов) и заставили Кремль в сентябре 1979 года попытаться устранить Амина руками его бывшего соратника по группе Халк Ноора Тараки. Но и на сей раз Амин действовал оперативнее своего противника — во время перестрелки в президентском дворце люди Амина застрелили Тараки, и Амин был провозглашен президентом Афганистана. Придя к власти, Амин очень быстро поссорился с Москвой еще больше. 6 октября, выступая на совещании с послами стран коммунистического блока, новый афганский министр иностранных дел Шах Вали обвинил Советский Союз во вмешательстве во внутренние дела Афганистана. Амин потребовал отзыва из Кабула советского посла Александра Пузанова. В ноябре месяце за подписью Амина членами группы Халк был разослан циркуляр, в котором говорилось, что русские хотят его убить. Известно, что экземпляр этого циркуляра попал в руки советских агентов в Афганистане.

Захват американского посольства в Тегеране 4 ноября 1979 года явился непосредственным катализатором афганских событий. Теперь уже очевидно, что советские вожди ожидали резкой военной реакции президента Картера на захват заложников и заботились о мерах на случай неминуемого, как им казалось, американского вторжения в Иран.

По сведениям уже упоминавшегося Энтони Маскаренхаса, опубликованным в лондонской «Санди таймс», 10 ноября, т. е. через шесть дней после захвата заложников, Советский Союз потребовал от Хафизуллы Амина предоставление в свое полное распоряжение военно-воздушной базы Шиндад на границе с Ираном. Амин решительно отказался. Маскаренхас беседовал с одной из бывших любовниц Амина, кото-

рая сказала ему буквально следующее: «Амин мне говорил, что он никогда не согласится предоставлять русским военную базу в Афганистане, потому что народ будет против. Он был очень зол на русских, но понимал, что они так просто не отступятся из-за Ирана». Эти же сведения подтвердил в беседе с Маскаренхасом бежавший на Запад племянник Амина Залмай, который в течение долгого времени был его телохранителем: «В конце ноября мой дядя находился в очень угнетенном состоянии. Однажды вечером он увел меня в сад и сказал, что русские сильно на него давят, и требуют, чтобы он предоставил им базу в Шиндаде, но он ни за что не согласится». Далее Залмай рассказал, что Амин начал строить планы избавления от советских советников подобно тому, как ранее это сделал египетский президент Садат.

Сведения Маскаренхаса подтверждаются и многими иностранными дипломатами в Кабуле, которые указывают, что в ноябре 1979 года Амин вступил в усиленные контакты с пакистанскими, японскими и западногерманскими посольствами, а те в свою очередь информировали американцев. Увы, Амин к тому времени приобрел репутацию деятеля, не внушающего большого доверия, и этот зондаж не принес никаких практических результатов. Но о нем стало известно в Москве, где было принято решение избавиться от Амина. Американцы же не вняли и предупреждениям о готовящемся советском вторжении. По словам одного пакистанского дипломата, американцам даже предлагали заминировать перевал Саланг, чтобы предотвратить вторжение. Но они никак на это не реагировали.

28 ноября в Кабул прибыл заместитель министра внутренних дел СССР генерал Виктор Папутин, на

которого была возложена миссия по подготовке советской десантной операции и устранению Амина. Относительно того, как был фактически устранен Амин, существуют две версии: по данным Маскаренхаса, Папутин и его подручные должны были похитить Амина и вывезти его в Москву, откуда в Кабул должен был быть доставлен Бабрак Кармаль. По словам любовницы и племянника Амина, советские повара во время банкета в канун Рождества подмешали в рисовый пудинг усыпляющего средства, но один из телохранителей Амина, не притронувшийся к пище, обнаружил что-то неладное и при появлении отряда советских десантников во главе с Папутиным открыл стрельбу и убил советского замминистра наповал. Советские десантники открыли ответный огонь и расстреляли Амина вместе со всей его семьей и прислугой.

КАК НАЧИНАЛСЯ ЗАСТОЙ

Феномен политического долголетия Брежнева поразителен и на международном, и — тем более — на отечественном фоне. За время его правления сменились — иногда по несколько раз — руководители большинства стран мира, демократических и тоталитарных, включая Францию, Великобританию, Западную Германию, Италию, Югославию, Польшу, Ватикан, Испанию, Китай, Индию, Пакистан, Иран, Израиль, Египет, даже Уганду. Одни только США сменили пятерых президентов. Что касается его собственной страны, то хоть и есть среди русских вождей и царей такие, что правили дольше его, но нет ни одного из

функционирующих лидеров, кто бы дожил до столь преклонного возраста. Здесь Брежнев рекордсмен.

Историк партии П. А. Родионов анализирует феномен политического долголетия Брежнева:

«С Брежневым я встречался не раз. В известном смысле даже являюсь его «крестником»: когда в конце 1963 года принимали решение рекомендовать меня на пост второго секретаря ЦК КП Грузии, я был у него на приеме дважды. Первая беседа была продолжительной, и о Брежневе у меня сложилось вполне благоприятное впечатление. В дальнейшем я встречался с ним еще, но особенно мне запомнилась встреча, которая состоялась в конце моего пребывания в Грузии.

Но сперва расскажу, что предшествовало ей. Положение в Грузии сложилось совершенно нетерпимое: коррупция, разложение кадров достигли здесь наибольшего расцвета. Это уже значительно позже Узбекистан, Казахстан, Туркмения да и соседние с ней республики отнимут у Грузии сомнительную «пальму первенства». Тогда, правда, еще не произносили слова «коррупция», термин этот был не в ходу, как, впрочем, и «мафия». Поэтому когда на теоретическом семинаре для республиканского партийного актива в сентябре 1969 года я сказал о том, что среди руководящих работников широко распространилось взяточничество, в том числе под видом дорогостоящих «подарков», и что на политическом языке это называется коррупцией, выступление вызвало буквально бурю.

На меня посыпались жалобы, и это понятно, ибо среди участников семинара было немало таких, на ком, что называется, «шапка горела». Атаковали, кстати, не только меня, но и тогдашнего министра внутренних дел Э. А. Шеварднадзе, который в отли-

чие от своего союзного шефа Щелокова вел борьбу с коррупцией не на словах, а на деле.

Став впоследствии первым секретарем ЦК КП Грузии, Э. А. Шеварднадзе немало сделал для оздоровления морально-психологического и нравственного климата в республике. Правда, совсем пресечь коррупцию так и не удалось, но все же мздоимцы не могли теперь действовать так открыто и нагло. В то время, о котором я веду речь, они не были разборчивы ни в способах поборов, ни в способах борьбы с теми, кто им мешал. В ход шло все: и клевета, и угрозы (вплоть до убийства), и попытки «откупиться». По машине секретаря ЦК стреляли из пистолета, и стрелявший, кстати, так и не был установлен, зато в ход пошла версия, что это, мол, «ребячьи шалости»...

Борьбу с коррумпированными элементами сильно осложняло то, что у жуликов и взяточников всегда находились сильные защитники, и не только внутри самой республики. Однажды в моем кабинете раздастся звонок телефона правительственной связи (ВЧ). Абонент представляется: «С вами говорит Яков Ильич Брежнев». Представившись, стал просить за арестованного махровейшего жулика. Я ему ответил: «Извините, но я не имею никакого права вмешиваться и давить на следственные органы», а в ответ слышу: «Вы все можете, в ваших руках большая власть». В самой категорической форме я заявил звонившему, что никаких шагов на сей счет предпринимать не стану. Содержание нашей беседы передал первому секретарю ЦК КП Грузии В. П. Мжаванадзе, который лишь сказал: «Это меня не удивляет. В другой раз адресуй его ко мне».

И до этого звонка доходили до меня слухи, что не-

которые грузинские комбинаторы нашли дорожку к Я. И. Брежневу, однако не придавал значения этим разговорам. Слышал, что он большой поклонник Бахуса, впрочем, я и сам, встречаясь с ним на различных приемах в Москве, видел, что он активно прикладывается к рюмочке. Это уже потом, после Грузии, узнал я, что был он запойным пьяницей, что на своей работе в Минчермете лишь числился, отсутствуя иногда по 2—3 недели, и что на вопрос Л. И. Брежнева: «Где Яков?» — руководители министерства часто ничего не могли ответить. (Кстати, о похождениях Якова Ильича многое известно водителям гаража ЦК КПСС, которым приходилось развозить его по различным адресам даже после кончины венценосного брата. Много толков шло и идет по сей день о шикарной даче, построенной для Я. И. Брежнева в районе Барвихи. Нет ли там «долевого участия» любезно опекаемых им комбинаторов?)

Протекционизм, «телефонное право» принимали в Грузии массовый и открытый характер. В ряде партийных организаций шла торговля... партийными билетами, за прием в КПСС разного рода жулики, выдвигавшиеся затем на более высокие должности, давали крупные взятки. Получив сигналы о таких позорных фактах и убедившись в том, что они верны, мы в отсутствие Мжаванадзе, собрали бюро ЦК в строго наказали виновных, исключив кое-кого из партии. Решение, надо признать, было принято с большим скрипом, потому как некоторые члены бюро не желали «выносить сор из избы». Особенно сопротивлялся фаворит Мжаванадзе Чануквадзе, который рьяно защищал своего выдвиженца — тогдашнего первого секретаря Сухумского горкома партии, получившего в конце концов строгий выго-

вор с занесением в учетную карточку за злоупотребления, допущенные при приеме в ряды КПСС.

На моей памяти Мжаванадзе сменил несколько фаворитов, но этот последний оказывал наибольшее влияние на патрона. Коварный и хитрый, льстивый, действовал он зачастую и через домашних Мжаванадзе, особенно через его супругу, связывая «шефа» буквально по рукам и ногам. Когда же Мжаванадзе освободили наконец от занимаемой должности, первым от него отрекся не кто иной, как его могущественный фаворит Чануквадзе, имевший к тому времени большие связи в Москве. Его освободили от поста секретаря ЦК, подвергли острой критике (делегаты абхазской партийной конференции, к примеру, решительно отвергнув кандидатуру Чануквадзе на очередном съезде Компартии Грузии, откровенно сказали о его злоупотреблениях), тем не менее еще десяток лет он «ходил в министрах».

Добавлю ко всему этому, что мой преемник в Грузии Чуркин, один из героев дневников С. Н. Хрущева («Пенсионер союзного значения», «Огонек», №№ 40—44. 1988 г.), который на журнальном снимке стоит рядом с Медуновым, провожая Н. С. Хрущева из Сочи, — протеже все того же всесильного фаворита. Молва о Чуркине как о «великом комбинаторе» шла еще с тех пор, когда он был председателем Сочинского горисполкома, и вдруг, проработав какое-то время вторым секретарем Краснодарского крайкома, этот выученик и сподвижник Медунова прибыл в Грузию.

«Сам я товарища Чуркина не знаю, — представлял его Мжаванадзе на Пленуме ЦК, — но его хорошо знает Шота Чануквадзе. Посчитаемся с его рекомендацией». Большинство членов ЦК цену такой рекомендации знало хорошо, однако же проголосовали

«за». И что же? Правоохранительные органы республики вскоре уличили Чуркина в крупных взятках. В числе вещественных доказательств оказался галстук из чистого золота, подаренный Чуркину бывшим директором фармакологического техникума Тодуа, у которого при обыске было обнаружено ценностей на 765 тысяч рублей. Чуркина же, хотя и исключили из партии, тотчас устроили на хорошую работу в Калининне.

Меня часто спрашивают: имеют ли реальную основу слухи о причастности Мжаванадзе и его супруги к коррупции? В свое время на сей счет я получал информацию из заслуживающих полного доверия источников и делился ею с руководящими товарищами из ЦК КПСС, но, поскольку делу не был дан ход, прибегать к каким-либо категорическим утверждениям не могу, памятуя к тому же о презумпции невиновности. Но скажу другое. Вскоре после моего переезда в Грузию чета Мжаванадзе пригласила меня и мою жену в гости. Жили хозяева скромно, одевались тоже. Однако прошло время, и все изменилось — у жены и дочерей первого секретаря стали появляться дорогостоящие наряды, украшения, стало входить в моду пышное празднество дня рождения супруги Мжаванадзе — «царицы Виктории», как ее называли, с приглашением большого количества гостей и преподнесением дорогостоящих подарков. И квартиру чета Мжаванадзе занимала теперь не в таком скромном, как раньше, особняке — заметно выделялся он и фасадом, и планировкой, и отделкой. Правда, был особняк на несколько семей, — включая и семью последнего фаворита, но огромная квартира Мжаванадзе напоминала скорее антикварный магазин высшего класса, чем жилье. Вот такая метаморфоза за каких-

нибудь несколько лет! К этому добавлю, что супруга «первого» стала бесцеремонно и, надо полагать, отнюдь небескорыстно вмешиваться в расстановку кадров в республике, определяя на престижные должности и «теплые местечки» людей из своей «личной номенклатуры».

Видя, что моя информация о положении дел в Грузии не находит должной реакции в аппарате ЦК КПСС, я обратился напрямую к Л. И. Брежневу и попросил принять меня. Он внимательно слушал мой рассказ, поощряя даже к большей откровенности, но только потом я понял, что сообщенные мною факты интересовали его не сами по себе, а нужны были как аргументы для устранения последнего из «мавров», сделавших свое дело: в свое время Мжаванадзе помог Брежневу устранить Хрущева, о чем я расскажу ниже...

Доводилось мне встречаться с Л. И. Брежневым и в иной обстановке, когда он посещал Грузию. Был он общителен, контактен, любил шутку и сам умел пошутить, особенно во время застолий. Мог вдруг разоткровенничаться. Насчет того, например, как тяжело ему носить «шапку Мономаха», что в голове под этой шапкой и ночью прокручивается все, над чем приходится думать днем. «А думать приходится ой как много и о многом!» Если отбросить позерство Брежнева, то на многих людей, которые с ним общались, он производил очень хорошее впечатление.

При всем том Брежнев принадлежал к числу людей, о которых в народе метко говорят: «Мягко стелет, да жестко спат». В прессе как-то попалась на глаза фраза о том, что сентиментальность Брежнева соседствовала с беспощадностью, что бархатные перчатки лишь прикрывали стальные кулаки. С этим я

полностью согласен: Брежнев без колебаний убирал всех инакомыслящих, подслащивая при этом пиллюлю. Не щадил он и тех, кто был близок к нему, но сделал вдруг неосторожный, опрометчивый шаг, вызвавший неудовольствие патрона. Так оказался в опале Ф. Д. Кулаков, тогдашний член Политбюро в секретарь ЦК, ведавший вопросами сельского хозяйства (кстати, именно он покровительствовал Чануквадзе), впал в немилость С.

М. Цвигун, который благодаря близости к Брежневу стал первым заместителем Председателя КГБ, членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР и в числе очень немногих людей пользовался его особым доверием. Переменчивость Брежнева настолько потрясла Цвигуна, что он покончил жизнь самоубийством. Патрон же его и «благодетель» даже не поставил под некрологом свою подпись...

Вот вам и «отсутствие ярко выраженного честолюбия и властолюбия», как в одной из публикаций говорилось о Брежневе. Вот вам, наконец, и «пустой резиновый сосуд», как образно назвал Брежнева Федор Бурлацкий. Подобные характеристики, с моей точки зрения, расходятся с истиной.

Что касается отсутствия «ярко выраженного честолюбия и властолюбия», то многочисленные факты опровергают такой вывод. Относительно же «пустого резинового сосуда» тоже, по-моему, требуется кое-что прояснить. Если иметь в виду интеллект, эрудицию, остроту ума, то да, подобный образ, пожалуй, удачен. Брежнев в этом смысле был действительно посредственностью. И отнюдь не случайно он окружал себя, как правило, людьми серыми, чтобы выделяться на этом фоне. Он убирал тех, кто поумнее, поспособнее, проявляя при этом необычайную изворот-

ливость, недюжинную хитрость, ловкость. Умело используя явную слабость демократических традиций в партии и в обществе в целом, он шаг за шагом укреплял свое положение в верхнем эшелоне власти.

В 1973 году начался обмен партдокументов, и средства массовой информации оповестили весь мир о том, что рукой Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева подписан был партийный билет за № 00000001 на имя Владимира Ильича Ленина: буквально на следующий день было сообщено, что партбилет за номером 00000002 вручен самому Леониду Ильичу. Вдохновителей этих «процедур» даже не смутил тот факт, что в биографии В. И. Ленина (издание 1960 года) была помещена фотография ленинского партбилета № 114482, выданного ему в 1922 году за подписью секретаря Замоскворецкого райкома (райкома, а не ЦК!). Партбилет, выданный Ленину в 1917 году и подписанный членом Выборгского райкома, учеником Ильича по партийной школе Лонжюмо И. В. Чугуриным, имел № 600. Что же касается билета № 1, то его выдали питерскому рабочему Г. Ф. Федорову, активному участнику Октябрьской революции, в доме которого Ленин скрывался перед отъездом в Разлив. Об этом замечательном большевике можно прочитать на странице 565 50-го тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина.

Популярность нового лидера партии катастрофически падала. «Трюком» с выпиской партбилета № 1 на имя В. И. Ленина и партбилета № 2 на имя Брежнева искусственно пытались доказать «преемственность» новым руководством страны ленинского курса («от Ильича до Ильича!»). Ближайшее окружение Брежнева делало все, чтобы поддерживать своего «патрона», и не кто иной, как «серый кардинал» Сус-

лов, как его называли, предлагает осуществить ряд мер по укреплению авторитета Л. И. Брежнева, уязвив это с приближавшимся 70-летием последнего.

Позже появится печально знаменитая «автобиографическая» трилогия Брежнева, написанная бойкими перьями тех, кто тоже «выполнял поручение»...

Освободившись от неотложных дел, я стал перелистывать присланный читателем наш многострадальный труд, и оказалось, что почти все страницы книги перечеркнуты крест-накрест цветным карандашом, а на многих страницах сделаны надписи: «Зачем выпускали?», «брехня», «чушь собачья», «Брежневу давно пора уходить. Куда он ведет и приведет страну?», «А за что, за какие же заслуги такой “золотой дождь”?». «Разве на Малой земле решился исход войны?», «Орден Победы выдается только полководцам. А какой же к черту Брежнев полководец? Все это делают лизоблюды и подхалимы из окружения Брежнева. Стыд им и позор!» И все в таком духе, а кое-где даже похлеще.

Читать это было, разумеется, неприятно, но ведь и возразить было нечего, тем более что стараниями вассалов на Брежнева в то время и действительно ниагарским водопадом низвергался золотой дождь звезд, всевозможных наград и почестей.

Одним из тех, кто активно способствовал прославлению «вождя» был К. У. Черненко, отмеченный самыми высокими наградами и почестями вплоть до присуждения, правда, в закрытом порядке, Ленинской премии за участие в... реконструкции одного из кремлевскихзданий.

Коль скоро речь зашла о Черненко, скажу, что знал я его довольно хорошо по совместной работе в секторе (он им тогда заведовал) Идеологического от-

дела ЦК. По натуре замкнутый, немногословный, он не больно-то легко открывался. О таких людях обычно говорят: «себе на уме», что в общем-то соответствовало натуре Константина Устиновича Черненко. Добросовестный, исполнительный, службист до мозга костей, он всегда стремился и умел потрафить начальству: вовремя что-то сказать, вовремя, если сложились другие обстоятельства, многозначительно промолчать. Не будучи мастаком по части писания бумаг, умело использовал возможности других, выжимая из подчиненных ему работников максимум возможного, причем даже и в делах, не входивших в круг их прямых обязанностей. Обладал совершенно поразительным чутьем в отношении приемлемости или неприемлемости того или иного готовившегося в секторе документа, тонко и почти безошибочно угадывая конъюнктуру, требования момента.

«Голубой мечтой» Черненко был пост заместителя заведующего отделом, благо с тогдашним заведующим отделом Л. Ф. Ильичевым у него сложились очень хорошие отношения. Мечта была близка к осуществлению, не стань Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, который, формируя свой аппарат, первым делом пригласил К. У. Черненко, чтобы предложить тому пост начальника канцелярии Председателя. На размышление был дан всего лишь день, и именно в тот день, когда Черненко должен был дать ответ Брежневу, я зашел к нему с каким-то срочным делом. И что же я вижу? Сидит мой шеф, обхватив голову обеими руками, туча тучей, сам чуть не плачет. Отложив довольно небрежно принесенную мною бумагу, после длительной и мучительной паузы он вдруг сказал мне о предложении, которое сделал ему Брежнев. Подобный при-

ступ откровенности случался с ним лишь в самых исключительных случаях. «Если бы ты знал, как я этого не хочу! — сказал он мне. — Но что делать? Отказаться — значит, испортить отношения с Брежневым, а это мне может дорого обойтись».

Брежневу он дал согласие, хотя новый пост был для него, по существу, понижением. Значительно позже стал Черненко начальником Секретариата Президиума Верховного Совета, и таким образом его статус заметно повысился. С уходом его из ЦК разошлись и наши пути. Честно говоря, думалось, что так он теперь и застрянет на этом новом для себя поприще, тем более что указанной должности он вполне соответствовал. И конечно же, я и представить себе не мог, какой неожиданный оборот примут события всего лишь через какие-нибудь три—четыре года, какие перемены произойдут в жизни Черненко.

Когда Брежнев стал лидером партии и страны, уже можно было с большой долей вероятности предположить, что Черненко он переведет в ЦК и, скорее всего, на должность заведующего Общим отделом, поэтому назначение последнего на указанный пост у меня не вызвало, да и не могло вызвать удивления. Тогда, помню, мысль мелькнула: «Ну вот и достиг он своего потолка». Так же, вероятно, думали многие из тех, кто знал возможности Черненко. И когда того избрали секретарем ЦК, оставив одновременно заведующим Общим отделом, — даже это можно было еще как-то объяснить, понять, хотя тут уже был большой перебор. Последующий же взлет его был, что называется, фантастическим, особенно если иметь в виду его избрание Генеральным секретарем. Такое, даже с учетом наших тогдашних «порядков», никак не укладывалось в голове.

Надо сказать, что Черненко претендовал на пост Генерального секретаря ЦК сразу после смерти Брежнева».

7 ноября 1982 года, за три дня до смерти, престарелый советский вождь, поддерживаемый с обеих сторон помощниками, останавливаясь, чтобы отдышаться, на каждом переходе, с трудом поднялся на трибуну ленинского Мавзолея. Он простоял там несколько часов, подняв в приветствии одеревенелую руку. Старческая кровь на десятиградусном морозе не согревала, мускулы на отеком лице окаменели. То было прощание с принадлежавшей ему когда-то Красной площадью, Москвой, Россией — через неделю на Мавзолее поднялись его коллеги и преемник Юрий Владимирович Андропов открыл траурный митинг. Гроб опустили в могилу у Кремлевской стены между Мавзолеем, где лежал основатель Советского государства, и могилой преемника Ленина — Сталина, при котором Брежнев начал свою политическую карьеру.

И вновь историк партии П. А. Родионов:

«Выбор кандидатов на этот пост по тогдашним условиям был весьма ограничен — или Черненко, или Андропов, и объективно дело складывалось так, что вокруг них и развернулась настоящая борьба. Именно борьба, ибо не все было так просто, как это подчас изображает наша печать, упрощая сложнейшую ситуацию: «на следующий день, после того как страна узнала о смерти вождя, в Москве состоялся внеочередной Пленум ЦК КПСС», «на повестке дня стоял всего один вопрос — избрание нового Генерального секретаря», «накануне этот же вопрос обсуждался на экстренном заседании Политбюро, которое поручило Константину Черненко предложить участникам Пле-

нума кандидатуру секретаря Ц. К КПСС Юрия Владимировича Андропова», — все, повторяю, просто, но в действительности многое было совсем не так.

Как бы то ни было, но победа, все же была на стороне Ю. В. Андропова, и только тогда Политбюро действительно поручило Черненко выступить на Пленуме ЦК, состоявшемся 12 ноября 1982 года. Его речь в основном была посвящена ушедшему лидеру, о котором он говорил как о талантливом продолжателе ленинского дела, великом и неутомимом борце за идеалы мира, как о человеке, жившем интересами общества, народа, как о выдающемся руководителе, оставившем партии и народу драгоценное наследство, о том, что нормами нашей жизни стали при Брежневеве требовательность и уважение к кадрам, нерушимая дисциплина и поддержка смелых полезных инициатив, нетерпимость к любым проявлениям бюрократизма и постоянная забота о развитии связей с массами, о подлинном демократизме советского общества. Говорилось все это, разумеется, совершенно серьезно, возможно, даже с искренней верой в справедливость и реальность сказанного.

Что касается рекомендации на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, то она была весьма лаконичной. Для порядка назвав Юрия Владимировича ближайшим соратником Леонида Ильича, который высоко ценил его, Черненко заявил, что все члены Политбюро считают, что Юрий Владимирович хорошо воспринял «брежневский стиль руководства», «брежневскую заботу об интересах народа», «брежневское отношение к кадрам».

«Хорошо воспринявший брежневский стиль» Ю. В. Андропов, став генсеком, действовал вопреки этому «стилю». Черненко, вынужденный мириться с

тем, что произошло, как видно, не оставлял надежд стать при соответствующем стечении обстоятельств генсеком. После Андропова он считался вторым человеком в руководстве, но именно считался. Вот весьма характерный эпизод той поры. Будучи как-то в ЦК, я встретил в коридоре одного из его помощников. Тот попросил меня зайти к нему, благо встретились мы возле его кабинета. Видя, что он не в духе, я задал ему вопрос: «Вы чем-то расстроены?» — а в ответ услышал, что, да, расстроен, но еще больше расстроен «шеф», который на несколько дней раньше срока вышел из отпуска, чтобы принять участие в крупном совещании, а Андропов, встретив его, заявил: у тебя еще отпуск, так что ты догуливай его, а совещание мы проведем без тебя. Когда же Черненко заметил, что из-за этого совещания он прервал отпуск, торопился в Москву, Андропов ему бросил: ладно, мы подумаем. Рассказав мне это, помощник присовокупил: ведь Андропов очень больной человек, зачем он стремился на этот пост, ему надо бы подать в отставку. Я, конечно, понял, что слова эти не его, а его шефа. Про себя же подумал, что Черненко тоже не может похвастаться здоровьем, а что касается его личных качеств, то с Андроповым ему, конечно же, тягаться не под силу... Добавлю еще, что упоминавшееся выше совещание (мне довелось на нем быть) открыл краткой вступительной речью не Черненко, а М. С. Горбачев.

«Что же касается Ю. В. Андропова, то с него, по моему глубокому убеждению, никак нельзя снимать политическую ответственность не только за застойные явления в стране в «эпоху Брежнева», но и за серьезные недостатки, промахи и даже срывы в работе Комитета государственной безопасности, который он воз-

главлял много лет. Да, на этой должности Ю. В. Андропов много делал для улучшения деятельности КГБ, но вместе с тем, к великому сожалению, верно и то, что именно тогда началась в стране «охота на ведьм», усиленно создавался образ врага, применялись непомерно суровые методы борьбы против инакомыслящей интеллигенции. Именно в те годы шла во многих случаях неоправданная «утечка мозгов» за рубеж. В борьбе с инакомыслием КГБ вкупе с другими ведомствами применял порой совершенно дикие по своему характеру и формам методы. Чего стоит уничтожение выставки художников-нонконформистов в семьдесят четвертом году в Москве, когда в ход пустили бульдозеры? Кстати, по сообщению «Правды», организатор этой печальной памяти выставки А. Глезер, оказавшись на Западе, создал в Париже и Нью-Йорке два музея русского современного искусства, а теперь, глубоко сочувствуя начатым на его вынужденно покинутой родине преобразованиям, объявил о создании «Международной ассоциации интеллигенции в пользу перестройки», обещает передать 300 полотен, из которых 50 принадлежат ему лично, в будущий музей современного искусства в Москве...

Никуда не уйдешь и от прискорбного факта, что конец 60-х, все 70-е и начало 80-х годов ознаменовались у нас в стране широкой кампанией по борьбе с так называемыми диссидентами, или «узниками совести», чьи высказывания объявлялись клеветой на советский общественный строй. Судебными процессами, тюремным заключением и ссылкой дело, однако, не ограничивалось. Для усмирения инакомыслящих использовались психиатрические больницы, куда направляли совершенно здоровых людей. Так было, например, с героем Великой Отечественной войны, ны-

не покойным генералом Петром Григорьевичем Григоренко, с известным ученым-биологом Жоресом Медведевым, проживающим ныне в Англии и издавшим несколько книг, вызвавших большой интерес зарубежных читателей. К слову сказать, популярный ныне историк Рой Медведев, родной брат Жореса, давно уже и широко известный на Западе своими произведениями, издававшимися там, долгие годы «ходил» в тунеядцах и диссидентах.

Беспрецедентной мерой борьбы с инакомыслием в послесталинское время была ссылка без суда и следствия. Так был сослан в Горький «главный диссидент» академик Андрей Дмитриевич Сахаров, что одновременно сопровождалось кампанией клеветы в его адрес, когда публиковались разного рода «протесты» писателей, композиторов, рабочих. В числе прочих было и составленное в тиши кабинетов «обличительное» письмо под заголовком «Когда теряют честь и совесть» («Правда», 29 августа 1973 г.), подписанное сорока академиками, проявившими малодушие и не решившимися, как это сделал, скажем, академик В. Гольданский, выступить в защиту Сахарова. Письмом дело не кончилось. Были предприняты упорные попытки добиться исключения Сахарова из Академии наук СССР, но к чести большинства академиков и к неудовольствию организаторов травли эта попытка была сорвана. Остается только сожалеть, что Академия не смогла защитить выдающегося ученого и честного человека от притеснений, унижений и надругательства над его именем: иначе чем надругательством нельзя, на мой взгляд, назвать и книгу «ЦРУ против СССР», автор которой Н. Яковлев обливал грязью известного всему миру ученого.

Масштабы репрессий тех лет не идут, конечно же,

ни в какое сравнение со сталинскими. Но одно то, что происходило это после XX и XXII съездов партии, не может не поражать. Нет никакого оправдания тому, что после «оттепели» подули холодные ветры. Повинны в этом, конечно, не только работники КГБ и его руководители, хотя, несомненно, их вклад был немалым. И здесь я не могу не согласиться с А. Д. Сахаровым, который пишет, что, с одной стороны, органы КГБ благодаря своей элитарности оказались почти единственной силой, не затронутой коррупцией и поэтому противостоящей мафии, а с другой — встали на путь безжалостного преследования инакомыслящих. Противоречие это и двойственность, по мнению Сахарова, несомненно, отразились и на личной судьбе, и на позиции руководителя КГБ Ю. В. Андропова. В самом деле, не дай в свое время Андропов сильный импульс в деле разоблачения коррупции, организованной преступности наших доморощенных мафиози, могло и не появиться ни «узбекских», ни «краснодарских», ни «московских» громких дел. Как признают сами следователи по особо важным делам Прокуратуры СССР, участие КГБ в ходе следствия сыграло решающую роль, например, в деле небезызвестного Трегубова, который, пользуясь покровительством Гришина, многие годы совершал тягчайшие преступления.

Но, с другой стороны, и об этом справедливо пишет в «Огоньке» А. Головков (№ 4, 1989 г.), именно работники КГБ в эпоху Брежнева буквально стряпали «дела» некоторым истинным патриотам, проводили их через суды, «подчиняющиеся только закону», отправляли на муки мученические в колонии строгого режима и ссылки. Там такие же «служители закона» всячески глумились над заключенными, по надуман-

ным поводам создавали новые «дела», что влекло для заключенных новые сроки и новые муки. Доводя людей до полного отчаяния, заставляли их «раскаиваться» в грехах и преступлениях, которых те не совершали: эти сюжеты показывали по Центральному телевидению, статьи о «прозрении» публиковались в газетах. «Метода», как видим, очень смахивает на ту, что применяли сталинские oprичники. Правда, говоря об одном из украинских следователей — майоре КГБ Зинченко, автор замечает, что он человек вежливый, неглупый, непохожий на бывалых садистов из НКВД. Но этот «вежливый» и «неглупый» сфабриковал дело на не повинного ни в чем человека — преподавателя средней школы В. И. Беликова, который сравнил брежневский режим с ракетой, потерявшей управление. К 7 годам лишения свободы и 5 годам ссылки был он приговорен коллегией киевского суда. Такая же участь постигла «особо опасных преступников» — майора запаса Ф. Ф. Анаденко и подполковника В. С. Волкова, вся вина которых заключалась в том, что они послали в редакцию «Правды» статью, в которой просили ответа на вопрос о происхождении культа личности Сталина, обращая при этом внимание на «медлительность возвращения к ленинским принципам». И только постановлением пленума Верховного суда от 27 сентября 1988 года они оба были полностью реабилитированы, приговор киевского городского суда и все последующие решения в отношении их отменены, а «дела» прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления...

Никогда не забуду отвратительные политические шоу, которые разыгрывались в те дни, когда Черненко уже одной ногой стоял в могиле. В ходе избирательной кампании по выборам в Верховный Совет

СССР велись передачи из загородной больницы — на всю страну демонстрировали К. У. Черненко, который опускает бюллетень в избирательную урну, получает через несколько дней временное удостоверение о его избрании депутатом Верховного Совета, читает благодарственную речь, которую его заставили читать, и было видно, чего ему стоило все это. Организатором этих нелепейших акций был В. В. Гришин, бывший первый секретарь МГК КПСС, претендовавший на пост генсека. Именно ему, а не Черненко нужны были эти шоу, которые срамили и позорили нас на весь мир, порождали насмешки и злые анекдоты. Заставлять смертельно больного позировать перед телекамерами — что может быть нелепее и кощунственнее! Но чего не сделаешь ради своей карьеры, ради заманчивой перспективы стать первым в партии и стране!..»

ТЮРЬМЫ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

Свыше 30 миллионов человек в той или иной форме прошли через места лишения свободы с 1953 года до наших дней. В некоторых городах и рабочих поселках каждый второй-третий мужчина когда-нибудь «сидел». Огромное, часто нами не осознаваемое влияние лагерной субкультуры на психологию, взаимоотношения, речь людей стало нашей национальной особенностью. Евгений Евтушенко точно подметил в одном из стихотворений, что у нас «интеллигенция поет блатные песни». Знать эту сторону собственной жизни нам необходимо, чтобы изменить общество к лучшему.

Вообще же, по числу разновидностей мест лишения свободы наша страна не имеет себе равных. Есть исправительно-трудовые колонии четырех видов режима: общего — для осужденных впервые на срок до 5 лет, усиленного — для осужденных впервые за тяжкие преступления, строгого — для неоднократно судимых и особого — для тех, кого суды признали особо опасными рецидивистами (ООР). Разница между ними невелика — главным образом в количестве позволенных осужденному свиданий, посылок и отправленных писем. Кроме того, обитатели колонии особого режима носят не обычную, синюю или черную, а полосатую спецодежду и зовутся оттого нежно-фамильярно «полосатиками». Современное законодательство несовершенно, поэтому далеко не всегда «полосатики» — действительно самые опасные преступники. Человек может после восьми — десяти судимостей за мелкие кражи или бродяжничество получить клеймо «ООР», в то же время убийца, рэкетир, попавшиеся впервые, будут отбывать наказание на усиленном режиме.

Несовершеннолетние сидят в воспитательно-трудовых колониях тоже двух видов режима. Подследственные, ожидающие суда и приговора, — в следственных изоляторах (именно такие каменные громады с зарешеченными окнами, часто расположенные в самом центре больших городов, как московская «Бутырка», ленинградские «Кресты», киевская «Лукьяновка», чаще всего и называют в просторечии тюрьмами). Существуют, наконец, собственно тюрьмы. Преступники называют их «крытыми тюрьмами», или попросту «крытками», а содержащихся там — «крытниками». Тюремного режима страшатся даже самые отпетые. Тот, кто прошел «крытку», обретают право

смотреть на остальных своих собратьев сверху вниз. «Крытники» бывают двух сортов: те, кому отбывание всего или части срока наказания в тюрьме было определено судом в качестве дополнительной кары (например, в тюрьме содержатся члены банды Якшиянца, угнавшие в Израиль самолет со школьниками), и переведенные из колоний за систематическое и злостное нарушение режима.

Есть еще колонии-поселения для совершивших преступления по неосторожности и для осужденных, переведенных туда из обычных колоний за примерное поведение. Поселенцу можно носить гражданскую одежду, иметь при себе деньги, жить на частной квартире с семьей (конечно, если семья захочет к нему приехать). На Севере поселенцы занимаются главным образом заготовкой леса, а в более теплых краях — сельским хозяйством.

Жертвы и палачи, богатые и бедные, заключенные и свободные периодически меняются местами. Происходит циркуляция. После смерти Берии вся его семья от сына до старой матери подверглась репрессиям, как и многие другие семьи до этого. Логика советских репрессивных органов была поистине железной. Сопратники Лаврентия Павловича тоже оказались за тюремной решеткой, а ничего иного и ожидать не приходилось.

О. Волин волей судьбы и тюремного начальства оказался в одной камере с «бериевцами».

«Из шести с лишним лет заключения два с половиной года я находился во Владимирской тюрьме, из них свыше двух лет общался с бериевцами, как с теми, чьи фамилии благодаря Конквесту и Солженицы-

ну прогремели на весь мир (Эйтингон, Мамулов), так и с известными лишь узким специалистам (Шария, Людвигов). В апреле 1961 года меня посадили в камеру 1-93, где находились Штейнберг и Брик. Эту камеру выводили на прогулку с камерой 1-76, где обитали Шария, Людвигов и Мамулов, а иногда и с 1-80, когда в ней находились Эйтингон и Судоплатов. Поместили меня туда по оперативным соображениям: словечком «бериевцы» я, как и всякий в хрущевскую эру, только ругался, они же были, безусловно, враждебны всякой свободной мысли — следовательно, антагонизм в камере обеспечен, что и требует «кум» и администрация тюрьмы.

Итак, Матвей (Матус) Азарьевич Штейнберг — высокий, крупный, но исхудавший мужчина с наголо обритой головой и старательно (дважды в сутки) бритым лицом. Лет 60. Общее впечатление — цинизм, выпирающий извивом губ, движением бесцветных глаз, даже каким-то поворотом ушей. И это впечатление цинизма подтверждалось практикой общения с ним. Короткое время он был в недоумении: как со мной обращаться? Сделал было попытку — как с подчиненным, как со шпаненком, который за печенье и сахар выносил Штейнбергу парашу и вообще «шестерил». Не вышло — не моргнув глазом сменился на изысканную вежливость. Значительную долю времени совместного пребывания мы с ним общались исключительно на французском языке: он говорил легко и гибко, а я напряженно и с ошибками, но не хотел упускать случая попрактиковаться. Еще он вполне владел испанским и итальянским.

За что Штейнберг сидел, он никогда не рассказывал. Собственно говоря, такая постановка вопроса рассмешила бы его. Он прекрасно усвоил, что сажают

не «за что», а «для чего», — для того чтобы не мешал кому-то. Так вот, кому именно он помешал, он не распространялся. Вообще, подобно Эйтингону, он и о политически значимом прошлом почти никогда ничего не рассказывал. Порой он напрямую лгал: выдавал себя за генерал-полковника, по каковому поводу Брик шептал мне, то Штейнберг всего лишь полковник. Намекал, будто арестован с должности нач. Якутского КГБ. Но в иных случаях его рассказы подтверждаются проверкой.

С полной уверенностью можно сказать, что Штейнберг никогда не был ни генерал-полковником, ни генерал-лейтенантом, что он не начальствовал в Якутском КГБ, хотя исключить недельное пребывание в должности пома или зама нельзя. По словам Мамулова, Штейнберг последнее время работал в разведупре Министерства обороны, и арест его в 1956-м, как и говорил Штейнберг, был как-то связан с Венгрией.

Начинал он свою карьеру в двадцатые годы. Часто возвращался в приятному воспоминанию — с наслаждением сталкивал крупами коней людей в реку. Речь шла о блокировании одной из демонстраций троцкистов в 1927-м, а река была Фонтанка или Мойка в районе Марсова поля. Смаковал он также последнюю фразу Блюмкина, которого расстреляли в 1929-м: «А о том, что меня сегодня расстреляли, будет завтра опубликовано в “Правде” или “Известиях”!» Повторял он ее так часто, что создавалось ощущение его личной причастности. В 30-е годы он уже работает в том гибриде наркомминдела и накрмовнудела, каким был IV отдел НКВД, ведавший внешнеполитическими операциями. Самое светлое время его жизни — работа (т. е. аресты) в Испании и в 1937—

1938 годах. С каким наслаждением повествовал он, как они вместе с Эйтинггоном жгли рукописи некоторых советских и испанских коминтерновских деятелей, когда тем грозило попасть в руки франкистам (Эйтинггон никогда не обнажал таких эмоций). Мы как раз тогда читали «Люди, годы, жизнь» Эренбурга — это и послужило поводом к беседе, во время которой Штейнберг сказал мне, что «Котов» у Эренбурга и есть Эйтинггон. В 1953-м он был смещен с прежнего поста, его стали тасовать, вплоть до Якутии, как он говорил, а в 1956-м — арестовали. Была у него куча влиятельных родственников и знакомых, он был вполне обеспеченным человеком, издавна привыкшим, как к воздуху, к своей обеспеченности и уже не заботившемся о ее поддержании. Избегал пользоваться советскими изделиями, пристрастившись к заграничным.

По тюрьме ходили слухи, сконденсированные потом в книге А. Марченко «Мои показания», будто бы бериевцы жили в роскоши и фаворе у начальства. Это неверно. Я могу насчитать только три бесспорных преимущества, которыми на самом деле пользовались обитатели этих камер:

1. Право на вежливое обращение, всегда корректное обращение. Это право надо понимать всегда в широком смысле: например, в том, как производились обыски. Отношения базировались на доверии — не сколько на доверии, что у нас нет запрещенных вещей, столько на доверии, что мы ими не злоупотребляем (например, никто из нас не станет вскрывать себе вены). Поэтому их не очень-то искали. Приезжее из Москвы начальство укоризненно указывало начальнику 1-го корпуса: «Щупляк, слишком много бритых!» (Ведь в тюрьме не бреют, а стригут машин-

кой). Тот ежился, присылал со шмоном сержантов. Но Штейнберг развивал изошренную дипломатию, подкупал надзирателей, и те закрывали глаза на наличие в камере лезвий (исключительно «Жиллет») и зеркал.

2. Право на книги.

3. Бериевцы лучше всех нас знали реальную структуру тюремного управления, «кто на кого может выходить». Это они знали еще до того, как их посадили. Они знали, кого и о чем, и как имеет смысл спросить, когда подавать жалобу целесообразнее всего, а когда надо промолчать. Они оказались в своем собственном мире, который они же и построили, а все прочие — попали в чужой, непонятный, порой вовсе непостижимый мир. И это преимущество облегчало их судьбу.

В конце 1965 года Штейнберг написал жалобу, по которой Военная Коллегия Верховсуда отменила ему статью 58-16 и снизила срок заключения «до отбытого». В январе 1966-го его освободили, и с того времени он живет в Москве.

Евгений Брик, подобно Штейнбергу, не был бериевцем в полном смысле. Общение со Штейнбергом помогло установить мне контакты с бериевскими функционерами, общение с Бриком — нет. Поэтому, строго говоря, к теме он отношения не имеет, но упомянуть стоит. Сам он называл себя сержантом, а Штейнберг шептал, что Брик — минимум капитан и родня Брикам, фигурировавшим в биографии Маяковского. В свои 20 лет (к 1940-му), он, учившийся в одной школе с «детьми Ярославского» (проговаривался кое-какими подробностями кутежей и бесчинств этого круга, чаще в беседах со Штейнбергом, а не со мной), стал штатным стукачом. Квартира его исполь-

зовалась для конспиративных встреч сексотов и в качестве места осуществления провокаций против намеченных жертв. Похоже, что первый раз у него шевельнулись некие эмоции изумления: «Да разве ж так можно?!» — но они быстро выветрились, и деятельность его стала ему представляться естественной столбовой дорогой. Фронтowych воспоминаний у него не обнаружено. Зато он был послан в США, где работал долго и успешно. Английский знал в совершенстве, хотя читал мало и не желал бесплатно практиковать меня в английском. Он полюбил Штаты несравненно больше выплачивавшей ему зарплату Родины, пропитался их духом, и я от него первого вдохнул дыхание американской свободы и американской амбиции, которые так чудесно переданы Бернстайном в «Вестсайдской истории». Он мог запросто остаться в США, но был безумно влюблен в свою жену и возжелал привезти ее в Штаты тоже, для чего в очередной раз в СССР стал готовить ей побег, что заметила его мать и в духе лучших традиций донесла. Его посадили (около 1956-го), жена почти тотчас развелась с мужем-изменником, а мать за гражданскую доблесть приобрела право на две дополнительные посылки-передачи сыну (когда они стали лимитироваться, т. е. со второй половины 1961 года). Вот единственное превышение норм передач, которое имело место у бериевцев, да и оно оформлялось как «поощрение» Брику за работу — он устроился уборщиком по коридору. Вообще, он очень тосковал в камере, рвался на любую работу с выходом из нее, мечтал о переводе в лагерь. Разумеется, он стучал, причем даже не слишком скрывал это в принципе, но никогда не сознавался в конкретном поступке. Порой он был готов и по собственному почину оказать услугу, непременно жела-

ния напакостить у него не было, но отсутствовали некоторые органы моральных чувств. В отличие от Штейнберга, он не имел прочного тыла на воле. Деньги, хотя и были, были свежеприобретенные, и он мучился вопросами дальнейшего их приобретения, покупки на них себе домика и т. п. Каждые полтора месяца бухгалтерия тюрьмы погашала в сберкассах выигравшие облигации Брика по 3%-ному займу и приобретала на выигрыш новые облигации — переписка на сей предмет составляла весомую часть жизни Брика. В конце моего пребывания в тюрьме, оказавшись с ним вдвоем (после ухода Штейнберга нас с III этажа спустили в двойник на II этаж), мы возненавидели друг друга (скорее всего, повинен был я, с января возбужденно ждавший итога ходатайств Келдыша — Твардовского и напрягавший всю силу воли, чтобы запретить себе «пустую надежду».) Однако не только до драк, но даже до непарламентских выражений у нас никогда не доходило.

В 1964—1965 годах Брика перевели-таки в лагерь.

Две другие койки в 1-93 заполнялись с калейдоскопической быстротой и к теме отношения не имеют, разве лишь потому, что из них Штейнберг подбирал себе шестерок. На прогулке же мы ежедневно встречались с обитателями 1-79, являвшимися бериевцами в прямом смысле этого слова: начальник канцелярии Берии Людвигов, начальник мест лишения свободы генерал-полковник Мамулов (Мамульян), секретарь ЦК КП Грузии по пропаганде и агитации Шария, а также забытый мной по фамилии еврей-полковник (впрочем, Штейнберг язвил, что он подполковник и не имеет права носить генеральскую папаху, которую тот надевал даже в теплые дни), арестованный в 1951-м за незаконное опробование химикатов на лю-

дах. Этот освободился к зиме 1961 года и запомнился мне только своим криком 12 апреля 1961 года, когда все ликовали по поводу запуска Гагарина в космос: «А вы почему не улыбаетесь? Вам не нравятся достижения Советской власти?!»

Мамулов — ровесник Гогиберидзе — подавлял в Абхазии восстание. С тех пор Мамулов подвизался в чекистско-партийном аппарате рядом с Берией, став после войны начальником ГУЛАГа.

В июне 1953 года был послан Берией с некой инспекцией парткадров для подготовки внеочередного, XV съезда КП Грузии, на котором Берия собирался публично закрепить начатую реабилитацию (вроде того, как во всесоюзном масштабе сделал это Хрущев на XX съезде КПСС). Не успел он прибыть в Грузию, как его настигла телеграмма от имени Берии — подложная — с приказом срочно вернуться. Выходя из самолета на военном аэродроме, он попал в объятия своего фронтового друга, тоже генерала: «Сколько лет! Вот радость-то встретиться!» — но из объятий вырваться уже не мог, ибо к двум генеральским рукам присоединилось несколько пар неизвестных, в первую очередь лишивших его пистолета. Не только сцену ареста, но и все обвинения и осуждение Мамулов рассматривал как предательство и весь был пропитан ненавистью и презрением к правящим. При визитах в камеру начальства из Москвы Мамулов демонстративно поворачивался к ним спиной — его негорбящая спина невысокого исхудавшего человека (в котором внимательный взор мог заметить прежнюю дородность), демонстративно всегда носившего серую лагерную куртку, чистую и заплатавшую, была довольно красноречива. Никогда ни с какими жалобами-заявлениями в Москву и к визитерами оттуда не

обращался. Он четко знал, что его жизненный путь поломался из-за интриг Маленкова, которого, как и его начальника Берия, он всегда не любил. Но и прочих, восторжествовавших после Маленкова, он ставил не выше, хотя остерегался отзываться о них с такой прямоотой. Читая у Авторханова в «Загадке смерти Сталина» домыслы о якобы союзе Маленкова и Берии, я посмеивался и вспоминал отношение к Маленкову Мамулова и других бериевцев. Из рассказов Мамулова — он порой говорил сам, но лишь под настроение — для меня бесспорно (впрочем, это подтверждается и многими источниками), что в последние годы (не месяцы!) Маленков находился в самых враждебных отношениях с Берией. Когда после смерти Сталина Маленков и Берия вдруг заходили по кремлевским коридорам в обнимку, заулыбались друг другу, то даже шестилетним младенцам в Кремле (как шутил Мамулов, вспоминая кремлевский анекдот, стилизованный под детский разговор) стало ясно, что вот-вот произойдет крупный переворот, что эта притворная любезность разрешится только могилой одного из них. Надо заметить, что Мамулов, подобно Штейнбергу, стал со мной толковать на эти темы только после того, как увидел, что я знаком с именами и некоторыми факторами из биографии лиц вроде Барамия, Чарквиани, Меркулова, Деканозова, Масленникова, знаю о роли несостоявшегося XV съезда КП Грузии. В противном случае он прошел бы мимо меня с гордым презрением. В отличие от Штейнберга, Мамулов не тужился сохранить замашки высшего света ни в одежде, ни в еде, ни в обращении. Глядя на него, никак нельзя было подумать, что до своего ареста он ежедневно прогуливал на поводке личного крокодила — эту пикантную подробность сообщил

или придумал неутомимый сплетник Штейнберг. Мамулов же проговорился куда более важным известием: за несколько лет до моих с ним бесед, когда еще держали в одиночке по мотивам секретности, его раз ошибочно вывели на прогулочный дворик, уже занятый другим секретным заключенным. Остолбенев, Мамулов узнал в нем высокопоставленного генерала, «которого знала вся страна», который числился, по газетным сведениям, расстрелянным по делу Берии. Тот немедленно отвернулся, спрятав свое лицо, надзиратель заорал на Мамулова: «Выходите!» — и вывел его на другой, причитавшийся ему дворик. Ошибиться Мамулов не мог: он так хорошо знал этого человека! Фамилию его он отказывался мне назвать, как я ни просил и как ни изощрялся в перечислении известных мне фамилий от самого Берии до Рюмина и Рухадзе. Он непритворно жалел, что проговорился: ему казалось, что разглашение такой государственной тайны может отягчить его собственную судьбу. Приговорен Мамулов был именно к тюремному заключению на 15 лет. Ему, как и всем прочим, отнюдь не вменялись какие-нибудь нарушения законности, изымательства над заключенными и т. п., а лишь «способствование продвижению по службе врагу народа Берии Л. П.» Все в руках Бога. Никто не знает: каково его место в истории, на земле, во Вселенной. Главное — не быть палачом для своего ближнего. Каждый человек испытывает боль, но почувствовать чужую боль не может никто.

Лейтенант милиции Здоровенко получил назначение в Столинский район на должность начальника паспортного стола Давид-Городокского поселкового отделения милиции.

Через четыре года по МВД Белоруссии огласили

приговор для служебного пользования, по которому старший лейтенант милиции Николай Здоровенко был признан виновным в умышленном убийстве тещи и осужден на тринадцать лет лишения свободы...

Тещу он убил первым выстрелом. Прямо в сердце. Ранил тестя. Направил дуло пистолета себе в грудь. Но восьмой патрон, засевший в стволе, дал осечку. Тогда в порыве безумия он схватил большой кухонный нож и дважды вонзил себе в сердце.

После лечения и трехмесячного обследования в психиатрической больнице его судили.

Из тринадцати лет отмеренного ему срока десять Здоровенко провел в Нижне-Тагильской колонии усиленного режима для спецконтингента.

При встрече Николай раздумчиво сказал:

— Теперь много разного пишут, в том числе и небылицы сочиняют, а я, между прочим, десять лет там сидел. И с какими людьми сидел...

После долгих мытарств в «столыпинах» по пересыльным тюрьмам Тагильская зона показалась раем, хотя внешне ничем особым от других многочисленных лагерей Союза не отличалась.

Зато отличалась она другим. В шестнадцати отрядах, по сто человек каждый, отбывали наказание бывшие работники милиции, суда, прокуратуры, КГБ, партийных и советских органов. Бывшие офицеры и генералы, первые секретари обкомов и председатели облисполкомов, председатели верховных судов и прокуроры республик. В основном за взятки.

Жизнь в колонии проходила по строгому, годами устоявшемуся распорядку и претерпевала лишь незначительные изменения. В основном в связи со сменой начальников.

Мне запомнился полковник Заварзин. При нем

ужесточили режим и между отрядами сделали «ло-калки», то есть изолировали один от другого.

Трудовой день начинался с развода на плацу. Под оркестр из осужденных, игравший марш «Прощание славянки», отряд за отрядом, чеканя шаг, по четверо, зэки проходили мимо начальника колонии и его «свиты». Не приведи господь, если кто-то из марширующих сбивал шаг или «ломал» ряд. Весь отряд возвращали обратно, и начиналась изнурительная «тренировка». Было в этом что-то театральное, хотя больше издевательское. Но всем нравилось. Как-никак, а разнообразие в серых буднях.

В колонии было свое профтехучилище, в котором я и проработал завхозом около девяти лет. Здесь бывшие сильные мира сего «перековывались» в сварщиков, электромонтеров, токарей, гальваников, инструментальщиков.

После годичного обучения великовозрастные «фабзайцы» с высшим, а то и двумя—тремя образованиями получали рабочую специальность и диплом, дабы в поте лица «встать на путь исправления».

Правда, в сталелитейном цеху никого из них я потом не замечал. Туда «сплавляли» непокорную молодежь-мелкоту.

У меня сложились хорошие отношения с бывшим председателем Верховного суда Дагестана Али Аливердиевым. Срок у него был большой — пятнадцать лет. За взятку. Когда я попал в колонию, Аливердиев провел там уже десять лет. В свое время Али не поделился с кем-то из Москвы, поэтому и сел.

— Коля, — говорил он мне, — я буду сидеть до тех пор, пока не умрет Черненко. Друзья «наверху» сообщили, что он пообещал меня сгноить в тюрьме.

Когда Константин Устинович стал генсеком, Али-

вердиев совсем упал духом. «Вероятно, здесь и умру», — вздыхал он, берясь за очередную жалобу по просьбе кого-либо из осужденных.

Человек образованный, интеллигентный, он подрабатывал тем, что за 50 рублей писал кассационные жалобы. На волю эти жалобы уходили по подпольным каналам.

Сразу после смерти Черненко Аливердиева отправили на условно-досрочное освобождение.

Уважаемым человеком в зоне был дядя Миша, бывший шофер Брежнева. О себе он рассказывать не любил, а когда кто-либо из любопытных интересовался, за что сидит, дядя Миша коротко отвечал: «За язык». Срок у него был тоже немалый, и единственным шансом на спасение для шестидесятитрехлетнего ветерана была смерть болевшего генсека. «Наука» молчать настолько пошла ему впрок, что от него мы слышали только рассказы об охоте Брежнева в Беложевской пуще, когда ему подставляли привязанных кабанов.

Дядя Миша в отряде числился «шнырем», дневальным и большее время своей отсидки проводил в крохотной каптерке, время от времени протирая тумбочки, спинки кроватей и другие предметы нехитрого эковского быта.

Дядя Миша вышел на свободу сразу же после смерти Брежнева.

Бывший прокурор Молдавии Полуэктов в зоне работал заведующим техническим кабинетом, а председатель Верховного суда Литвы Яцкявичус — инструктором ПТУ. Помощник Генерального прокурора СССР Миськов ставил заклепки на маркировки, а бывший мэр Сочи Воронков трудился контролером ОТК.

Поучительная история Яцквичуса. Ему вменяли взятку в четыреста — пятьсот рублей. Арестовывать и делать обыск в его кабинете пришли два бывших курсанта Каунасской школы милиции, в которой он когда-то преподавал. Они и нашли в столе помеченные деньги. Правда, один из них уже был в звании майора, и они потом долго извинялись за причиненное «беспокойство» перед бывшим учителем, которое обернулось впоследствии девятью годами лишения свободы.

А взятку, по словам Эгонеса, ему всучили за обещание скостить срок заключения племяннику прокурора.

Но самой интересной личностью, с которой я был знаком, как мне думается, был адвокат Ивлев из Туркмении. Вспоминается его «история», которую он мне не раз повторял, заколачивая гвоздики в истоптанные ээковские подметки.

Осужден он был, как ни странно, тоже за взятки. Это теперь невозможно представить и в мыслях адвоката, севшего за взятки. Известный адвокат был подставлен очень высокопоставленными чиновниками и, несмотря на обещания «сдать» кое-кого, был осужден на пять лет.

Время шло, и слишком много знавший Ивлев написал «покаянную» в КГБ. За ним прилетели на самолете, посадили в черную «волгу» и на глазах изумленной зоны увезли неизвестно куда. Как потом оказалось, в Туркмению. Через некоторое время возвратили обратно: по его словам, он на суде намекнул бывшим друзьям, что знает еще больше, но опять же вместо помощи последовали угрозы жене и семье.

Но вот что я должен сказать. Вместе с «бугра-

ми», попавшими в эту колонию, сидели и простые милиционеры, сержанты, контролеры, вина которых состояла в получении взяток в сумме сто рублей, а сроки пять—восемь лет. Таких в Нижнем Тагиле было немало.

В середине ноября, то ли одиннадцатого, то ли двенадцатого числа, во время развода на работу по радио объявили о смерти Брежнева. То, что творилось на плацу, трудно описать. Раздались крики: «Ура!», строй сломался, и всеобщее ликование превратило шеренги осужденных в бесформенную толпу.

Заместитель начальника колонии по режиму пытался перекрычать беснующуюся толпу: «Заткнитесь, успокойтесь, вызову солдат», но все было напрасно. Все ждали перемен. И не напрасно.

Вскоре в колонию пожаловало высокое прокурорское начальство, которого раньше осужденные и в глаза не видели.

Стали принимать жалобы и пересматривать многие дела. Пересмотрели и дело дяди Миши, который вскоре вышел на свободу.

Стало похоже, что беспредел, царивший в отношении спецосужденных, закончился...

...Время от времени в колонии происходили события, которые своей неординарностью надолго врезались в память.

В 1978 году взбунтовавшиеся зэки колонии, расположенной в Ивделе, начисто сожгли все бытовые строения, и колонию пришлось расформировать. Большой частью бунтовщиков было решено пополнить и нашу зону. Однако прибывшие зэки, узнав, с кем им придется отбывать наказание, взбунтовались еще раз. В уголовной среде сидеть с «ментами» счи-

талось «западло», и бунтовщики потребовали у начальства перевести их в любые другие лагеря. Однако часть так называемых «бытовиков» оставили у нас, и они, прижившись, вполне нормально досиживали сроки.

В другой раз в колонию «подкинули» около двадцати «петухов» из других колоний, где им была уготована неминуемая расправа. Кое-кто из местных «мужиков» пытался воспротивиться, но в конечном итоге против воли начальства выступить никто не осмелился. Да и уголовные порядки, соблюдавшиеся в обычных зонах, в Нижнем Тагиле не приживались.

...Накануне Олимпиады-80 произошло событие, всколыхнувшее всю зону.

В час ночи, при попытке к побегу, прапорщиком внутренней службы был застрелен бывший чемпион Европы по дзюдо Джавадов.

Как потом выяснилось, он долго и тщательно готовился, а поэтому умудрился пройти с кусачками все препятствия, напичканные сигнализацией. Оставался только маскировочный забор, возле которого он и наткнулся на латыша-прапорщика Янсона.

Мне и двум санитарам из санчасти приказали вынести тело. Так и вытянули на простынях молодого, здорового парня. Что толкнуло его на побег, неизвестно. Земляки Джавадова обратились в администрацию с просьбой убрать из колонии прапорщика, пригрозив в противном случае его убить. Прапорщик из колонии исчез.

Запомнился еще один дерзкий побег из этой охраняемой по последнему слову техники колонии.

Сбежали трое. Организовал побег осужденный по

фамилии Петушков. Он намеревался пробраться в Челябинск и за измену убить свою жену.

Через канализационную сеть смельчаки пробрались из жилой зоны в административную. Проникнув в кабинет начальника колонии полковника Семенова, обнаружили в его шкафу форменную одежду и кобур с пистолетом.

Один из беглецов переоделся, Петушков прихватил пистолет, и все трое остановили такси и направились на железнодорожный вокзал.

Правда, в шкафу начальника колонии не нашлось ботинок, и ушлый таксист, увидев на «полковнике» эковские ботинки-кирзачи, после высадки пассажиров сообщил куда следует. Сообщили в милицию о беглецах и пассажиры, изумленно наблюдавшие, как полковник внутренних войск цепляется за платформу трогавшегося товарняка.

В общем, двоих сразу же поймали, а Петушков, «отколовшийся» на вокзале от соучастников, ушел.

Объявился смелый беглец через два месяца в Челябинске, сдавшись в одно из местных отделений милиции. Жену свою он так и не убил, поскольку изменщица, видимо, разнюхав про побег бывшего супруга, скрылась в неизвестном направлении.

...После десятилетнего пребывания в Нижне-Тагильской колонии за примерное поведение осужденного Николая Здоровенко освободили и направили на вольное поселение.

Лишь на первый и неискушенный взгляд одинаково одетые осужденные кажутся одноликой массой. На самом деле это целый мир со сложными взаимоотношениями, иерархией, традициями, борьбой интересов и честолюбий.

К МЕРТВЫМ НИКТО НЕ ПОДХОДИТ, ВСЕ БОЯТСЯ

Что случилось в Свердловске в апреле 1979 года?

В Свердловске несколько кладбищ. Но только над одним, Восточным, висит, как меч, народное проклятие...

Нет, здесь, особенно в родительский день, полно посетителей. Люди разбредаются по аллеям, дорожкам. Плачут, молчат, поминают усопших. Как везде.

Только в сектор № 15 никто не спешит. Тут, как правило, пустынно, царит мрачная тишина. Десятки могил. Многие забыты, плохо ухожены, заросли. Отсюда ничего не выносятся (старые венки, сухая и скошенная трава, например, сжигаются, всякие раскопки и земляные работы здесь строго запрещены. Сектор периодически осматривают сотрудники СЭС. Про этот «саркофаг» знают высокие должностные лица Свердловска и области, на плане города, говорят, этот уголок кладбища помечен красным крестом.

Какую же тайну хранит сектор № 15 Восточного кладбища? С раннего утра 4 апреля 1979 года в Чкаловском районе Свердловска (неподалеку от 19-го военного городка, где разместились лаборатории НИИ вакцинных препаратов Министерства обороны СССР) стали твориться непонятные вещи. В службе «Скорой помощи» не умолкали звонки: ни с того ни с сего люди теряли трудоспособность, наступала слабость, резко, под 40°, повышалась температура, появлялись надрывный кашель, рвота... Больных — кого из дома, кого с работы, а иных прямо с улицы — повезли в горбольницу № 24. Вскоре здесь уже не было свобод-

ных мест (единственный терапевтический корпус мог принять только 100 человек), пораженных (чем — еще никто не знал) стали направлять в соседнюю, 20-ю больницу...

Рассказывает главный врач 24-й горбольницы Маргарита Ивановна Ильенко:

— Стационара десять лет назад у нас действительно не было, жили и лечили в тесноте. Такой наплыв больных для нас оказался совершенно неожиданным, часть из них мы повезли в «двадцатку». И вдруг оттуда мне звонит главврач Яков Иосифович Клипницер:

— Слушай, Ильенко, у нас тут двое «твоих» умерли...

Я опешила:

— Диагноз?

— Похоже, пневмония...

Через некоторое время — снова звонок. Клипницер:

— Маргарита Ивановна, я в панике: еще трое скончались!

— От чего?

— Токсическая пневмония...

Честное слово, аж пот прошиб. Ведь если болезнь не затянута, если в это время нет других осложнений, «накладок», то летальных исходов от пневмонии практически нет, что, думаю, подготовленному медику хорошо известно. А тут почти мгновенная, тяжелейшая форма! Люди умирали от легочного кровотечения. И тогда меня осенило: господи, да это же какая-то инфекция!..

Но какая?

Вспоминает Роза Хазиевна Газиева, заведующая приемным отделением 24-й больницы:

— Мне, тогда старшему терапевту, выпало дежурить в ту страшную ночь. Людей везли и везли. Их негде было размещать, клали в коридорах. Иные, кто после оказания первой помощи чувствовал себя получше, пытались дойти до дома... Их потом находили на улице — люди теряли сознание. А в корпусе беда: умер мужчина. В критическом положении находилась женщина, я ее в реанимацию, делала искусственное дыхание — рот в рот. Бесполезно, за ночь — четыре трупа. Едва дождалась утра. Испугалась...

В воздухе зашелестело: инфекция, инфекция, инфекция. У Газиевой вообще чуть ноги не отнялись: на руках трое маленьких детей, сама еще молода — жить хочется. Но это чувство пришло чуть позже, а пока голова разрывалась на части: что происходит, почему умирают люди, как остановить беду?

Когда в приемный покой пришла М. И. Ильенко, Газиева была готова плакать. Обход — просто кошмар. В палатах — мертвые и живые вперемежку...

М. И. Ильенко:

— Я поняла, почему персонал оказался в шоке: смотрю на больного — обречен. Но даже за две—три минуты до смерти он смотрит на врача спокойно, словно ничего не случилось, хотя все тело больного (откуда-то из-за спины) уже покрывалось характерными трупными пятнами. Еще мгновение — кровь горлом, и конец...

Да, налицо все признаки пневмонии: слабость, тошнота, высокая температура, прерывистое дыхание, отхаркивание, отек легких. Мы стали тут же сортировать больных и пациентов: «здоровых» — в «чистые» палаты, зараженных оставляли на прежнем месте, а трупы — в морг. Но...

К мертвым-то никто не подходит, все боятся. А

время идет. И тогда М. И. Ильенко отважилась на вопиющее (с точки зрения педантичных администраторов) нарушение. Правдами и неправдами она собрала сантехников, плотников, разнорабочих и, сунув кому стакан спирта, кому трешку, уговорила прибрать мертвых. Сама, конечно, помогала.

Но дальше — еще страшнее. Мертвых, как велит христианский долг, надо предать земле. Стали вызывать родственников. А те... напрочь отказывались забирать тела своих близких. Либо игнорируют сигналы, либо приедут, выбросят паспорт и с глаз долой. Мол, делайте что хотите. Страх и паника убивают в человеке все лучшее. Так что пришлось Ильенко еще и хоронить своих бывших пациентов на кладбищах.

Спустя два дня — наконец-то! — «наверху» проснулись. Диагноз: сибирская язва! Ситуация круто изменилась. На ноги была поднята вся медицина города. В ликвидации беды, ее последствий участвуют органы СЭС, ветеринарные службы, пожарные, военные, предприятия и организации Свердловска. ЧП стало предметом крупных разбирательств в областных и верхних эшелонах власти. На Урал прибыли высокопоставленные руководители Минздрава СССР, в том числе главный санитарный врач страны П. Н. Бургасов.

Медики 20-й и 24-й больниц получили приказ: всех людей, пораженных сибирской язвой, переместить в городскую клиническую больницу № 40, в инфекционный корпус. Коллективам начать вакцинацию населения и дезинфекцию территории Чкаловского района.

Людей перевезли. Все больные попали под пристальное внимание медперсонала, лучших специалистов области. Но... продолжали умирать.

Инструкция органов СЭС «Порядок вскрытия и захоронения трупов людей, умерших от сибирской язвы» от 12 апреля 1979 года:

«Труп умершего от сибирской язвы обертывают в простыню, смоченную 20-процентным хлорно-известковым молоком или 10-процентным раствором 2/3 основной соли гипохлорита кальция, и затем укладывают в металлический гроб или гроб из плотно сколоченных досок, обитый внутри клеенкой, на слой хлорной извести толщиной 10 см; труп засыпают хлорной известью со всех сторон. Крышку гроба заколачивают гвоздями и больше не открывают.

Если есть возможность, гроб с трупом подвергают кремации (сжиганию). В случае невозможности кремации проводят захоронение на общих кладбищах. Гроб зарывают в могилу не менее 2 метров.

В местностях с высокостоящими подпочвенными водами гроб с трупом устанавливают в плотный, просмоленный изнутри и сверху ящик. Пространство между стенками гроба и ящика заполняют сухой хлорной известью, ящик заколачивают плотной просмоленной крышкой.

В тех случаях, когда труп еще не удален из квартиры, его укладывают в гроб с соблюдением указанных выше правил и приступают к дезинфекции помещения. При этом обработку начинают с гроба, который орошают одним из дезинфицирующих растворов, рекомендованных для обеззараживания помещений.

Перевозка трупов сибиреязвенных больных к месту захоронения разрешается только с соблюдением указанных выше правил».

Далее следуют подписи ознакомившихся с инструкцией.

Дадим слово очевидцу. Заместитель начальника

производственного жилищно-коммунального объединения Свердловского облисполкома Евгений Михайлович Колтышев в те дни возглавлял городское управление жилищно-коммунальных предприятий и непосредственно отвечал за проводы умерших в последний путь.

— Тогда у нас действовало шесть кладбищ. Крематорий только строился. Стали думать: где хоронить? Остановились на Восточном кладбище. Почему? Почва там — глина, гроб с трупом как бы попадал в своеобразный «замок», воде не пробиться. Захоронением у нас занималась специально созданная бригада. Умершим делались вне очереди памятники, за погребение с родственников не брали ни копейки. Архивы на этот счет сохранились...

Не только архивы. Андрею Ракову и Сергею Зайчикову тогда было по 30 лет. И даже им, всякого повидавшим за время столь своеобразных «спецработ», меры предосторожности, которые предписывала СЭС, казались подозрительными. В подобных бригадах, сами понимаете, слабонервные не работают. Но однажды, когда крышка гроба с трупом очередной жертвы сибирской язвы вдруг съехала и упала, могильщики кинулись врассыпную, и потом долго не находилось охотников прибить ту крышку гвоздями.

Галина Алексеевна Ляшенко в 1979 году работала заведующей конторой обслуживания (погребальный ритуал) производственного комбината № 1:

— Что особенно врезалось в память? Сама обстановка вокруг вспышки сибирской язвы. Нервная, малопонятная. Страх, недомолвки, паника... И, конечно, огромное горе, трагедии семей. Только мне довелось хоронить не менее полусотни умерших. Это в основном были мужчины среднего возраста...

Несмотря на минимум информации, слухи о ЧП стремительно расползались по Свердловску.

Свидетели тех событий хорошо помнят тот апрель, атмосферу дикого страха среди населения, панику, массу тревожных слухов, вплоть до того, что ЭТО в 19-м военном городке «рвануло» и отраву протащило через Чкаловский район. Люди старались не есть мясо, колбасы, сосиски, избегали выходить из жилищ, задраивали окна и двери, ограничивали контакты друг с другом. В местных газетах публиковались разъяснительные статьи с рекомендациями, как уберечься от сибирской язвы.

Но многие не верили официальной версии. И основания тому были. Так, при поступлении больных в 40-ю горбольницу у них интересовались, имеют ли они какое-либо отношение к 19-му военному городку. Ограниченный круг свердловчан более или менее ведал, что за крепким армейским забором в секретном научном подразделении велись работы, связанные с вакциной. Не оттуда ли пришла загадочная болезнь?

«Нет», — услышали свердловчане. Оказывается, территория области «обоснованно считается эндемичной по сибирской язве». Что это значит? По данным столичных ученых, занимавшихся анализом чрезвычайной ситуации, на Среднем Урале с 1936 по 1968 год в 34 городах и районах было зарегистрировано 159 вспышек сибирской язвы среди животных. Выявлен 371 стационарно неблагополучный пункт, из них в 48 эпидемии повторялись по 2—6 раз.

Еще одна справка. В ней сделан вывод о том, что заболевания людей и животных в Свердловской области свидетельствуют о наличии почвенных очагов сибирской язвы, действующих в ряде случаев более 40—50 лет. Они мозаично охватывают обширную тер-

риторию. И возникновению подобных вспышек способствуют неправильное захоронение павших животных, плохое содержание скотомогильников, ведение масштабных земляных работ без согласования с органами ветеринарного и санитарного надзора, резкие подъемы подпочвенных и грунтовых вод...

И — по данным военных ученых — «сибирской язвой заболел скот у гражданина Перевалова из села Аверинского Сысертского района, в конце марта здесь начался массовый падеж животных». Отсюда, мол, источник трагедии.

Но вот загвоздка: из приведенной статистики о распространении сибирской язвы — 159 вспышек — вполне определенно следует, что раньше эта «чума» поражала скот и обходила людей стороной. Почему именно весной 1979 года она обошлась с нами столь избирательно и жестоко? Нет ответа.

Впрочем, вот что говорит главный государственный ветеринарный инспектор по Свердловской области Валентин Петрович Ярославцев (он много лет работает в этой должности, очень квалифицированный специалист):

— Узнав о ЧП и поставленном диагнозе, мы немедленно подняли на ноги своих людей, провели тщательные исследования, сделали сотни анализов почвы, кормов и воздуха. Так что буду краток: источника болезни, вспышки сибирской язвы по линии своей службы мы не нашли...

Вот какой факт обращает на себя внимание. Едва ли не во всех документах, публикациях, справках (в том числе и в выступлениях военных), касающихся печальных событий 1979 года в Свердловске, постоянно мелькают ссылки, цитаты, цифры из статьи профессоров И. С. Безденежных и В. Н. Никифорова

«Эпидемиологический анализ заболеваний сибирской язвой в Свердловске», напечатанной в пятом номере «Журнала микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии» за 1980 год. И это едва ли не главный аргумент сторонников официальной версии вспышки.

Но давайте перечитаем статью.

«Спорадическим заболеваниям сибирской язвой людей в одном из районов Свердловска предшествовала вспышка сибирской язвы среди сельскохозяйственных животных в индивидуальных хозяйствах... Заражение животных произошло, вероятно, через корма.

В марте—апреле заметно увеличился убой скота в индивидуальных хозяйствах, и мясо продавалось на окраинах города, в частном порядке. При этом не исключалась возможность продажи частным сектором мяса животных вынужденного убоя...»

Здесь требуется краткий комментарий.

Во-первых, для столь серьезных ученых, делающих далеко идущие выводы (заражение людей сибирской язвой произошло через мясо домашнего скота), аргументы типа «вероятно», «не исключалась возможность» вряд ли приемлемы.

Во-вторых, надо совершенно не знать деревенского уклада жизни, психологии крестьянина-собственника по своей натуре, чтобы утверждать, будто в марте — апреле он решится без жалости в массовом порядке пустить под нож свою домашнюю живность. Никогда! В деревне скот забивают с осени, с наступлением первых настоящих холодов, затем — в разгар зимы, но всегда с расчетом: стадо должно воспроизвести себя, не допустить убытка.

Цитируем дальше:

«Распределение больных по датам заболевания с

учетом непродолжительности инкубационного периода позволило исключить инфицирование через мясо, поступавшее для питания населения в централизованном порядке. В этом случае следовало бы ожидать вспышки заболеваний.

Из мяса, взятого на исследование в двух семьях, где имелись больные, был выделен возбудитель сибирской язвы. В обоих случаях мясо было куплено у частных лиц на неорганизованных рынках, штаммы возбудителя сибирской язвы, выделенные из мяса, не имели отличий от штаммов, выделенных от больных людей...»

Что же все это доказывает? По мнению И. С. Безденежных и В. Н. Никифорова, то, что инфицированное мясо послужило причиной заражения людей.

Юрий Михайлович Гусев, директор Свердловского завода керамических изделий:

— Этот кошмар для нас начался примерно в конце апреля. Первого мая — еще четыре смерти. Мы на демонстрацию идем и там вдруг узнаем о решении горисполкома: остановить завод! Но потом все-таки «ограничились» цехом грубой керамики, он был закрыт примерно на месяц. Но пострадали и другие подразделения...

Нет-нет, на территории предприятия никто не умер, ни одного трупа. Речь идет о поселке, прилегающем к заводу.

Я знаю, имеется версия: мол, рабочие пострадали из-за мяса, купленного у частников, — причем, дескать, купленного предприятием организовано. Это не так. В канун праздника мы действительно приобрели мясо в совхозе «Кадниковский» Сысертского района. С этим хозяйством у нас давние и хорошие отношения, коллектив помогает совхозу, в част-

ности в уборке урожая. Но заявляю со всей ответственностью: мясо было проверено ветеринарной службой, на нем стояла печать, то есть положительное заключение.

Источник заболевания надо искать в другом месте. И причину тоже. Ибо завод тогда потерял более двух десятков работников. В мирное, заметьте, время...

Конечно, заражение от инфицированного мяса в принципе возможно. Но в деревне, где все на виду, ничего не скроешь. Представим: у кого-то занедужила телка. Должны проявиться признаки поражения сибирской язвой: слабость, цианоз, начинаются кровянистые выделения из кишечника, носа и рта. Что сделает крестьянин? Тут же побежит за ветеринаром, чтобы спасти скотину. И любой мало-мальски подготовленный специалист при данных симптомах страшную болезнь определит. Тем более если в его присутствии телка будет забита: ведь вследствие антикоагулирующего действия сибиреязвенных бацилл кровь таких животных не свертывается, она густая, черно-красного цвета.

Допустим, найдется и такой хозяин, который захочет скрыть заболевание от врачей, соседей и повезет тайком продавать зараженное мясо в город. Но ведь речь идет не о единичном случае, а о массовом падеже скота. Так что и этот аргумент не срабатывает.

Далее специалисты пишут: «...Были зарегистрированы единичные заболевания сибирской язвой среди людей, причем имели место кожные и кишечные формы инфекции. Сибиреязвенная природа заболеваний была подтверждена результатами лабораторного обследования людей и животных».

Непонятно, что значит «единичные заболевания»? Семь десятков смертей (по неполным данным, ведь захоронения не только на Восточном кладбище) — это что?

И почему авторы называют лишь две формы инфекции? Сибирская язва у людей проявляется в трех основных клинических формах: кожной, легочной и кишечной. Кишечная форма возникает в результате употребления в пищу мяса больных животных. При кожной форме местом проникновения возбудителя являются повреждения кожного покрова, главным образом открытых частей тела (лица, шеи, кистей рук, предплечий). Обе они, признаем, весной 1979 года «имели место».

Вот, в частности, мнение Якова Александровича Халемина, директора Свердловского научно-исследовательского кожно-венерологического института:

— Я был в те дни в 40-й больнице. Мне сказали: хотите взглянуть на больных сибирской язвой? Пошли в палаты. У некоторых действительно я заметил на руках карбункулы — очаги поражения кожи характерного черного цвета...

Но почему же Безденежных и Никифоров даже не упомянули про легочную форму инфекции? Может, ее не было? Была, в чем убеждают свидетельства медиков 20-й и 24-й больниц.

Дело, видимо, в том, что при легочной форме заражение происходит аэрогенным путем во время работы с материалами, зараженными спорами сибиреязвенных бацилл. Болезнь протекает по типу тяжелой бронхопневмонии. Не это ли разгадка страшной трагедии 1979 года? Чтобы так заболеть, надо, грубо говоря, что-то в себя вдохнуть, то есть микробы, находящиеся в воздухе в «подвешенном» состоянии!

Из беседы с Фаиной Афанасьевной Абрамовой (в прошлом — доцента кафедры патологической анатомии Свердловского медицинского института):

— В 1979 году я уже была на пенсии, но меня пригласили поработать в 40-й больнице патологоанатомом. Так что печальные апрельские события я помню хорошо.

Однажды в субботу, это было в начале месяца, к нам доставили молодого крепкого мужчину, а в понедельник он уже скончался. Меня попросили посмотреть: дескать, очень сложная и непонятная болезнь...

Ладно. Провели вскрытие. Бросилось в глаза поражение лимфатических узлов и легких. Но, кроме этого, я обратила внимание на геморрагическое воспаление оболочек головного мозга, мы обнаружили так называемую «шапочку кардинала». Что это такое? Я говорю: похоже на сибирскую язву. Но и клиницисты, и инфекционисты, присутствовавшие тут, усомнились: полноте, с сибирской язвой мы давно покончили...

Я спрашиваю: а в городе все чисто, нет ли где-нибудь инфекции? И кто-то тогда признался: дано указание приготовить палаты, ждем больных, что-то, выходит, есть.

Мы решили провести бактериологические исследования, созвонились с отделом особо опасных инфекций облСЭС, отправили труп туда. В микроскопических срезах было полно микробов сибирской язвы! И завертелось...

Выяснилось, что в 20-й больнице — вспышка, несколько смертей от поражения легких. Но диагноз другой: пневмония. Вызывают к заведующему облздравотделом Н. С. Бабичу, в Свердловск прилетел из Москвы профессор В. Н. Никифоров. И собрав-

шимся патологоанатомам, судмедэкспертам однозначно объявили: да, это действительно сибирская язва. Мы поверили и принялись за свою адскую работенку.

Всех пораженных людей свозили в 40-ю больницу. По каждому подозрительному случаю в других районах города мы выезжали немедленно. В первые дни в целях безопасности медперсонал глотал антибиотики. Мне пришлось обрабатывать очень много трупов, 42 случая я знаю точно...

Что было потом, когда вспышку победили? Случай-то во всех смыслах уникальный. В высших медицинских кругах (с ведома П. Н. Бургасова) решили по «горячим следам» ЧП подготовить и опубликовать монографию (причем в Свердловске). Запланировали под это дело кандидатскую диссертацию. Занимались ею я и Лев Моисеевич Гринберг, работавший тогда патологоанатомом в тубдиспансере.

Материалы были собраны, мы поехали в Москву, еще две недели работали там, написали. Оставили в том числе и 80—90 цветных слайдов. Морфологическая картина была очень богатой. Но... больше о монографии (диссертации) мы ничего не слышали! Дважды меня приглашали выступить с докладами о ЧП, сибирской язве в Москве (в Боткинской больнице) и в Свердловске, на областном семинаре патологоанатомов. Но оба раза в последний момент я слышала: сообщения отменяются, сибирская язва не относится к числу особо опасных инфекций...

«В память» о тех днях у меня остались именные часы — подарок Свердловского облисполкома — и убеждение, что заражение людей в апреле—мае 1979 года происходило в основном аэрогенным путем.

Татьяна Игоревна Козак, патологоанатом:

— Когда случилась эта беда, специалистов нашего

профиля объединили при 40-й больнице. Едва был поставлен диагноз, нам сказали и о том, что заражение сибирской язвой происходит через мясо. Но мои личные наблюдения говорят о другом, многое не укладывается в голове.

Во-первых, среди погибших было много алкоголиков, то есть людей с явно ослабленной иммунной системой.

Во-вторых, я помню двух инженеров — офицеров запаса, проходивших в те дни военные сборы в одной из воинских частей, размещенных в Свердловске. Оба скончались все по той же причине.

В-третьих, умирали люди, совершенно не имевшие отношения к мясу. Путь заражения не пищевой, а воздушно-капельный. Уникальный случай! Откуда? Не знаю...

По этому поводу до сих пор ходит множество слухов. И отчасти, наверное, потому, что в свидетельствах о смерти вместо слов «сибирская язва» мы ставили шифр 022. А если что-то начинается с нуля, то народ убежден: это секретно...

Что это означает?.. А то и значит, что среди большинства населения, равно как и у отдельных общественных деятелей и специалистов, играющих не последнюю роль в своем деле, бытует стойкое убеждение, что ЧП десятилетней давности свердловчанам «подарил» НИИ вакцинных препаратов Министерства обороны СССР, с давних пор разместившийся в 19-м военном городке, в гуще жилого массива города.

На память приходят маловразумительные, туманные публикации нашей печати десятилетней давности. Зарубежные радиоголоса однозначно и прямо называли ЧП в Свердловске выбросом «бактериологического оружия», наши средства массовой информации

неуклюже «оборонялись», железно придерживаясь своей позиции: в Свердловске была сибирская язва, люди заразились через мясо, проведен ряд мер по дезинфекции территории, вакцинации (иммунизации) населения, скота, профилактические работы...

Комментарий Маргариты Ивановны Ильенко:

— Нет, это была не сибирская язва. Я же профессионал, старый и опытный медик. У больных, виденных мной, были поражены легкие, дыхательные пути. Плюс удивительная скоротечность болезни. С чем же мы имели дело? Мне кажется, с каким-то специально выращенным в определенных условиях микробом. И мне очень жаль, что правда об этом утаивалась с самого начала. Многих последствий удалось бы избежать, ошибок, неправильных действий, страха...

Главный врач НИИ охраны материнства и младенчества Тамара Федоровна Киреева:

— Мы получали списки улиц района, откуда нам категорически запрещалось принимать рожениц. Еще от нас забирали в 40-ю больницу сестер-анестезиологов, и по своим врачебным каналам мы знали, что туда поступали больные из «зоны» — в основном с поражением легких...

Что это были за списки? Удивительная закономерность: особенно много пострадавших привозили с улиц Селькоровская (16 человек), Эскадронная, Ляпустина, Полдневая, Военная, Агрономическая (речь идет о 24-й больнице)... Почему? Если посмотреть на карту города, то нетрудно заметить: все эти географические точки находятся... к югу от 19-го военного городка! Особенно из предприятий района не повезло рабочим завода керамических изделий.

Люди вспоминают: ветер в первые дни апреля 1979 года дул преимущественно с севера на юг...

17 февраля этого года в Свердловске произошло, пожалуй, беспрецедентное событие. Коллектив Сектора военной эпидемиологии (СВЭ) — одного из структурных подразделений НИИ микробиологии Министерства обороны СССР, созданного в 1986 году на базе научно-исследовательского института вакцинных препаратов того же ведомства, — распахнул двери своих лабораторий для гражданских лиц. В гости к военным-ученым в 19-й городок были приглашены народный депутат СССР В. И. Шмотьев, первый секретарь Свердловского горкома партии В. Д. Кадочников, представители районных властей, ученые Уральского отделения АН СССР, экологи, журналисты. Состоялись осмотр засекреченного доселе объекта, пресс-конференция. И, конечно же, разговор коснулся событий 1979 года.

Задавался, например, такой вопрос:

— Что представляет собой Сектор военной эпидемиологии, какие задачи он сегодня решает?

— Наш Сектор является научно-исследовательским учреждением Министерства обороны СССР, — ответил начальник СВЭ, кандидат технических наук полковник А. Т. Харечко. — Научная тематика предусматривает решение широкого комплекса вопросов в области противобактериологической защиты. Это разработка средств и методов дезинфекции местности, военной техники, вооружения и различного войскового имущества, средств индивидуальной и коллективной защиты людей от биологических аэрозолей, а также средств быстрого обнаружения вредных веществ в окружающей среде. Проводим также исследования и изучение механизма биоповреждений военной техники, то есть влияния различных природных микроорганизмов на конструкционные мате-

риалы этой техники, ибо в природе существуют и технофильные микробы, разрушающие металл, пластмассы...

— Как же расценивать деятельность Сектора в условиях изменившейся в последнее время военно-политической обстановки в мире? Не является ли подобная работа излишней?

— Нет, — возразил Анатолий Трофимович. — Исследования в этой области в западных странах ведутся в широких масштабах, правда, уже и в частных, а не только в государственных лабораториях. И если посмотреть уставы вооруженных сил этих государств, то они по-прежнему предусматривают меры противобактериологической защиты, так что прекращать нам эти работы в одностороннем порядке — неоправданная беспечность...

— Жители Свердловска до сих пор связывают вспышку сибирской язвы весной 1979 года с деятельностью учреждения, расположившегося на территории 19-го военного городка. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Это мнение является глубоко ошибочным. Слухи, которые ходили по городу весной 1979 года о якобы имевшем место взрыве на территории нашего учреждения и выбросе во внешнюю среду возбудителя сибирской язвы, не имели под собой реальной почвы. Прежде всего потому, что мы никогда не имели ничего общего со взрывами. В наших лабораториях просто не было веществ, материалов, процессов, которые бы могли привести к взрыву. Думаю, что эта абсурдная версия получила распространение потому, что большинство людей склонно больше верить в какие-то фантастические вещи, нежели в реальные и естественные объяснения. Сама необычность и трагичность

ситуации требовали, видимо, таких же необычных, сенсационных причин. Немаловажную роль сыграли и режим секретности, пресловутые ведомственные интересы.

То, что эта тема вновь поднимается сейчас, как ни печально, скорее всего можно объяснить наличием определенных групп и лиц, которые пытаются добиться признания и популярности, возбуждая у общественности негативное отношение к армии. Это деструктивная политика...

Итак, специалисты Сектора военной эпидемиологии утверждают: выброса возбудителей сибирской язвы с территории 19-го городка отродясь не бывало, какого-либо взрыва — тоже.

Да, слухи среди населения об этом ходили. Но ведь выброс отравы мог произойти и «тихо» — через вентиляцию, например. До 1986 года Сектор, а раньше — НИИ занимался разработкой технологии и производством вакцинных препаратов для защиты войск и населения страны от ряда опасных инфекций. А где вакцина, там и штаммы вирулентных культур возбудителей, которые использовались в лабораториях. В том числе и сибирской язвы.

Настораживает не только это. В первые же дни вспышки медики обратили внимание: среди пострадавших — главным образом мужчины. На пресс-конференции, кстати, сотрудники СВЭ приводили статистику: в ходе ЧП заболели 96 человек. Из них 25 процентов — женщины, 75 процентов — мужчины. Заболел также один ребенок.

Ну, и о чем же все это говорит? В первую очередь о странной избирательности болезни. Она «косила» взрослое, наиболее трудоспособное население, а среди мужчин — возрастные группы от 31 до 40 лет

(преимущественно). Чем все это объяснить? Только ли тем, что на керамический завод, скажем, в тот злополучный день привезли для продажи непроеденное мясо? А может, просто вирус, случайно вырвавшийся на волю, был запрограммирован?

Справка:

«Сибиреязвенные бактерии в бульонной культуре в запаянных ампулах сохраняются 40 лет, а споры — 58—65 лет. В сухом состоянии споры сохраняются до 28 лет, в почве — десятилетиями. Они более устойчивы к действию дезинфицирующих веществ. Вегетативные формы при 65 градусах С погибают за 40 минут, при 80 градусах С — за 15 минут, от кипячения — за 1—2 минуты.

Споры же термоустойчивы, выдерживают кипячение на протяжении 15—20 минут. От автоклавирования при 110 градусах они погибают в течение 5—10 минут, разрушаются через два часа от воздействия 1-процентного раствора формалина и 10-процентного раствора едкого натра».

Смотрите. На ликвидацию последствий вспышки были брошены немалые силы. Выше об этом кратко уже говорилось. Но, кроме того, в район Вторчермета были мобилизованы (по-другому, вероятно, и не скажешь) автотранспортные предприятия, служба благоустройства, студенты Свердловского мединститута и т. д., и т. д. В районе 19-го военного городка люди в серо-зеленых защитных костюмах брали пробы грунта. Кое-где, в частности на месте бывших коллективных садов за «керамикой», снимался верхний слой почвы. Отдельные улицы покрывались новым слоем асфальта. Пожарные мыли крыши, тротуары, большие здания и дома...

М. И. Ильенко:

— Когда вокруг все стали поливать спецраствором (который, по идее, должен был убить остатки сибиреязвенных спор), ситуация, по-моему, опять ухудшилась. После этого снова пошли больные, смерти...

В чем дело? Медики предполагают: к моменту массовых работ по дезинфекции территории района аэрозоль (если принять версию об «утечке»), или так называемая «пыль», уже успела осесть, захорониться. А теперь вновь поднялась в воздух. Дальнейшее понятно. Ничего не подозревающие люди глотали смертельную «пыль», та поражала слизистую оболочку верхних дыхательных путей, легкие. Бронхопневмония — летальный исход...

Комментарий академика АМН СССР П. Н. Бургазова:

Несомненным домыслом С. Парфенова является утверждение о мобилизации автотранспорта, массовом привлечении студентов мединститута, снятии грунта почвы, мобилизации пожарных команд и милиции, асфальтировании улиц и мытье тротуаров. Все это автором приурочено к мерам борьбы с выдуманными им аэрозолями. Доктор М. И. Ильенко, по свидетельству С. Парфенова, видела — «тогда вокруг все стали поливать спецраствором». Каким? Когда и где? Чтобы окончательно разделаться со «столичными» учеными (имеются в виду профессор В. Н. Никифоров и И. С. Безденежных), С. Парфенов пишет, что они совершенно не знают «деревенского уклада жизни, психологии крестьянина», который, по мнению автора, в марте—апреле не пустит «под нож домашнюю живность. Никогда!». Правда, излагая мнение этих ученых о том, что «инфицированное мясо послужило причиной заражения людей», автор пишет: «Действительно, такая возможность не исключе-

на». Но при этом срочно забывает сказанное и приводит разговор с начальником отдела агропромышленного комитета Свердловской области Валентином Петровичем Ярославцевым, который якобы заявил, что после широких исследований «источника болезни, вспышки сибирской язвы по линии своей службы мы не нашли». Должен огорчить Валентина Петровича цитированием некоторых документов по его службе. Комиссия в составе старшего ветврача экспедиции Главветупра МСХ РСФСР Хромченко Н. Г., старшего ветврача ветотдела Кузнецова Н. В., депутата сельского Совета (он же управляющий отделением совхоза «Абрамцево») Кадникова Н. В., директора Свердловской межрайонной ветлаборатории Кажичина Г. И., зав. отделом облветстанции Вознесенского Т. У. составила акт (13 апреля 1979 г. — село Абрамово Сысертского района) о том, что на период с 10 по 13 апреля 1979 года были обследованы хозяйства жителей села и при этом установлено, что в 12 хозяйствах имел место падеж овец, коров, телок от сибирской язвы. Все трупы были сожжены.

Та же комиссия 25 апреля 1979 года составила акт о проведении мероприятий по сибирской язве в с. Абрамово Сысертского района. При этом установили (пункт I): «Заболевание сибирской язвой среди животных с. Абрамово подтверждено экспертизой».

Следователь прокуратуры Орджоникидзевского района г. Свердловска В. Н. Коротаев издал 16 мая 1979 года постановление по уголовному делу № 409806, возбужденному по фактам заболевания отдельных граждан и животных в Чкаловском районе г. Свердловска сибирской язвой. Суть документа следующая: «У гражданки Гориной М. И. (поселок Рудный, Чкаловский район) заболели неизвестной болезнью три

из шести овец. Больных овец, без ведома ветнадзора, забили 28 марта, 7 и 8 апреля 1979 года. От забитой овцы 28 марта мясо Горина продала местным жителям, а забитых 7 и 8 апреля — семье дочери.

Эпидемиологическим расследованием этого случая установлено, что сама Горина, два ее зятя и отец одного из них, занимавшиеся убоем овец, заболели кожной формой сибирской язвы, четверо купивших мясо и употребивших его в пищу заболели и погибли от кишечной формы (или сибиреязвенного сепсиса)».

Настаивая на своей неоригинальной версии об аэрозольном поражении жителей Чкаловского района спорами сибирской язвы, автор скрывает, что пострадавшие были не только отсюда: 14 заболевших и умерших не имели к этому району никакого отношения. Станным, не подтверждающим версию автора статьи обстоятельством является благополучие жителей военного городка, примыкающего к военному объекту. Может быть, запрограммированность возбудителя — своих не трогать? Можно, конечно, договориться и до этого. Но для чего? Какие задачи и цель перед собой поставив?

Редакция журнал «Родина» прокомментировала все вышеизложенное следующим образом.

Отстаивая официальную версию, которая утверждает, что заражение людей произошло через инфицированное мясо, купленное у частных лиц, П. Бургасов ссылается на выводы специальной комиссии, работавшей с 10 по 13 апреля 1979 года и установившей случаи падежа скота от сибирской язвы в 12 хозяйствах жителей села Абрамово Сысертского района. При этом обращает на себя внимание такая подробность, отмеченная в акте комиссии: все трупы были сожжены!

Странным обстоятельством, не подтверждающим версию автора статьи, академик называет благополучие жителей самого военного городка, примыкающего к военному объекту. При этом не отказывает себе в удовольствии иронически заметить: «Может быть, запрограммированность возбудителя — своих не трогать?».

Вот уж действительно все это было бы смешно, когда б не так печально! Странным, и даже очень, здесь выглядит другое: заболевшие и умершие люди были и в 19-м городке, и в близлежащем 32-м, о чем Петр Николаевич никак не мог не знать.

Заболевание скота П. Бургасов объясняет добавками в их корм мясо-костной муки, зараженной спорами сибирской язвы. Однако В. Белоус, главный ветврач Свердловска, сказал буквально следующее: «Костная мука вырабатывается на Свердловском мясокомбинате, с нею было все в порядке, и с Бургасовым я не согласен». То же самое подтверждает главный государственный ветеринарный инспектор по Свердловской области В. Ярославцев: «В костной муке мы ничего не нашли, Бургасов говорит неверно». Тут же попутно заметим, что костной мукой подкармливают животных не только частники, но и в общественных хозяйствах. И окажись мука зараженной, неминуемо случился бы массовый, повальный падеж скота, чего на самом деле не было.

Чкаловский район Свердловска академик Бургасов образно называет воротами подвоза продуктов из сельской местности. Однако, если взглянуть на карту, станет совершенно очевидным, что везти мясо из того же Сысертского района ко Вторчермету, территории в черте Свердловска, наиболее пострадавшей от эпидемии, крестьянину совсем не с руки:

пришлось бы съезжать с прямой дороги, делать изрядный крюк.

Неубедительной представляется и версия о том, будто и на заводе керамических изделий, где заболело и умерло более двух десятков человек, люди пострадали от потребления инфицированного мяса. Муссируется, правда, и другая, параллельная версия: заражение могло произойти и от глины, которую завозят из других регионов страны. Однако экспертиза как мяса, так и глины ничего не выявила. Зато привлекает внимание другое: больше других пострадал трубный комплекс завода, имеющий мощную вентиляционную систему, которая осуществляет забор свежего воздуха со стороны 19-го военного городка. В период эпидемии, когда одно несчастье пошло за другим, с завода уволилось около семисот человек, то есть примерно 30 процентов кадровых рабочих. Для предприятия это был удар не менее ощутимый, чем сама эпидемия...

Совершеннейшим домыслом автора статьи называется П. Бургасов его утверждение о привлечении множества людей и технических средств, с помощью которых велись профилактические работы среди населения, крупномасштабная дезинфекция местности и расположенных на ней объектов. Но ведь это реалии, которые нетрудно подтвердить, справившись о том в соответствующих ведомствах, что мы и сделали. В этих мероприятиях участвовали клинические ординаторы, сандружинники с предприятий, студенты 6-го курса мединститута, пожарники. Мыли тротуары, строения — с крыши донизу. Людям говорили, что проводятся занятия по гражданской обороне населения.

— Уж если заражение пошло через мясо, тогда

зачем понадобилась такая «подробная» дезинфекция? — спросили мы у главного санитарного врача области Б. Никонова.

— Ну, вы же понимаете, у людей существуют всякие естественные выделения...

Да, это, конечно же, понятно — про выделения, но чтоб вот так... выделять... до самой крыши — трудно представить.

Кстати, жители микрорайона Никаноровка не без сарказма подмечают, что купаться бы, наверное, в грязи им и поныне, если б не та эпидемия 79-го, когда весь поселок спешно заасфальтировали.

Подытоживая свои рассуждения о причинах и формах заболевания сибиреязвенной болезнью, П. Бургасов разъясняет, что «легочной формы болезни, при которой возбудитель, размножаясь в тканях легких, выделяется во внешнюю среду при кашле с мокротой, не существует. За всю историю изучения сибирской язвы никто не наблюдал случаев заражения человека от больного сибирской язвой».

Нетрудно заметить, что Петр Николаевич, желая окончательно «разоблачить» С. Парфенова, попросту приписывает последнему слова, которых тот не говорил. Давайте вспомним:

С. Парфенов: «Болезнь протекает по типу тяжелой бронхопневмонии... Чтобы так заболеть, надо, грубо говоря, что-то в себя вдохнуть, то есть микробы, находящиеся в воздухе в «подвешенном» состоянии!»

Академик П. Бургасов, неприметно подменяя предмет разговора, лукаво забывает собственные же слова, сказанные ранее: «Но в одном автор убежден — имела место легочная патология, возникшая при вдыхании бактериального аэрозоля».

А при чем же тут кашель, какая, простите, мокрота?

Всякое чрезвычайное происшествие, особенно с человеческими жертвами, становится, как правило, предметом разбирательства в правоохранительных органах. Однако, как поведали нам в Чкаловском районном народном суде, ссылаясь на слова одного из следователей, ныне покойного, после семьдесят первого смертельного исхода дела были забраны в местное управление государственной безопасности. И хотя комитетчики всячески отрицали это, рекомендуя искать нужные нам материалы в районной и областной прокуратурах, следов документов мы так и не обнаружили. Зато попутно узнали, что на следственных материалах был проставлен гриф «Секретно».

Еще одна примечательная подробность. Первая беседа с главным государственным ветеринарным инспектором по Свердловской области В. Ярославцевым не состоялась по причине довольно престранной. Валентин Петрович огорченно посетовал: «За мной тоже ведут контроль, и я... несколько не волен. При обсуждении тех событий надо пригласить сотрудника определенного ведомства». На том и разошлись.

ВЛАДИМИР ЩЕРБИЦКИЙ РАДИАЦИИ ЛИЧНО В ГЛАЗА НЕ ВИДЕЛ

На главной аллее Байкового, самого известного в Киеве, кладбища, памятник Щербицкому не увенчан мраморным бюстом. Просто лицо немолодого и не

очень счастливого человека, который жил по законам социализма и умер вместе с ним. На фоне Ленина и летящих голубей.

Так жил, умер и был похоронен Владимир Щербицкий — бывший первый секретарь ЦК КП республики, борец с диссидентами, любитель футбола, голубей и охоты на кабанов. Человек, которого предлагали отдать под суд за аварию на Чернобыльской АЭС.

«Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая, подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод.

Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки».

(Откровения св. Иоанна Богослова, 10, 11).

Тексту этому, именуемому Апокалипсисом, по ти две тысячи лет.

Уже через несколько дней после чернобыльской аварии пошли слухи о таинственной связи между Апокалипсисом и разрушением четвертого энергоблока, между небесной метафизикой черных ангелов и ядерной физикой — творением умов и рук человека.

1 декабря 1995 года экспертная комиссия из пяти крупнейших специалистов в области сейсмологии подписала заключение о том, что причиной аварии на Чернобыльской АЭС было землетрясение.

Кандидат геолого-минералогических наук Игорь Николаевич Яницкий в беседе с обозревателем газеты «Совершенно секретно» Борисом Сопельняком подтвердил это заключение:

«Я напому о роковом стечении обстоятельств. 25 апреля планировалась остановка четвертого энергоблока на планово-предупредительный ремонт. Тогда же было решено провести эксперимент, неодно-

кратно проводившийся как на блоках ЧАЭС, так и на других атомных электростанциях. Суть его в том, что если в связи с остановкой всех механизмов электростанция окажется вдруг обесточенной, то может возникнуть критическая ситуация. Одним из источников резервной электроэнергии может быть ток, который дает генератор отключенного реактора, ведь ротор генератора останавливается не мгновенно. Повторяю, такие эксперименты проводились неоднократно, но с действующей защитой реактора, здесь же защиту решили отключить. Само собой разумеется, это не было чьей-то самодеятельностью — все было продумано, рассчитано и утверждено в соответствующих инстанциях.

Это первое роковое стечение обстоятельств. Второе — три квазициклона, которые шли в это время с юга на север.

Работа по подготовке эксперимента шла полным ходом. 25 апреля в час ночи персонал приступил к снижению мощности реактора.

Наступило 26 апреля. Над четвертым блоком зашел воздух, а откуда-то снизу раздались глухие удары, переходящие в продолжительный гул. Да и люди стали вести себя неадекватно: одни были близки к истерике, кричали на подчиненных и носились вокруг пульта, другие же наоборот — становились вялыми и сонливыми.

К часу ночи стало ясно, что реактор требует немедленной остановки, и хотя персонал уже не мог объективно оценивать ситуацию, эксперимент все же решено было проводить. За минуту до взрыва находившийся в реакторном зале оператор почувствовал сильнейшую вибрацию, а две тысячи трехсотпятидесятикилограммовых чугунных плит, составляющих

биологическую защиту реактора, стали подпрыгивать, будто их кто-то подбрасывал снизу. Через несколько секунд послышался сильный гул со стороны водозаборной станции на пруде-охладителе. Усилилась вибрация агрегатов. Зашатались стены.

В этот самый момент самописцы отметили главный сейсмический удар! И наконец, последние записи операторов: «1 час 23 мин. 59 секунд. Сильные удары. Шатаются стены. Пол ходит ходуном. 1 час 24 минуты. 00 секунд. Взрыв реактора».

Напомню, что атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, содержала несколько килограммов обогащенного урана, а взорвавшийся реактор Чернобыля выбросил в атмосферу столько радионуклидов, сколько могли бы дать тысячи атомных бомб».

Документальная повесть Юрия Щербака «Чернобыль» создавалась по горячим следам. Автор встречался с очевидцами и участниками событий, первыми ликвидаторами.

Александр Григорьевич Красин, инженер, мастер цеха Чернобыльской АЭС:

«Я сам дважды слышал, как академик Анатолий Петрович Александров говорил: «Атомные реакторы системы РБМК абсолютно безопасны. Никаких больших аварий здесь быть не может. Это просто исключено. Сама конструкция, технология эту аварию исключают». Ну и мы были под каким-то гипнозом. Мол, у нас ничего быть и не может. Ну порвет трубопровод. Ну и что? Закрыли, заварили. Задвижка где-то выйдет из строя — заменим. Клапан оборвет — ну и черт с ним! Проблем никаких нет. Производство есть производство. Все так думали. И я тоже.

Но мне снятся иногда вещие сны, которые потом сбываются. И в июле 1984 года я увидел совершенно

потрясающий сон: видится мне, что я нахожусь у себя в комнате в Припяти и как бы вижу оттуда станцию, хотя из этого окна я видеть станцию не мог, она развернута в другом направлении. И вижу, как взрывается четвертый блок, как разлетается верхняя часть четвертого реактора. Летят плиты в разные стороны. И я своим домочадцам во сне даю команду: все вниз, потому что может и до нас достать, словно летит к нам ударная волна.

— А почему вы знали, что это именно четвертый блок?

— Да как же не знать... Увидел реально станцию, трубу, ажурные ее крепления, третий блок. А с четвертого блока плиты летят... Хотел пойти даже к руководителям станции и рассказать им: я «видел» то-то и то-то. Но представил встречу с директором станции. Приходит к нему серьезный человек — я тогда руководил базой оборудования на станции, у нас на базе было на 200—300 миллионов рублей оборудования, — коммунист, и говорит: «Я вот видел сон, станция взорвется».

И представил, как Виктор Петрович Брюханов скажет: «Ладно, мы подумаем». Я уйду, а он нажмет на кнопку: «Тут приходил один больной, вы его возьмите на контроль». Думаю — хорошо. Пойду к главному инженеру, Николаю Максимовичу Фомину. Моя дочь и его дочь учились в одном классе. Мы с ним как бы одноклассники. Ну, думаю, скажу ему: «Николай Максимович, такие-то дела. Взрыв скоро будет». А он — я считаю — руководитель даже в большей степени, чем Виктор Петрович Брюханов. Брюханов — человек добрый, у него душа мягкая, ему при коммунизме только работать, когда высочайшая сознательность будет. С ангелами. А Николай

Максимович — тот мог и потребовать и, если понадобится, мог, как говорится, и кобеля спустить. И человек достаточно грамотный. Я представил, как он на меня посмотрит... И не пошел.

Все свои соображения по этому поводу я теперь послал в Москву. Я считаю, что необходимо создать комиссию, которая бы посмотрела на Чернобыль в историческом и психологическом плане. Старушки в наших краях жили, они говорили: «Идет время, когда **БУДЕТ ЗЕЛЕНО, НО НЕ БУДЕТ ВЕСЕЛО**». Я, когда вдумываюсь в эту информацию, потрясаюсь ее краткости. Зелено, но не весело. Вы представляете? Теперь из другого села информация, от других стариков: «Придет время, когда будет все, но не будет никого». И когда я летом и осенью 1986 года ходил по Чернобылю, когда все было — вы знаете это — и дома стояли, и сады, думал: это самая краткая информация, короче быть не может. **БУДЕТ ВСЕ, НО НЕ БУДЕТ НИКОГО**.

Мы, современные люди, исписали на тему чернобыльской аварии сотни тонн бумаги, информация по ЧАЭС занимает первое место в мире в 1986 году, это признали все, а тут вся информация вмещается в нескольких словах. Начало аварии: «Зелено, но не весело». Второй этап: «Все есть, и никого нет».

Говорят, когда татары сожгли Киев, они направились вверх по Днепру. Хотели взять какой-то северный город. Ну и вроде у хана Батыя была гадалка, ее звали Черная ворона. И она сказала: «На север не ходи. Пойдешь — погубишь войско». Он не послушал, пошел. И они дошли до Чернобыля, взяли Чернобыль и пошли дальше, вдоль Припяти. Так вот, будто бы в наших местах, где сейчас находится атомная станция, были тогда болота. И их конница стала в болотах то-

нуть. И вот в народе с тех пор, из поколения в поколение, передается легенда: мол, эти места, где у нас Калачи, Нагорцы, там были болота, и их когда-то называли «Кричали». Потому что степняки страшно кричали, когда их конница тонула. А наши предки, древляне, которые отступили, спрятались в этих лесах и болотах, слышали эти крики...

Мне кажется, надо поглубже покопаться в исторических источниках, летописях, легенды посмотреть. Может, действительно есть такие места, которые к беде ведут? Может, существуют какие-то, еще неизвестные нам, магнитные, силовые линии? Наверно, и это надо учитывать, когда строят такую махину, как атомная электростанция. Ведь когда в старину храмы строили — были такие люди, которые обладали божьим даром и выбирали место такое, где все чувствовали себя наиболее благоприятно.

Поэтому я и предлагаю — создать специальную комиссию, включить в нее историков, врачей, психологов, специалистов по парапсихологии, по неясным явлениям. Могут быть и другие ученые. Явление существует, его надо изучать».

Мы можем сколько угодно смеяться над вещами снами и предсказаниями, объявлять их чушью собачьей, мистикой, чем угодно. Представим себе, что в XVI веке был бы показан действующий телевизор: как бы к нему отнеслись тогдашние серьезные ученые, церковники, политики? Поэтому не будем спешить с отрицанием. Быть может, только лет через сто ученые расшифруют природу биополя и тех непонятных сигналов, что зарождаются в нашем подсознании, докажут их вполне материальное, квантовое или иное, происхождение — и тогда приводимые здесь свидетельства станут еще одним доказательст-

вом существования Прорыва-в-Будущее, о чем толкуют сегодня фантасты.

А может, ничего не докажут, и природа неясных предчувствий так и останется неразгаданной.

Но ведь, кроме подобных сигналов приближающейся грозы, были предсказания, к которым просто ОБЯЗАНЫ были прислушаться те, кто отвечал за атомную энергетику. Были люди, которые трезво и рационально предсказывали приход ядерного Апокалипсиса. И не где-нибудь, а именно на Чернобыльской АЭС.

Из письма Валентина Александровича Жильцова, начальника лаборатории Всесоюзного научно-исследовательского института по эксплуатации атомных электростанций:

«В 1984 г. работавший тогда на ЧАЭС т. Поляков В. Г. (старший инженер управления реактором — СИУР) направил непосредственно академику А. П. Александрову письмо со своими соображениями по поводу улучшения отдельных конструктивных решений по системам контроля и управления реактором, на которое он получил просто отписку. Уже после аварии он обратился в ЦК КПСС, Совет Министров и Госатомэнергонадзор. Все, о чем предостерегал т. Поляков (а независимо от него и многие другие, еще на стадиях разработки проекта, экспертизы), случилось на Чернобыльской АЭС.

Вот какая цена была заплачена за пренебрежительно-барское отношение ко всему тому, что исходило из других ведомств. Здесь со всей очевидностью проявилась порочная система, когда неапробированные и недостаточно обоснованные расчетами и экспериментами решения без широкой и компетентной экспертизы сразу внедрялись и широко тиражировались».

Таковы реалии эпохи бюрократического благоденствия: отнюдь не мистические предчувствия, а самые что ни на есть реальные технические предсказания и опасения захораниваются в ведомственных дебрях, оплетаются паутиной безмолвия и равнодушия к судьбам сотен тысяч людей, которых может затронуть МГА — максимально гипотетическая авария (есть такой термин у технарей). «Откуда она явилась, эта «Звезда Полюнь», — из ночей библейских или уже из ночей грядущих? — с горечью спрашивает Олесь Гончар. — Почему избрала именно нас, что хотела так странно и страшно сказать этому веку, от чего хотела всех нас предостеречь?»

И отвечает: «Современная наука при ее фантастическом, не всегда контролируемом и, может, не до конца познанном могуществе не должна быть слишком самонадеянной, не должна пренебрегать мнением общественности... Узковедомственные интересы сплошь и рядом мы ставим выше интересов общества, мнения населения насчет целесообразности ведомственных новостроек никто и никогда не спрашивает, узколобый, обуреваемый гигантоманией чиновник талдычит, что «наука требует жертв».

Юрий Геннадьевич Коляда, телеоператор Гостелерадио СССР:

«Мне запомнился день 25 мая. Приехали в Чернобыль и долго искали — с кем поехать на станцию. Нам нужна была «грязная» машина: я очень хотел снять развал четвертого блока. Нашли парня, который дежурил на проходной бывшей «Сельхозтехники». Попросили его. Он, по-моему, из Ворошиловграда. Он пошел в гараж и вывел поливалку. Разваленную, страшную, но она ездила. Мы с Пашей Власовым (это журналист, который вел телерепор-

тажи) сели в машину. Надели «лепестки». Едем к станции. Наш парень спрашивает: «У вас есть какое-нибудь разрешение? Хоть что-нибудь?» — «Какое разрешение? Командировок нет». — «Ну, тогда я вас повезу со стороны монтажного района, там у вас ничего не спросят. Там можно подъехать к реактору вообще без всяких пропусков».

«Вот здесь мы проскочим», — говорит наш парень перед въездом в Припять и сворачивает направо, в лес. Едем, едем — мне как-то неуютно становится. Я говорю: «Ребята (а я уже слышал это название — «Рыжий лес»), а какого цвета этот лес?» Наш парень: «А-а-а...» — и матерится. Он перепутал поворот и свернул чуть раньше. Покатал нас по «Рыжему лесу». Картинка совершенно фантастическая. Сосны были не ржавого цвета, не осенние, не сгоревшие. Цвет был свежий, желтого оттенка. Жуткое зрелище. Сверху донизу такой цвет.

Но на этом наши приключения не закончились. Проезжаем мы бетонный завод, приближаемся к АЭС и видим — в ста метрах от нас работают бульдозеры. Боже мой, прекрасно! Я расталкиваю Пашку, пристаиваюсь с камерой. Вот они, бульдозеры, — в двадцати метрах от нас. Вдруг я вижу: ВНУТРИ НИКОГО НЕТ! Я говорю: «Ребята, они радиоуправляемые. Поехали отсюда...» И все-таки я успел снять эти бульдозеры.

Наконец мы приехали на станцию, пошли в бункер к генералу Гольдину. И в бункере оказался капитан Яцына. Его батальон чистил территорию. Генерал говорит ему: «У тебя БТР есть?» — «Есть». — «Подвези людей, надо снять». В армии все просто решается.

Мы отпустили нашего поливальщика несчастного.

Вышли на территорию, подошли к третьему блоку, там работали солдаты. Меня удивило ужасно, что они работали без дозиметров, дозиметр был только у командира, а ребята работали в «лепестках» и пыль поднимали невообразимую. Они очищали те места, куда не могла подойти техника, примитивным способом — лопаты, мусорные баки для листьев... Вот и все. Там мы отсняли один «синхрончик». Паша сбросил на минутку с лица «лепесток», сказал два слова на фоне этих работ. Потом мы за это получили по голове. «Вы что, без респиратора?» — сказали Паше. И эти кадры в эфир не пустили. Но это было не самое обидное...

Начали подбираться к четвертому блоку. С Яцной были дозиметристы. Мы со двора шли, и когда до четвертого блока оставалось метров 200, ребята говорят: «Ну все. Дальше идти нельзя. Можно только подъехать». Яцна кого-то посылает за БТРом. Приходят и говорят, что нет БТРа. Куда-то его послали. Но уехать, не сняв эти кадры, нельзя. Я бы в жизни себе этого не простил. У нас был уазик, и мы все-таки подъехали, дозиметристы показали нам более или менее чистую трассу. Приблизились к реактору на сто метров. Мы с Пашей выскочили на вспаханное поле, здесь только что прошли радиоуправляемые бульдозеры, и, хотя нам объяснили, что каждый шаг вперед — это сто рентген, все-таки сняли этот развал. Паша проговорил свой текст за минуту.

И что вы думаете? В семь вечера началась наша «Актуальная камера», и вижу вдруг, что нет Паши на фоне разлома, а есть коротюсенький планчик — конец «наезда» камеры. Бросаюсь в редакцию информации, попадаю на заместителя главного редактора, смотрю на него ясным взором: «В чем дело?». Он объ-

ясняет, что уже после того, как цензура дала «добро» на все наши съемки, высокий чиновник посмотрел материал по нашему внутреннему каналу и сказал: «Убрать вот это место. Нашему зрителю не нужны такие эмоциональные вещи». А там Паша всего-навсего сказал, что теперь мы можем вам показать развал, но, поскольку здесь небезопасно оставаться долгое время, то, пожалуйста, посмотрите, мол, и все. Что-то в этом роде. А потом этот сюжет появился в передаче ЦТ под другой фамилией. Того, кого не было на станции.

Я много раз ездил на станцию, снимал разных людей. Мы работали японскими камерами «Бетакам» фирмы «Сони». Я думаю, фирма многое бы дала, чтобы заполучить эти камеры. Какая реклама для «Сони»! Даже в условиях мощной радиации камеры работали безотказно. Но нам пришлось их «похоронить» — они «звенели».

Юлий Борисович Андреев, подполковник Советской Армии:

«28 мая 1986 года я прибыл в Чернобыль. Вошел в состав спецгруппы военных специалистов. Сам я потомственный военный, родом из Питера. Отец был военным моряком, прадед — артиллеристом. Ходит такой глас, что он служил вместе с Львом Николаевичем Толстым... Нас прибыло в Чернобыль десять офицеров. Пять человек остались на штабной работе, а пять — на станции. В том числе один врач. Ну врач имел слишком подробную информацию, у него тряслись губы, он был весь белый и повторял одно словечко: «П-п-по-лу-тоний, п-п-полу-тоний...» И он пропал по дороге.

В зоне я сразу же вспомнил фильм Андрея Тарковского «Сталкер». И себя мы называли «сталкера-

ми» — и Юра Самойленко, и Виктор Голубев, и я... Все, кто ходил в самые злачные места, — сталкеры. Первое, что я увидел на станции, — собаку, бежавшую мимо АБК-1. Черная собака, она качалась, ее всю мотало, она облезла... Видимо, схватила здорово...

Нам, военным, предстояло провести тщательную дезактивацию АЭС. Но как ее проводить? Опыта не было. Мы были «голенькие» — все задачки новенькие. Что делать, например, с этими чертовыми крышами? Ведь с них «светило» так, что в помещениях, расположенных под крышами, находиться было невозможно. Особенно возросла острота этой проблемы, когда началось строительство саркофага.

Роботы давали совершенно фантастические данные, я им не верил. Надо было самому провести разведку, разобраться, что к чему. В середине июня вместе с лейтенантом Шаниным я пытался помыть одну крышу соляркой. Ничего не дало. На той крыше было еще более или менее уютно: можно было находиться 5—10 минут. Но что касается крыш главного корпуса — на них никто не выходил. Полная неизвестность. Поэтому я решил выйти на крышу второго блока.

Правда, мне сказали, что дозиметристы там уже были. Я шел спокойно, можно сказать — безмятежно, на приборчик посматривал. Но чувствую — что-то не то. Поднимаюсь по крутой винтовой лестнице к выходу на крышу. Иду в белом комбинезоне. И вдруг вижу — передо мной паутина огромная, миллиметров пятьсот диаметром, красивая, черная такая. Она у меня на груди вот здесь отпечаталась, и я понял, что ни черта, никто сюда не ходил. На что напороться мог? Могут быть такие источники радиации, которые дают

мощное направленное излучение. Если такой мощный луч попадет на какой-то нервный узел, ты можешь потерять сознание. Ну и неизвестность... Но к тому времени у меня появилось уже ощущение... как бы его назвать... распределения радиации, что ли.

Мы, сталкеры, в принципе даже не по самому уровню радиации ориентировались, а по начальному движению стрелки. В этом был профессионализм, интуиция. Когда попадаешь на мощные поля радиации, стрелка начинает двигаться. Вот она резко пошла — и ты знаешь, что здесь надо прыгнуть, здесь — проскочить быстро, встать за угол, там, где поменьше. Даже в самых опасных местах были закутки тихие, где можно было даже перекурить...

Мы там не делились — кто разведчик, кто научный сотрудник. Перед нами стояла конкретная задача. А для того чтобы ее решить, — что же делать на крыше? — нужны были точные данные. Кто их мне даст? Ну, какое я имел право послать подчиненных, не будучи там сам? В конце июня я понял, что как ни крутись, а нужно идти теперь на крышу третьего блока, на границу с четвертым. Как раз первого июля исполнялось 25 лет моей службы в армии. Я подумал, что сегодня, ребята, пора. Больше тянуть резину нельзя, и мне надо топать на эту крышу.

Двинулись по крыше машзала. В районе первого блока было еще ничего. Легкая прогулка. Я там оставил ребят: Андрея Шанина — он парень молодой, мне не хотелось его таскать туда, — и полковника Кузьму Винюкова, начальника нашего штаба. Он вообще не обязан ходить туда, но он просился. «Хоть немного, — говорит, — пройду с тобой». Но за границей второго блока уровни начали резко расти — уже попадались куски графита.

В общем, оставил там ребят, а сам пошел наверх. На вертикальной стенке была пожарная лестница, метров двенадцать. Я по ней до половины долез и понял, что дело серьезное... После взрыва крепления выскочили из бетонной стенки, и она моталась... Со мной был прибор, а лезть по качающейся лестнице с прибором страшновато было. Высота ведь огромная.

Я был в белом комбинезоне, белой шапочке. Там по-другому нельзя. Все эти дурацкие истории про свинцовые штаны — ерунда. Фантома можно послать на небольшое расстояние, метров на 15—20. Больше человек в таком одеянии не пройдет. Одни только свинцовые трусы весят 20 килограммов. А мне нужна была подвижность. В общем, залез я наверх. И первое чувство, чисто интуитивное, — здесь стоять нельзя. Здесь опасно. Я прыгнул, проскочил метра три вперед, смотрю — уровень пониже. Единственный прибор, которому я доверял, — это ДП-5. Жизнь свою ему доверял. Потом, после первого путешествия на крышу, я иногда брал с собой два прибора, потому что однажды один соврал.

Как оказалось потом, я правильно вперед прыгнул, потому что под этой площадкой, куда я вылез, лежал кусок твэла — тепловыделяющего элемента. Только не такой, как описывают некоторые ваши коллеги по перу... Один из них написал, что перед его героем лежал 20-килограммовый твэл! А твэл — это трубочка толщиной с карандаш, длиной три с половиной метра. Трубка сама из циркония, это серый такой металл. А на крышах — серый гравий. Поэтому обломки твэла лежали как мины: ТЫ ИХ НЕ ВИДЕЛ. Невозможно было их отличить. Только по движению стрелки — ага, вот она пошла! — соображал. И от-

прыгивал. Потому что если бы встал на этот самый твэл, то мог бы и без ноги остаться...

Ну я попрыгал по этой площадке, понял, что там не такие уж и жуткие, зверские уровни, и спустился вниз по лестнице. Самое главное установил. Это было очень важно, потому что открывало путь людям. Они МОГЛИ работать на крыше. Пусть малое время — минуту, полминуты — но могли. Как раз тогда Самойленко занялся очисткой крыш, и мы с ним мгновенно контактировались.

— Главную опасность, значит, таил твэл?

— Все тогда боялись и кусков графита. Когда я первый раз вышел на эту крышу, тоже почувствовал, что сзади что-то нехорошее. Повернулся, смотрю — в полутора метрах от меня кусок графита. Похож на лошадиную голову. Громадный. Серый. Поскольку расстояние всего полтора метра, мне ничего не оставалось, как замерять его. Оказалось — 30 рентген. То есть не так уж и страшно. До этого считали, что на графите — тысячи рентген. А когда знаешь, что только десятки рентген, — ты уже чувствуешь себя по-другому. Потом уже что я делал? Вот идешь где-то по маршруту — валяются куски графита. А ты знаешь, что возвращаться придется этим же путем. Чтобы лишний раз не «светиться», ногой его пнешь — он и отлетел. Но как-то раз я на этом погорел: на «этажерке» мне попался один, я его ка-ак двину, — а он, оказывается, к битуму прилип. Получилось как в кинокомедии.

А вообще-то трудно было. Бета-ожоги. Горло все время было заложено — хриплый голос. Но я расценивал это как элемент неизбежного риска. Ты все знаешь, все понимаешь. Когда стоишь на облучении, знаешь, что у тебя в организме происходит, знаешь,

что облучение в эти мгновения ломает твой генетический аппарат, что все это грозит последствиями на раковом уровне. Идет, я бы сказал, игра с природой. Ты чувствуешь себя, как на войне. Что помогало сохранять хладнокровие? Только знания. Ты знаешь: ты сделал эту работу, ты сюда зашел, залез, «получил» то-то и то-то, а мог бы, если бы был глупее, «получить» в тысячу раз больше. Само это ощущение очень сильное — что ты выигрываешь эту войну, что ты умеешь это делать, что можешь перехитрить природу. Вот это-то ощущение все время двигало тобою. Постоянное ощущение борьбы. И было понимание того, что ты хоть в чем-то продвинул дело на самой болевой точке планеты. Выиграл бой. Продвинулся хоть на миллиметр вперед.

После чернобыльской аварии прошло четыре года, и умер Владимир Щербицкий.

Скоропостижную смерть Владимира Щербицкого 16 февраля 1990 года (буквально за день до 72-летия) окружили слухи. Предполагали самоубийство. (Попал в больницу с подозрением на воспаление легких и к вечеру скончался). Разбирая бумаги, родные наткнулись на записку-завещание:

«На всякий случай. Дорогая Радуся! Это все наши многолетние сбережения (55—60 тыс. р. в сейфе), которыми ты должна разумно распорядиться. (Мама, ты, Вовочка, дети).

Ордена, медали, грамоты, ремень, полевую сумку и фуражку — прошу сохранить как семейные реликвии. Пистолеты, кроме именных, которые надо сделать небоеспособными, — тоже. Остальное надо сдать. Ружья подарить друзьям. Карабин — сдать музею. В остальном разберись, пожалуйста, сама. Друзья помогут.

Целую тебя, моя дорогая, крепко-крепко...».

Шел февраль 1990-го. Отстраненный от всякой партийной власти пенсионер-инфарктник, по-прежнему много курящий, по-прежнему красивый, как из фильма о первых пятилетках, он имел теперь два основных занятия. Смотреть по телевизору сессию Верховного Совета и гонять на голубятне своих обожаемых голубей. На сессии творилось страшное. Его, Владимира Щербицкого, называли отцом украинского застоя и главарем днепропетровской мафии, требовали отыскать тайные счета семьи Щербицких в зарубежных банках, а самого отдать под суд за Чернобыль.

Чего он мог бояться? За что ждать расплаты?

Щербицкий, больше семнадцати лет руководивший компартией Украины, а фактически — всей республикой, был идеальным, точнее слова не найти, «человеком Москвы». Он не питал слабости, как его предшественник Петр Шелест, к украинским песням в застолье и «вышиванкам» — предпочитал великолепно сшитые в спецателье «Коммунар» костюмы и дорогие галстуки. Иногда под праздник мог «символически» послать к кремлевскому столу сало и горилку с перцем. (Известен случай, когда передача ненароком попала к Егору Лигачёву, борцу с алкоголем, и тот возмущенно приказал вернуть дары в украинское постпредство в Москве). Земляк и выдвиженец Брежнева, фронтовик, дважды Герой Соцтруда, он тем не менее со временем не превратился в карикатурную фигуру, мишень для анекдотов. И до последних дней мимо его кабинета — «золотой клетки» в здании ЦК КПУ на Банковской (сейчас там президентская резиденция) — нижестоящие пробирались буквально на цыпочках.

Отнюдь не интеллеktуал, не театрал или книго-чей, Владимир Васильевич хорошо знал, за что рубят головы парtrаботникам на Украине: за ошибки в национальном вопросе и за хлеб. Потому диссидентов, начиная с поэтов и преподавателей Киевского госуниверситета, традиционно отправляли в лагеря, а «украинский миллиард» — в закрома Родины.

И то, и другое давалось подчас большими нервами. Спасала охота на кабанов — до нее Владимир Васильевич был страстен, как юноша. Киевляне в ту пору даже научились определять, если в центре на нескольких улицах в пятницу пополудни перекрывают полностью движение транспорта и истошно воют машины ГАИ, значит, «сам» отправляется или пострелять в Залесье, элитное охотхозяйство, или в Межгорье, на дачу. С охотой мог соперничать только футбол. А с футболом — хоккей. На столе, под стеклом, Щербицкий держал обычно календарь турнирных игр, и сотрудник, оказавшийся «не в курсе» гола, забитого накануне динамовцами, сильно рисковал.

Авария в Чернобыле стала для Щербицкого началом личной трагедии. Как ни кощунственно это звучит, но судьба давала ему как политику шанс спасти Украину — восстать против всесоюзной лжи. Однако Владимир Васильевич был всего лишь первым секретарем республиканского ЦК. Радиации он лично в глаза не видел, а паники допустить не мог. Потому отдал команду первомайскую демонстрацию в Киеве не отменять и сам с женой Адой Гавриловной и внуком простоял на трибуне, глотая праздничную радиационную пыль. А потом уехал осматривать взорванный реактор, отправив семью на дачу. Фоново там уже нещадно. Внук Вова удил рыбу, маленькая внучка Радочка бегала по траве.

О семейной драме Щербицкого знали немногие. Легкое облачко: дочь Ольга вышла замуж за студента факультета международных отношений, назначенного тут же болгарским консулом. Но вскоре развелась с ним, стала женой болгарского журналиста и уехала в Софию. Начал пить и «колоться» сын Валерий. Дни превратились в кошмар ожидания ночных милицеских звонков. Из МВД почтительно сообщали: найден на очередной «хате», оказал сопротивление, окружение — преступные элементы. Валерий пережил отца лишь на год — покончил с собой.

В мае 1986-го глава украинского экзархата, митрополит Киевский и Галицкий Филарет сказал: «Человеку не дано знать сроков, предначертанных в Апокалипсисе. Христос сказал так: о дне и часе этого не знает ни сын человеческий, ни ангелы, только Отец, то есть Бог. Апокалипсис применим к разным временам, и в течение двух тысяч лет было достаточно ситуаций, совпадающих с Откровениями Иоанна Богослова. И тогда люди говорили: «Вот уже пришло это время». Но мы видим, что кончается второе тысячелетие, а это время не наступило. Мало того, что человеку не дано этого знать. От самого человека зависит, приблизить или удалить это время».

ТРАГИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ

В 1989 году события в Тбилиси развивались так: 4 апреля перед Домом правительства в Тбилиси начался непрекращающийся митинг. В тот же день группа участников «неформального движения» на-

чала голодовку. Поводом стали события в Абхазии: принятое в середине марта предложение о выходе Абхазской автономной республики из состава Грузии.

Однако абхазская тема была быстро отодвинута в сторону. Зазвучали требования отставки правительства, о национальной независимости Грузии и ее выходе из состава СССР.

По инициативе руководства Грузии во главе с первым секретарем республиканского ЦК Джумбером Патиашвили было принято решение о применении силы, использовании войск, введении в Тбилиси комендантского часа.

Ночью с 8 на 9 апреля перед Домом правительства собралось около десяти тысяч человек. Невдалеке, на площади Ленина, — боевая техника, войска.

Специальный корреспондент газеты «Московские новости» Андрей Романов 23 апреля 1989 года писал: «В четвертом часу утра к собравшимся обратился Патриарх-Католикос Илия II. Он сказал, что знает о возможности применения силы, и призвал митингующих оставить площадь. «Нет!.. Нет!.. Нет!..» — зазвучало в ответ. Католикос остался на площади. Ираклий Церетели, один из лидеров неформалов стал читать молитву «Отче наш». Площадь тысячеголосым эхом вторила.

В четыре утра со стороны площади Ленина вспыхнули фары бронетранспортеров. Они медленно стали приближаться. Люди расступились, освобождая проезжую часть, давая дорогу технике. Наглухо задранные машины встретили аплодисментами, песнями. На видеозаписи видно, как мужчины останавливают молодых людей, норовящих пнуть ногой колесо бронетранспортера, стукнуть по броне.

Позади машин из темноты появился строй солдат в касках, бронезиловых, с прозрачными щитами и резиновыми дубинками. Какое-то время все было спокойно, потом вдруг раздались крики, началось движение, взметнулись и замелькали дубинки. Побежали прочь женщины с перекошенными лицами, закрывающие голову руками. В сторону солдат полетели несколько камней, палок. Солдаты наступали, люди разбегались. За строем солдат оказалась окружена часть митинговавших, голодающие...

Итог этой страшной ночи — в морги доставлено 16 трупов участников митинга. Среди погибших 14 женщин. Самой старшей — 70, двум самым младшим по 16 лет. В больницы поступило около полутора сотен раненых, восемь тяжело пострадавших помещены в реанимацию. В госпиталь также доставлено около двадцати раненых военнослужащих, четверо — в тяжелом состоянии. Было госпитализировано 34 работника милиции. Большинство из них пострадали, когда пытались защитить участников митинга, вынести раненых с площади.

Арестованы пятеро лидеров радикальных неформальных организаций.

9 апреля незадолго до одиннадцати часов вечера по местному телевидению выступил командующий Закавказским военным округом генерал-полковник Игорь Родионов. Он объявил о своем назначении военным комендантом Тбилиси и о введении с 23 до 6 часов комендантского часа. До 23 часов оставались считанные минуты, поэтому конфликты с военными патрулями оказались неизбежны. Автоматной очередью патруля был смертельно ранен за рулем автомобиля 25-летний Гия Карселадзе.

Было объявлено, что 16 человек погибли «в ре-

зультате возникшей давки». Очевидцы твердят о применении газов при разгоне митинга, о том, что солдаты использовали не только резиновые дубинки, но и саперные лопатки.

12 апреля, на брифинге в ЦК Компартии Грузии секретарь ЦК Нугзар Попхадзе сообщил, что специальная комиссия с участием представителей общественности обследовала большую часть тел. Резанных и рубленых ран на них нет.

Вопрос специальных корреспондентов «Московских новостей»: будут ли обследоваться раненые в больницах? В одной из них, в частности, лежит Шалва Квасролиашвили, 35 лет. Диагноз врачей: рубленая рана теменной и затылочной области, перелом основания черепа, состояние крайне тяжелое. Есть и другие схожие случаи.

Секретарь ЦК поблагодарил за информацию, обещал проверить. К брифингу следующего дня она подтвердилась самым драматическим образом. Министр здравоохранения республики Ираклий Менагаришвили сообщил, что от полученных ран Шалва Квасролиашвили скончался.

Нам довелось слышать заключение приехавшего из Ленинграда одного из ведущих специалистов страны по химическим отравлениям Юрия Мусейчука. Сказанное им проясняет возможное объяснение тому, что 14 из погибших — женщины. Женщины более чувствительны к химическим веществам. А использованные газы в больших концентрациях способны приводить к мгновенной потере сознания. Беспомощный человек падает под ноги бегущей толпы.

Разумеется, на брифингах в ЦК КП Грузии журналисты интересовались и тем, кто отдал приказ о

применении химических веществ. Ответ: «Это решали командиры подразделений, участвовавших в операции». Кто распорядился участвовавшим в операции десантникам выдать саперные лопатки? Ответ представителя военного округа: «Лопатка входит в обычное снаряжение десантника».

В запросе народных депутатов СССР (М. Беликова, Б. Васильева, А. Гельмана, Д. Лунькова, Э. Шенгелая, Е. Яковлева) говорилось:

«Людей не предупредили, что принимается крайнее решение, и даже после того, как оно было принято, ничего людям не сказали. Разве был хоть какой-то смысл в проведении такой тайной операции против своих сограждан? Руководители республики не обратились непосредственно к участникам демонстрации накануне зловещего утра.

А разве руководителям республики, уж коли они на такое решились, не следовало заранее встретиться с солдатами, которым предстояла эта чудовищная «работа», поговорить, объяснить, о чем и о ком идет речь, не передоверять предварительный инструктаж исключительно военным командирам, прибывшим неизвестно откуда?

Все здесь было бесчеловечно. Демонстрантов не разгоняли, а избивали, перекрыв выходы с площади. Тех, кому удавалось вырваться, преследовали, продолжая избивать. Почему в ход пошли саперные лопатки? Почему применили слезоточивые и еще какие-то никому неизвестные химические средства?

В целом во всей этой операции настораживает тенденция устрашения».

Находясь в опале, генерал Игорь Родионов ни разу не сделал даже попытки реабилитировать себя. Он

отказался войти в команду Павла Грачева, все эти годы начальник академии Генштаба ни разу не прибыл в Кремль по случаю ежегодного приема выпускников, чтобы даже формально не предстать перед своими офицерами рядом с Грачевым.

За две недели до подписания указа о назначении Игоря Родионова министром обороны, Борис Ельцин затребовал себе все материалы уголовного дела по событиям в Тбилиси 9 апреля 1989 года.

На съезде Советов, где рассматривались трагические события в Тбилиси, ввали или отмалчивались все без исключения высокие государственные чиновники. Любая утечка информации о том, что ЦК и Политбюро не только знали о развитии обстановки в Тбилиси, но и принимали соответствующие решения, означала бы для них политический смертный приговор. Именно поэтому вся ответственность была свалена на ЦК компартии Грузии и лично на командующего Закавказским военным округом.

Если бы генерал-полковник Игорь Родионов рассказал на съезде всю правду и показал документы в отношении трагедии в столице Грузии, Михаил Горбачев, возможно, не стал бы первым Президентом СССР. Радикально иной была бы судьба многих других тогдашних лидеров КПСС.

Вот мнение о событиях в Тбилиси заместителя начальника следственного управления Главной военной прокуратуры полковника юстиции Юрия Баграева, который лично занимался расследованием причин трагедии.

— Мы очень тщательно проводили расследование, допросив сотни участников событий и собрав огромное количество документальных материалов. Вывод следствия однозначен: Родионов не виновен в гибели

людей. От себя хочу сказать, что решения властей накануне и в ходе трагических событий принимались вопреки настоятельным рекомендациям Родионова, который был категорически против грубого применения военной силы. К гибели людей привело то, что руководители грузинского МВД не выполнили несколько важных распоряжений Родионова. Они по просту его предали...

А вот некоторые документы.

Исходящая шифротелеграмма № 14/ш (отправлена 7.04 1989 г. в 20 час. 35 мин.)

«г. Москва

Центральный Комитет КПСС

Обстановка в республике резко обострилась(...)

Считаем необходимым:

1. Незамедлительно привлечь к уголовной и административной ответственности экстремистов, которые выступают с антисоветскими, антисоциалистическими, антипартийными лозунгами и призывами (правовые основания для этого имеются).

2. С привлечением дополнительных сил МВД, ЗакВО ввести в Тбилиси особое положение (комендантский час).

3. Осуществить силами партийного, советского хозяйственного актива комплекс политических, организационных и административных мер по стабилизации обстановки.

4. Не допускать в союзных и республиканских средствах массовой информации публикаций, осложняющих обстановку.

По пунктам 1, 2, 4 просим согласия.

Секретарь ЦК КП Грузии Патиашвили».

(Именно эту шифровку зачитывал на съезде Лукьянов, когда валил всю вину на руководство компартии Грузии. При этом коммунист Лукьянов не прочел предпоследнюю строчку, чтобы не возник вопрос о том, кто же давал согласие по пунктам 1, 2, 4.

Постановление бюро Центрального Комитета Компартии Грузии от 8 апреля 1989 г. (протокол № 122 п. 2)

«О мерах в связи с резким обострением политической обстановки в республике»:

«...Экстремистские элементы нагнетают националистические настроения, призывают к забастовкам, неподчинению властям, организуют беспорядки, дискредитируют партийные и советские органы.

В связи с вышеуказанным, бюро ЦК КП Грузии постановляет:

1. Принять меры по освобождению площади перед зданием Дома правительства от участников многотысячного несанкционированного митинга с помощью милиции, войск МВД и подразделений Советской Армии.

2. Руководство по проведению этой операции возложить на командующего ЗакВО генерал-полковника Родионова И. Н.

Секретарь ЦК КП Грузии Патиашвили».

Это постановление означает, что ЦК КПСС дал добро на шифровку от 7.04.89 г.

А вот что сообщал в Москву генерал Родионов:

«Министру обороны СССР
маршалу Язову Д. Т.

(...) Руководство республики пытается стабилизировать положение с помощью активных действий

войск, что обострит имеющееся негативное отношение к армии. Имеют место нападения на военнослужащих, избиения, оскорбления и взламывания квартир.

Предлагаю:

1. Арестовать руководителей резко националистических обществ — организаторов сборищ, несанкционированных митингов.

2. Не допускать проведения митингов путем разгона мелких групп силами МВД, не допуская их массового скопления.

3. Воинские части держать в готовности для оказания помощи властям в охране зданий ЦК КП Грузии, Дома правительства, телестудии, почты и телеграфа.

Командующий войсками
Закавказского военного округа
Генерал-полковник И. Родионов.
7 апреля 1989 года».

«Министру обороны СССР
Маршалу ЯЗОВУ Д. Т.

(...)При оценке перспектив развития обстановки необходимо учитывать следующие факторы:

партийное и государственное руководство ГССР по своему отношению к происходящим событиям не является однородным...

Введение особого положения рассматривает как возможность снять с себя полноту ответственности за происходящие события.

Введение комендантского часа нецелесообразно и даже вредно.

Во исполнение директивы МО СССР № 4/154 от 07.04.89 решил:

во взаимодействии с силами и органами МВД организовать охрану важнейших правительственных и государственных учреждений, аэропорта, осуществить контроль на основных дорожных направлениях...

Командующий войсками
Закавказского военного округа
Генерал-полковник И. Родионов
8 апреля 1989 года».

Тем не менее силовой вариант решения конфликта в Москве был принят. Родионов, назначенный руководителем операции членом Политбюро маршалом Язовым, все-таки решил обойтись силами МВД. Милиция должна была арестовать зачинщиков и вдохновителей митинга, а внутренние войска — вытеснить толпу с площади. Десантный полк, предварительно разоруженный по приказу того же Родионова, находился в резерве. Однако в критический момент находящийся с солдатами Родионов увидит, что толпа начала теснить внутренние войска с фланга, применяя камни и прутья. Тогда он отдал десантникам приказ прикрыть фланг. Контакт десантников с митингующими длился 10 минут.

...На следующий день после трагедии политики стали умыть руки.

Из материалов уголовного дела:

«В процессе операции погибло 19 человек, из которых 3 мужчин и 15 женщин. 18 человек погибли от механической асфиксии (удушье), возникшей от вдавливания грудной клетки, а 1 человек (Квастролиашвили) погиб от черепно-мозговой травмы, полученной при ударе о мостовую. Телесные повреждения получили 74 человека: тяжкие — 4, менее тяжкие — 15, легкие с расстройством здоровья — 12.

Среди военных пострадало 189 человек: черепно-мозговые травмы — 10, колото-резаные раны — 12, переломы — 4, рвано-ушибленные раны — 67, гематомы и ушибы — 96».

Были ли саперные лопатки? На этот вопрос отвечает полковник юстиции Юрий Баграев:

— Да, были. Несколько десантников вынуждены были ими обороняться. Мы установили, что по характеру ранений увечья саперными лопатками были нанесены 4 мужчинам. Ни одной зарубленной женщины, ребенка, старика не было, заявляю с полной ответственностью.

Сделав генерала «стрелочником», Михаил Горбачев отправил его в Академию Генерального штаба. Все это время Игорь Родионов занимался военной наукой. Именно по его приказу были тщательно проанализированы все боевые действия в Чечне, ошибки командования и сделаны выводы о том, в каком состоянии находится российская армия. Говорят, этот труд был затребован в Минобороны и там исчез.

Лето 1997 года.

Недавно смещенный министр обороны Игорь Родионов — военный пенсионер. Он, как и его предшественник, находится на даче. По некоторым данным, он болезненно пережил отставку и окончательно передал дела Игорю Сергееву лишь спустя неделю после памятного заседания Совета обороны.

«В январе 1991 года в Вильнюсе и Риге пролилась кровь. Виновники трагедии до сих пор не названы, — писала Татьяна Фаст в 1996 году. — Но если в вильнюсской драме отчетливо просматриваются следы армии и КГБ, то рижский сценарий не прочитан до сих пор. Анализ этой провокации дает возможность не

только разобраться в недавнем прошлом, но и понять, что происходит сегодня.

20 января 1991 года около 9 часов вечера «черные береты» (так в Риге называли бойцов ОМОНа) на 6 уазиках и 2 АТН ехали к прокуратуре. Неожиданно, в ста метрах от цели, рядом со зданием республиканского МВД, их машины были обстреляны. По показаниям самих омоновцев, стрельба велась с двух сторон: из самого МВД и расположенного напротив него парка. Побросав уазики, омоновцы бросились к МВД и ворвались в него по всем законам военной операции: одна группа зашла со двора и затем поднялась на пятый этаж, а другая захватила здание с парадного входа. В это время другой взвод омоновцев, уже находящийся в прокуратуре, услышав выстрелы, тоже бросился к МВД, но также был обстрелян по дороге и засел в здании напротив министерства, поливая огнем его окна. Стрельба закончилась лишь тогда, когда и те, и другие поняли, что стреляют по своим.

Результаты перестрелки оказались трагическими: 5 посторонних человек погибли и 8 были ранены. Ни один омоновец не пострадал.

На следующий день в средствах массовой информации зазвучала версия об изнасиловании жены одного из омоновцев, мстить за которую они и отправились накануне вечером организованной колонной. Так и осталось невыясненным, из чьих уст вылетела эта версия, сами омоновцы журналистов к себе в то время не подпускали. Тем не менее, как выяснит позже следствие, утром 20 января к одному из офицеров, отправляющихся с бойцами в центр города, подошел командир отряда Ч. Млынник и попросил подвезти жену одного из омоновцев. Офицер согласился. В центре женщину выпустили. Но не успела она завер-

нуть за угол, как к ней подошли молодые люди из добровольной дружины стражей порядка (была в то время при кабинете министров такая невооруженная структура, обеспечивавшая порядок в городе, которую сами омовцы называли боевиками). Дружинники предложили женщине сесть в их машину.

Какое-то время они возили даму по городу, пока не получили команду доставить ее в Верховный Совет. Но из-за баррикад подъехать к ВС они не смогли и отпустили ее на мосту. После этого женщина позвонила мужу на базу. Однако, по рассказам самих омовцев, до ее звонка им звонил какой-то мужчина и дал послушать пленку с криками, свидетельствующими об ее изнасиловании. После этого отряд, взбуряженный случившимся, якобы и сорвался с базы. Из разговоров со следователями выяснилось, что в ту ночь в перестрелке, кроме ОМОНа и милиционеров, участвовал еще кто-то. Следователи называли это третьей силой.

По их мнению, именно эта третья сила стреляла с Бастионной горки парка, она обстреляла ОМОН с пятого этажа МВД еще до появления «беретов» в здании. На одной из видеокассет перед зданием МВД появляются люди в камуфляже и спецназовских масках, которые спешно садятся в машину и уезжают прямо во время перестрелки. На другой кассете видно, как по парку под огнем, профессионально, по-пластунски, передвигаются люди в темной спортивной одежде.

Бывший министр МВД А. Вазнис рассказал, что 10—11 января у него появилась оперативная информация о том, что в один из юрмальских санаториев прибыли 40 крепких молодых людей, назвавшихся болгарскими спортсменами, но разговаривавших

только по-русски. По его данным, эти люди побывали на базе ОМОНа, а 20 января «Икарус» привез их в центр Риги, где следы их потерялись.

Впрочем, приемы провоцирования «беретов» отрабатывались еще накануне. В ночь с 19 на 20 января пост ОМОНа в Доме печати обстреляли. Выбежавшие на поиск преступников омоновцы задержали назойливо крутившуюся поблизости «Латвию» с пятью дружинниками. Оказывается, их послали узнать, кто это палил в омоновцев ночью. В машине «случайно» были обнаружены взрывпакеты, холодное оружие и списки какой-то подпольной организации. Как рассказал один из командиров ОМОНа А. Кузьмин, его взвод повез задержанных на базу, сообщив при этом, как принято, маршрут своего следования. При переезде через мост, на котором жгли костры и пели песни защитники баррикад, их машины неожиданно обстреляли. Выскочивший на дорогу Кузьмин узнал среди стрелявших своего друга офицера ОМОНа Кротова. При выяснении оказалось, что Кротов получил приказ обстрелять «Латвию», в которой якобы дружинники везли арестованных омоновцев. На следующий день в советской прессе появилась заметка о нападении боевиков на ОМОН.

Все эти провокации будоражили отряд, держали в постоянном напряжении. Усугублял положение и конфликт «беретов» с республиканской властью.

Первый клин в эти отношения вбил сам министр МВД Латвии А. Вазнис, когда запретил кооператив «Викинг», обеспечивающий омоновцам существенную добавку к скудной милицейской зарплате. Недовольством в отряде воспользовался ЦК КПЛ, в условиях двоевластия поручивший «беретам» охрану своей собственности. К руководству приходит бывший «аф-

ганец» Чеслав Млынник, который досрочно получает звание майора. Его правой рукой становится бывший офицер ГРУ Чецкий. На базе появляются два спецподразделения, которые тренируются отдельно от остальных, ни с кем не общаются, имена их членов держатся в тайне.

К январю 1991 года из отряда по борьбе с организованной преступностью ОМОН превращается в единственный оплот Советской власти в Латвии.

Из всего этого следует, что события 20 января не были случайностью. Начиная с ночи, когда взвод Кротова обстрелял взвод Кузьмина, «беретов» намеренно заводили. Дружинники, захватившие жену одного из омовцев, даже знали, во что она будет одета в тот день. Вечером у МВД отряд уже ждали. Причем не только те, кто начал стрельбу с Бастионной горки, но и охрана МВД, которую накануне «укрепили» сельскими милиционерами, получившими приказ стрелять на поражение при приближении ОМОНа. Не случайным было и нападение отряда именно на МВД. Это было единственное учреждение в Риге, которое могло оказать вооруженное сопротивление. Судя по всему, организаторам провокации нужны были жертвы среди ОМОНа. Однако погибли люди, находящиеся в парке. Почему? Опять же не случайно. Именно здесь прятались те, кто спровоцировал ОМОН. А им не нужны были свидетели, тем более операторы. Кстати, во время следствия была проведена экспертиза омовского оружия: ни один погибший не был застрелен из их стволов.

Все эти годы и следователи, и пресса говорят о третьей силе, как об организаторе провокации. По ее велению двигались и ОМОН, и милиционеры, и дружинники.

Что это была за сила, нетрудно догадаться, связав ряд политических событий того времени. 13 января пленум ЦК КП Латвии, констатировав двоевластие в республике, обратился к Президенту СССР М. Горбачеву с просьбой ввести президентское правление. Известно, что Горбачев колебался (накануне письмо Бурокаявичуса с такой же просьбой он вернул в секретариат разорванным). 15 января Комитет национального спасения под руководством А. Рубикса объявляет о готовности взять власть в свои руки. Дело остается за механизмом захвата власти. В Литве его попытались ввести в действие с помощью армии, которая, по словам Пуго, вышла, «чтобы предотвратить жертвы среди населения». Однако именно обилие жертв и разрушило планы сценаристов.

В Латвии нужно было действовать изощреннее и тоньше, поэтому основная роль здесь отводилась местному ОМОНу; якобы доведенному «боевиками» до отчаяния. Жертвы в ОМОНе, защитнике Советской власти в Латвии, могли подтолкнуть Горбачева к решительным мерам. Кстати, известно, что накануне январских событий Млынник лично ездил на прием к Пуго и Лукьянову. В Риге же, в свою очередь, дважды инкогнито побывал начальник ГРУ Генерального штаба МО генерал Михайлов.

Впрочем, сценарий введения президентского правления не исключал и еще одного варианта. О нем рассказал бывший председатель Верховного Совета Латвии А. Горбунов, отправившийся в ту январскую ночь за информацией в... КГБ. «Я мог позвонить Горбачеву, но не стал этого делать, — рассказывает Горбунов. — Я знал: он скажет мне, что мы сами виноваты. И еще это был бы повод с его стороны «помочь» нам путем введения президентского правления, а по-

том сказать, что мы его сами об этом попросили». По словам Горбунова, связавшись с премьером Латвии И. Годманисом, он узнал, что тот уже созвонился с Пуго, который пообещал дать приказ ОМОНу покинуть МВД.

Был ли Пуго тем крайним, кто остановил дальнейший ход раскручивания силового механизма? Если учесть, что планировался он целым штабом военных и партийных ведомств, то вряд ли. Похоже, точку в этом сценарии все же поставил Горбачев, напуганный очередными жертвами среди мирного населения. Судя по августовским действиям президента, он не прочь был бы разделить славу с победителями, но ни за что не хотел делить позор с побежденными».

Главными объектами нападения в Литве в ночь на 13 января 1991, как известно, стали телебашня и телерадиокомитет. До сих пор в памяти кадры, которые бесстрастно передавала в эфир стационарная телекамера: военные врываются в коридор, дергают ручки закрытых дверей и, увидев огонек работающей камеры, опрокидывают ее. Около двух тысяч литовских журналистов на следующий же день лишились своих рабочих мест.

А что было потом?

Семь месяцев спустя, в телецентре, ставшем, по сути, большим караульным помещением, новая «журналистская» команда каждый вечер с 18 до 23 часов вела под охраной автоматов и бэтээров свои теле- и радиопередачи. В последний раз вышла в эфир 20 августа. Были зачитаны документы ГКЧП. К телезрителям обратился секретарь ЦК КПЛ, генерал-майор А. Науджюнас. Через три дня объекты литовского телевидения были возвращены законным хозяевам.

Зачем штурмовали телецентр?

На этот вопрос до сих пор трудно подыскать однозначный и логически осмысливаемый ответ. «Чтобы прекратить льющиеся с экрана потоки лжи и дезинформации» — такое расхожее объяснение бытовало в идеологическом клише ЦК КПЛ. Но была ли эта цель достигнута? Телевидение независимой Литвы в Каунасе заработало почти сразу же после 13 января. И хоть и на другом канале, сумело охватить вещанием почти всю Литву. Программу так называемого «каспервидения» принимало лишь около 1/5 литовской аудитории.

На телевидении и радио Литвы рассуждают так: лидеры ЦК КПЛ верили, что стоит им лишь заявить с телеэкрана о восстановлении Советской власти в Литве, как это вызовет небывалый энтузиазм сограждан в республике. Надеялись на «всенародную поддержку масс». Поэтому другие телерадиоцентры и ретрансляторы, расположенные в Литве, оставили в покое.

Может быть, эта версия психологически и убедительная. Однако, скорее всего, в январе тех, кто захватывал телецентр, остановила вероятность новых жертв, начини они занимать другие объекты ТВ.

Разумеется, в Литве, где власть, вопреки задуманному, так и не удалось свергнуть, узаконить новообразованное телевидение и радио было невозможно. И тогда взоры ЦК КПЛ обратились к Москве. Спустя несколько дней после трагедии у телебашни в Вильнюсе высаживается десант технических работников Центрального телевидения.

К примеру, Александр Елехин, заместитель директора ТТЦ по радиовещанию, приехал в Вильнюс из Москвы через 12 часов после штурма телебашни и телецентра. Столь срочная командировка не была

для него неожиданной. Годом раньше в составе такой же группы «пожарного реагирования» он летал в Баку после того, как там был взорван телецентр. В Вильнюсе под началом Елехина находились семь технических работников. В течение двух суток они наладили оборудование телевидения. Елехин говорит: «Если бы основная часть оборудования телецентра не была бы исправлена, вряд ли нам удалось бы управиться в два дня».

По его словам, пострадали в основном редакционные помещения. Несколько раз прорывало водоснабжение.

А вот Радиодом действительно пострадал значительно. Почти неделю после 13-го он вообще не охранялся. Если на ТВ репортажные журналистские телекомплекты были вывезены сотрудниками телецентра в Каунас, то в Радиодоме, оставшемся без присмотра, вполне могло пропасть любое оборудование.

Владимир Солодов, начальник АСК-3 технического центра ЦТ, ездил в Вильнюс позже. Его рассказ немногим отличается от рассказа Елехина. Добавим: бригады сменялись каждые две недели, платили по 25 рублей в день.

Леонид Кравченко, тогдашний руководитель Всесоюзной телерадиокомпании, вспоминая сейчас события января, говорит в сердцах: «Конечно, это был чистейший идиотизм! Но наша роль сводилась к восстановлению функционирования телецентра, что мы и делали. К слову, часть оборудования была закуплена на деньги, отпущенные в свое время Гостелерадио СССР. В Вильнюсе были только технические работники. Ни одного журналиста я в Литву не посылал. Делал это умышленно, не желая ввязывать творческий состав в авантюру...»

Действительно, московские журналисты на Литовском телецентре не работали. Правда, заместитель Литовского ТВР Н. Малюквичюс вспоминает, что в Вильнюсе находился в те дни заместитель председателя Гостелерадио СССР Михаил Сухов. Но он и в Москве по роду своих обязанностей занимался техническими службами ЦТ.

Тем временем истинные хозяева развернули широкую кампанию протеста. Телевидение независимой Литвы обратилось в различные международные организации, в том числе и в ОИРТ. Представители ОИРТ приезжали в Литву. Но в здание их не пустили. 5 февраля на имя Б. Пуго было отправлено письмо с требованием вывести из телебашни и телецентра войска МВД, которые к тому времени уже несли караульную службу. 8 февраля аналогичная телеграмма была направлена В. Павлову. 27 февраля — депутатам Верховного Совета СССР: «Наш коллектив надеется, что вы, уважаемые депутаты, поможете решить, наконец, положительно этот вопрос и нам будет возвращено не только здание, но и возмещен ущерб, наказаны виновные».

Во всех случаях ответов не было.

Впрочем, один все же последовал. Накануне майских праздников первый заместитель председателя Всесоюзной телерадиокомпании Валентин Лазуткин прислал телеграмму, в которой было сказано, что «наша компания не имела и не имеет претензий на собственность телевидения и на радио Литвы», что «мы не давали никаких оснований для упомянутых вами сообщений в литовской печати о планах по превращению Литовского радио и телевидения в филиал Всесоюзной компании».

Но «планы» и «основания», как выясняется, все-

таки были. Ранее Всесоюзная телерадиокомпания узаконила студию «Советская Литва», о чем, кстати, не преминули с гордостью сообщить телезрителям комментаторы захваченного телевидения. Более того, начальник Управления технических служб союзного радио и телевидения Валентин Хлебников в одном из писем на независимое Литовское телевидение подтвердил новость о том, что Литовская ассоциация радио и телевидения (ЛАРТ — такую аббревиатуру получило новое телевидение) зарегистрирована 28 мая в Министерстве финансов СССР за номером 39.

Вправе ли было Министерство финансов СССР зарегистрировать ассоциацию? К сожалению, прояснить ситуацию в самом министерстве не удалось. Отчасти ответил В. Хлебников, когда мы пытались выяснить детали планирования договора с ЛАРТ, на аренду технических средств телевидения и радиовещания.

— Минфин, видимо, может зарегистрировать ассоциацию как хозяйственную единицу. Но как средство массовой информации... — здесь Валентин Иванович замялся и добавил: — Эти функции, по-моему, должна выполнять другая организация...

Теперь мы можем лишь предполагать, что Минфин испытал жестокое давление со стороны ЦК КПСС, Совета Министров СССР. Иначе он не пошел бы на шаг, очень далекий от законного.

Вопрос, который многих интересует: а из каких, собственно, источников финансировалась новая организация? С москвичами понятно. С ними рассчитывались Всесоюзная телерадиокомпания, телевизионный технический центр в Останкине. А вот ведущие и комментаторы ЛАРТ, по крайней мере, многие, получали зарплату в ЦК КПЛ. Как выяснила газета «Республика», оплата шла через каналы издательства ЦК

КПЛ, которое было захвачено еще 11 января, — иными словами, из партийной кассы.

Проверить эти детали теперь практически невозможно. Когда республиканская комиссия в августе сразу после путча вошла в здание телерадиокомитета, оборудование по уничтожению бумаг и документов было еще «теплым». Несколько мешков с архивами было вывезено из ЦК КПЛ во время авральной эвакуации партработников.

По предварительным подсчетам, сумма нанесенного ущерба составила 15 миллионов рублей. Сложилась она большей частью из элементарного воровства.

Тот, кто внимательно следил за январскими событиями в Вильнюсе, должен вспомнить, какой переполох вызвали мешки, которые военные выносили из телебашни. Некоторые газеты строили предположение: уж не трупы ли это защитников башни? На самом деле все оказалось куда прозаичнее.

Поступило свидетельство офицера караула:

«...Когда я впервые заступил в караул на телебашню, то поразился, в какую казарму превратили солидное здание. Офицеры не скрывали, как они выносили по ночам телевизоры, мебель — по частям. Даже не стыдились этого. Основной костяк нашей новой части, дислоцировавшейся в Снечкусе, составляли офицеры, проходившие службу в дивизии МВД СССР, той самой, подразделения которой участвовали в штурме телебашни.

Сейчас принято решение о передислокации части или ее расформировании. И тут некоторые офицеры зашевелились: что делать с украденными телевизорами, мебелью, прочим добром? Везти в личном багаже опасно, вдруг остановит таможня. Тогда дали команду: вещи упаковать и приносить в часть. Отправ-

лять это «добро» решили эшелонами, а его досматривать не будут. Но я не хочу, чтобы ворованное ушло из Литвы. Самое последнее дело для офицера — воровство. На некоторых вещах остались даже инвентаризационные номера, не стерли...»

МОСКВА, 19 АВГУСТА 1991 ГОДА

Существует ряд версий относительно событий августа 1991 года.

1. Это действительно антигорбачевский, антиперестроечный заговор, ставивший своей целью сохранение коммунистической тоталитарной системы в виде «социализма с человеческим лицом».

2. Это заговор, в котором определенное участие принимал и Горбачев. Целью заговора в этом варианте могло быть сохранение СССР на основе укрощения и подавления республиканских национальных политических элит. В данном случае речь идет о попытке Горбачева «загрести жар чужими руками». Но события зашли слишком далеко и стали так остры и непредсказуемы по своим последствиям, что Горбачев попытался получить медаль за отвагу при тушении пожара, который сам же затеял. Медаль получил, но не в России. Осторожность и испуг стоили ему должности Президента. А в Истории случилось все так, как и должно было случиться.

По мнению Л. Радзиховского «путчисты вполне могли сделать в тысячу раз больше того, что сделали, уж по крайней мере могли захватить Белый дом и совершить много других подвигов. Не сделали.

Проиграли. Почему, если всерьез стремились к победе?

Так. Теперь давайте подумаем: а что такое для них «победа», к чему, собственно, они стремились?

Вспомним один из исходных пунктов, который, наверное, никто не будет оспаривать: эти люди далеко не Берия и К^о. И личные, и социальные качества у них не те, и система — как они отлично понимают! — им досталась не та, расшатанная, ржавая. И они — винтики именно этой системы, политики горбачевской генерации. И их «бунт» — это продолжение их политики чуть-чуть другими средствами. Неверно, разумеется, изображать членов хунты какими-то жуликами, которые стремились вырвать для себя личные блага. Это неверно и потому, что каждому из них лично абсолютно ничто не угрожало и при подписании Союзного договора, и даже при быстром (все-таки не столь быстром, как сегодня) распаде империи. В самом худшем случае угрожали роскошные пенсии при сохранении особняков и капиталов, положение Рыжкова — Лигачева. Недурное совсем положение! А главное, это неверно потому, что, дерясь за свои личные, кровные цели, они бы дрались совсем по-другому, начали бы куда более бурно и сильно.

Эти люди преследовали не частные, а общие политические цели. Какие же? Восстановить тоталитарный строй? Нет. Они и по биографии, и по складу характера на это не способны и понимали, что это невозможно. Даже в брежневские времена они не хотели возвращаться. Их предел — отмотать ленту на 3—4 года назад, в 87-й год, когда, как они много раз говорили, «правильная» андроповская перестройка поехала «не туда» благодаря таким людям, как Яковлев, Шеварднадзе. Этих людей они отстранили

от власти в своем центре (то есть в узкой группе лиц, окружавших Горбачева, и формально даже не объединенной в Политбюро, в общем, в этом самом ГКЧП). Отлично. Но как повернуть дело реально? Как перевести стрелку на пути, по которому идет страна? Как вдавить пасту обратно в тубик?

Здесь очень важный вопрос: возглавлял ли их Горбачев? Я думаю, что Горбачев создал у них полную иллюзию, что он их возглавляет и, из тактических соображений обеспечивая себе алиби, готов к ним присоединиться после реального успеха. Скорее всего, так искренне думал и сам Горбачев.

В самом деле Горбачев не мог, наконец, не видеть, каких гигантских успехов достигла перестройка к 87-го года. 18 августа 91-го года Президент СССР и генсек ЦК КПСС отлично понимал: успехи таковы, что скоро не будет ни СССР, ни КПСС. С 1987 года он, сидя задом наперед и вцепившись в седло, несся на диком мустанге по имени «перестройка», куда — он и сам не знал. Только все сильнее подбрасывает, да ветви все больше хлещут. Бац — на ходу отлетели литовская подкова, грузинское стремя. Еще пять минут этой бешеной скачки, которую он и не направляет, и боится — и он, пожалуй, летит через голову лошади, да на всем скаку. Этого ему — при всех его демократических убеждениях — наверное, не хотелось...

И под давлением справа, и чтобы остановить «это наводящее ужас движение», Горбачев начал с конца 90-го года поднатягивать вожжи. Чувствуя это, Шеварднадзе и подал в отставку, предупредил о готовящемся перевороте. Нет, Горбачев и его окружение думали не о перевороте, а о довольно крутом повороте в политике. Пожалуй, если это и можно было бы

назвать и переворотом, то уникальным — переворотом с целью сохранения существующего строя! Строя, который уже сам все быстрее переворачивался. А надо было падающую башню вновь выпрямить, вернуть в исходное состояние.

Рычаг для поворота вроде был — армия, гэбэ. Но нужна точка опоры — ясная цель. Цель же в 91-м году у Горбачева и горбачевцев могла быть еще более туманная, чем когда-либо раньше. Не точка, а беспомощное, гнилое, чавкающее болотной водой «многооточие опоры»... Кое-как подтянуть Союз, повесить ставки ВПК, продолжить медленную номенклатурную «приватную приватизацию», не допустить широкой приватизации, в связке «чиновник—кооператор» усилить позиции чиновников. Вот такие клочки и обрывочки, перемена акцентов, тональностей, не более того. А в общем-то великая пустота и растерянность. Кто же в такой обстановке идет на пучк? Бред же! Верно. Но, как резонно заметил по другому поводу один герой Достоевского: «А коли не к кому, коли идти больше некуда! Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!» Вот примерно в таком положении я вижу Горбачева и горбачевцев 18 августа. Впереди — крах, провал в небытие всей системы, вне которой они себя все-таки не мыслят. Позади — гора трупов и реки крови, тоталитарный режим, который их все равно вытолкнет и перемелет. Выход?

Выхода, вообще говоря, нет. А в частности — остается попробовать задержать падающую монету в воздухе. Ничего себе задача: подтащить оползень метров на 200 вверх и опять усесться в середину этого оползня! Но другой перспективы уже не было.

Главное противоречие в исполнении этой задачи вот в чем: для решения таких чисто политических, тактических в конце концов вопросов, единственно пригодны политически медленные волнообразные движения. А эти движения уже никак не идут. Приходится избрать иной способ — хирургический. Но этого способа сами горе-заговорщики боятся как огня. Значит, не хирургический, а псевдохирургический, имитация хирургического. Уколоть — не дай бог, до крови — и отойти. Война, как известно, есть продолжение политики другими средствами. Им пришлось пытаться решить квадратуру круга — вести псевдо-войну, продолжая свою политику... имитацией других средств! Если угодно, это была агония самой «методологии» горбачевской перестройки — те же полушаги, только с использованием БТРов, та же манная каша пополам с киселем, только залитая в моторы танков. Собственно, такие точно приемы — с неизменным провалом — они уже использовали в Баку, Вильнюсе, да и в Москве 28 марта. Но, может быть, провалы связаны с локальным размахом операций? Значит, надо сделать то же в большем масштабе. Тем более что ничего другого все равно не придумаешь...

Итак, это — имитация путча. Только имитация не с целью проиграть, а с целью выиграть.

Общий план видится примерно таким.

Объявлено чрезвычайное положение. Республики — кто мытьем, кто катаньем — смиряются, но ропщут. Проходит неделя. Из укрытия выходит Горбачев (Янаев говорил святую правду, что надеется с ним еще поработать), снимает «крайности» и окончательно примиряет хунту с миром. Впрочем, никакая это и не хунта — то же самое советское руководство, чуть-чуть укрепившее свои позиции. В общем, с гре-

хом пополам вернулись-таки на пару лет назад и начали новый тур политической игры в «стабилизацию». Весьма вероятно, кстати, что создали бы что-то вроде современного Госсовета. Скажем, включили бы в ГКЧП лидеров республик. Так что это был бы тот же Госсовет, только, конечно, соотношение сил «республики — Центр» было бы совсем другим.

Таков был план членов ГКЧП. Они, конечно, понимали, что Горбачев, имея алиби, может — в случае неудачи — отойти от них, больше того, выступить против них. Но Горбачев им был нужен именно в таком качестве — как резерв на случай поражения, как арбитр в случае победы. Со своей стороны, и Горбачев понимал, что члены ГКЧП могут так «заиграться», что не захотят обратно подпускать его к пирогу, когда он вернется из форосского заключения. Но он им слишком нужен — для заграницы, да и для «левых» внутри страны, которые все-таки не смогут вести диалог напрямую с Янаевым. Так что риск был — и для Горбачева, и для ГКЧПистов, но такова уж политическая игра...

18 августа. Гонг. Начали. С Богом!..

Все события у всех в памяти, и повторять их не стану. Если принять высказанную выше версию насчет целей заговорщиков, то все вроде бы (или почти все) становится на свои места.

Почему не арестовали Ельцина? А зачем? Чтобы точно не получить никакого компромисса с ним, да еще и спровоцировать забастовки, вообще начать гражданскую войну? Так что никакое это не упущение. Не арестовали — потому что незачем было.

Холостые танки, закрытие газет и т. д. — это была, конечно, демонстрация силы. Члены ГКЧП были убеждены, что демократы крепко подожмут хвосты.

Будут, конечно, ерепениться, ну проведут там свои митинги. А тут — идут переговоры с Ельциным и с другими лидерами республик. Напряжение нарастает, но вдруг появляется посвежевший и загоревший Горбачев, и все приходят к «консенсусу» в виде расширенного ГКЧП... Вот в эти заранее расставленные силки и гнали дичь 19-го числа.

Путч сорвал Ельцин! Он не принял такой игры, занял однозначную позицию: танки не «символические», а железные; хунта не «символическая», а настоящая: Горбачеву не алиби обеспечивают, а в тюрьме держат. С вами, друзья, переговоры будет вести не Президент России, а прокурор в Лефортовской тюрьме.

В какой мере Ельцин говорил, что думал, а в какой играл? Надеюсь, что отчасти играл — слишком страшно думать, что наш Президент такой уж никудышный политик, что режет всю правду-матку. Конечно, отчасти играл, предполагая подлинную закулисную механику путча, и вместе с тем рисковал головой, рисковал по-настоящему. Ведь с какими бы целями ни начался путч, дальше его участники могли, в новой ситуации, изменить стратегию. Ах, вы с нами, как с натуральным Пиночетом?! Ладно, раз вы так хотите... Мы с тобой, Б. Н., поговорим, как говаривал генерал Аугусто Пиночет, как говаривал маршал Берия! Шансов на это было не очень много? Возможно. Но ведь и жизнью у Ельцина не так чтобы очень много...

19 августа, налетев лбом на Ельцина, ГКЧП заметался. Возможно, и впрямь обсуждались бредовые планы штурма Белого дома. Но генералы уже трубили отбой, а главное... Главное — сценарий такого поворота не предусматривал. Они двинулись 19-го впе-

ред, крепко держа ногу на тормозе. Сбросить ногу, дать «полный вперед!» — и прямо в гражданскую войну? Этого они не хотели и не могли. И предпочли капитуляцию перед не имеющим сил противником.

Но события 19—21-го имели и еще один смысл. Часто говорят, что эйфория обманчива — народ не забастовал, к Белому дому из всей 10-миллионной Москвы ходило тысяч 50—100. Во-первых, это чушь: забастовки по всей стране не вспыхивают за один день, а у Белого дома перебивало (я говорю о митингах, не только о ночных дежурствах) за эти дни миллиона полтора людей. А во-вторых, где же и когда революцию совершает большинство, арифметическое большинство населения? Арифметическое большинство всегда молчаливо, всегда принимает любую победившую власть. А вот кто именно победит — это как раз решает активное меньшинство. Оно, это активное меньшинство, создает не арифметическое, но моральное большинство, дает решающую моральную силу. Активное меньшинство четко поддержало Ельцина, пассивное большинство приняло (и не без радости!) его победу, а за ГКЧП не вступился вообще никто (хотя пассивно ГКЧП сочувствовало около 40% населения). Напрасно троцкисты в своих листовках вопили: где же рабочий класс?! Почему не придет вслед за танками расшвырять мелкобуржуазную сволочь, русских националистов, антикоммунистов, сгрудившихся вокруг Белого дома? Рабочий класс либо помалкивал, либо строил баррикады. Так что народ высказался «не числом, а умением». И высказался твердо.

Это и определило поведение Горбачева. «Освобожденный» Силаевым и Руцким (понимали ли они, какую радость приносят узнику форосского «замка Иф?»), он явно сменил заготовленный сценарий. Вме-

сто планировавшегося «спуска на тормозах» он сперва гневно осудил заговорщиков, покусившихся на душевное здоровье его внуки (я, кстати, ничуть не иронизирую. Для нормального любящего деда это очень больно. Правда, глава страны вроде бы должен думать и о другом...), еще спасал КПСС и прежнее руководство Министерства обороны и КГБ. Однако уже на следующий день — поворот на 180 градусов! Горбачев распускает КПСС. Не могу не заметить, что даже если принять официальную версию о соратниках, предавших Президента, то им все же далеко до генсека, росчерком пера ликвидировавшего ту партию, которая привела его к власти...»

Колонны БТРов и танков, рассекающих потоки машин. Митинги на Манежной, у Дома Советов. Гарь моторов. Исковерканный гусеницами асфальт. Плакаты. Аплодисменты и свист. Мегафонные голоса. Все это — Москва 19 августа 1991 года.

На Тверской офицеры уговаривают двух женщин с плакатами оставить машину. Бесполезно. Столкнуть, стащить силой? «Не срамись, капитан!» — кричат с тротуара. БТР трогается, неся на своей броне развернутые плакаты.

У солдат и офицеров виноватые, трагические глаза. О чем думает этот парень в шлеме, глядя из танкового люка на город, который ему приходится завоевывать? А этот майор, опустивший взор? Отдых после ратного труда?

Ну как двигаться дальше, как выполнять приказ, не по живым же людям... А они уже лезут на броню, затыкают газетами смотровые щели, кричат, требуют, корят.

Танк вздрагивает, чуть сдвигается его нагретая, жарко дышащая машина. Вздох толпы, крик, люди

отпускают машину, отступают перед ней на шаг и снова вцепляются руками в металл. Надо видеть эти внезапно побледневшие лица, стиснутые губы. Любую решимость в глазах. На Новоарбатском мосту танки стоят. А у Библиотеки Ленина две машины пошли на толпу на скорости. Рассыпался народ, криками, проклятиями провожая их.

Город-то каков в летнем своем облике. Изгиб Москвы-реки. Сталинский высотный «торт» вдали. Широко распахнутая громада Дома Советов с его алтарными лестницами. Но бешеная сшибка страстей... На броне люди с поднятыми руками. Два растопыренных пальца — знак виктории, победы. Победа ли? И чья победа?

На Манежной у микрофона ораторы Российского народного фронта. «Фашизм не пройдет!» «КПСС — под суд!» Балконы гостиницы «Москва» забиты людьми. С одного из них машет рукой Жириновский. Одни аплодируют ему, другие свистят. Третьи скандируют: «Долой!», «Козел!»

На Кутузовском останавливают рейсовый «Икарус». Водителю суют обращение «К гражданам России». Растерянно читает, потом открывает двери, выпускает пассажиров и подруливает к обочине. А на Калининском уже толкают троллейбус — зародыш баррикады. Движение перекрыто. Группа парней, сцепившись руками, идет по мостовой к Дому Советов, за ними густеет толпа, вырастает колонна. «Ох, накален народ», — вздыхает кто-то.

— Все равно не проедешь. Все равно...

Как заклинание, он повторял эти слова, уперевшись жилистыми руками в передок урчавшего танка. На вид ему было лет сорок пять, только, видно, рано начал лысеть — редкие волосы на большой голове

слиплись от дождя, прядями падая на глаза. Но руки были заняты танком, и он с ненавистью глядел на железную громадину, не откидывая упавших волос. На руке у него висела обычная авоська с талонным «Дымком» и буханкой черного. Одет он был в какую-то кофту сизого цвета незатейливой домашней вязки, старые, заношенные брюки и сандалеты на босу ногу.

С белым от страха и напряжения лицом, он словно прирос к танку, не слушая уговоры милиционера, сопровождавшего колонну, и подполковника-комбата. Наконец он повернул к ним голову и, смерив глазами, хрипло выдохнул:

— А ты... отойди, фуффло... Все равно не проедешь.

Танк затрещал, выпустил целую дымовую завесу и дернулся вперед, отбросив мужика сильнейшим толчком. Толпа ахнула, но он, казалось, побелев еще сильнее, снова кинулся к осевшему на тормозе танку и снова уперся в броню.

— Все равно!.. Все равно не проедешь!.. — гаркнул он не кому-нибудь, а именно танку, как некоему живому врагу.

— Отойдите, — тихо и убедительно сказал ему незаметный гражданин в рубашке апаш и, взяв за локоть, потянул в сторону.

— А ты кто такой?! — риторически спросил гражданина один из толпы.

— Я из КГБ, — с какой-то напевной нежностью ответил субъект.

— Ну и хромай отсюда! — с ненавистью ответил ему стройный хор голосов.

Все это происходило 19 августа около полудня на спуске к Краснопресненской набережной у подножия лестницы Верховного Совета России.

Вообще это был странный день. Странный своей внутренней раздвоенностью, словно двоевластие, в одночасье сложившееся в городе, получило реальное, видимое воплощение. С одной стороны — толпы людей, окруживших Белый дом, как окрестили резиденцию российского парламента, строившие здесь баррикады, буквально голыми руками останавливавших военную технику. С другой — внешний покой на улицах, очередь за арбузами на Самотеке, водочный «хвост» в переулке. Как будто случившееся разделило людей не только на два лагеря, но на два биологических вида — зрячих и слепых. И слепые, не ведая, что творится вокруг, продолжают жить прежней покойной жизнью, а зрячие, бросив все дела, отбросив себя прежних, идут на отринутое прошлое.

О том, что происходило в августовские дни 1991 года на президентской даче, становится известно из записок начальника личной охраны Горбачева генерал-майора КГБ В. Т. Медведева.

«Володя, послезавтра, девятнадцатого, в час будем вылетать, — сказал Михаил Сергеевич. — Когда надо с дачи выезжать?»

— Ну, ехать минут сорок. Если вы особо прощаться ни с кем не будете, в двенадцать выедем.

Я тут же связался с Москвой, с В. Генераловым, заместителем Плеханова.

— Я за вами этим же самолетом и прилечу, — ответил он. — Заеду на дачу.

Так было заведено уже при Горбачеве. Когда он возвращался откуда-либо в столицу, за ним обязательно прилетал кто-либо из руководства московской «девятки». Для чего так перестраховывались, я не понимал, но дело не мое, порядок есть порядок...

18 августа также был обычным днем. Около одиннадцати часов Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна спустились к морю. Она, немного отдохнув, стала плавать, а он читал на берегу книгу. Через час с небольшим они отправились к дому. По дороге еще раз уточнили время отъезда и вылета.

Я вернулся к себе в кабинет, отдал ряд распоряжений, касающихся отъезда. Пообедал.

В 14.30 позвонил жене в санаторий «Форос». Договорился, что сегодня в девять вечера я постараюсь к ним подъехать, поскольку завтра вылетаю в Москву.

...Примерно через два часа мне позвонил дежурный до объекту:

— Владимир Тимофеевич! Пограничникам поступила команда: через резервные ворота дачи никого не выпускать.

— От кого поступила команда?

— Не знаю.

Я стал выяснять, и в этот момент в кабинет ко мне вошли оба моих начальника — Плеханов и Генералов...

Только что, недавно я говорил по телефону с Москвой — с Генераловым, обо всем договорились, и вдруг он здесь вместе с Плехановым. Мы поздоровались, и я сразу же спросил:

— Кто отдал команду перекрыть выход?

— Я. — Плеханов улыбался. — Не волнуйся, все в порядке.

Когда на объект приезжает начальник управления, все бразды правления переходят к нему, он имеет право отдавать любые распоряжения любому посту. Формально тут не было никаких нарушений или превышения власти, по существу же — я, начальник охраны, оказываюсь не в курсе.

— К Михаилу Сергеевичу прилетела группа, пойдди, доложи.

— А кто приехал? По какому вопросу? Как доложить?

— Не знаю... У них какие-то дела...

Плеханов нервничал, я заметил, но отнес это к важности дела, по которому они прибыли. Это теперь уже, спустя время, я анализирую — нервничал, волновался, беспокойный был какой-то, а тогда это все мелькнуло и ушло.

— Ну, ладно, — сказал Плеханов после паузы, — мы пойдем к нему.

— Как же вы пойдете, надо же доложить.

— Ну иди, доложи.

Он назвал прибывших — Шенин, Бакланов, Болдин, Варенников. Перечень имен исключал всякие подозрения, больше того — успокаивал.

Во-первых, сам Плеханов — доверенное лицо Горбачева. Шенин. Личность сама по себе интересная, неординарная.

Горбачев прилетал к нему, когда тот был еще первым секретарем Красноярского крайкома партии. И встреча, и проводы были теплыми, дружескими. Горбачев взял его в Москву и поставил не куда-нибудь, а заведующим отделом оргпартрботы, то есть доверил все кадровые вопросы. В Москве оба сохраняли близкие отношения.

Бакланов. У меня с ним сложились добрые отношения. Он — человек в принципе дружелюбный, при встрече тепло здоровался. Секретарь ЦК, ведал военно-промышленным комплексом, космосом. Со всякой информацией звонил Горбачеву, иногда через меня. Если его нет, просил: запиши, доложи то-то и то-то. И во время отпуска Горбачева поддерживал с ним связь.

Болдин. Начальник аппарата президента. Весь повседневный календарь — у него. Он заходил к Михаилу Сергеевичу и ни разу не сказал секретарю: «Доложи, что я здесь». Входил прямо, без доклада.

Генерал Варенников. Тоже из ближайшего окружения.

Все — свои. Самые, самые свои.

Плеханов остался у меня в кабинете, в гостевом доме, остальные находились в комнате отдыха. Я направился к Михаилу Сергеевичу.

Он сидел в теплом халате, читал газету. Дня три—четыре назад его прихватил радикулит, то ли переохладился, то ли просто ветер дунул. Возвращался после прогулки, поднял ногу на ступеньку и охнул.

— Михаил Сергеевич, разрешите?

— Заходи. Что там?

— Прибыла группа. — Я назвал по именам. — Просят принять.

Он удивился:

— А зачем они прибыли?

— Не знаю.

Горбачев надолго замолчал. Я стоял около минуты. Он что-то заподозрил. Почему же не захотел посоветоваться, прикинуть варианты: Володя, задержись, потолкуем? С кем приехали — одни, с «Альфой»? Какой был разговор? Не уходи. Будь со мной и выполняй только мои распоряжения. Или, если разговор секретный: возьми своих ребят и будьте рядом, наготове.

Мне кажется, какой-то предварительный разговор о том, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение, у них с Горбачевым был, может быть, в самой общей форме. Ведь они прилетели не арестовывать президента, а договориться с ним, уговорить его по-

ставить свою подпись. Раз летели, значит, надеялись. Что же, в итоге не сошлись в формах и методах?

Ни они не знали, чем кончится разговор, ни он не знал, поэтому не счел нужным переговорить со мной. Тут еще подвела его и отчужденность с охраной — общение лишь через Плеханова, и вечная привычка советоваться с Раисой Максимовной. Он же после минутного раздумья и легкого замешательства пошел к ней в спальню...

А я отправился обратно к себе в кабинет.

Так и вышло по его теории: меньше знаешь — лучше спишь...

В кабинете у меня по-прежнему сидел Плеханов. Я сказал, что приказание выполнил, доложил, но Михаил Сергеевич не сказал ни «да», ни «нет».

Плеханов сам повел группу к Горбачеву.

Вскоре вернулся, сказал, что Михаила Сергеевича в кабинете нет, и попросил меня пойти в главный дом и разыскать Горбачева. Я ответил, что он, видимо, в спальне, не исключено, что переодевается.

— Подождите, он выйдет.

Время шло, Михаил Сергеевич не появлялся. Начальник управления снова попросил сходить, выяснить. Я снова отказался:

— Ходить по дому и искать президента не буду. Хождения в главный дом были строго ограничены, что вполне справедливо: семья находится на отдыхе, и каждое чужое появление сковывает и раздражает.

Появился Болдин:

— Нет его, пойди найди.

— В спальную комнату не пойду.

Опять подключился Плеханов, в два голоса они настояли:

— Ну посмотри. Люди же ждут.

Вместе с ними я снова поднялся в дом. Вся группа по-прежнему сидела в холле. О чем-то негромко переговаривались, вполне спокойно, без видимого напряжения. Я уловил главное: в Москве что-то случилось. Но нашей службы это не касается. Болдин и Плеханов присоединились к группе, а я направился в кабинет. Опять — пусто. С минуту постояв, развернулся и мимо всех молча направился к себе.

Вскоре вернулся Плеханов.

— Что случилось-то? — снова попытался я выяснить.

— Да дела какие-то у них...

Заговорили о радикулите, как это произошло. Как еще раньше Раиса Максимовна вызвала начальника отдела и велела заменить хрустальные люстры в домике на пляже на другие — попроще. И опять в тон общего разговора спросил:

— Для чего группа-то, Юрий Сергеевич?

Он снова засмеялся и повторил:

— Да успокойся ты, успокойся, все в порядке.

Тут я снял домофонную трубку. У Горбачева должен загореться огонек, если он на месте — поднимет трубку... Но Плеханов объявил:

— Не трогай. Телефон не работает.

Тут я понял: хрущевский вариант. Вся связь отключена.

Мы вышли на улицу, остановились возле нашего подъезда. На выходе из гостевого дома появились визитеры. Плеханов громко, через дорогу, спросил:

— Ну, что там?

Болдин так же громко ответил:

— Да ничего... Нет, не подписал.

Ответил разочарованно, но спокойно, как будто и предполагал, что так оно, вероятно, и будет.

Плеханов двинулся им навстречу, и они о чем-то беседовали.

Если бы Михаил Сергеевич хотел изменить создавшееся положение!

Ребята были у меня под рукой. В моем подчинении были резервный самолет «Ту-134» и вертолет. Технически — пара пустяков: взять их и в наручниках привезти в Москву. В столице бы заявили, и там еще можно было накрыть кого угодно. Было еще только 18-е... Что же Горбачев — не смекнул? Не знал исхода? Но как же тогда мы, охрана, могли догадаться?

Для меня, как начальника охраны, главный вопрос: угрожало ли что-нибудь в тот момент жизни президента, его личной безопасности? Смешно, хотя и грустно: ни об угрозе жизни, ни об аресте не могло быть и речи. Прощаясь, обменялись рукопожатиями. Делегация вышла от Горбачева хоть и расстроенная, но, в общем, довольно спокойная: не получилось, и ладно, они этот исход предполагали. Что будет дальше, не знали ни Горбачев, ни те, кто к нему пожаловал.

О чем они там советовались после неудавшейся беседы — не знаю. Плеханов двинулся ко мне и завел в кабинет:

— Михаил Сергеевич продолжит отдых. Генералов остается начальником охраны на объекте, а вместо тебя... Кого ты оставляешь?

Вошел Климов.

— Вот, Олег будет выполнять твои обязанности. А тебе три минуты на сборы, полетишь с нами в Москву.

Я — работник КГБ. Генерал КГБ. Там, в КГБ, я получал зарплату, много лет назад там, в КГБ, я да-

вал присягу и этой могущественной организацией был всецело подчинен. Более того, именно Плеханов непосредственно ввел меня в кабинет Горбачева, и он же своей властью отстраняет меня от работы.

Разговоры о том, чтобы вывести охрану Президента СССР из-под крыши КГБ, велись давно. Александр Николаевич Яковлев убеждал в этом Горбачева. Во всех цивилизованных странах охрана подчинена президенту. Мы, охрана, и я в том числе, были «за». А Плеханов — против.

— Президента станет охранять только его личная охрана, — говорил он Горбачеву, — а так этим занимается весь КГБ.

Теперь с моей стороны речь шла об элементарной воинской дисциплине.

— Это приказ? — спросил я.

— Да! — ответил Плеханов.

— Вы меня отстраняете? За что?

— Все делается по согласованию.

— Давайте письменный приказ, иначе не полечу. Дело серьезное, вы завтра откажетесь, а я как буду выглядеть?

Плеханов взял лист бумаги, ручку, сел писать.

— У меня вещи на пляже, — сказал я.

— Пришлют. Три минуты на все.

Я собирал то, что было под рукой, а он писал приказ.

Вошел Болдин:

— Поехали!

Плеханов:

— Сейчас. Один момент.

Он протянул мне письменный приказ.

— На, ознакомься.

Арест — не арест? Оружие не отобрали. Я достал из сейфа пистолет и подвесил его на ремне.

У выхода из дома увидел доктора.

— Не поминайте лихом. Будьте здоровы.

Конечно, мои начальники хорошо понимали, что оставить меня на даче нельзя, на стовор с ними я бы никогда не пошел, продолжал бы служить президенту верой и правдой, как это было всегда. Это значит, что я обязательно организовал бы отправку Михаила Сергеевича в Москву, не говоря уже о налаживании связи со всем миром, повторяю, и экипажи дежурных самолета и вертолета, и все наличные силы на территории дачи подчинялись мне.

Могу поставить себе в достоинство: мои шефы, зная меня хорошо, даже не пытались войти со мной в стовор.

Выехали на трех «волгах». На заднем сиденье возле меня сидел Плеханов, впереди начальник крымской «девятки» полковник Лев Толстой. По дороге ни с кем не обмолвился ни словом...

...Много я размышлял потом. А если бы Горбачева действительно приехали арестовывать? Силой? Мы бы не дали. Завязалась бы борьба. Но если бы Крючков или его заместитель, или тот же Варенников предъявили ордер — мы бы подчинились. Подчинение воинской дисциплине — мой долг, этому я присягал. Если суждено было случиться тому, что случилось, хорошо, что все произошло именно так. Без замыслов ареста, угроз, насилия, шантажа. То есть в данном случае подчинение дисциплине не разошлось с нравственным пониманием долга.

Какая там физическая угроза устранения... Даже душевный покой президента в тот день не нарушили. Мы улетели, а он отправился... на пляж. Загорал, купался. А вечером, как обычно, в кино.

Забеспокоился он много позже, спустя более су-

ток. То есть вечером 19 августа, когда Янаев на пресс-конференции объявил его, Горбачева, больным...

Ельцин, придя к власти, быстро сделал правильный, очень важный шаг — личную охрану вывел напод власти КГБ, сделал ее действительно личной, подчиненной только ему...

...Внуково-2.

Суета. Бегают солдаты.

Баранников, Шахрай, Станкевич. Подъехал Бесмертных. Меня удивило, что Баранников — министр внутренних дел, не знал, в каком самолете летит Горбачев.

— Во втором? — спросил он меня.

— В первом.

Подошел Станкевич.

— Вы разве здесь? А я думал — там.

— Меня отозвали.

Прилетел самолет, и начался спектакль.

Могу в чем-то ошибиться, но, всю жизнь профессионально занимаясь безопасностью первых лиц страны, утверждаю: был поставлен спектакль. Самолет приземлился и встал чуть дальше, чем обычно. Как объяснял потом всей стране Руцкой: «Если вдруг аэропорт блокирован, тут же прямо и взлетаем». Глупость! У них же связь с землей. Там, в воздухе, они все знали — кто встречает, кто где стоит.

Подали трап. Открылась дверь. В проем выглянул начальник личной охраны Руцкого и с автоматом наперевес картинно сбежал по трапу вниз. Подошел к Баранникову, о чем-то пошептался с ним и также картинно вбежал обратно — в самолет.

Только после этого снова открылась дверь. Появилась личная охрана Горбачева, все — с автоматами

наперевес, как будто только что вырвались с боем из тяжелого окружения, за ними появился сам Горбачев, за ним Бакатин, Раиса Максимовна... Далее — интервью, его знаменитые слова, которые войдут в историю, о том, что там, в Форосе, он «...контролировал ситуацию».

Спустили и задний трап, там тоже охрана...

Потом Голенцов, мой второй заместитель, сопровождавший президента, рассказал, что, когда самолет приземлился, Раиса Максимовна спросила:

— Кто встречает?

Голенцов перечислил всех, в том числе и меня.

— А этому что здесь надо? — спросила она.

Сойдя по трапу, Михаил Сергеевич прошел взглядом мимо меня, поздоровался с моим заместителем Пестовым.

Я спросил Голенцова:

— Как обстановка?

— В машине поеду я, — ответил он коротко, — остальное расскажу на даче.

Я понял, что моя песенка спета...»

Из интервью Р. М. Горбачевой газете «Труд»:

— Раиса Максимовна, думали ли вы когда-нибудь прежде о возможности такого поворота событий — изоляции, а по сути — аресте президента страны?

— Нет, я никогда не думала, что на нашу долю выпадет и такое испытание. Эти дни были ужасны...

— Как вы реагировали на сообщение об ультиматуме заговорщиков?

— Испытания начались для нас не с предъявления ультиматума, а раньше, в тот момент, когда 18 августа, где-то около пяти часов вечера, ко мне в комнату неожиданно вошел взволнованный Михаил Сергеевич. Он сказал: «Произошло что-то тяжелое, может

быть, страшное. Медведев доложил, что из Москвы прибыла группа лиц. Они уже на территории дачи, требуют встречи. Но я никого не приглашал. Поднимаю телефонную трубку — одну, вторую, третью... — все телефоны отключены. Даже красный...»

— Простите, нельзя ли пояснить, что это за красный телефон?

— Это особый аппарат Главнокомандующего Вооруженными Силами страны. «Отключена и внутренняя связь, — продолжал Михаил Сергеевич. — Это изоляция. Или даже арест. Значит, заговор...»

Да, все было отключено, в том числе телевизор и радио. Ситуацию мы поняли сразу.

Помолчав, Михаил Сергеевич сказал мне: «Ни на какие авантюры и сделки не пойду. Не поддамся на шантаж. Но нам все это может обойтись дорого. Всем, всей семье. Мы должны быть готовы ко всему...»

Я быстро позвала Ирину и Анатолия — наших детей. Сказала им о случившемся. И вот тогда мы высказали наше мнение — оно было единым, все поддержим Михаила Сергеевича: «Мы будем с тобой».

Это было очень серьезное решение. Мы знаем свою историю, ее страшные страницы...

Психологически эти двадцать или тридцать минут, когда Михаил Сергеевич стремительно вошел ко мне, когда позвали детей, когда говорили о ситуации, были очень трудными. Может быть, это был один из самых тяжелых моментов. А потом, когда решение уже приняли, не только я, но все мы почувствовали какое-то как будто облегчение.

Михаил Сергеевич пошел на встречу с путчистами. Подтвердились самые худшие предположения: приехавшие сообщили о создании ГКЧП, предъявили Михаилу Сергеевичу требование о подписании им

Указа о введении чрезвычайного положения в стране, передать полномочия Янаеву. Когда это было отвергнуто Михаилом Сергеевичем, ему предложили подать в отставку. Михаил Сергеевич потребовал срочно созвать Верховный Совет СССР или Съезд народных депутатов.

— Какие чувства владели вами в те первые часы — возмущение, страх, отчаяние?

— Нет, не это. Мучила горечь предательства...

Какое-то время мы думали, что решение Михаила Сергеевича, сообщенное заговорщикам, его позиция, требования, которые он непрерывно передавал в Москву, остановят путчистов. Но уже последующие события, в том числе и проведенная девятнадцатого августа пресс-конференция членов ГКЧП, показали, что они пойдут на все.

— Вы видели пресс-конференцию по телевизору?

— Да. К вечеру 19-го после настойчивых требований удалось добиться, чтобы телевизор включили. Но атмосфера вокруг нас постепенно сгущалась. Мы уже находились в глухой изоляции. С территории дачи никого не выпускали и никого туда не впускали. Машины закрыли и опечатали. Самолет был угнан.

На море мы уже не видели движения гражданских судов. Знаете, обычно идут баржи, сухогрузы, другие суда. Зато появились дополнительные сторожевые и военные корабли.

— Когда вы в первый раз заметили их?

— В ночь с 18 на 19 августа, примерно в половине пятого утра. И вот эти военные корабли то приближались к нашему берегу, то удалялись от него, то вообще исчезали...

Чувство нарастающей опасности заставляло дейст-

зовать. Вся личная охрана Президента СССР работала практически круглосуточно. А затем часть охраны ввели и в дом. Уже рассказывалось, что мы не пользовались продуктами, доставленными после 18-го.

В ночь с 19 на 20-е с помощью нашей видеокамеры делали записи Обращения и Заявления Михаила Сергеевича. Работали всю ночь, чтобы было несколько пленок.

Эти документы, в том числе и письменное заключение нашего врача о состоянии здоровья Президента, мы распределили среди тех, кому полностью доверяли.

— Кто эти люди?

— Я бы не хотела называть имена, чтобы не обидеть других. На даче оставалось немало людей — помощник Президента СССР, стенографистки, обслуживающий персонал... Мы отдали им пленки, чтобы они сохранили их. А потом, когда представится возможность, вынесли видеозаписи с территории и когда-нибудь предали гласности.

— То есть вы рассчитывали на самое худшее, хотели, чтобы правда о Президенте и его семье, даже если вас уже не будет, дошла до людей?

— Да, мы хотели именно этого.

— Теоретически заговорщики могли уничтожить всех, кто был на даче, чтобы не оставлять свидетелей.

— Но это уже сложнее. Мы выходили на территорию дачи и к морю с определенной целью — чтобы как можно больше людей видели: Президент жив и здоров... Ведь за нами вели постоянное наблюдение — со скал, со стороны моря — с кораблей. Чем больше людей увидят нас, тем труднее потом будет скрыть правду... И еще: старались держаться как обычно,

спокойно, чтобы морально поддержать всех, кто был вместе с нами задержан, а по сути, интернирован.

— Вы были, полностью уверены в той охране, которая осталась с вами на даче?

— Вечером и ночью 18 августа, после того как мы узнали о поведении Плеханова — начальника управления охраны КГБ, и о том, что Медведев уехал (это два главных лица, ответственных за охрану Президента), скажу откровенно, не давала покоя мысль: будет ли выполнять оставшаяся охрана указания своего руководства или будет защищать нас?

И очень важно, что уже утром 19-го мы знали: наша охрана осталась с Михаилом Сергеевичем. Пришел старший и сказал: «Михаил Сергеевич, мы с вами».

— Как вы возвращались в Москву?

— Вызволение из блокады... Это произошло вечером 21-го. Об этом уже рассказывалось. Мы полетели вместе с российской делегацией на их самолете. Сидели все вместе — А. Руцкой, И. Силаев, Е. Примаков, В. Бакатин, наш доктор, вся наша семья. Крючков тоже летел в этом самолете, но был изолирован».

Финал августовских событий для первого и последнего Президента СССР общеизвестен.

«Дорогие соотечественники!

Сотраждане!

В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств, я прекращаю свою деятельность на посту Президента СССР. Принимаю это решение по принципиальным соображениям.

Михаил Горбачев

25 декабря 1991 года.»

ОТКРЫТЫЕ КАБИНЕТЫ

ГКЧПисты... Трое покончили с собой, остальные — амнистированы. А поначалу казалось, что у них не осталось ни малейшего шанса.

Покончившие с собой Б. Пуго, Н. Кручина и С. Ахромеев занимали очень высокие посты и были причастны ко многим государственным тайнам. Не «помог» ли им кто-то, кому они были опасны?

«Забот у Николая Ефимовича Кручины, управляющего делами ЦК КПСС, всегда хватало, — писали Валентин Степанков и Евгений Лисов. — Хозяйство, вверенное ему, было огромным и отличалось отменным качеством. Партии принадлежали лучшие в стране административные здания, общественно-политические центры, издательства, типографии, больницы, специальные базы промышленных и продовольственных товаров, секции магазинов, различные производства, и даже аффинажный завод, на котором изготавливались золотые кольца и прочие драгоценности. Короче «остров коммунизма», завхозом которого был Николай Ефимович, требовал немалых расходов на содержание.

Николай Ефимович Кручина стал первым в истории управделами ЦК, которому пришлось держать публичный ответ о доходах и расходах КПСС.

Факт открытого вмешательства «посторонних» в самую интимную сферу деятельности ЦК говорил о том, что в прежнем комфортном режиме партии уже не жить.

В ведомстве Кручины не было людей, которые знали, как можно жить по-другому, и поэтому было решено привлечь специалистов из «боевого отряда

партии» — КГБ. Так у Николая Ефимовича появились новые подчиненные — офицеры разведки, отлично разбирающиеся в хитростях западной экономики. В их задачу входила координация экономической деятельности хозяйственных структур партии в изменившихся условиях. Проще говоря, они должны были научить партию быстро делать большие деньги и надежно их прятать. Уроки пошли впрок. Партия стремительно обезличивала свои миллиарды при посредстве специально создаваемых фондов, предприятий, банков, зашифровывала заграничные счета, формировала институт «доверенных лиц», этаких карманных миллионеров при ЦК. Все это гарантировало стабильный и анонимный доход в условиях самых экстремальных, вплоть до жизнедеятельности в подполье.

Из показаний Зои Ивановны Кручины: «В пятницу, 23 августа, муж вернулся со службы в 18.45. Я спросила: «Почему так рано?» Он ответил: «Я уже отработал...»

По свидетельству известного историка, члена ЦК КПСС Роя Медведева, Горбачев заблаговременно предупредил Кручину о своей отставке с поста Генерального секретаря и попросил привести в порядок трудовые книжки работников партаппарата, а также выдать им зарплату. Эта просьба осталась невыполненной. Слова «я уже отработал» относились не просто к конкретному дню 23 августа, — они подводили черту под всей жизнью.

Из показаний Евланова, офицера охраны КГБ: «В 5.25, находясь внутри здания, я услышал сильный хлопок снаружи. Впечатление было такое, как будто бросили взрывпакет. Выйдя на улицу, я увидел лежащего на земле лицом вниз мужчину... Немного поодаль валялся сложенный лист бумаги...

Это была одна из двух оставленных Николаем Ефимовичем записок: «Я не заговорщик, но я трус. Сообщите, пожалуйста, об этом советскому народу. Н. Кручина».

Вторую записку нашли в квартире: «Я не преступник и заговорщик, мне это подло и мерзко со стороны зачинщиков и предателей. Но я трус. (Эта фраза подчеркнута).

Прости меня Зойчик детки внученьки (без запятых).

Позаботьтесь, пожалуйста, о семье, особенно вдове.

Никто здесь не виноват. Виноват я, что подписал бумагу по поводу охраны этих секретарей. (Имеются в виду члены ГКЧП). Больше моей вины перед Вами, Михаил Сергеевич, нет. Служил я честно и преданно.

5.15 мин. 26 августа

Кручина».

Следственная бригада, работавшая на месте происшествия, установила, что перед смертью Н. Кручина не подвергался физическому насилию и не уничтожал каких-либо бумаг. В квартире в целости и сохранности находились документы, проливающие свет на многие секреты ЦК, в том числе и финансовые».

Отгремели выстрелы на Смоленке.

Прозвучала весть об аресте всей «восьмерки». «Кто следующий?» — спрашивали мы себя. На чьих запястьях теперь лязгнут стальные наручники?

И все же — амнистия. Почему? Так проще...

«Государь может не опасаться заговоров, — поучал Никколо Макиавелли, — если пользуется благоволением народа, и наоборот, должен бояться всех и

каждого, если народ питает к нему вражду и ненависть. Благоустроенные государства и мудрые государи принимали все меры к тому, чтобы не ожесточать знать и быть угодным народу, ибо это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит».

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ
ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

В связи с действиями группы лиц, объявивших себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

1. Считать объявление комитета антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся не чем иным, как государственным преступлением.

2. Все решения, принимаемые от имени так называемого комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силы на территории РСФСР. На территории Российской Федерации действуют законно избранная власть в лице Президента, Верховного Совета и Председателя Совета Министров, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения указанного комитета подпадают под действия Уголовного кодекса РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится в действие с момента его подписания.

Президент РСФСР **Б. ЕЛЬЦИН**
Москва, Кремль
19 августа 1991 года

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ
ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Совершив государственный переворот и отстранив насильственным путем от должности Президента СССР — Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР,

Вице-президент СССР — Янаев Г. И.

Премьер-министр СССР — Павлов В. С.

Председатель КГБ СССР — Крючков В. А.

Министр внутренних дел СССР — Пуго Б. К.

Министр обороны СССР — Язов Д. Т.

Председатель крестьянского союза — Стародубцев В. А.

Первый заместитель председателя Государственного комитета по обороне — Бакланов О. Д.

Президент ассоциации промышленности, строительства и связи — Тизяков А. И.

и их сообщники совершили тягчайшие государственные преступления, нарушив статью 62 Конституции СССР, статьи 64, 69, 70, 70-1, 72 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Изменив народу, Отчизне и Конституции, они поставили себя вне Закона.

На основании вышеизложенного постановляю:

Сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбы народа и государства, не желающим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития, дается право действовать на основании Консти-

туции и законов СССР и РСФСР. Как Президент России от имени избравшего меня народа гарантирую вам правовую защиту и моральную поддержку.

Судьба России и Союза в ваших руках.

Президент РСФСР Б. ЕЛЬЦИН

Москва, Кремль

19 августа 1991 года

Вот так оценивал свой арест сам бывший Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов:

«В Кремль, в мой кабинет неожиданно приехала следственная группа. Это было 28 августа — через 5 часов после того, как в 12.30 я был лишен депутатской неприкосновенности. (До августовских событий рейтинг Лукьянова был самым высоким. Когда его лишали депутатской неприкосновенности, только два человека были против. Остальные четыреста с лишним человек — за). После этого решения в моем кабинете был проведен тщательный обыск. Ничего особенного не нашли. После того как обыск провели, я оставался в кабинете один. Пока люди из следственной группы были еще в Кремле, я говорил им: «Арестовывайте меня... ребята, не надо ломать комедию, я же прекрасно понимаю, что буду арестован, дело идет к тому. Поэтому увезите меня отсюда. Я вас очень прошу об этом. Не надо травмировать мою семью. У меня 85-летняя мать, жена в немолодом возрасте. Лучше отвезите куда положено».

На это они отвечали: «Что вы, Анатолий Иванович. Спокойно поезжайте домой... Арестовывать мы вас не будем. Мы верим вам, что вы никуда не скроеетесь...»

Я вернулся домой. Там были моя жена Людмила Дмитриевна и мать. Я поужинал. Немножко погулял

и лег спать. Вдруг около 23 часов раздался звонок. Оттолкнув жену, в дом ворвались 10 человек в штатском и заблокировали все двери. Как мне стало известно позже, вместе прибыла рота автоматчиков в маскировочных костюмах, которые оцепили территорию дома отдыха. Такие меры обычно применяются при задержании активно действующих преступников, о которых точно известно, что они будут оказывать вооруженное сопротивление. Когда мы стали интересоваться, почему не отреагировали на мою просьбу арестовать в кабинете 5 часов назад, мне сказали: «Вас вызывает на допрос Генеральный прокурор России Степанков...» И меня увезли, даже не предъявив ордера на арест...»

Рассказывает дочь подследственного, Елена Анатольевна Лукьянова:

«Когда его увезли, моя мама позвонила мне и сообщила эту страшную новость. Я тут же стала звонить депутатам. Дозвонилась до председателя комитета товарища Голика. Он сказал мне, что в моем положении можно звонить куда угодно. Ведь неизвестно, куда увезли моего отца. И мы с мужем стали дозваниваться до приемной Степанкова, к которому на допрос в 23 часа якобы увели отца. Трубку поднял прокурор Тимченко. Мы сообщили ему, что моего отца арестовали и повезли на допрос к генеральному прокурору. Правда это или ложь? На что дежурный прокурор ответил, что уже поздно, Генеральный прокурор давно дома и, видимо, спит. К тому же ему дали новую квартиру и у него нет телефона...»

Я не пойму, зачем понадобилось лгать, что его повезли на допрос к Степанкову? Зачем понадобилось таким образом арестовывать 60-летнего Председателя

Верховного Совета СССР, который еще при первой встрече сам предложил себя арестовать, но без лишней помпы, ведь наша дача находится на территории дома отдыха Президиума Верховного Совета СССР, где отдыхает около тысячи человек. Соседи, отдыхающие были свидетелями этой «рискованной» операции по задержанию пожилого человека. И мы считаем, что этот концерт разыгрывался не случайно — только для того, чтобы сломить человека, психологически его подавить, унижить на глазах у всех... Неужели нельзя было все сделать по-человечески?..»

Корреспондент журнала «Огонек» Михаил Корчагин решил встретится с Генрихом Павловичем Падвой, Александром Михайловичем Гофштейном — адвокатами, взявшимися защищать интересы Лукьянова. При условии строгого соблюдения принципа «тайны следствия» они согласились на приведенную ниже беседу:

«— Как к вам попало это дело?

— К нам обратилась дочь арестованного. Защищать бывшего главу парламента мы взяли по собственной воле.

— Вас не смущает то обвинение, которое предъявлено вашему подзащитному? Тем более что вокруг всего происшедшего бурлят такие страсти, и человек, взявшийся за защиту такого подследственного, рискует быть не понятым в нашем обществе?

— С первого же дня мы заявили Анатолию Ивановичу свое отрицательное отношение к путчу. Выяснилось, что мы стоим с ним на одинаковых позициях. Сами мы осудили переворот еще 20 августа, официально охарактеризовав его как военно-партийный. Это наша чисто гражданская позиция. Но, как профессионалы, мы должны защищать человека, даже

если он наш идейный противник. Хирургу нет дела до идейных убеждений больного. Тем более что за идейные убеждения не судят. Вот если бы он призывал к насильственному свержению строя, тогда другое дело.

— Вы единственные, кто чуть ли не каждый день имеет возможность общаться со своим подзащитным. Поэтому знаете его настроение, отношение к происходящему в стране. Как, например, отнесся он к факту роспуска КПСС?

— Он остался коммунистом. И по-прежнему верен своим убеждениям.

— Лукьянов — человек, который ранее взирал на судебную-следственную систему с высоты своего положения. Он же подписывал множество законов, не всегда ведая, как они исполняются на практике. Изменилось ли его отношение к законотворчеству? Каков его взгляд на создававшуюся им же систему из камеры следственного изолятора?

— Сам факт вероломного ареста был для него неприятной неожиданностью.

— Требуется ли он встречи с родственниками?

— Пока на этом настаивает. Но все будет зависеть от следствия. Любые контакты, и даже с близкими, могут быть рассмотрены следствием как нарушение принципов изоляции.

— Были ли вы знакомы с подзащитным раньше?

— Нет. Мы познакомились с ним в следственном изоляторе.

— Это изолятор КГБ?

— Нет. Это следственный изолятор № 1 ГУВД Мосгорисполкома — «Матросская тишина». В нем есть небольшой изолятор № 4 МВД СССР, где и содержится Анатолий Иванович.

— В камере он один?

— Нет. С ним еще один человек. Пожилой. Он арестован не за политическое, а за уголовное преступление.

— Вы допускаете, что это «подсадная утка»?

— Допускаем. У нас нет на этот счет особых сомнений.

— Каково самочувствие подсудимого?

— Жалоб пока нет.

— Ходят слухи, что его уже обрядили в тюремную одежду.

— Это лишь слухи. Тюремной одежды на нем нет. На нем та одежда, в которой его арестовали. Предчувствуя развитие событий, он даже на работу ездил с вещами и сменной одеждой.

— Какие это были вещи?

— Спортивный костюм, бумага, личный дневник. В камере он продолжает писать стихи. Лирические...

— Его отношение к тому факту, что его лишают встреч с журналистами. Ему есть что сообщить нам?

— Желание выговориться у него огромное. Ему есть о чем сказать, но он ничего не скажет. По крайней мере мы, адвокаты, постараемся ему не дать это сделать.

— Почему?

— Все, что бы он ни сказал, может быть повернуто против него же. Поэтому он будет молчать. На пресс-конференции 6 сентября было сказано, что все обвиняемые охотно дают показания, но не о себе, а о других. Это не так. Хотя бы потому, что не все обвиняемые идут на контакт со следствием. Пример тому — наш подсудимый. Мы-то знаем точно, что он не говорит ни одного слова и уж тем более не обливает никого из подельников грязью. И это несмо-

тря на то, что он очень много знает и ему есть что сказать о «восьмерке».

— Для чего в таком случае на пресс-конференции понадобилось выдавать такую информацию?

— А чтобы столкнуть их лбами. Чтобы у каждого вызвать ответную реакцию: ах, ты на меня, а вот я на тебя! Это довольно стандартный прием, который применяется, начиная от районного отдела милиции и кончая союзной прокуратурой.

— Но хоть какая-то позиция в данной ситуации есть у подследственного Лукьянова?

— Она такова: «Я ни в чем не виноват, виновность свою категорически не признаю, и так как вы нарушили закон при моем аресте и без достаточных оснований держите под стражей, то я считаю вас людьми заинтересованными, нарушающими закон, поэтому говорить вам ничего не буду».

— У него есть возможность получать прессу?

— Да. Мы выдали у него «Известия», «АиФ».

— Его отношение к публикациям, в которых он фигурирует? На какие публикации он реагировал особо?

— Например, в «Известиях» было написано, что, будучи в Англии, он обратился к британской аудитории со словами «уважаемые товарищи». Но ведь это абсурд. Достаточно поговорить с Анатолием Ивановичем, чтобы понять, какой это образованный и умный человек.

— Как же было на самом деле? Ведь такое обращение, похоже, было?

— Это действительно так. Но он же объяснил нам, что была такая встреча. Там были официальные британские лица. Но среди присутствующих он увидел несколько советских журналистов. Поэтому вполне

естественно, что, обращаясь к аудитории со словами: «Дамы и господа!», он употребил и слова «Уважаемые товарищи...». Мы не удивимся тому, что сейчас начнут бить лежачего, как это, к сожалению, часто у нас бывает. 7 сентября, например, Президент России в своем выступлении по радио назвал его идеологом путча. Но ведь еще не прошло следствие, еще не было суда... Даже пострадавший от путча Михаил Горбачев в отличие от многих высокопоставленных лиц не позволил себе подобных высказываний. В связи с этим возмутили его и выступления Силаева, Акаева.

— Что вы можете сказать по существу уголовного дела?

— Если бы мы и были знакомы с материалами уголовного дела, то, естественно, от каких-либо оценок воздержались бы. Но вся беда в том, что мы лишены возможности знакомиться с материалами дела.

— Тогда что же является источником информации, необходимой для вашей полноценной работы?

— Это сам подследственный Лукьянов. А еще два документа: протокол задержания и постановление об аресте.

Это все наши источники информации. Мы возмущены тем, что нас ограничивают в ознакомлении с делом. Нам ничего не дают...

— Почему? И на чьей стороне закон в данном случае?

— Если следовать букве закона, то ситуация тут такова. 10 апреля 1990 года был принят Закон СССР о внесении изменений в основы уголовного судопроизводства. По нему в статье 23 предусмотрены наши права — права защитников, в частности, мы можем знакомиться с материалами дела с момента допуска к делу, с постановления об аресте, с протокола задер-

жания. В этой же статье буквально в следующей строчке написано, что законодательством союзных республик могут быть предусмотрены и другие права защитника. Но это союзный закон. Законом же Российской республики предусмотрены и другие, дополнительные права.

В соответствии с российским законом мы обратились к статье 51 УПК РСФСР, где написано, что с момента допуска к участию в деле защитник имеет право знакомиться не только с протоколом задержания, а и со всеми материалами дела.

— Значит, — закон на вашей стороне?

— Да. Мы обратились к следствию и получили отказ.

— Чем же он обоснован?

— Следствие ссылается на 1-ю статью УПК РСФСР. Хотя в ней-то как раз и говорится прямо об обратном и подтверждается наша правота».

С вдовой маршала Ахромеева Тамарой Васильевной Ахромеевой встретился обозреватель «Совершенно секретно» Александр Терехов (Совершенно секретно. № 7(74), 1995 г.)

— Сергей Федорович стал начальником Генерального штаба после того, как до сих пор по не вполне ясным причинам испортились отношения между Устиновым и Огарковым и последний вынужден был оставить свой пост.

— О взаимоотношениях Устинова и Огаркова я ничего сказать не могу. Мне не очень нравится выражение «вынужден был оставить свой пост». Дело в том, что, когда были созданы Главные командования войск направлений как органов оперативно-стратегического управления Вооруженными Силами, назначе-

ние командующим такой группировкой, как Западная, даже для начальника Генерального штаба было престижным.

— Были у него кумиры?

— Кумиры — нет. Были люди, которых он называл учителями. Маршалы Жуков, Рокоссовский, Конев...

— Я так думаю, что Горбачев его поначалу очаровал...

— Очаровал? Это не то слово для характеристики Генерального секретаря... Близко наблюдая работу людей, принадлежащих к высшим эшелонам власти, Сергей Федорович понимал, что «старикам», несмотря на их несомненные заслуги перед страной и их опыт, время уходит. То, что этот процесс затягивался, наносило большой вред управлению государством. Например, еще в середине 70-х годов именно в Генштабе зародилась идея сокращения наших военных расходов, потом тяжело болел Брежнев, и докладывать ему этот острый вопрос было бесполезно.

Так же и с Афганистаном. Ведь когда стало ясно, что решение о вводе наших войск может быть принято, маршал Огарков и его заместители Ахромеев и Варенников докладывали лично Брежневу, что решить афганскую проблему военным путем невозможно. Но к ним не прислушались. Самое грустное: впоследствии политические противники часто укоряли Сергея Федоровича Афганистаном. На этом даже строили свою кампанию по дискредитации маршала. Причем самым безнравственным было то, что больше всех в этом преуспели люди, которые были в то время в составе ЦК и Верховного Совета, но ничего не сделали, чтобы предотвратить трагедию, и единогласно проголосовали за ввод войск. Ну это так, к слову

пришлось... К середине 80-х все понимали необходимость прихода новых сил в руководство страной. Поэтому когда избранный генсеком Горбачев побеседовал с военным руководством об армейских проблемах и, как им показалось, с пониманием воспринял их, Сергей Федорович с удовлетворением сделал для себя вывод: «Теперь можно работать. Кажется, руководитель наконец есть».

— Но через несколько лет Ахромеев засобирался в отставку.

— Он чувствовал, что не может пригодиться этой команде. Горбачев армию не понимал. Он перевернул всю нашу политику, которая базировалась на присутствии там мощнейшей группы наших войск, и при этом не обсуждал с военными должным образом вопрос о том, что будет, если Варшавский Договор развалится. Сергей Федорович надеялся изменить отношение Горбачева к армии. Он убеждал: «С вами считаются, пока за вами армия, а не будет сильной армии, никакое «новое мышление» никому не окажется нужным». Все бесполезно. Горбачев слушал других людей.

Сергей Федорович понимал, что политика Горбачева приведет к развалу Варшавского Договора, всей системы безопасности в Европе, участие в создании которой он считал делом своей жизни, если хотите. Он говорил: «Моей жизни хватит только чтобы разрушить то, что мы 50 лет создавали, заново построить я уже не смогу». Это было очень тяжело.

— Сперва Горбачев расстался с Соколовым...

— Да, была история с прилетом Руста на Красную площадь. Загадочная история... Горбачев боялся Ахромеева? Михаил Сергеевич принимал близко к сердцу постоянные слухи о готовящемся перевороте?

— Я думаю, не боялся. А насчет переворота... Сергей Федорович говорил: силой в России ничего не сделаешь. Убрать неугодного руководителя — не самая большая проблема. А вот что делать дальше? Он считал, что самое опасное для нашей страны — лишить власть уважения, авторитета, дискредитировать саму идею власти. Сейчас именно это и произошло. Видите, к чему это привело? А он хотел предотвратить, предупредить. Вспомните, сколько он писал об этом. А его противники вот тут-то и вспоминали: «Кого вы слушаете? Он же получил Героя за Афганистан».

В общем, оставив Генштаб, он и советником Горбачева долго работать не смог. Написал несколько рапортов об отставке. На последнем в июне 1991 года Горбачев написал: «Подождем!»

— Язов учился с Ахромеевым на одном курсе в академии, в Генеральном штабе у Сергея Федоровича тоже еще оставались соратники. И, несмотря на это, выходит, маршал ничего не знал о готовящихся событиях августа 1991 года?

— Ничего не знал. 6 августа я, он и внучка уехали в отпуск в Сочи, спокойно отдыхали. 19-го Сергей Федорович, как всегда, пошел утром на зарядку, потом вернулся и разбудил нас: включите быстрее телевизор! Он молча выслушал первые сообщения. Когда случалось что-то важное, он обычно замолкал. Молча сходили на завтрак. Я его ни о чем не спрашивала. Потом он вдруг говорит: я должен лететь в Москву и во всем разобраться на рабочем месте. Мы и не попрощались как следует. Его провожала группа врачей: возвращайтесь, Сергей Федорович, ждем. Он отшутился: оставляю вам в залог жену. Поцеловал меня и внучку и уехал. Больше я его не видела.

— Кто же с ним был дома эти дни?

— Дочери, их семьи. Когда по ТВ прозвучали первые сообщения о создании ГКЧП, они поняли: отец приедет. Он и приехал, веселый, загорелый, сказал, что пока ничего не понимает, и уехал в Кремль. Он предложил свою помощь Янаеву, работал в аналитической группе, собиравшей сведения с мест. В этом и состояло его участие в ГКЧП. Дочери звонили мне без конца: приезжай скорее. Но прямо ничего не говорили. Конспираторы! Сочиняли, что заболел кто-то из детей. Я обижалась: ну что же вы не даете мне отдохнуть, неужели не можете сами об отце позаботиться? Потом не выдержала, позвонила Сергею Федоровичу в Кремль узнать. Он сказал, что у него все в порядке. Обещал рассказать, когда вернусь. Но я все-таки решила ехать. С трудом достали билеты на 24 августа.

— После неудачи ГКЧП Сергей Федорович сильно переживал?

— Он был подавлен, ждал ареста. Но продолжал ходить на работу в Кремль, хотя там в ту пору мало кто был. Дочь однажды не выдержала: «Зачем ты туда ходишь? Как там тебе?» «Ко мне никто не подходит. Никто со мной не заговаривает». Думая, что арестуют, он говорил: «Я понимаю, вам будет трудно, но я иначе не мог». Дочери спросили его: «Ты не жалеешь, что прилетел?» Он ответил: «Если бы я остался в стороне, я проклинал бы себя всю жизнь».

— В участниках ГКЧП он не разочаровался? Давал им оценки?

— Дочери рассказывают, что в ночь с 23 на 24 августа они долго разговаривали. Было интересно узнать его мнение о событиях и людях, в них участвующих. Не всех членов ГКЧП он знал одинаково хоро-

шо. Но к тем, к кому относился с уважением до этих событий он своего отношения не переменил.

— Например, к Язову?

— Не только. К Бакланову, Шенину...

— По мнению следствия, в эту ночь Ахромеев уже решился на самоубийство.

— По мнению следствия — так.

— Вы прилетели домой...

— Начали звонить Сергею Федоровичу в Кремль — телефон молчал. После пяти вечера звонили каждые 10—15 минут. В 23.00 позвонил его шофер, спросил, не приехал ли Сергей Федорович, а то его что-то не вызывает, и он не знает, что делать. Потом легли спать. Я, конечно, всю ночь не спала — вскакивала на звук каждой машины. Утром решили ехать в Москву — мы жили на даче. Только открыли дверь квартиры — звонит телефон. Дочь взяла трубку, и по ее лицу я поняла: случилось что-то ужасное. Звонил дежурный по группе генеральных инспекторов, сказал, что Сергей Федорович скоропостижно скончался, есть подозрение, что он покончил с собой. Ночью его отвезли в морг кремлевской больницы, потом в госпиталь имени Бурденко. Мы поехали в прокуратуру. Там сказали, что в распоряжении следствия есть видеосъемка места происшествия. Я сразу же попросила показать ее. Следователи переглянулись, с сомнением посмотрели на меня: мол, выдержку ли? — но согласились. Я и одна из дочерей пошли смотреть, вторая не смогла. Сергея Федоровича обнаружил дежурный. Кабинет был открыт, ключ торчал в замочной скважине снаружи.

«Подробности смерти Ахромеева ужасны, — читаем в книге Н. Зеньковича «Вожди на мушке». — Его обнаружили повесившимся в Кремле, в служебном

кабинете в субботу 24 августа 1991 года вечером, примерно в 22 часа. Трагедия произошла предположительно около десяти часов утра. То есть в петле он провел почти двенадцать часов.

По Москве сразу же поползли упорные слухи, что это тщательно замаскированное убийство. Ссылались на мнение сотрудника прокуратуры РСФСР, который заявил журналистам, что он находит это самоубийство странным — в отличие от Пуго и Кручины, где все более-менее ясно.

Что же касается Ахромеева, многое вызывало подозрение. Уж очень нетипичный для людей его ранга способ ухода из жизни выбрал покойный. Он ведь был человеком военным, да еще в таком высоком звании. И, наверное, непременно имел табельное оружие, не говоря о подарочных пистолетах, которые получал в бытность начальником Генштаба от зарубежных коллег. У высших военных есть старинная традиция — преподносить в подарок друг другу специально изготавливаемые для этих целей в единичных экземплярах образцы. В конце концов, наверняка и охотничье ружье где-нибудь на даче висит.

Повешение по армейским понятиям — позорный вид смерти для офицера. К смертной казни через повешение приговаривали трусов, перебежчиков, изменников. Не может быть, чтобы Ахромеев не знал об этом. Неужели он причислял себя к предателям, и сам вынес себе столь страшную меру наказания? Кого же он тогда предал?»

Хоронили его 29 августа.

«В последний путь маршала Ахромеева провожала жиденькая цепочка родных и близких, — пишет Н. Зенькович. — Не было пышной панихиды, приличествующей его высшему в стране воинскому званию,

положению в государстве, боевым наградам. Хоронили тихо, незаметно.

Москва тогда наполнилась слухами: Ахромеев замешан в путче. Раз покончил самоубийством член ГКЧП Пуго, значит, причастен к попытке государственного переворота и повесившийся Ахромеев.

Где-то на середине пути над печальными березами грохнул залп. Позже стало известно, что это боевые друзья прощались с только что погребенным на соседней аллее генерал-лейтенантом. Его провожали в последний путь как положено генералу: с почетным караулом, военным оркестром, венками от Министерства обороны, прощальными речами официальных лиц. Советник Президента СССР, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, член Верховного Совета СССР подобных почестей удостоен не был.

Пришедшие на похороны старые друзья маршала были шокированы увиденным. На их глазах погружался в автобус почетный караул, только что стоявший у могилы погребенного генерала. Зачехляли свои инструменты военные оркестранты из академии имени Фрунзе, и по тому, как они нетерпеливо поглядывали в сторону ворот, было ясно, что они ожидают транспорт и тоже собираются отчалить вслед за почетным караулом.

— Ребята, да вы что? Это же маршал! Маршал Советского Союза Ахромеев. Начальником Генерального штаба был. Подождите, не уезжайте! Стыдно ведь...

Напрасно увещевали немногочисленные старые друзья Ахромеева оркестрантов и почетных караульчиков. Находчивый лейтенантик, стоя навытяжку перед генералом, доложил, что касательно бывшего начальника Генерального штаба и советника прези-

дента Ахромеева никаких приказаний не поступало.

Все закончилось за сорок минут. Речи мужчин были очень короткие, оценки — очень сдержанные. Но все выступавшие подчеркивали: Сергей Федорович был порядочным, честным и справедливым человеком.

А в ночь с 1 на 2 сентября неизвестные пытались надругаться над могилой покойного маршала Ахромеева. Еще днем первого сентября захоронение было в порядке: на месте венки, нетронутым оставался холмик. А утром глазам директора кладбища предстала жуткая картина: кто-то разрыл маршальскую могилу. Пресса тут же запустила версию о политическом характере злодеяния, высказав предположение, что это способ варварского сведения счетов.

Правда, вездесущие репортеры обнаружили, что разрыто и соседнее захоронение. Территорию вокруг оскверненных могил оцепила милиция. Представители правопорядка категорически отказались отвечать на вопросы, что же именно произошло. Во всяком случае, до тех пор, пока не выяснятся все обстоятельства дела.

Большинство газет придерживались политической версии. Действительно, увлечение наших людей политикой не знает границ. Видно, ночью кто-то попытался осквернить могилу покойного маршала, но, наверное, перепутав ориентиры в темноте, разрыл соседнее, тоже свежее, захоронение.

И только несколько дней спустя прокуратура отмела политические мотивы содеянного. Все оказалось проще и страшнее. Из обоих гробов исчезли мундиры: маршальский — Ахромеева, и генерал-полковничий — с похороненного ранее генерал-полковника Средина. Мародеры унесли маршальскую и генераль-

скую фуражки, которые обычно приколачивают к крышке гроба. Мундиры высших военачальников пользуются особым спросом у перекупщиков. Так что маршальская форма с золотыми галунами, снятая с мертвого Ахромеева, вполне могла принести гробокопателям довольно приличный доход.

Обоих перезахоронили повторно. На этот раз в обычных темных костюмах».

Заговор провалился, в стране случилось небывалое — открылись двери партийных кабинетов, и, насколько мне известно, ни один коммунист в те дни не кинулся на защиту своих святынь. Где в те дни были те, кто сейчас марширует с портретами вождей? В 1993 году все было по-иному.

ШТАБ ОБОРОНЫ БЕЛОГО ДОМА — ПОПЫТКА РЕВАНША

Вряд ли стоит относительно событий осени 1993 года применять такие определения, как «заговор» или «переворот». Это, скорее, была драка за власть. Драка, которая неизбежна в странах, где еще не развиты традиции разделенности власти.

С одной стороны, Верховный Совет стремился обеспечить свои приоритеты в иерархии государственной власти. Инициатором драки, которая могла обернуться гражданской войной, была верхушка ВС. Ельцин, в свою очередь, воспользовался этой ситуацией для укрепления собственной личной власти.

Они объявили об отставке Президента. Двинули вооруженные отряды на штурм мэрии. Фактически

развязали боевые действия. Министр обороны Грачев выжидал до последнего момента. Ельцин был готов к вылету из Кремля на вертолете.

Только под утро были введены военные части. Белый дом оцепили и стали обстреливать из танков.

Реванш — отплата за поражение, за проигрыш, повторная борьба, предпринятая с целью взять верх над победившим противником.

В октябре 1993 года реваншист генерал Ачалов делал ставку на национальные воинские формирования. К такому выводу пришел корреспондент «Огонька» в результате беседы с военным руководителем одного из кавказских государств. Вот монолог этого военного, по понятным причинам пожелавшего остаться неизвестным:

«Начальник штаба обороны Белого дома генерал Ачалов позвонил в представительство нашей республики около десяти утра 21 сентября. Он заявил, что принято решение о разгоне парламента и штурм Дома Советов назначен на 24 часа 00 минут. Днем, а затем вечером, Ачалов попросил помощи от нас людьми и оружием.

Ачалов оказывал нам помощь в проталкивании некоторых наших вопросов в парламенте, и у нас перед ним были некоторые моральные обязательства. Было принято решение помочь Ачалову.

Я был, что называется, пущен вперед и, получив пропуск, прошел в Белый дом через 8-й подъезд и поднялся на 13-й этаж в комнату 1341, где находился своего рода штаб. В 22 часа 30 минут подъехали наши ребята. На этот момент вокруг здания стояла толпа в несколько тысяч человек. В штабе обороны Белого дома находились Ачалов, начальник штаба полковник Кулясов (подозреваю, что отставной), он постоянно

крутился на вертящемся кресле, отвечал на телефонные звонки, пытался их систематизировать, у него, естественно, ни черта не получалось, он матерился, и все это выливалось в весьма суматошную деятельность. Макашов сидел в другом месте и периодически звонил. При мне он четыре раза звонил по поводу организации туалетов для обороняющихся.

С вечера 21 сентября до утра следующего дня наши люди были единственным боеспособным подразделением обороны Белого дома. Когда я поднялся наверх, Ачалов обрадовался мне как родному. Внизу были расставлены наши до зубов вооруженные охранники, стоявшие по периметру дома. В мои функции входило проверять посты каждые полчаса и отчитываться перед Ачаловым. Выполнить свои функции я не имел возможности ни разу, поскольку Ачалова в штабе практически не было. Он заглянул туда лишь однажды, спросил: «Как дела?» Я ответил: «Х...о», и он побежал куда-то дальше.

Весь тринадцатый этаж был занят так называемыми силовыми структурами. Один раз туда зашел Баранников, постоянно там находился генерал КГБ Стерлигов. Сначала он куда-то ушел, потом вернулся. Подошел ко мне и сказал: «Вот мы тут сидим, а надо бы телевидение взять». У меня рот был занят пепси-колой и поэтому я ничего ему не ответил и лишь покрутил пальцем у виска. Минут через десять пришел Лимонов, сел, тупо просидел до трех часов утра и ушел. Около 12 часов появились фашисты Баркашов и Балашов. Поначалу их не восприняли всерьез, хотя в дальнейшем они сыграли весьма значительную роль в событиях. В приемной постоянно находился некий казак, заявивший, что с ним — 400 человек. Он связался с атаманом войска Донского

Ратеевым, который, правда, впоследствии их не поддержал. Прибыл и человек, который утверждал, что он представляет некий Симферопольский авиационный полк Черноморского флота.

Рации были только у охраны Белого дома. Они работали на частоте 20. Мы пришли со своими рациями и работали на 15-й частоте. Через полчаса наши ребята стали переговариваться по рации и спрашивать друг друга: «Мы что, здесь одни?» Я подозреваю, что так оно и было. Оборонять Белый дом именно таким образом — это была совершенно бредовая идея. Где-то в полпервого ночи наш самый главный поднялся наверх и поинтересовался, где, собственно, штурм. Ачалов промычал что-то невнятное. В этот момент он с Баранниковым обсуждал весьма специфическую проблему: как бы им прийти в их министерства и занять министерские кресла. Периодически по коридору пробегал Терехов с криками: «Если нам сейчас не раздадут оружие, то мы немедленно уйдем!» Некий Саша, фамилии и должности которого я так и не узнал, но который руководил там всеми «боевыми действиями», сказал мне, что в Белом доме — 350 автоматов АКСУ, 20 пулеметов Калашникова и 4 пулемета КПВТ.

Наш главный сказал, что если и дальше так пойдет, то он разоружит своих людей. В 5 часов утра мы прекратили связь по рации, а в 6 утра мне по радиотелефону велели идти домой спать. Оцепление было снято, и в 6 часов утра 22 сентября в Белом доме вообще не было никакой охраны.

Как выяснилось, основная идея Ачалова состояла в привлечении к военному противостоянию национальных воинских формирований. Но после этого наши люди в военных действиях участия не принимали.

Возможно, Ачалов нас и искал, но мы в то время были далеко от Москвы.

Они привлекали тех, кто был им чем-то обязан. Я не могу утверждать, что там были абхазы. Лично я видел около двух десятков ингушей у 20-го подъезда. Потом были привлечены батальон «Днестр» из Тирасполя, батальон «Бендеры», рижский ОМОН, казачьи подразделения — до 200 человек, баркашовцы — до 4000 человек (хотя оружие было не у всех, у них было до 1000 стволов). На Останкино пошли батальон «Днестр» и Баркашов. Инициаторами событий, развернувшихся в воскресенье 3 октября, были Макашов, командир рижского ОМОНа, командир «Днестра» и генерал Тарасов.

Единственным умным решением было принятое защитниками Белого дома сегодня (запись произведена во второй половине дня 4 октября): снайперы расставлялись по площадям ближе к центру города. Снайперы были рассредоточены на пересечении Садового кольца и Нового Арбата, на высотке на площади Восстания и в доме напротив американского посольства».

Бурная политическая карьера бывшего председателя Верховного Совета Российской Федерации Руслана Хасбулатова прервалась после известных событий в октябре 1993 года. Отсидев некоторое время в тюрьме, экс-спикер российского парламента вернулся к своей прежней, «дополитической» работе. Сегодня Хасбулатов продолжает жить в легендарной, «обросшей» всевозможными слухами, огромной московской квартире. Ее строили в правительственном доме специально для Леонида Брежнева, для чего даже увеличили один из этажей в полтора раза. Но информацию в прессе о том, что площадь квартиры якобы со-

ставляет 441 кв. метр, Руслан Хасбулатов со смехом отвергает. На самом деле — «всего» 230. Брежнев никогда фактически здесь не жил, а вот реальными квартиросъемщиками в разное время тут являлись Константин Черненко и чилиец Луис Корвалан. По словам Хасбулатова, это на сегодняшний день единственная неприватизированная в доме квартира. Жена занимается этим вопросом, но власти не торопятся оформлять бумаги.

Супруга Руслана Хасбулатова — Раиса Хасановна — работает экономистом в магазине. Вместе живут уже 25 лет. Есть сын и дочь. «Я помню, что у нас никакой свадьбы и не было, — рассказывает Хасбулатов. — Мы зарегистрировали брак, а потом мой приятель отвез нас на стареньком «москвиче» домой. Жили мы тогда у метро «Щербаковская», недалеко от парка Сокольники».

Детство Хасбулатова прошло, по его словам, незаметно. Он только хорошо помнит, что был очень подвижным ребенком и в 1—2 классе средней школы сильно не хотел учиться. Даже учебники прятал. Мать работала колхозной дояркой, отца не помнит — тот пропал без вести во время депортации чеченцев в 1944 году в Казахстан. Как заявляет Хасбулатов, все в этой жизни ему пришлось зарабатывать «собственным горбом». Учился в МГУ на юридическом факультете, потом — аспирантура. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации по политической экономии. Заявил о себе и на комсомольском поприще — стал секретарем комсомола МГУ...

Сейчас Руслан Хасбулатов не настроен принимать гостей. Да и принимать особо некого: бывшие друзья и сослуживцы практически все отвернулись от опального экс-председателя Верховного Совета. «В моем

положении, если я кому-то позвоню, то все восприимчивают это так, словно мне что-то от них нужно, — объясняет Хасбулатов. — Меня даже с семьей умудрились исключить из разных соответствующих лечебных учреждений. Меня политически не реабилитировали. Мне ничего конкретного, соответствующего моим знаниям, опыту не предлагается... Я в людях разочарован, и в обществе, и в народе».

По словам Хасбулатова, в материальном плане он сегодня «в долгах как в шелках». «Зарплата у меня 750 000 рублей. У Раи больше — 800 000. Откуда деньги? Я же взятки не брал... Пишу книгу, трехтомник, хочу продать за границу — у нас дохода с нее не будет». За похищенного в Чечне родного брата Руслану в свое время пришлось заплатить 100 000 долларов, которые тогда «собрали с миру по нитке».

Планирует Хасбулатов наконец-то закончить строительство собственной подмосковной дачи. Дело затормозилось из-за нерадивости и воровства нанятых строителей. Тогда он обязательно заведет несколько собак, пока же в квартире экс-спикера обитают только две кошки.

«Я по утрам пью кофе, а вечером — чай. Спиртные напитки вообще не употребляю. Водку, например, никогда не любил. В студенческие годы, правда, употреблял сухое вино. А так отношусь к спиртному равнодушно».

Руслан Хасбулатов не любит говорить о своих болячках, но и счастливых дней в своей жизни припомнить не может. Говорит, что такова «структура его характера». На будущее страны смотрит пессимистично: «Лучшие времена в России не наступят...»

В России власть — пирамида, на верхушке кото-

рой один. Когда пирамида начинает рушиться, то всякая ветвь власти хочет подняться. Так начинается борьба за статус, за место в иерархии.

ЯПОНСКАЯ НАХОДКА

Именно из Японии поступило сенсационное сообщение о том, что технологию производства отравляющего газа зарин, унесшего жизни двенадцати пассажиров токийского метро, продал боевикам «АУМ синрике» за 100 тыс. долларов бывший секретарь Совета безопасности вице-премьер Олег Иванович Лобов. И все встало на свои места.

«Крупнейшая диверсия за последние несколько десятков лет произошла в Токио. 20 марта 1995 года в утренние «часы пик» в токийском метро неизвестными злоумышленниками был распылен отравляющий газ. Утечки газа зарегистрированы на трех линиях метро. О ЧП сообщили 16 станций подземки, 6 человек погибли, более 900 — госпитализированы (около 20 — в критическом состоянии)».

Корреспондент газеты «Известия» Сергей Агафонов подготовил целый цикл статей о развитии событий в Токио, о ходе расследования этой трагедии.

По итогам предварительного следствия, проведенного силами полиции, уже не вызывает сомнений, что дьявольская атака была заранее обдумана и хорошо организована — газовые «заряды», сброшенные в поезда метро на разных линиях, должны были сойтись (и фактически сошлись) на узловых станциях пересадок в самом центре японской столицы и в са-

свидетельствует косвенно, что у полиции имеется какая-то «ниточка».

Остается отметить, что неожиданно выяснилась еще одна любопытная деталь — оказывается, «газовая атака» на токийское метро была... почти что в деталях предсказана и описана четыре года назад (т. е. еще в 1991 году). Вещее предсказание состоялось в книге английского писателя Гордона Томаса «Смертельный запах», в которой автор рассказал о террористической группе, осуществлявшей акцию в токийском метро с использованием именно зарина, который предварительно нарабатывался и испытывался в малых дозах в периферийной глубинке. Книга Томаса была переведена на японский и издана в Японии за два года до трагедии, первый выброс зарина унес семь жизней в тихом городе японской глубинки — Мацумото, затем акция совершена в столичном метро — совпадения прямо-таки фатальные...

Полиция, приступившая к повальным обыскам владений «АУМ синрике» по всей стране, выдает нагора новые и новые свидетельства преступных замыслов лидеров секты. Под стражу заключены 110 человек. Весьма любопытная фактура появилась в «российском следе», отработкой которого занимаются не только компетентные органы, но и средства массовой информации.

Если отбросить в сторону откровенные домыслы, связанные с «российской темой», то останется несколько достаточно серьезных моментов, на которые обращают внимание в Токио. После нескольких недель обстоятельных поисков составлен некий сводный список российских высокопоставленных «контактов», с которыми «АУМ синрике» либо имела дело, либо целенаправленно добивалась знакомства.

К известной уже обойме имен (Лобов, Рущкой, Хасбулатов) японская пресса добавляет теперь руководство российского Минздрава и Министерства социальной защиты населения (периода весны — лета 1992 года), «отца» лазерной техники академика Басова, представителей высшего эшелона патриархии, высокопоставленных представителей мэрии Санкт-Петербурга, влиятельных политиков Северной Осетии, министра атомной энергетики Виктора Михайлова и многих-многих других влиятельных людей.

Во всем этом списке детально обрисована японцами пока что только одна фигура — партнер «номер один» в России — Олег Лобов. Место остальных в российских приоритетах «АУМ синрике» еще предстоит установить, и этим японцы занимаются с упоением, открывая для себя самые неожиданные пласты. Об очередной такой находке рассказал свежий номер еженедельника «Сюкан пост» — согласно публикации, к деятельности «АУМ синрике» в России имеет (косвенное, правда) отношение начальник управления охраны президента генерал Коржаков, точнее, служба, им возглавляемая.

Как пишет «Сюкан пост», отделение «АУМ синрике» в Москве для осуществления деликатных миссий учредило специальную охранную компанию — «АУМ протект», для которой было найдено особое помещение, подобран соответствующий штат. Возглавил «АУМ протект» не названный журналом российский гражданин в чине полковника, местом службы которого было в советские времена 9-е управление КГБ, а в российские суверенные годы — ведомство генерала Коржакова. По версии японского еженедельника, на работу в «АУМ протект» полковник переходил непосредственно из этого ведомства. По данным «Сюкан

пост», в штате «АУМ протект» состояли очень интересные люди с приметным ведомственным прошлым, в связи с чем журнал пишет о том, что работа российских следователей, занимающихся делами «АУМ синрике» в Москве, очень затруднена.

Еще одна японская находка (о ней повествует еженедельник «Сюкан гэндай») свидетельствует о том, что российское отделение «АУМ синрике» наладило контакты с ветеранами знаменитой «Альфы» и других частей спецназа, объединившимися в отставку в некую охранную структуру. Через эту структуру для послушников «АУМ синрике» в феврале и апреле 1994 года устраивались военные сборы, через которые прошли 45 человек, а осенью прошлого года (с 27 сентября по 1 октября) в подмосковном Монино на стрелковом полигоне МВД специальными знаниями овладели уже около ста человек — любителей буддизма, которые совершенствовались в стрельбе, рукопашном бое, подрывном деле и других отнюдь не религиозных премудростях.

Стоит отметить, что «Сюкан гэндай» (уже в другом номере), ссылаясь на российские источники, прозрачно намекает на то, что к покупке «АУМ синрике» российского военно-транспортного вертолета имел отношение министр обороны России Павел Грачев. По этой версии, Грачев познакомился с верхушкой «АУМ синрике» в Москве во время церемонии передачи дара секты (установки по переливанию крови) Центральному военному госпиталю имени Бурденко и в знак благодарности санкционировал сделку по продаже вертолета.

Новый пласт вскрыла японская телекомпания Эн-Эйч-Кэй. Тележурналисты обратили внимание на странное обстоятельство — лидеру секты Асахаре и

его соратникам был открыт доступ в закрытое для всех остальных учебное заведение — МИФИ, где куются кадры для отечественной секретной науки, и прежде всего ядерной индустрии. Каким загадочным образом это «открытие» состоялось — вопрос пока что риторический, хотя, бесспорно, весьма занятный.

По японским данным, в настоящее время в рамках «российского следа» наиболее «горячим» является один сюжет — расследование российской бухгалтерии «АУМ синрике». Считается, что самые завлекательные документы находятся у трех японских граждан, затерявшихся на российских просторах после того, как грянул скандал вокруг секты. Именно у них в руках все ключи к финансовым операциям секты в России.

В ночь с 6 на 7 октября 1995 года все телевизионные компании Японии, прервав свои программы, передавали прямые репортажи об аресте бывшего руководителя московского отделения «АУМ синрике» Фумихиро Дзиою.

Он взял на себя руководство этой религиозной организацией, после того как в мае того же года японская полиция арестовала ее главу Секо Асахару. Планы по аресту Дзиою японская полиция вынашивала уже давно. Однако реализовать их было не так просто. Дело в том, что начиная с 1992 года он большей частью находился в России, возглавляя московское отделение «АУМ Синрике».

Официально ордер на арест Фумихиро Дзиою был выписан прокуратурой по обвинению его в склонении одного из членов «АУМ синрике» к даче ложных свидетельских показаний на суде в префектуре Кумамото в 1992 году, на котором рассматривалось дело о нарушении «АУМ синрике» закона о государственном земле-

пользовании в связи с незаконным приобретением ею земельного участка. Но это лишь формальный предлог Дзиою, имевший доступ в святая святых «АУМ синрике», и, безусловно, располагающий сведениями о ее настоящей деятельности, нужен полиции прежде всего для того, чтобы получить от него показания.

В связи с арестом Дзиою возникает еще одно обстоятельство. До последнего времени японская полиция официально не занималась расследованием деятельности «АУМ синрике» на территории России, и многочисленные статьи на страницах японских газет и журналов о таинственных связях этой организации с российскими представителями, о приобретении в России и ввозе ею в Японию российского стрелкового оружия и технологии для его массового производства являлись исключительно плодом журналистских расследований и не основывались на официальной информации. С арестом Фумихиро Дзиою у японской полиции есть все основания заняться расследованием различных аспектов российского направления деятельности «АУМ синрике».

Тема «русских связей» секты раскрывается в материале Л. Крутакова и И. Кадулин «Японский бог Олега Лобова» (Известия. 21 мая 1997).

В конце апреля 1997 г. информационное агентство Киодо Цусин, ссылаясь на показания «шефа разведки» «АУМ» Есихиро Иноуэ, сообщило, что бывший секретарь Совета безопасности и первый вице-премьер правительства России Олег Лобов является чуть ли не одним из основных виновников трагедии в токийском метро. Якобы осенью 1993 года Лобов передал «АУМ» технологию производства зарина, получив за это в Париже 10 млн. иен (около 100 тыс. долларов) наличными.

На допросе в Генеральной прокуратуре Лобов категорически отрицал факт получения взятки. А за комментариями по поводу зарина порекомендовал обратиться к заместителю генерального директора Российско-японского университета Александру Муравьеву.

Муравьев Александр Владимирович, 1941 г. р., выпускник МХТИ им Д. И. Менделеева, по образованию химик-технолог. После службы в рядах СА становится кадровым сотрудником КГБ СССР. Вначале работал по специальности. С начала 70-х на оперативной работе, прикомандирован к Госплану СССР. Уволен из органов в 1991 г. в чине подполковника.

История деятельности религиозной секты «АУМ синрике» в России неразрывно связана с историей Российско-японского университета (РЯУ). Идея создания советско-японской неправительственной организации родилась в 1990 году, во время ежегодной встречи Михаила Горбачева с бывшим министром иностранных дел Японии Синтаро Абэ. Эта идея могла бы стать очередной долгоиграющей и весьма прибыльной «панамой», если бы не жуткая трагедия в токийском метро.

После развала СССР группа влиятельных чиновников из системы Госплана и Минвнешторга осталась не у дел. Замысел Горбачева и Синтаро оказался как нельзя кстати. Двадцать первого ноября 1991 года Министерство юстиции РСФСР зарегистрировало под номером 419 Российско-японский фонд, вскоре перерегистрированный в Российско-японский университет. А 29 января 1992 года Лобов от имени «общего собрания граждан» просит министра юстиции Федорова зарегистрировать устав российско-японского комитета по экономическому сотрудничеству.

Министр не смог отказать «группе граждан». И в этом нет ничего удивительного, достаточно было взглянуть на ее состав. Назовем лишь нескольких: Олег Лобов, Леонид Запальский, Владимир Лукин, Аркадий Вольский и Александр Муравьев. Эта же «группа граждан» из 13 человек за редким исключением выступила в роли учредителей РЯУ. Лобов возглавил обе структуры, а Муравьев стал его бессменным заместителем.

Цели создания фонда-университета выглядели весьма благородно, но достигались небескорыстно. В уставе РЯУ черным по белому написано, что университет имеет право «создавать предприятия и хозяйственные организации, непосредственно осуществлять внешнеэкономическую деятельность, соответствующую его целям и задачам». Мало того, еще до регистрации в Минюсте РЯУ обзавелся счетом № 91012230 в токийском банке «Дай-ичи Канге», предусмотрительно открытом при содействии посольства СССР в Японии на имя некоего Владимира Данича. В то время, как известно, подобные манипуляции российских граждан со счетами в зарубежных банках классифицировались как тягчайшее государственное преступление. Приговор — исключительная мера наказания.

Не смогло устоять перед обаянием «группы граждан» и правительство обновленной России. 13 ноября 1991 года Борис Ельцин подписал историческое постановление правительства РСФСР № 2. Первым, по видимому, был подписан Декрет о независимости России. Постановление № 2 целиком посвящено решению проблем российско-японских отношений. Для этого Госкомимуществу было поручено разместить РЯУ по адресу: г. Москва, ул. Петровка, 14. А также решено, что сотрудники университета «по условиям

материально-бытового обеспечения и медицинского обслуживания приравняются к соответствующим категориям работников органов государственного управления РСФСР».

После обвинения в продаже «АУМ» технологии производства зарина Лобов станет утверждать, что РЯУ является исключительно общественной организацией, пытаясь тем самым снять любые подозрения в участии университета в коммерческой деятельности.

В истории создания РЯУ и его взаимоотношений с «АУМ» очень много темных пятен, связанных с участием сотрудников Службы внешней разведки, работников советского посольства в Японии. Самое интересное началось позже.

Создав университет, его учредители занялись поиском японских партнеров. Попытка «завязаться» с крупной японской компанией «Nissho Iwai Corporation» закончилась ничем. Ее представитель Сусуму Иосида на запрос первого зам. министра экономики Леонида Запальского ответил, что японские деловые круги готовы приступить к подготовительной работе, но финансовый «вклад японской стороны будет соответствовать вкладу российской стороны.»

Тут-то и подвернулся Асахара со своей сектой. Гуру не требовал соответствия финансовых вкладов, был готов к сотрудничеству без предварительных согласований и долгих переговоров. Найти общий язык новым компаньонам не составило труда. Асахара нуждался в легализации своей деятельности в России, а для РЯУ это сотрудничество стало одной из форм коммерческой деятельности. В частности, РЯУ бесплатно предоставил «АУМ» под представительство 221,3 кв. м в своем особняке на Петровке.

«Председателю экспертного совета
при Президенте Российской Федерации
Лобову Олегу Ивановичу.

Дорогой Олег Иванович, я очень благодарен Вам за ту поддержку, которую Вы, а также господин Лужков Ю. М. и члены руководства японского фонда оказали нам в организации филиала «АУМ синрике» в России...

...Надеюсь увидеть Вас в ближайшем будущем.

Искренне Ваш,

Секо Асахара» (24.10.92)».

Впоследствии Лобов-сан будет всячески отрицать свою роль в продвижении идей «АУМ синрике» в России. В интервью журналу «Столица» Олег Иванович заявит: «Действительно, я встречался с Асахарой. Но правительство Японии, их спецслужбы должны были предупредить меня, если уж он такой нехороший человек. Если будет сделано правительственное заявление со стороны Японии, тогда мне не стоит молчать...»

Правительство Японии уже давно признало «АУМ синрике» террористической организацией, санкционировав арест всей верхушки секты. Мало того, высокопоставленные сектанты дали прямые показания на бывшего секретаря Совбеза. Однако Олег Иванович утверждает, что к деятельности «АУМ синрике» его университет отношения не имеет.

«Заместителю командующего МВО
генерал-лейтенанту В. П. Баранову.

Уважаемый Валерий Петрович!

Руководство Российско-японского университета

внимательно ознакомилось с разработанным под Вашим руководством планом проведения показа образцов вооружения и техники для членов японской делегации и расчетной суммой финансовых затрат, предусмотренных на его проведение.

Принося признательность за уже проведенную подготовительную работу и принимая во внимание величину предполагаемой суммы финансовых затрат, мы просили бы Вас внести некоторые поправки в план этого показа, отказавшись при этом от проведения таких мероприятий, как показ вертолетов и полетов на них.

Учитывая отсутствие у членов делегации навыков в практическом выполнении упражнений стрельб из танков и БМП, управления ими в движении, пуска ПТУР, а также недопустимость даже случайных нарушений мер безопасности, мы хотели бы, чтобы данный показ носил больше демонстрационный характер, путем наблюдения за действиями в ходе занятий личного состава.

С глубоким уважением,

зам. генерального директора
Российско-японского университета
А. В. Муравьев».

История с обучением боевиков «АУМ» на полигонах Таманской и Кантемировской дивизий так или иначе звучала в прессе. В начале 1995 года из Японии в Россию попали листовки, которые «аумовцы» распространяли в японских университетах: «Вы вволю можете насладиться стрельбой боевыми патронами на российской военной базе, окутанной тайной. Специальная программа обучения в спецназе и стрельбы боевыми патронами. В течение 10 дней будете находить-

ся среди боевиков спецназа (ограничение — 15 человек). В стрельбах, которые будут проводиться в течение 3 дней на российской военной базе под Москвой, будет использовано самое различное стрелковое оружие: АК-47, АКС-74, РПД, СВД Драгунова, РИГ-7».

Позже Муравьев отправит в адрес командования Московского военного округа письмо, в котором, ссылаясь на указание министра обороны, просит организовать показательные стрельбы для еще одной группы японских «бизнесменов». Попытки Муравьева оправдаться задним числом: дескать, они знать не знали и ведать не ведали, с кем имеют дело, — не убеждают. Трудно поверить, что профессиональный контрразведчик не смог отличить бизнесмена от боевика.

После ареста главы секты «АУМ синрике» Асахары и его подручных была обнаружена записная книжка «министра строительства» «АУМ» Хаякавы Киехидэ, который занимался в секте вопросами вооружения. Хаякава был одной из ключевых фигур в секте. Он одним из первых приехал в Москву в декабре 1991 году и курировал в секте все вопросы, связанные с московским отделением секты. Хаякава неоднократно совершал вояжи по России. Его интересы были весьма специфичны. В частности, «аумовцы» посетили лабораторию термогазодинамики Академии наук, где изучали принципы распространения газов. На «экскурсии» в Московском авиационном институте они увлеченно разбирали автоматы Калашникова, записывая в свои тетрадки параметры каждой детали.

Японцы — люди педантичные, они фиксируют на бумаге все свои встречи и телефонные разговоры. Записная книжка Хаякавы оказалась бесценной наход-

кой для японских следователей. Японские коллеги-журналисты предоставили нам возможность познакомиться с дневником «министра строительства» секты.

Из последней записи ясно, что полигоны Таманской и Кантемировской дивизий посещали вовсе не бизнесмены, а самые настоящие боевики. Вот для кого устраивались эти экскурсии. Ясуо Хаяси.

Из записной книжки Хаякавы Киехидэ:

«Список военного руководства...

Муравьев 9/3 94...

Можно будет включить около 5 человек...

стрелковое оружие...

минимум 5 человек, максимум 15 человек...

через Интурист...

гостиница Пента Балчуг...

Россия Космос...

2 часа на автобусе от Балчуга (видимо, имеется в виду время поездки до полигона Кантемировской дивизии).

Муравьев 1/15...

учения апрель 6,7,8 — рассматривается...

стрельба из пистолета (2000\$) — военным...

+ все другие расходы...

уже сформированная программа (2800\$) — военным...

1-й день танки, БТР...

можно стрелять из них...

2-й день пушки, управляемые ракетные снаряды различных типов.

3-й день пистолеты, пулеметы...

4-й день осмотр самолетов...

Май 3—7 15 человек от «АУМ» нужен ответ...»

Есихиро Иноуэ, боевик «АУМ», давший показания, что технологию производства зарина продал секте Олег Лобов, арестован. На полигоне присутствовал

и сам Хаякава, запечатленный на одном из фотоснимков в обнимку с заместителем Лобова Муравьевым и руководителями МВО.

В российских визах японцев цель поездки обозначена как коммерческая, а принимающая организация — Российско-японский университет. Если все вышеперечисленные факты не убеждают российских следователей в том, что между РЯУ и «АУМ» существовало полное взаимопонимание в вопросах военнотехнического сотрудничества, нам остается привести еще один любопытный документ — договор между командованием Московского военного округа и руководством Российско-японского университета.

Договор № 318/8/3 от 2 апреля 1994 года.

Входящий номер 623 от 16.05.94 Управления боевой подготовки Московского военного округа, именуемое в дальнейшем «ПОСТАВЩИК», и Российско-японский университет, именуемый в дальнейшем «ЗАКАЗЧИК», заключили настоящий договор о нижеследующем...»

Предметом договора стало «проведение показа вооружения и техники Сухопутных войск для японских бизнесменов, прибывающих в Москву в апреле и мае 1994 года». Платежи по договору должны были производиться «ЗАКАЗЧИКОМ» в долларах США на базе мировых цен на валютный балансовый счет № 97080505/001 Главного управления Международного военного сотрудничества, находящийся во Внешторгбанке Российской Федерации. Под договором стоят подписи заместителя командующего МВО В. Баранова и заместителя генерального директора РЯУ А. Муравьева.

Журналист из японской телекомпании «Эн-эйч-кей» задал по телефону вопрос Александру Муравье-

ву о записях Хаякавы, тот сказал, что они взаимодействовали с «АУМ» через Хаякаву. Шум в печати не имеет под собой почвы. «Мы продаем вооружения за границу официально. Все цены публикуются в открытой печати».

Мы далеки от мысли о том, что «коммерческие» экскурсии японских бизнесменов были прелюдией к взрывам в Токио.

Лобов просит Ельцина дать согласие на учреждение Ассоциации международного сотрудничества. Среди учредителей — все те же лица, которые создали Российско-японский университет и Российско-японский комитет по экономическому сотрудничеству. А устав ассоциации подозрительно напоминает устав РЯУ. Президент соглашается. Было бы странно, если бы этого не произошло.

Со времен перестройки и гласности так повелось, что увольняемые с госслужбы высокопоставленные чиновники непременно пересаживались в кресла руководителей всевозможных фондов. Неважно, как этот фонд назывался, суть всегда была одна — обеспечить отставнику безбедную жизнь, хороший фонд, поддержка президента... Что еще нужно человеку, чтобы спокойно встретить старость?

По слухам, именно Ассоциации международного сотрудничества, которую возглавил Олег Лобов, предназначались беспрецедентные льготы. Видимо, информация об этих льготах и вызвала зависть у «конкурирующей фирмы» и, на первый взгляд, ничем не мотивированный на тот момент интерес российской прессы к личности Олега Лобова и его отношениям с «АУМ синрике».

Олег Иванович, помимо Совета безопасности, возглавлял экспертный совет при Президенте РФ. Без

подписи Лобова ни одна копейка не покидала пределов России, в том числе и на восстановление Чечни.

Расследование истории подготовки боевиков «АУМ синрике» на полигоне Таманской и Кантемировской дивизий было последним делом, которым занимался трагически погибший известный московский журналист Дмитрий Холодов.

С Российско-японским университетом связано очень много темных историй. Но отыскать их «концы» сегодня практически невозможно. 26 марта 1995 года здание на Петровке, 14, в котором размещались РЯУ и Ассоциация международного сотрудничества, выгорело изнутри. Особенно пострадали комнаты, где находились документы, связанные с деятельностью «АУМ синрике» и РЯУ.

Но Лобов-сан и в огне не горит, и в воде не тонет. Сразу после отставки ему был предложен пост посла во Франции. Олег Иванович скромно отказался. По слухам, Лобов не теряет надежды придать своей ассоциации статус международного инвестиционного фонда с бюджетным финансированием. А может быть, просто ждет очередного пришествия японского бога.

После недавних публикаций в российской прессе по поводу деятельности «АУМ» в Москве появился известный японский журналист Акиро Като, хотя представился он почему-то политиком и правозащитником. Он интересовался судьбой арестованных в России сектантов. После официального вызова на допрос в генпрокуратуру он скрылся из страны. Встречался ли он с Лобовым, неизвестно.

По сведениям газет «Комсомольская правда» Олег Лобов отказался от японской религии. Олег Лобов в Кабинете министров был «человеком без определен-

ных занятий», своей отрасли не имел. Зато носил негласный титул «аварийного вице-премьера», так как в качестве представителя ездил на места аварий и происшествий.

Самой страшной «катастрофой» для самого Лобова стало предание гласности его связей с Секо Асахарой, лидером секты «АУМ синрике», члены которой в апреле 95-го отравили пассажиров токийского метро. Свою отставку Лобов пережил спокойно и даже отказался от места посла во Франции. Все объясняется просто: вот уже несколько лет он возглавляет Ассоциацию международного сотрудничества — там, видимо, сейчас и кормится.

По некоторым сведениям, Лобов основал также строительную фирму, которая к религиозным сектам отношения не имеет.

ЧЕЛОВЕК КРУПНОГО ДЕЙСТВИЯ

Атаки оппозиции направлены на фигуру Чубайса. Почему? В политике, как в шахматной игре, стараются поразить активно действующую и потому наиболее опасную фигуру. Сам по себе Ельцин уже не обладает тем потенциалом, который имел в начале 90-х годов, но располагая силами и способностями Чубайса, он все еще выигрывает в политических играх. Поэтому атаки оппозиции направлены в первую очередь на Чубайса. Это тот человек, который в отличие от старшего поколения уже не способен на компромисс с прокоммунистическими силами. Оппозиция в своей политической игре стремится окружить президента

своими людьми, которые в случае ухода Ельцина с политической арены не будут серьезно препятствовать реставрации коммунистического режима.

«Русский регент. Анатолий Чубайс — один из самых непопулярных и самых могущественных политиков в Кремле», — считает американский журнал «Тайм».

Чубайс никогда не был и не будет преступником уголовным, но преступить законы Конституции, руководствуясь реформаторской целесообразностью, он может. Он не только может, но и достаточно легко идет на это. Достаточно вспомнить президентские выборы.

События в Москве 19—20 июня 1996 года развивались стремительно.

19 июня на проходной Дома правительства РФ («белого») в Москве около 17 часов дня были задержаны два активиста из избирательного штаба президента Бориса Ельцина: известный в области шоу-бизнеса и рекламы предприниматель Сергей Лисовский и чиновник Аркадий Евстафьев, которые работали в штабе с Анатолием Чубайсом.

По словам помощника Чубайса Аркадия Евстафьева, их задержали люди, которые представились сотрудниками службы безопасности президента, а также группа вооруженных автоматами милиционеров. Куда отвели задержанных, Евстафьев в интервью телекомпании ОРТ не сказал. По словам Евстафьева, его эти люди продержали с 17 до 3-х часов ночи следующего дня, ведя с ним непрерывную и «очень неровную» беседу. При этом-то, кто его спрашивал, подчеркнули: президент-де выборы и так выиграет, но без таких примазавшихся к нему, а благодаря истинным патриотам.

Евстафьев был после беседы отпущен. У него, по некоторым сведениям, разыгрался приступ язвы. Возможно, поэтому он более ничего в том интервью не сказал.

Герои дня — Сергей Лисовский и Аркадий Евстафьев — работают в штабе по избирательной кампании Ельцина с самого начала. Лисовский известен организаторским талантом и солидным весом в мире шоу-бизнеса и рекламы. Он отвечал за кампанию под девизом «Голосуй или проиграешь!». Возглавляет рекламное агентство ОРТ «Премьер-СВ».

Меньше известна народу фигура Аркадия Евстафьева. Он фактически впервые утром 20 июня стал публичной фигурой благодаря телевидению. Когда А. Чубайс руководил Госкомимуществом, Евстафьев был его пресс-секретарем, позже стал заместителем председателя телекомпании ОРТ, а оттуда вместе с Чубайсом пришел работать в избирательный штаб Ельцина.

Валюта в коробке, которую они выносили в 5 дня 19 июня через проходную Дома правительства и которая якобы привлекла внимание милиционеров-охранников, предназначалась для оплаты звезд эстрады, принимавших участие в предвыборных агитационных гастролях.

Информационное агентство ИТАР—ТАСС было оповещено звонком и факсом от людей Чубайса о задержании Лисовского и Евстафьева около 12 ночи. В конце ночного выпуска программы «Сегодня» по НТВ ведущий объявил, что позже последует некое важное сообщение. Первый сигнал телеграммы НТВ и ОРТ быть готовыми к съемкам интервью с Секретарем Совета безопасности РФ А. Лебедем поступил из дома приемов акционерного общества ЛогоВАЗ, где собра-

лись Борис Березовский, банкир Владимир Гусинский и руководитель НТВ Игорь Малащенко. Надо было ехать на Старую площадь. Съёмочные группы были готовы к 3.30 утра. Ждали Лебеда. Он вышел в 4.20 утра. Тут уже присутствовал и стрингер телекомпании CNN, которая, как сказали, тоже была осведомлена.

Лебедь заявил, что это была попытка мятежа, что «любой мятеж будет подавлен, и подавлен предельно жестоко», что «тот, кто хочет свергнуть страну в пучину кровавого хаоса, не заслуживает ни малейшей жалости». Он как бы согласился с журналистами, что у него тоже «что-то висело» — ощущение, что второй тур выборов пытаются сорвать. На вопрос: кто пытается? — фамилий он называть не стал, сказав, что проводит расследование и о результатах доложит президенту Ельцину.

Этот сюжет стал главным во всех утренних телевизионных информационных программах.

По сведениям ИТАР—ТАСС, обратившегося ночью к дежурному по ФСБ, тот ответил, что у них нет никаких сведений об инциденте с задержанием Лисовского и Евстафьева, но что в течение ночи руководство службы предоставляло Александру Лебедю отчеты, содержание которых остается тайным.

Сергей Лисовский тоже был освобожден после долгой «беседы» и никаких интервью журналистам не стал давать.

Об инциденте был вечером проинформирован премьер-министр Виктор Черномырдин, который был уже дома. Полный доклад о случившемся лег ему на стол к утру.

А в «Президент-отеле», где расположился предвыборный штаб Бориса Ельцина, утром 20 июня ца-

рило внешнее спокойствие. Пропускной контроль усилен не был, вокруг, да и внутри здания не было заметно каких-либо признаков чрезвычайной ситуации. Однако сотрудники ОДОПП, плохо скрывая нервозность, порой прерывали работу для обсуждения случившегося. «Вчера вечером я после ужина видела здесь Чубайса, белого как мел», — сказала одна из сотрудниц. «В штаб сегодня утром заезжал Лебедь, не знаю только, с кем встречался», — сообщил другой. «Похоже, что с Виктором Илюшиным», — сказал третий. Все это говорилось полупшепотом. Иные штабисты выглядели подавленными. Один из них поделился с репортером «Известий», что на этаже отеля, где располагаются люди из службы безопасности президента, весть о задержании Евстафьева и Лисовского воспринята как добрый знак: мол, «Чубайса надо бы поприжать». Этот человек выразил мнение, что и недавний теракт в метро, и эти события — звенья одной цепи. «Цель — срыв выборов, и занимаются этим одни и те же. Ельцину придется принимать кардинальные решения».

На 10.30 утра 20 июня было назначено проведение пресс-конференции в международном пресс-центре гостиницы «Рэдиссон-Славянская» на тему «Попытка срыва предвыборной кампании Бориса Ельцина» с участием Анатолия Чубайса, Аркадия Евстафьева и Игоря Малашенко, однако ее перенесли на более поздний срок после сообщения о том, что в полдень Борис Ельцин назначил встречу с Анатолием Чубайсом (которая и состоялась). Чубайс встретился в пресс-центре с журналистами в 13.30. До этого он дал свою оценку случившемуся в интервью радио «Свобода», которое широко прошло и по радио «Россия» еще до его встречи с президентом.

Чубайс подчеркнул, что организаторы этой акции — ими он напрямую назвал директора ФСБ М. Барсукова и руководителя службы безопасности президента А. Коржакова — пытаются дать этой истории задний ход, лишить ее политического смысла с помощью версии о валюте, которую выносили с собой в коробке, не имея разрешительных документов, Лисовский и Евстафьев, чем и привлекли внимание милиционеров, охраняющих Белый дом (именно так через канал ИТАР—ТАСС заявил М. Барсуков, назвав «попытку придать инциденту политическую окраску абсолютной провокацией».

В том же духе откомментировал инцидент у Дома правительства и главный «чекист» Москвы и Московской области генерал-полковник Анатолий Трофимов. Никакого, дескать, компромата от Лисовского и Евстафьева не требовали, а беседа с ними шла за чаем и кофе. Трофимова привели в раздражение слова некоторых журналистов, что это было задержание. Юридические знания генерала обязали его поправить репортеров: такие слова, сказал он, можно употреблять, когда заведено уголовное дело, а его нет, была не более чем беседа с охраной Белого дома.

Александр Коржаков же сообщил журналистам, что «Александра Лебеда пытались втянуть в этот инцидент».

Разрешение на вынос валюты нашлось, но проверка его потребовала определенного продолжительного времени, позже скажет Виктор Черномырдин. Когда проверили и убедились, что все нормально, задержанных отпустили. Инцидент можно считать исчерпанным, добавил премьер-министр.

Руководитель Общероссийского движения общественной поддержки Бориса Ельцина (ОДОПП) Сергей

Филатов утром 20 июня назвал задержание двух активистов избирательного штаба «безобразием» и сказал, что Барсуков с Коржаковым «позволяют себе недопустимое для их должностей постоянное вмешательство в избирательную кампанию Бориса Ельцина»... они постоянно вмешиваются в деятельность избирательного совета, хотя президент еще в мае посоветовал Коржакову не лезть в политику». По мнению Филатова, оба генерала-безопасника испугались «усиления влияния Александра Лебеда» после назначения его Секретарем Совета безопасности, они, добавил, Филатов, «хотят задвинуть Бориса Ельцина подальше».

На состоявшемся в 10 утра 20 июня заседании СБ РФ президент представил членам Александра Лебеда официально. Шел ли на этом заседании разговор об инциденте с Лисовским и Евстафьевым, журналистам не сказали.

Теперь все уже знают, какой шаг сделал Ельцин после заседания СБ и встречи с Чубайсом. Нам в 12.45 дня стало известно, что президент снял с должностей обоих генералов-безопасников и первого вице-преьера правительства Олега Сосковца. «Они слишком много брали и слишком мало отдавали», — дал мотивировку своего поступка президент.

А потом состоялась пресс-конференция Анатолия Чубайса. «Попытка ареста двух ключевых членов избирательного штаба Ельцина — Аркадия Евстафьева и Сергея Лисовского — это завершающая стадия длительной и тяжелой борьбы между той частью администрации Ельцина, что работала над победой на демократических выборах, и той частью, что предлагала силовой вариант смены власти», — заявил на ней руководитель аналитической группы избирательного штаба Бориса Ельцина Анатолий Чубайс. В

качестве тех людей, которые делали ставку на силовое решение, Чубайс назвал Олега Сосковца, Александра Коржакова и Михаила Барсукова. Попытку руководителей силовых ведомств сорвать второй тур выборов Чубайс назвал безумной провокацией. Только назначение Лебеда помощником по национальной безопасности и секретарем Совета безопасности окончательно сорвало планы этих людей. Чубайс отметил исключительную роль генерала Лебеда в разрешении конфликта, возникшего после задержания Евстафьева и Лисовского. Новый союз Ельцина и Лебеда доказал, что в рамках этого союза российские власти способны решать любые возникшие перед ними проблемы. «Назначение Лебеда — это последний гвоздь в крышку гроба российского коммунизма, — заявил Анатолий Чубайс. — А увольнение Сосковца, Барсукова и Коржакова — это последний гвоздь в крышку гроба иллюзии военного переворота в российском государстве».

Отвечая на вопросы журналистов о коробке с деньгами, которую якобы нашли у Аркадия Евстафьева, Чубайс заявил, что это типичная кагэбэшная провокация. Анатолий Чубайс проследил связь между нынешними событиями и недавним покушением на бывшего председателя Национального фонда спорта Бориса Федорова. Он заметил, что допрос Евстафьева вели омерзительно грязными методами люди, которыми руководит г-н Стрелецкий, заменивший Бориса Федорова на посту председателя НФС.

На Анатолия Чубайса существует масса компромата, но вряд ли можно найти серьезного политика, за которым компромата не числится.

Так, Чубайс не отрицает, что заработал много денег, но уверен в том, что закона не нарушал.

Но те, кто придерживался другой точки зрения, распространил в Думе проект постановления нижней палаты, подготовленный депутатами из Комитета безопасности, с длинным названием: об обращении Государственной думы «К президенту Российской Федерации о руководителе администрации президента Чубайсе А. Б. в связи с обнародованием сведений о нарушении им законодательства Российской Федерации».

В проектах обращения Думы и соответствующего постановления, речь идет, естественно, о Чубайсе, вернее, о подозрении, возникшем у депутатов относительно доходов высокопоставленного госслужащего. Депутаты ссылаются на газетную публикацию, в которой говорится о том, что Чубайс в прошлом году получил 278 тысяч долларов. Причем последний перевод на счет «Мост-банка» поступил 5 августа прошлого года, когда Чубайс уже занимал пост главы президентской администрации.

Корреспондент «Известий» М. Бегрер встретился с Анатолием Чубайсом.

Анатолий Чубайс так оценивал предъявленные ему обвинения:

— Предполагая масштаб атаки и нетерпение оппонентов, я решил подать декларацию в первые же дни года, что я и сделал 6 января. Хотя, по закону, я мог подать декларацию до 31 марта, а заплатить налоги и того позже. Кроме того, нетрудно было предположить, что за моими счетами будут охотиться. Более того, что-то даже удалось выкрасть, и со мной пытались связаться по этому поводу некие «доброхоты»...

— Но речь идет не просто о доходах, а о более чем впечатляющих суммах.

— Еще в октябре прошлого года на пресс-конференции я говорил, что у меня есть счет в российском банке, что долларовым миллионером я не стал, но заработал крупную сумму.

— А можно крупную сумму определить арифметически?

— Можно. 1 714 729 623 рубля.

— То есть больше, чем 1,7 миллиарда рублей. Очень впечатляет.

— Согласен, но, думаю, заработал бы больше, если бы не пришел на свою нынешнюю должность.

— И где зарабатывают такие большие деньги?

— С января по середину июля прошлого года я на государственной службе не находился, и если вспомнить все обстоятельства того времени, то вряд ли кто-то мог предположить, что я каким-то образом снова стану чиновником. Так что намеки на то, что какой-то гонорар мог быть якобы подкупом, просто несерьезны.

Напомню также, что я в тот период создал Фонд защиты частной собственности, где я и мои коллеги получали зарплаты и премии. Кроме того, ко мне часто обращались российские и зарубежные организации с предложениями об участии в платных конференциях, консультациях. В силу загруженности я не мог принимать все эти предложения, но предложения наиболее солидных организаций (таких, например, как Гарвардский университет) принимал.

— Вы не назвали еще один источник — гонорар за участие в предвыборной кампании президента Ельцина.

— Ни один из моих многочисленных рублей никакого отношения к избирательной кампании не имеет.

— Хорошо, с источниками доходов и декларацией

вроде бы разобрались. Но вы должны были подать декларацию о своих доходах еще и при поступлении на государственную службу, чего, вероятно, не сделали.

— Декларацию о доходах за 1995 год я сдал в управление кадров администрации президента. Какой-то иной, дополнительной формы отчетности о доходах на день поступления на госслужбу действующее законодательство не предусматривает.

— И все-таки Закон о государственной службе вы, вероятно, нарушили. Последние поступления на ваш счет датированы 5 августа, когда вы уже сидели в Кремле.

— Должен разочаровать тех, кто надеется, что это именно так. Дело в том, что деньги за работу в июле — до 15 числа я получил, как это и принято, в начале следующего месяца.

— А почему вы выбрали именно «Мост-банк»?

— У меня счета в двух российских банках, и с поступлений на оба счета я плачу налоги. Просто счет из второго банка еще, видимо, не украли, и я не буду его называть.

— По Думе, кроме официальных документов по вашему поводу, гуляют распечатки о расходах с ваших счетов, которые вы производили по пластиковой карточке в Лондоне, Риме и других западных городах. Что вы можете сказать по этому поводу?

— А что тут говорить? У меня есть деньги на счете в российском банке, и я их трачу. Я, правда, не сверял то, что ходит по Думе, со своими расходами, но, честно говоря, не вижу, в чем тут вопрос.

— В проекте постановления Думы говорится, что вы заставили снять материал о ваших доходах и расходах из еженедельника «Совершенно секретно». Звонили в редакцию вы или от вас?

— Кто знает, как работает сегодня пресса, понимает, что большей, извините, дури, большего подарка оппонентам, чем звонок из администрации с попыткой вмешаться или повлиять, придумать трудно. Конечно, не звонил.

«К тому, что на бескрайних просторах России легко «теряются» миллионы и миллиарды долларов, все давно привыкли, — пишет С. Заворотный. — Но на этот раз финансового отчета потребовали американцы. Результат: нет денег и нет отчета».

Должок числится за Анатолием Чубайсом. Небольшой: каких-то 116,6 миллиона долларов. При содействии американцев эти средства были переведены на счета общественно-государственного фонда «Российский центр приватизации» (РЦП) и предназначались для оказания технической помощи в ходе приватизации в России. А руководили фондом в те времена Анатолий Чубайс и его зам. Максим Бойко — исполнительный директор РЦП.

Первыми по поводу не ясно на что и как истраченных миллионов забили тревогу парламентарии еще в ноябре 1994 года; депутаты Госдумы поручили Комитету по приватизации подготовить информацию о расходовании средств, предоставленных США. Подготовил — Максим Бойко. Предоставленный им документ не тянул даже на название фигового листа: в отписке признавался лишь тот факт, что РЦП действительно получил из-за рубежа с 1991 по 1994 год 116,6 миллиона долларов. Сообщалось и сколько израсходовано — 79,8 миллиона долларов. Вот и все.

На что же ушли деньги, под какие конкретно программы, до сих пор остается загадкой: ни Госдума, ни ее Комитет по приватизации так и не получили вразумительного ответа. А ведь на дворе уже 97-й год...

Выяснить судьбу запропавшихся миллионов не удалось и бывшему председателю Госкомимущества России Владимиру Полеванову. Все его просьбы предоставить отчетные документы упорно игнорировались исполнительным директором РЦП, которого тут же взял под защиту сам Анатолий Борисович: в грубой форме он потребовал от Полеванова «не совать нос в чужие дела».

Руководителя ГКИ особенно поразил тот факт, что все сотрудники РЦП, а среди них было 35 иностранцев, в основном американцев, имели пропуска не только в здание ГКИ, но и свободный доступ в компьютерную систему. А ведь там хранились конфиденциальные сведения о состоянии российской промышленности, условиях инвестиционных конкурсов. Какая истерика поднялась бы в американском конгрессе, если бы местные законодатели узнали, что 35 граждан России свободно разгуливают, скажем, по зданию министерств финансов или торговли, бесцеремонно влезают в компьютерную систему. В России же все это сошло с рук. Кстати, среди «советников» ФСК был выявлен кадровый сотрудник ЦРУ Джон Хей. У тогдашнего же председателя ГКИ Полеванова о деятельности РЦП сложилось иное мнение: по его убеждению, сотрудники фонда фактически занимались сбором экономической информации о положении дел в российской промышленности. Сведения эти уплывали в руки американских финансово-промышленных корпораций. Когда же у иностранцев из РЦП были все-таки изъяты пропуска в здание, Анатолий Чубайс был жутко разгневан. Дни Полеванова во главе ГКИ были сочтены: не только Чубайс, но и американцы через посла России в США настаивали на его немедленной отставке. Ре-

зультата долго ждать не пришлось. Ну а 116 миллионов долларов так и зависли на бескрайних российских просторах. Не дождавшись отчетности от своих коллег из Счетной палаты России, в дело вмешалось Генеральное счетное управление США. В подготовленном им недавно докладе констатируется, что РЦП, распоряжавшийся кредитами Всемирного банка и технической помощью приватизационным проектам, не предоставил ни одного отчета о расходовании средств. Не был с 1992 года представлен и план работы с соответствующим финансовым обеспечением.

Так где же деньги? Старомодный, наивный вопрос.

Вот цитата из слушаний в конгрессе США — там прозвучало интересное признание: «Из 110 миллиардов долларов, которые получила Россия от западных стран и финансовых институтов за последние семь лет, около 40% вернулись обратно на Запад — в виде бесчисленного множества банковских счетов, которые держит под контролем новый криминальный русский класс...»

Материал «Кредитуй или проиграешь» (Известия. 1 июля 1997 г.) С. Крутакова и И. Кадулина так же посвящен Чубайсу.

«В начале 1997 года в российских политических кругах разгорелся скандал вокруг баснословных доходов Анатолия Чубайса. По редакциям газет стали «гулять» документы, свидетельствующие о том, что всего за четыре месяца прошлого года Анатолий Борисович заработал около полутора миллиардов рублей. Комментируя свои доходы, глава президентской администрации был, как всегда, искренен с прессой. Он сообщил о том, что деньги получил за чтение лекций, и поспешил уплатить налоги в сумме 517,2 млн. рублей. Скандал сам собой затих.

Вскоре, однако, выяснилось, что деньги были заработаны не в аудитории, а спекуляциями на рынке ценных бумаг. Но очередного скандала не получилось. Уголовное дело о задержании активистов предвыборного штаба Б. Ельцина с коробкой из-под ксерокса, набитой долларами, тихо сходило на нет. Именно в ходе этого дела и всплыли счета Чубайса. Поэтому, когда 7 апреля «дело о коробке с долларами» было прекращено Генпрокуратурой, вопросы о заработках Чубайса прекратились.

Единственным результатом так и не вспыхнувшего скандала стала отставка не в меру ретивого начальника Управления ФСБ по Москве и Московской области Александра Трофимова (оперативный «псевдоним» генерала — Рыжий). Люди Рыжего вели оперативное обеспечение «дела о коробке», за что и заплатился их начальник. Тем не менее мы посчитали, что вопрос о законности доходов одного из первых лиц государства выходит за рамки уголовного законодательства. В цивилизованной стране доходы чиновника любого уровня должны быть прозрачны для общества. Поэтому мы провели собственное расследование этой истории.

В документах о доходах Чубайса, любезно разосланных «доброжелателями» Анатолия Борисовича по редакциям центральных газет, фигурировало четыре известных банка. Но на всех платежных поручениях стояла печать таинственного ЗАО «Монтес Аури». Инкогнито «Монтес Аури» вскоре раскрыл его руководитель Александр Резников. 4 марта 1997 г. в интервью газете «Коммерсантъ-DAILY» он рассказал, что Чубайс действительно был его клиентом. В то время Анатолий Борисович возглавлял Центр защиты частной собственности.

Центр доверил «Монтес Аури» свои деньги для игры на рынке ГКО с условием, чтобы доходы от нее переводились на личные счета сотрудников центра в «Мостбанке». А нынешний руководитель центра Аркадий Евстафьев в том же интервью пояснил, что деньги для игры на рынке государственных ценных бумаг они получили в качестве кредита в одном из банков. Название банка, сумму и условия кредита Евстафьев не назвал. А именно эти сведения и показались нам наиболее любопытными.

Специалисты кредитного управления банка «Российский кредит», к которым мы обратились за консультацией, объяснили нам, что ни один банк не даст крупный кредит, а тем более на длительный срок, не получив от заемщика надежного обеспечения в виде недвижимости, ценных бумаг, гарантии государства и т. п. Иными словами, получить долгосрочный кредит без серьезного обеспечения невозможно.

В итоге выяснилось, что 29 февраля 1996 года Столичный банк сбережений в лице его главы Смоленского А. П. и возглавляемый Чубайсом А. Б. Центр защиты частной собственности (обозначенный как фонд «Гражданское согласие») заключили кредитный договор № 739-К. Сумма кредита — 14 млрд. 454 млн. рублей. Срок возврата кредита — 2001 год. Цель кредита — «развитие гражданского общества». В графе «обеспечение» — прочерк. Деньги перечислялись из СБС тремя переводами: 1, 15 и 30 марта. Проценты по кредиту — «без процентов».

Однако получение кредита стало лишь первым этапом «развития гражданского общества». Поскольку, по российскому законодательству, фонд не имел права передавать деньги напрямую «Монтес Аури» для игры на рынке ГКО, была осуществлена нехит-

рая комбинация. Деньги в обмен на векселя перечисляются фирме «Тэфко». А векселя в тот же день, по договору доверительного управления от 25.03.96 за № 006/ДУ, передаются в «Монтес Аури». Стоит ли говорить о том, что «Тэфко» — это дочерняя структура «Монтес Аури», а в число учредителей последней входил заместитель Чубайса Аркадий Евстафьев.

И еще один нюанс. Наибольшая доходность по операциям с ГКО (до 1000 процентов годовых) пришлось на период предвыборной президентской кампании. Колебания котировок во многом зависели от информации из предвыборного штаба Ельцина. Остается напомнить, что штаб этот возглавлял не кто иной, как А. Б. Чубайс, чьи личные доходы в то время напрямую были связаны с рынком ГКО. Кстати, руководство «Монтес Аури» и не скрывает, что в то время они были самыми удачливыми спекулянтами на рынке государственных ценных бумаг.

В результате всего этого на личные счета Чубайса, его пресс-секретаря Андрея Трапезникова и Евстафьева на вполне законных основаниях поступали сотни миллионов рублей, что и подтвердил заместитель начальника следственного управления Генпрокуратуры РФ Георгий Чуглазов в интервью журналу «Огонек», появившемся сразу же после прекращения «дела о коробке с долларами». Кстати, в постановлении о прекращении уголовного дела Чуглазов написал, что всевозможные «фонды», — это не что иное, как специально созданные «кормушки», «черные дыры» российского бюджета, которые нужно позакрывать.

Наша собственная попытка получить беспроцентный кредит для развития гражданского общества в Центральном отделении СБС на Большой Полянке

вызвала у сотрудников банка истерический хохот, покидая офис банка, мы вдруг осознали ту пропасть, которая лежит между рядовыми членами гражданского общества и его лидером.

Анатолий Чубайс — один из тех людей, от предложения о сотрудничестве с которыми вряд ли откажется здравомыслящий российский банкир. Влияние Чубайса никогда не ограничивалось кремлевскими стенами, его имя, по сути, является пропуском в международные финансовые организации. К примеру, Российский центр приватизации, который курировал Анатолий Борисович, получил от международных финансовых кругов, по данным вашингтонского журнала «Демократизация», более ста миллионов долларов только на организационные мероприятия.

Но кредит, по определению, не бывает беспроцентным. «Кредит — движение ссудного капитала, то есть временно свободных денежных средств, предоставляемых капиталистами на время друг другу за определенное вознаграждение (в форме процента)...» («Словарь иностранных слов», Москва, «Русский язык», 1980 г., стр. 265). Не случайно все наши попытки получить комментарии западных банкиров по поводу этой сделки вызывали недоумение или же смех, как и у их российских коллег из СБС.

Смех прекращался на той самой минуте, когда мы говорили, что беспроцентный кредит выдал Столичный банк сбережений, а его фактический получатель — нынешний министр финансов России Анатолий Чубайс.

Например, сотрудник Ассоциации германских банков д-р Хюфнер, с которым мы беседовали, признался, что впервые в жизни слышит о беспроцентных кредитах, хотя, если банк не дорожит своей репутацией, он волен делать с деньгами все что угодно.

Банкир Александр Смоленский своей репутацией, бесспорно, дорожит. СБС участвует в трех программах Европейского банка реконструкции и развития и в двух — Всемирного банка реконструкции и развития.

Западные банкиры тоже дорожат своей репутацией, поэтому когда мы встретились с представителем ЕБРР в России г-ном Лу Наумовски, тот заверил нас, что банк очень тщательно отбирает своих российских партнеров. ЕБРР следит не только за судьбой денег, которые он доверяет российскому партнеру, но и за имиджем самого банка. Посчитав объяснения г-на Наумовски недостаточно убедительными, мы связались с лондонской штаб-квартирой ЕБРР.

Сначала наши вопросы вызвали недоумение, затем тревогу и вполне понятный страх оказаться замешанными в неприглядной истории. После долгих согласований в руководстве ЕБРР директор банка по связям с общественностью Барбара Энн Клэй прислала в ответ на наш запрос жесткое и недвусмысленное официальное заявление:

«ЕБРР предоставил кредитную линию Столичному банку сбережений для финансирования деятельности малых и средних предприятий. Условия займа исключают передачу полученных средств третьим лицам для участия в спекулятивных операциях. Столичный банк заверил нас, что средства ни одного из займов ЕБРР не были использованы в подобных операциях.

Мы настаиваем на высоких стандартах поведения всех своих клиентов и соблюдении «добропорядочных банковских принципов», исключаящих беспроцентное кредитование».

В Вашингтоне, во Всемирном банке реконструк-

ции и развития, были осторожнее. В своем письме представитель банка Барбара Кросби сообщила, что им неизвестно об использовании выделенных Столичному банку сбережений средств на рынке ценных бумаг в спекулятивных целях. В случае, если подобный факт будет установлен, российский банк автоматически будет исключен из списка банков-контрагентов ЕБРР.

В мировой практике случаи беспроцентных кредитов встречаются крайне редко и заканчиваются, как правило, крупными скандалами, а иногда и скамьей подсудимых.

В середине восьмидесятых в Соединенных Штатах начался финансово-политический скандал вокруг банковской группы Би-Си-Си-Ай, созданной предприимчивым саудовским финансистом Агхой Хасаном Абеди. Абеди задался целью легализовать свои капиталы в американской банковской сфере, которая тщательно охраняется национальным законодательством от иностранного вмешательства. Для реализации своих планов арабский финансист нашел самый короткий путь к сердцу американских законодателей — деньги. В списке подкупленных банкиром «доброжелателей» 108 членов палаты представителей конгресса США (всего их 435) и 28 сенаторов (из 100).

Главным лоббистом интересов Абеди стал экс-президент США Джимми Картер. Картер помогал банкиру устанавливать доверительные деловые отношения с лидерами развивающихся стран, за что благодарный банкир поддерживал льготными кредитами семейный бизнес Картеров — арахисовые фермы и складские терминалы.

Картер знакомил Абеди с разными «нужными людьми». Одним из них стал бывший представитель

США при ООН Эндрю Янг. В обмен на знакомства с лидерами третьего мира занимавший в то время кресло мэра Атланты (штат Джорджия) Янг ежегодно стал получать от Би-Си-Си-Ай по пятьдесят тысяч долларов, которые оформлялись как кредиты принадлежащей ему небольшой торговой фирме, а потом списывались.

Скандал с Би-Си-Си-Ай до сих пор продолжается в США. В России подобные скандалы гасятся на корню. И даже Генпрокуратура не находит в них ни состава, ни события преступления.

Между прочим, в Америке существует независимый аудит, считающий своим долгом информировать общественность о нарушениях традиционной банковской практики. С недавних пор международный независимый аудит появился и в России. В частности, историю о Би-Си-Си-Ай нам рассказали в представительстве крупнейшей аудиторской компании «Артур Андерсен». Здесь нам объяснили, что беспроцентный кредит рассматривается международной юридической практикой однозначно. Как взятка. Кстати, добрый Би-Си-Си-Ай сейчас практически обанкротился, все операции по его счетам приостановлены.

Есть прецеденты и в российской юридической практике. 27 сентября 1994 года при получении беспроцентного кредита на сумму в 100 тысяч долларов непосредственно в помещении Инкомбанка был арестован директор АО «Московский конный завод № 1» В. А. Иванов. Иванову инкриминируется получение взятки. Интересно, чем, с точки зрения действующего законодательства, коневодство отличается от строительства гражданского общества.

Даже не подозревая, что речь идет об их клиенте, эксперты «Артур Андерсен» посоветовали нам выяс-

нить возможности получателя беспроцентного кредита оказать встречную услугу кредитору. В возможностях нынешнего министра финансов сомневаться не приходится.

22 ноября Столичный банк сбережений победил в конкурсе на право приобретения крупнейшего банка России — Агропромбанка РФ. Задолго до этого шли острые дискуссии о том, как спасти Агропромбанк: национализировать или передать в частные руки. Обстоятельства сложились так, что глава Агропромбанка Юрий Трушин и глава СБС Александр Смоленский опоздали на собрание акционеров Агропромбанка, где должна была окончательно решиться его судьба. Они задержались в кабинете одного из единомышленников Анатолия Чубайса, где также присутствовали председатель конкурсной комиссии Виктор Хлыстун и вице-премьер Александр Заверюха. После этой встречи вопрос о покупке контрольного пакета акций Агропромбанка Столичным банком сбережений был решен положительно буквально в течение нескольких минут.

Сколько бы ни сокрушался сегодня Александр Смоленский о тяжести долгов Агропромбанка, доставшихся СБС, вместе с главным Сельхозбанком он приобрел миллион семьсот тысяч новых вкладчиков и тысячу двести отделений, покрывающих всю страну, а также 11,8 триллиона рублей бюджетного финансирования. Естественно, беспроцентного. Как справедливо отмечал Смоленский в одном из своих интервью, ни на альтруиста, ни на дурака он не похож.

Помимо всего прочего, СБС-Агро рассчитывает на кредиты МБРР и ЕБРР на общую сумму в один миллиард долларов, якобы обещанные для оздоровления Агропромбанка. При этом Александр Смоленский ут-

верждает, что готов осваивать до трехсот миллионов долларов в год. То, что Смоленский способен осваивать по 300 млн. долларов в год, сомнений не вызывает. Вопрос в том, как он это будет делать.

В одном из своих интервью Александр Павлович заявил, что в России надо взвести американскую систему кредитования агропромышленного комплекса, где каждый доллар находится под неусыпным контролем кредитных офицеров. «Это будет честнее, чем сулить крестьянам золотые горы («Монтес Аури» в переводе с латыни означает «золотые горы»), давать копейки и потом отчета не спрашивать». Охотно верим прогнозу Александра Смоленского, что через несколько лет «СБС-Агро» войдет в число ста крупнейших банков мира. Прогноз правдоподобный, поскольку банкиру немало задолжал не кто-нибудь, а самолично министр финансов».

Но чтобы там не говорили, Чубайс остается тем, кем был — человеком крупного действия, символом определенной политики и идеологии.

ЕСЛИ НЕМЦОВ НЕ ДОПУСТИТ ОШИБОК...

Что касается Немцова-политика, то его, вероятно, не остановит Конституция, и он легко переступит закон, если это нужно будет для достижения великих целей переустройства России. Это не вина самого Немцова, это просто российская революционная традиция. Закон и Конституция никогда не являлись серьезным препятствием на пути российского Левиа-

фана и его слуг. Левиафан — образ государственной власти, которая по сути своей чудовищна. Левиафан в библейской мифологии — огромное морское чудовище, в переносном смысле — нечто огромное и страшное.

Обратимся к справочнику «Кто есть кто в России и в ближнем зарубежье».

Немцов Борис Ефимович, государственный деятель России, родился в 1959 году в городе Сочи. Женат, имеет дочь Жанну. Образование: радиофизический факультет Горьковского государственного университета, кандидат технических наук. С 1991 года — представитель Президента Российской Федерации в Нижегородской области (губернатор). Сторонник частной собственности, рыночных реформ.

Увлечения: теннис, виндсерфинг, рыбалка.

Кроме анкетных данных, у каждого человека есть прошлое, в котором имеют место и благовидные и неблаговидные поступки. Карл Маркс говорил, что все человечество обременено кошмарами прошлого. Очевидно, есть такое прошлое и у Бориса Немцова. Об этом прошлом периодически любят напоминать ему (Жириновский о карточном шулерстве и прочее).

Именно прошлому, от которого, напомним, никто не свободен, посвящена статья в С. Плужникова, Д. Усова «Нас двое таких осталось» (Совершенно секретно. 1997. № 5).

В последнее время и на политической сцене, и на экономической блистает бывший нижегородский губернатор, а ныне первый вице-премьер Борис Немцов. Его прочат в премьеры и даже называют «президентом-2000». Борис Ельцин, встречаясь с тезкой в Кремле, уверенно заявил: «У нас с вами одно кре-

до — взятки не брать. Ни Немцов ни копейки не взял, ни я... Нас двое таких осталось. И прессе не за что зацепиться...» Однако переезд Немцова в Белый дом совпал с громким судебным процессом о «навашинских миллионах».

Трех братьев Климентьевых в городе знали все. Сыновья председателя областной «Сельхозтехники», ярчайшие представители горьковской «золотой молодежи» конца семидесятых. Младший — Володя, самый тихий из них. Средний брат, Сергей, чемпион Европы по плаванию, плейбой и король дискотек. И старший — Андрей, классический персонаж Островского со всем стандартным набором купеческих замашек. Он был фантастическим игроком, за ночь иной раз «снял» в карты по 6—8 тысяч (при средней зарплате того времени в 120 рублей). Поговаривают, что ему однажды удалось «обуть» чуть ли не на сто тысяч самого Игоря Кио, опрометчиво севшего за карточный стол во время гастролей в Горьком.

1982 год стал для семьи Климентьевых черным. Трагически погиб отец (его «уазик» перевернулся и рухнул в реку). И братья тут же попали в жернова кампании по борьбе за идейную чистоту передового отряда советской молодежи. Все трое пошли по делу «о распространении порнографии» (при обыске у них была обнаружена видеокассета с фильмом «Эммануэль»). Младшим дали по три года, а Андрею все восемь. Лишние пять лет он отхватил «за попытку мошенничества в крупных размерах»: у него еще изъяли некое шулерское приспособление — обыкновенные на вид очки с хитроумной оптикой, позволяющей видеть карты соперника. У следствия не было никаких доказательств, что Климентьев очками

пользовался, но пять лет для профилактики закалили.

Вообще-то, придумать такое замечательное приспособление мог только человек с неплохим знанием физики, коим Андрей явно не обладал. Поэтому следователи некоторое время косились на приятелей Климентьева с радиофизического факультета Горьковского университета, среди которых самым способным и заводным был Борис Немцов, тоже знавший толк в хорошей игре. Но Андрей не стал ни на кого переводить стрелки.

Пока братья отбывали срок, а потом осваивались в постперестроечном бизнесе, их приятель Борис успел защитить кандидатскую и стать заметным человеком в местном экологическом движении, а затем и в большой московской политике. И у братьев со временем жизнь потекла легко и весело, как раньше. Каждый своим путем даже взошел на городской Олимп.

Весь Нижний помнит телетрансляцию теннисного матча между губернатором Немцовым и предпринимателем-судозаводчиком Андреем Климентьевым. Играли на миллион рублей. Для начала 90-х сумма колоссальная. Андрей проиграл и вручил деньги губернатору прямо на корте. Зрители были в шоке.

Губернатор и удачливый нижегородский купец гуляли друг у друга на свадьбах. Дружили семьями.

Во всех политических рейтингах области Климентьев всегда занимал вторую строчку после Немцова. Организовал даже свое политическое движение «Правый берег». Ему принадлежали лучшие в городе магазин «Европа» и казино «Рокко», куда, кстати, любил приводить по вечерам своих иностранных гостей губернатор Борис Немцов.

Из показаний Б. Немцова следователю прокуратуры:

«...С Андреем Климентьевым я познакомился еще в 1980 году в одной студенческой компании... После его освобождения мы встретились в то время, когда я был уже депутатом Верховного Совета РФ. Мое отношение было к нему как ко всем людям, которых я знал еще в студенческие годы. Мы общались на «ты». Мне было известно, что Климентьев стал заниматься предпринимательством. Когда я уже стал губернатором области, то создал при администрации несколько совещательных органов... Членом одного из таких совещательных органов, Совета предпринимателей, и стал Климентьев».

Испытание тюрьмой дружба Немцова и Климентьева выдержала, а вот деньгами и властью...

В 1996 году по делу о «навашинских миллионах» на скамье подсудимых очутились предприниматель Климентьев и директор судостроительного завода «Ока» Кисляков. Помните, сразу после назначения на пост первого вице-премьера Борис Немцов рванул в Нижний? Он торопился на судебное заседание — давать показания в качестве свидетеля. Свидетеля обвинения.

Хроника событий.

Январь 1994 года. Навашинский судостроительный завод «Ока» заключает с Минфином РФ кредитный договор о получении бюджетной ссуды в 30 миллионов долларов под 15 процентов годовых на строительство современных судов.

Тогда же губернатор Борис Немцов (проходящий по делу как свидетель) и директор завода Александр Кисляков (просидевший под следствием полгода) заключили соглашение о том, что «завод мо-

жет по разрешению администрации использовать до 18 миллионов долларов... Оставшаяся от 30 миллионов долларов сумма может быть использована по разрешению администрации заводом после завершения приватизации и полного распределения пакета акций завода...» Любой хозяйственник знает, что понятие «после полного распределения пакета акций» растяжимо, как сама вечность. Не потому ли «оставшаяся сумма» — 12 миллионов — зависла в Москве, в Минфине? А затем 2 миллиона долларов стали крутиться «на депозите» в банке одного хорошего знакомого Немцова?

Февраль 1994 года. «Ока» открыла валютный счет в нижегородском НБД-банке, который возглавлял тот самый хороший знакомый губернатора — Борис Бревнов.

Кисляков сейчас утверждает, что открытие этого счета было навязано Немцовым. Завод давно имел валютный счет в Промстройбанке и не нуждался в услугах мелкого провинциального банка.

Март 1994 года. Минфин РФ перечислил в НБД-банк 15 миллионов долларов, хотя в заявке Немцова и Кислякова запрашивались все 30. Выходит, и нижегородский банк собирался как-то «прокручивать» минимум 12 миллионов долларов, поскольку приватизация — дело долгое?

Разумеется, друг Немцова Климентьев тоже не прост. В июле 1994-го он зарегистрировал в Норвегии фирму «Рашн шиппинг», в которой ему принадлежали 100 процентов капитала.

Август 1994 года. «Ока» заключает с «Рашн шиппинг» контракт 002/94 на поставку шести комплектов судового оборудования, обязавшись проплатить 13,7 миллиона долларов до конца года. В Норве-

гию успели отправить только половину этой суммы. Климентьев заключает около 30 контрактов с различными фирмами (в том числе с таким солидным концерном, как «Крупп») на поставки оборудования для строительства судов и успевает оплатить стоимость двадцати контрактов.

Вместе с тем завод зачем-то разместил 2 миллиона долларов в НБД-банке на депозитном вкладе без права на досрочный возврат денег. Все участники сделки (и свидетель обвинения Борис Немцов) не могли не знать, что это противоречило законодательству.

Зима 1995 года. Климентьев неожиданно для Немцова и банкира Бревнова скупает контрольный пакет акций «Оки» и становится полноправным хозяином завода.

Директор Кисляков спохватывается и просит главу НБД-банка отдать 2 миллиона долларов досрочно — чтобы оплатить стоимость заказанного судового оборудования. Получает отказ. Климентьев обращается с тем же к Немцову. Отказ. Тогда рассерженный судозаводчик едет в Москву к руководителю валютного департамента Минфина РФ В. Волкову и жалуется на банкира Бревнова и непонятную позицию губернатора. Что было равносильно объявлению войны.

Июнь 1995 года. Областная прокуратура, исполняя просьбу Немцова, возбуждает уголовное дело по факту перевода заводом «Ока» валютных средств в Норвегию, что приводит в конечном итоге к срыву контрактов. Западные партнеры требуют выплаты неустоек. 70-летнего старика Кислякова обвиняют в получении взятки в 30 тысяч долларов и берут под стражу. Климентьев пускается в бега.

Октябрь 1995 года. Климентьева арестовывают на квартире друга в Ташкенте.

Весна 1996 года. Начало судебного процесса по делу о «навашинских миллионах». «Ока» признается банкротом. Администрация области восстанавливает контроль над судостроительным заводом.

Каковы же истинные цели участников этого судостроительного проекта? Хотели как лучше? Не забывали о себе? Добросовестно заблуждались?

Первый вице-премьер Борис Немцов дал показания в суде. Его бывший приятель Климентьев тайно, на всякий случай, надиктовал в тюремной камере аудиокассету и переправил ее «на волю».

Андрей Климентьев: «Я прикармливал Немцова по мелочевке». Саша Руцкой накануне октябрьского путча приезжал на дачку к Немцову. Провели переговоры... Боря пообещал поддержать парламент... Помните, на первом селекторном совещании, которое Виктор Степанович проводил, Немцов высказался в поддержку парламента.

Позвонил он мне после этого. Это он болтнул без меня. Я в это время как раз в Дании находился, собирался в Норвегию. Немцов сказал, что вот та-а-ак выступил, за парламент...

Я бросил все мешки. Давай назад. В Москву. Мы с ним всю ночь по телефону. С часу ночи до четырех уламывал — и матом, и всяко, лишь бы он поменял мнение. Нет. За парламент — и все. Храбро держался.

Поехал в Нижний. За три часа домчался. Влетел в нижегородский парламент. Он там в комнатке сидел... Тряхнул его как следует. Ты эти шутки брось. Тебя через три дня выгонят, а там, в Белом доме, коммунистов много... Опять эти тары-бары начнутся.

Взял его, втащил в зал. И начали этот вопрос откручивать обратно. То есть Немцов — уже за президента. Быстро протест какой-то придумали. Потом я его заставил Борису Николаевичу позвонить... Заверил он президента в верности... Все это было с моей подачи... Не примчись я тогда, Немцова бы уже и не было... Борис Николаевич сказал: «Ну что, бултыхнулся, Боря, а потом исправился. Молодец!» Так сделали, что вроде бы Немцов правовым методом выступил против действий парламента...

Дальше, путч уже когда... Вспотевший Егор Тимурович, как из бани, выступил по телевидению — призвал народ к Моссовету. Напуганный Немцов тогда у него в кабинете сидел, также меня пригласил, еще три генерала. Опять же я Немцова заставил отправить в Москву солдатиков, школу милиции, в обход облсовета местного. Генерал Потапов помог тогда...

...Кредит потом получал этот... Немцов. Я ему... дал пинка, он побежал... Получали на даче у Гайдара. Был там Боря Федоров (бывший министр финансов РФ). Немцов, Крестьянинов (нижегородский представитель президента) и Андрюша Вавилов (вечный первый замминистра финансов, теперь уже бывший). Там все порешили и выписали эти деньги. Я был тоже там. Немцов все оформил и пригнал деньги в Нижний...

...Они хотели заводу кусок бросить — 7—8 миллионов долларов... И все — заткнись.

Немцов все знал — от начала до конца. 9 сентября 1994 года у него было совещание, где глава НБД-банка Бревнов подробно расписал, куда тратились деньги. То есть уход 12 миллионов долларов, в том числе 6 миллионов в «Раши шиппинг», — все это Немцову

было известно. Пусть не прикидывается. Уже после этого, в октябре, он дал свою вторую гарантию Минфину, первая была уже просрочена. То есть все якобы незаконные движения денег Немцов одобрил. И только в мае 1995 года он делает заявку о мошенничестве...

Если мошенничество было, то Немцов здесь прямой соучастник. Человек кредит получил, все контролировал. И Бревнов в доле. Ведь через его банк все проходило... 500 тысяч долларов из кредита оприходовали в уставной фонд НБД-банка, 2 миллиона положили на депозит в этом же банке, что Минфин признал нарушением. Что он там гонит, переживает за что-то? Если я мошенник, то Немцов чисто в доле... Есть же статья в УК за пособничество. Чего... он под дурака крутит?..

В феврале 1995 года я стал владельцем завода, купил на аукционе контрольный пакет акций и разбазаривание прекратил. Четко дал указание направлять деньги только по контрактам... Деньги из уставного фонда НБД-банка вернули заводу только в «черный вторник», отполовинили... Я устроил скандал. Немцов тогда... Ну приятель же был... Подошел и сказал: «Андрей, надо замять, потому что Бревнов ведет большую работу с Европейским банком реконструкции и развития». И я отозвал заявление в прокуратуру. Потом я поехал в Минфин с вопросом, когда будет дальнейшее финансирование. Захотели проверить расходование кредита. Мы предоставили бухгалтерскую справку. Вскрылись 2 миллиона долларов на депозите. Нехорошо. Потребовали забрать, после этого кредитование продолжилось бы.

Я к Немцову: мол, требуют расторгнуть договор с НБД-банком. Нет. Они там аттракционы чудили.

Деньги были задействованы на нижегородский заем. Это то же самое, что «МММ», только в немцовском варианте смешнее — проценты были в 2—3 раза меньше, чем в Москве... Вторично съездил в Минфин, вернулся с письмом. Немцов сразу шум поднял... А письмо-то я ему привез. Это я их начал проверять... Дальше через своего приятеля Козырева (бывший министр иностранных дел РФ) Немцов обратился к прокурору Норвегии, что я жулик, послал туда проверку.

В Норвегии проверяющих Немцова послали куда подальше. Там же не понимают, что криминального, например, может быть в вывозе капитала из Норвегии в Швецию. Они не понимают, что за это можно в тюрьме сидеть... Есть проплата по всем контрактам, я проплатил по 20 контрактам из 30. Норвежская сторона это подтвердила. Проплатил проценты за кредит министерству финансов РФ в сумме 562 тысяч долларов...

Построенные на «Оке» корабли хотели купить венгры по 8,5 миллиона долларов. На 9 сошлись бы. Всего за 4 корабля отбили бы весь кредит с процентами.

Кругом-бегом все бы было с помощью немецких банков. Были куплены секции, оборудование, с западными фирмами заключили контракты. Мы бы вырвались из тупика... Но кудрявый физик ринулся в бой... Я думал, будет обыкновенное гражданское дело. Был вывоз капитала. Я был принимающей стороной в Норвегии. Если бы они в Китай отправили Мао Цзэдуну, то и его бы привлечь стали. А если я русский, значит, можно хулиганить... Всю программу сорвал! Все лопнуло после девяти месяцев расследования!

...Во время приезда Жириновского в Нижний Немцов предложил мне проплатить демонстрации протеста. Я отказался. Он тогда договорился с Седовым из «Русского Клуба» (спонсор фильма Никиты Михалкова «Утомленные солнцем»)... Те собрали своих официантов, барменов, охрану, дали им плакаты. Немцовские два референта руководили этим. С рожам, явно не протестующими, эта сытая орава встречала Жириновского. Вяло все получилось...

...В «Банк оф Нью-Йорк» есть приятельница у Немцова, заведует русским сектором. И вот она по ошибке направила в банк «Нижегородец» два миллиона долларов. Банк деньги растратил и разорился. Американцы уже отчаялись получить их обратно и наверняка готовы были заплатить 10—20 процентов от возвращенной суммы. Иначе не бывает. Немцов заложил «Инкомбанку» за два миллиона дом, стоимость которого была не менее 8 миллионов долларов, и вернул деньги. Выручил приятельницу! Американцы ошибаются, а мы помогаем. Что — такие богатые?

...Немцов от этого Бревнова харчевался. Ездили в Швейцарию, Англию. Отдыхали. Туда-сюда, а расплачивался Бревнов. У него есть карточка VISA, золотая. Все на банк списывал, а Немцов вроде бы в стороне. Вот так.

Он такой мелкий... Не может ничего серьезного. Я его тоже прикармливал постоянно по мелочевке... Что чего? Свидетели есть. На уровне всего-то 5 тысяч долларов общая сумма выплат. Но все равно — в обо-бо крупных.

Списки Фонду Сороса отдал с Арзамаса-16 всех ученых...

...Они сделали попытку связать меня с мафией. Фотокарточку нашли Лаймы Вайкуле в окружении местных «ежиков» нижегородских, и я метрах в трех сзади. «Ежики», помню, сами культурно попросили ее импресарио сфотографироваться, чтобы не боялась. Согласилась — «ежики» хорошие были, здоровые, а я случайно в кадр попал. Опубликовали. Вот — это его мафиозная семья «ежиков».

...Ведь я же его и в депутаты. Защищал и финансировал. Было же у него: не сливай — допьем, не бросай — докурим. Жил там в чулане где-то... А сейчас по даче ходит, руки за спину заложит: «Я сенатор! Я губернатор!» Я ему: «Боря, очнись, нас же двое...»

...Была прикормленная фирма «Нина», которая передавала информацию на российское телевидение о том, что Немцов — это нижегородский Ким Ир Сен, это «красное солнце», которое всходит, и люди идут на работу. Туда все бабки за рекламу шли, сам Немцов туда что-то сбрасывал. Есть еще ряд земляков на других каналах. Если какая-то телекомпания местная не то начинает говорить, они засекают рекламное время. А там, ясно, «налом» берут. Кого-то за хвост обязательно прищемляют. Все. Сразу тихо...

...Он и раньше мочил капканы с выделением денег — 5—6 миллионов долларов. Неужели это никому не интересно?..

Борис Немцов: «Все, что говорил человек из клетки, — это наглая ложь!»

В октябре 1993 года ко мне обратились Кисляков, Климентьев и руководитель ЦКБ «Вымпел» Шаталов с интересным предложением... производить высококлассные суда, которые можно продавать на экс-

порт... Они предложили получить правительственные кредиты...

В конце ноября 1993 года я подписал подготовленную руководством завода гарантию в правительство, которая стала основой для того, чтобы правительство выдало кредит, я должен сказать, что правительство часто выдает кредиты. На сегодняшний день правительство нижегородским предприятиям выдало кредитов на 1 триллион рублей... Так что никакой экзотики в том, что предоставляются гарантии, конечно, нет... это как бы естественный идеал, нормальный идеал...

Руководство завода захотело открыть счет в НБД-банке. (В Нижнем аббревиатуру НБД расшифровывают еще и как Немцовско-Бревновский банк.) Никакого отношения администрация к открытию счетов в банках никогда не имела... Есть соответствующее заявление Кислякова...

Всю... ходьбу по Минфину, выяснение отношений с московскими чиновниками — все это делали Кисляков и Климентьев... Единственный мой был телефонный разговор с тогдашним первым замом министра финансов Вавиловым, это было где-то в начале января 1994 года, разговор как раз о том, что действительно ли та гарантия... Я сказал, что да...

...Производство судов — это дело такое длительное, и дальше я, по крайней мере до лета 1994 года, этим проектом не интересовался... А первые проблемы возникли в августе 1994 года. Тогда я был в отпуске. Но приехал на один день буквально, приехал потому, что к нам в Нижегородскую область приезжал президент... Вот тут как раз состоялась встреча с Климентьевым и Бревновым, и я понял, что существует определенный конфликт... я был абсолютно за-

нят подготовкой к приезду президента и, откровенно вам скажу, не особо вникал в существо спора... у меня не было времени на разбирательство по этому поводу...

По моей инициативе 9 сентября 1994 года состоялась важная встреча у меня в кабинете... Присутствовали и Кисляков, и Климентьев, и руководитель НБД-банка... Встреча произвела на меня удручающее впечатление... Бревнов принес справку о расходовании средств навашинским заводом «Ока»... Большая часть денег была потрачена на что угодно, только не на приобретение комплектующих для судов... около 9 миллионной долларов было израсходовано не по назначению... несколько миллионов долларов было перечислено в норвежские компании, которые принадлежали Климентьеву. И назначение платежей, и расходование этих денег не было установлено... Ясно стало... договор с Минфином грубо нарушен, и нужно наводить порядок... Они пообещали, что суда достроят и продадут, а вырученные деньги будут использованы, чтобы восстановить...

...В январе 1995 года я получил письмо из Министерства финансов за подписью директора валютного департамента Волкова. Письмо важное... о нецелевом расходовании денег... почему-то упоминались только 2 миллиона долларов, которые были положены на депозит. В тот же день я встретился с Климентьевым и сказал: «Вы хотите деньги истратить не так, как надо. И дальше уже не хочу с вами разбираться. Возвращайте деньги». Климентьев ухмыльнулся...

13 февраля создал комиссию по проверке под руководством моего заместителя Виктора Лунина (жена Лунина, кстати, работала в НБД-банке). Комиссия

работала довольно пунктуально и эффективно... они представили мне четыре доклада... Выяснилась совершенно фантастическая по хамству картина... Деньги, которые Климентьеву перечислялись в Норвегию... чуть больше 6 миллионов долларов, большая часть этих денег им тоже присвоена... Деньги, которые были перечислены с кредитного счета завода «Ока» в Норвегию, напрямую тратились для оборудования сети магазинов Климентьева «Европа», его казино, клуба «Рокко» и так далее... Общий размер ущерба — чуть больше 3 миллионов долларов... Когда он решил скрыться от следствия, то просто продал за бесценок и «Европу», и «Рокко», я не знаю, за 50 миллионов рублей или дешевле...

АДВОКАТ СЕРГЕЙ БЕЛЯК: Какой у вас был интерес... в реализации контракта по строительству экспортных судов?

НЕМЦОВ: У меня... всегда был один интерес... чтобы жизнь губернии была лучше... создание конкурентной экономики в России — это моя главная задача...

АДВОКАТ: Выгодно ли было для Нижегородской области... вхождение завода «Ока» в число ведущих судостроительных компаний страны?

НЕМЦОВ: Вопрос никакого отношения к делу не имеет... Я отвечать на него не буду... Я сейчас теряю более дорогое время... моя минута стоит гораздо дороже, чем ваша, я думаю...

АДВОКАТ: Знакомы ли вы с кем-либо из руководства «Бэнк оф Нью-Йорк», США?»

НЕМЦОВ: Я знаком с огромным количеством банкиров по всему миру... потому что без связей поддерживать экономику региона просто невозможно...

АДВОКАТ: По вашему ли распоряжению «Инком-

банк» возвратил «Бэнк оф Нью-Йорк» 2 миллиона долларов?

НЕМЦОВ: Никакого отношения этот вопрос к существу дела не имеет. Я отвечать на него не буду.

АДВОКАТ: Получали ли вы подарки от Климентьева?

НЕМЦОВ: Вы знаете, мне жалко Климентьева, если я сейчас скажу, какие я от него получал подарки, он просто покраснеет. Давайте мы не будем обсуждать белье и другие подробности, давайте не будем. Просто жалко! Ну зачем, зачем вы обижаете человека?.. У меня просьба к судье. Вы наведите порядок в клетке, пожалуйста, чтобы можно было нормально разговаривать. Это дискредитирует правосудие. Тишина должна быть!..

Нижегородским областным судом Климентьев и Кисляков все-таки были признаны виновными в присвоении и растрате 2 миллионов 462 тысяч долларов (ст. 160.3 УК России). Из 11 эпизодов суд благодаря энергии адвоката Сергея Беляка принял во внимание только один! Кисляков получил пять лет условно. Климентьеву дали меньше — полтора года. Он был освобожден в зале суда, так как этот срок уже отсидел в СИЗО.

Почти в один день с высоким назначением Бориса Немцова пост первого вице-президента РАО «ЕЭС России» (естественная монополия уровня «Газпрома») занял его новый друг, 29-летний нижегородский банкир Борис Бревнов.

Газета «Ди Вельт» в материале, посвященном итогам первых ста дней пребывания Бориса Немцова в должности первого вице-премьера правительства России, утверждает, что у него блестящее будущее. По мнению обозревателей газеты, за это время Нем-

цов успел показать себя настоящим реформатором и яростным борцом с коррупцией в высших эшелонах власти. Газета также отмечает, что если в будущем Немцов не допустит грубых ошибок в работе, то он вполне сможет претендовать на пост главы государства на президентских выборах двухтысячного года. Газета также высказывает мнение, что одним из самых больших преимуществ Немцова на предстоящих выборах будет то, что всю свою политическую карьеру он сделал под непосредственным руководством и надзором нынешнего президента России Бориса Ельцина.

МИНИСТР ДОЛЖЕН БЫТЬ ЧИСТЫМ!

Такой лозунг был использован на пикете в защиту Валентина Ковалева. Именно: «Министр должен быть чистым!» А понимать это можно по-разному: то ли можно мыться в любых банях сколько душе угодно и с кем угодно, то ли — наоборот.

Министр юстиции Валентин Ковалев был устранен от должности указом президента без объяснения причин, без уточнения — за что. На месте министра должен быть более осторожный человек.

Скандал начался со статьи Л. Кислинской (Совершенно секретно. № 6. 1997) «А министр-то голый».

Все эти кадры были сняты скрытой камерой. Теневым режиссером и продюсером этой работы «неизвестного мастера» стала не какая-нибудь зловещая спецслужба, а частное лицо. Видео пленка была из-

влечена во время обыска на даче из сейфа руководителя «Монтажспецбанка» Аркадия Ангелевича. Съёмки велись в сауне ночного клуба, известного как одно из любимых мест встреч ребят из Солнцева, чей лидер Сергей Михайлов (он же Михась) томится сейчас в швейцарских «застенках». О том, что клуб оборудован системой скрытых камер, которые методично фиксировали все, что происходило в сауне, бассейне и спальнях, наивные посетители клуба, естественно, не подозревали.

Я же могу только догадываться, каким образом видеокассета с таким умопомрачительным компроматом на министра Ковалева оказалась в сейфе банкира Ангелевича. Возможно, это как-то связано с тем, что Аркадий Ангелевич всегда носил при себе официальное удостоверение советника министра юстиции. При этом был ли Ангелевич советником Валентина Ковалева по «банно-прачечным вопросам», трудно утверждать. Но зачем он хранил как самую большую ценность в сейфе видеокассету с компроматом — совершенно очевидно. Министр юстиции России Валентин Ковалев — главный куратор судов и прочих серьезных инстанций. По-видимому, предусмотрительный банкир, у которого давно наметились определенные нелады с законом, рассчитывал при случае выгодно обменять компромат на нечто более весомое, чем деньги, — на свободу. Видно было, что к неприятностям человек готовился заранее: съёмки произведены в 1995 году. Наверно, приятно ощущать себя хозяином «ручного» министра.

Но воспользоваться своим тайным козырем банкир так и не успел. 17 апреля 1997 года председатель совета директоров акционерного коммерческого

банка «Монтажспецбанк» (АКБ «МСБ») 35-летний Аркадий Ангелевич был задержан по подозрению в хищении семи миллионов долларов США. 21 апреля Генеральная прокуратура РФ санкционировала постановление о применении меры пресечения — заключение под стражу. В соответствии с законом были проведены обыски. В сейфе на даче вместе с драгоценностями, оцененными в один миллион долларов, хранилась и заветная пленка. Из наличности дома обнаружилось 50 тысяч долларов, большое количество наших загранпаспортов, израильский паспорт, германский паспорт (по некоторым данным, в Берлине у семьи Ангелевича есть квартира, из которой недавно похитили драгоценности, оцененные в 250 тысяч немецких марок, а также своя фирма). Обнаруженные авиабилеты в Лондон наводили на размышления: Ангелевич с семьей собирался уехать подальше от уголовного дела, где он проходил сначала в качестве свидетеля. Некоторые любопытные записи свидетельствовали о подготовке линии обороны и «группы поддержки».

К счастью для следствия, Ангелевич оказался очень аккуратным человеком. Как мне удалось узнать от «нашего человека с Житной», банкир не только на всякий случай хранил видеозапись «шалостей» Валентина Ковалева и еще некоторых известных персонажей, но и скрупулезно документировал свои действия по плану развала своего уголовного дела. Запись имела кодовое название «Дело».

Безусловно, под номером один здесь обозначен министр юстиции Валентин Ковалев.

Наша справка: Валентин Ковалев родился 1 января 1944 года в городе Днепропетровске, окончил юридический факультет МГУ. В 1976 году окончил аспи-

рантуру. Доктор юридических наук, профессор, действительный член Международной славянской академии. Преподавал в Академии МВД СССР, был профессором юридического института, депутатом Госдумы России. Одно время входил в КПРФ, но, став министром юстиции в январе 1995 года, из компартии вышел. Женат. Имеет дочь 1975 года рождения.

В нашей прессе, казалось, уже было все — даже публикации личных разговоров, в которых не последние люди в государстве признаются в том, что они преступили закон. Но все же ничего подобного фотографиям обнаженного министра Российской Федерации в компании обнаженных барышень еще не было.

Когда один из высокопоставленных работников Министерства внутренних дел на Житной впервые рассказал мне о существовании этой пленки — я не поверила. По его словам, следственная группа по делу Ангелевича направила «видеокомпромат» на просмотр министру Анатолию Куликову. Говорят, Куликов посмотрел кассету и без комментариев ее вернул, но информация вместе с пленкой уже вышла из-под контроля и пошла гулять по министерству. Когда после двухнедельных мытарств, интриг и ухищрений (это целая детективная история, заслуживающая отдельного рассказа) нам с помощью еще одного, но на этот раз рядового сотрудника МВД удалось достать оперативную видеопленку — ничего, кроме чувства брезгливости, мы не испытали. А потом в редакции мы долго рассуждали: публиковать или нет скабрезные снимки? Вспомнили о Конституции, которая гарантирует человеку неприкосновенность его личной жизни. Говорили о журналистской этике. Но, с другой стороны, в январе 1995 года Валентин Ковалев

свой выбор сделал — он добровольно вошел в число высших руководителей страны. В качестве министра юстиции, главного охранителя законов государства, он сам получил право одной только своей подписью вторгаться в личную жизнь тысяч людей. Конечно, это вовсе не означает, что министр не должен вообще ходить в сауны и не пить за дружеским столом ничего крепче молока. Но одновременно он должен нести ответственность за свое поведение. Я вспоминаю одну корреспонденцию из Лондона, где рассказывалось о местном прокуроре, которого полицейские встретили в районе «красных фонарей». Как это у них положено, полицейские написали рапорт. И вы никогда не догадаетесь, что сделал прокурор! Он не стал кричать: «Знаете, кто я такой», он не стал грозить полицейским увольнением, он не стал рассказывать, что просто решил прогуляться по значному местечку, он просто подал в отставку.

Я вспоминаю беседу с одним из агентов ФБР — Майклом Макколом, принимавшим участие в аресте Япончика. Столкнувшись с уголовным делом «вора в законе», он был удивлен, как в нашей стране все переплетены: политики, бизнесмены, бандиты, артисты. «Если у нас директор ФБР идет на какой-нибудь фуршет, он обязан узнать, кто еще там будет, не приглашены ли люди, «соседство» с которыми способно погубить его репутацию. Если же кто-то из нежелательных людей все же оказывается рядом и — не дай бог! — фотографии попадают в прессу, директор ФБР обязан уйти в отставку», — сказал Майкл. Впрочем, все эти рассказы нужно помещать под рубрику «Их нравы».

Аркадий Ангелевич умел оказываться рядом. Естественно, он включил в свой список по развалу «де-

ла» всех ответственных людей, которых он знает в правоохранительных органах. А как советник министра юстиции, как член общественного совета ГУВД Москвы, как просто солидный банкир, Ангелевич знает многих. Совсем не обязательно, что все люди, внесенные в его список, бросятся ему помогать. Тем не менее, как мне стало известно, некоторые из них, в том числе и совсем не упоминавшийся в списке спасителей Борис Березовский, уже нанесли визиты первым лицам министерства и постарались представить банкира жертвой и мучеником. Активно работают адвокаты. Их целых пять. Самый опытный — Генрих Падва, которому в схеме Ангелевича предписаны разработки плана действий. В этом же ряду стоят «солнцевские» (правда, со знаком вопроса). Источник в московском РУОПе уверяет, что банкир хорошо знаком с их лидером. При аресте Михася жевневская полиция изъяла у него визитную карточку Ангелевича, да и записи в блокноте Михайлова свидетельствуют о контактах с банкиром. Думал Ангелевич и о «комплекте» заявлений от свидетелей, тех, как он пишет, «на кого ФСБ и РУОП оказывали давление». Помимо «работы» со свидетелями, началось активное воздействие на оперативно-следственную группу, занятую «делом» банкира. В частности, очень пригодился человек, проходящий в списке Ангелевича под номером пять, — Ванесян. Будучи действующим сотрудником Лубянки Ванесян работал в «Монтажспецбанке» начальником службы экономической безопасности. Как рассказал мне мой источник, Ванесян настолько профессионально отработывал свои деньги, что даже наладил прослушивание телефонных разговоров членов оперативно-следственной группы МВД!

Коллеги Ангелевича (некоторые проходят по делу в качестве свидетелей) в день его ареста распространили нечто вроде письма протеста от возмущенных членов Ассоциации банков России, в котором меня удивила странная аргументация невиновности председателя АКБ «МСБ»: мол, ему инкриминируют преступление, совершенное несколько лет назад. Удивительная логика: видимо, банкиры думают, что отвечать должны только задержанные по «горячим следам». По следу же Ангелевича сыщики шли, действительно, несколько лет.

За это время следователи еще раз смогли убедиться в правильности бессмертных слов Оноре де Бальзака, утверждавшего, что за каждым крупным состоянием стоит преступление. Все началось с того, что в конце 1995 года пропал председатель правления коммерческого банка «Единство» Дмитрий Бурейченко. И хотя вести о нем приходили то из Германии, то из Греции, то с Кипра, банкира объявили в розыск. В отношении 34-летнего банкира было возбуждено уголовное дело. Ему вменялось хищение 200 миллионов долларов. Естественно, в оперативно-следственной группе стали изучать биографию Бурейченко и выяснили много интересного. Служебную карьеру он начинал как офицер госбезопасности, но в 1991 году, когда по КГБ прошла первая волна сокращений, реорганизация и переименование, ушел в коммерцию и стал председателем правления «Прагабанк», а затем банка «Единство», в котором произошло крупное хищение чеков и банк был закрыт как неплатежеспособный. Сыщики выяснили причастность к этому делу Бурейченко, который, по их данным, прикарманил из этого банка более 109 миллионов долларов. Когда было возбуждено уголовное дело о хищениях круп-

ных денежных средств путем мошенничества, выяснилось, что Бурейченко порезвился и в банке «Единство».

«Прагмабанк» связан с именем еще одного известного предпринимателя — Ильи Медкова, застреленного из оптической винтовки в сентябре 1993 года. Молодой банкир, уйдя из «Прагмабанка», стал основателем банка «ДИАМ» (расшифровывается как «Дорогой Илья Александрович Медков»). Возможно, это ребячество, но молодой коммерсант любил наслаждаться жизнью — например, в свой день рождения в зале ресторана «Метрополь» наполнил бассейн шампанским, потом улетел в Париж, где собирался купить за 200 тысяч долларов самолет. Илья Медков хотел жить и путешествовать с комфортом. Этой затее помешала смерть.

Распорядителем всех кредитов покойного банкира, а также всего его имущества, в том числе «ДИАМ-банка», мать Ильи назначила совершенно постороннего для их семья человека, товарища Бурейченко и Медкова Аркадия Ангелевича. Дружба и сотрудничество этих «трех товарищей» начались с зарождения кооперации, когда молодые люди открыли на Новом Арбате фирму «Прагма». Первоначальный капитал был скоплен на продаже компьютеров. Кроме этого, Медков успел полгода проработать у Артема Тарасова в знаменитой фирме «Исток». Первый официальный советский миллионер, помнится, собирался на чеки «Россия» одеть своих соотечественников. На самом же деле он их «обул». Фирма, которой руководил Медков, была тоже замешана в похищении госсредств по поддельным чекам «Россия». Аресту Медкова опять же помешала смерть. Выяснилось, что незадолго до убийства Медков по-

ссорился с Ангелевичем и хотел даже заявить на него в милицию. Причиной ссоры стал конфликт из-за большой суммы денег, похищенных по фальшивым документам. И хотя Медков знал, чем кончаются ссоры из-за больших денег (на его памяти произошел расстрел в офисе «Истока» на Красной Пресне четырех человек), он, видимо, не ожидал такой развязки для себя.

Деньги стали причиной ссоры Ангелевича и Бурейченко. Пропавший банкир, втянутый в грандиозную аферу с хищением денег в банках «Прагмабанк» и «Единство», был обманут: как уверяют сыщики, львиная доля перешла к Ангелевичу. Сейчас оперативно-следственная группа, как сообщил источник, пытается доказать соучастие Ангелевича и в хищении 200 миллионов долларов из этих банков. Кстати, «пропавший» Бурейченко был тоже готов заявить на своего недавнего компаньона. Но тут же начались угрозы. Именно поэтому, как говорят, ему пришлось уехать из России.

Накануне своего побега в европейские дали он успел похитить еще 50 миллионов долларов, «набрав» огромное число государственных долговых обязательств, так называемых «выбывок». Среди обманутых такие солидные фирмы, как «Алмаз-золото», «Промсырьеимпорт», «Атомэнергоэкспорт», «Газэнергосервис». Прежде чем провернуть аферу, Бурейченко продал здание банка «Единство» на Верхней Радищевской улице. Всего за два миллиона долларов особняк купил некий Владимир Желток, владелец фирмы, зарегистрированной по фиктивному адресу. Как выяснили сыщики, кредит ему дал все тот же Ангелевич. Таким образом, он стал распоряжаться и имуществом другого компаньона — Бурейченко. Фа-

милия Желтка тоже включена Ангелевичем в схему развала «дела».

Все эти факты, насколько мне известно, сейчас тщательно проверяются следствием, идет поиск доказательств и свидетелей. Безусловно, уже на первый взгляд видно, кому же была выгодна смерть Медкова и исчезновение Бурейченко. Тем временем Аркадию Ангелевичу предъявлено обвинение в том, что он в сговоре с группой лиц, в том числе с Бурейченко, похитил в общей сложности семь миллионов долларов, завладев деньгами банка «Единство» и оформив их договорами о предоставлении валютных кредитов, которые уже не возвращались.

А пока следствие, несмотря на давление, продолжается. Тем более что чрезмерная пунктуальность и любовь к «видеокompromату» подвела банкира Аркадия Ангелевича — он наверняка сам себя лишил защитника № 1 из своего списка — министра юстиции РФ Валентина Ковалева.

«Известия» оказались единственной газетой, с корреспондентами которой согласился встретиться Валентин Ковалев, оказавшийся в центре шумного скандала после публикации в газете «Совершенно секретно».

Временно отстраненный от должности министра юстиции России Валентин Ковалев откликнулся на просьбу корреспондентов «Известий» прокомментировать обстоятельства разразившегося политического скандала.

— Я категорически отрицаю достоверность распространенных видеоматериалов, которые с целью компрометации связываются с моим именем. Я обратился к Президенту страны, в правительство РФ, к Генеральному прокурору, министру внутренних дел с

просьбой осуществить проверку обстоятельств появления такого рода материалов. До завершения работы комиссии всякое комментирование этого вопроса я считаю беспредметным, поскольку не установлены обстоятельства появления этих материалов.

Я — юрист и всегда следовал определенной технологии установления истины. Вначале — факты, потом им дается оценка. Как только факты будут установлены компетентной комиссией, я к услугам журналистов. Сегодня же никаких комментариев не будет. Дадим комиссии спокойно и объективно работать.

Валентин Ковалев сделал это заявление 25 июня вечером в своем рабочем кабинете в здании Министерства юстиции, что в центре Москвы, на улице Воронцово поле. Ковалев выглядел озабоченным и осунувшимся, но при этом держался уверенно и с чувством достоинства, как человек, которому не в чем оправдываться. За время короткой встречи телефоны министра молчали, это была та самая тишина, которую называют громкой. Судя по всему, в эти дни и секретарю министра особо не досаждали звонками и бумагами — в приемной она спокойно смотрела телевизор.

Валентин Ковалев не стал отвечать на предложенные нами вопросы. «Вот мой адвокат», — сказал Ковалев.

Анатолий Кучерена, 36 лет, адвокат Московской городской коллегии адвокатов, директор адвокатского бюро «Аргумент». Защищал Сергея Лисовского и представляет интересы Иосифа Кобзона, Никиты Михалкова...

Итак, вопросы к адвокату.

— Кем было инициировано временное отстранение министра от должности, что под этим подразумевается?

— Инициировано самим Ковалевым. Он в субботу сделал заявление для СМИ. Заявление было направлено и на имя президента, и председателю правительства. Была просьба: на время, пока не будет установлена истина по делу, отстранить от исполнения обязанностей министра юстиции. Исходя из статуса Министерства юстиции, обязанности министра в отсутствие министра обычно исполняет первый заместитель.

— Согласно официальным сообщениям, скандальной видеокассетой занимается следственное управление МВД. Что имеется в виду: установление идентичности пленки или же расследование реальных обстоятельств?

— Я слышал другое: следственное управление МВД, которое ведет дело Ангелевича, вынесло постановление о проведении экспертизы. Но если это так, то в данном случае я, как юрист, не понимаю, при чем здесь следственное управление МВД, при чем здесь дело Ангелевича — ведь там дело по статье за хищение. И как, с точки зрения Уголовно-процессуального кодекса, видеокассету, которая непонятно откуда взялась, можно приобщить к делу, связанному с хищением.

Они могут вполне иметь для экспертизы все необходимое оборудование. Но процессуально это невозможно, так как одно — это дело Ангелевича, другое дело — пленка.

— У Ковалева есть своя версия случившегося? Кто в этом может быть заинтересован?

— Сейчас гадать, строить версии, честно говоря, мы бы не хотели. Это наша твердая позиция. Хотя нам много подсказывают со всех сторон, в том числе и пресса. Я, как адвокат, могу предполагать: есть

версии, но нет фактов. Мы со стопроцентной уверенностью не можем утверждать — это отдельный человек или партия сделали какие-то шаги и устроили скандал.

— До сих пор так и непонятно, откуда произошла утечка. Каковы, на ваш взгляд, источники?

— Кислинская, автор статьи в «Совершенно секретно», утверждает, что кассета была получена от сотрудника МВД, а МВД отрицает, что является источником распространения этой кассеты. Кислинская в материале утверждает, что кассета изъята у Ангелевича из сейфа. Простите: мой коллега Генрих Падва заявляет: в протоколе обыска у Ангелевича этой кассеты не значилось. А что же я могу вам сказать? Пусть они разбираются между собой, кто кому дал кассету.

— Ковалев имел возможность ознакомиться с видеосъемкой?

— Нет. О случившемся мой доверитель узнал, когда вернулся в Москву из командировки.

— Но, как утверждает Интерфакс, его отозвал из командировки Черномырдин.

— Ничего подобного! Никто никого не отзывал. Ковалев прибыл в Москву самостоятельно и уже здесь узнал, что в газете «Совершенно секретно» появилась публикация. Он приехал в пятницу ночью, а в субботу мы сделали заявление.

— Не предшествовало ли появлению компромата на вашего доверителя чье-либо давление, угрозы и прочее?

— Насколько я знаю, не было такого.

— Согласно публикации еженедельника «Совершенно секретно» намек делается не столько на вашего доверителя, сколько на некий список высоко-

поставленных лиц, проходящих по аналогичному сюжету...

— Повторяю: мой доверитель вообще не знает, что показывали, где это было, что за пленка. Говорить, кто там мог бы быть, бессмысленно. А намеки — это шантаж.

— Вы все время говорите: вас интересует источник появления видеоматериала. Ответьте, пожалуйста, источник или достоверность?

— Мы знаем, что видеоматериалы — фальшивка. И поэтому нас интересует источник ее появления. Без определения источника достоверность установить невозможно. Это — юридическая аксиома.

— Вы знаете, что вице-премьер и глава МВД Анатолий Куликов только что на встрече с коллективом «Российской газеты» подтвердил подлинность скандальной видеозаписи?

— Валентин Ковалев относится к Анатолию Куликову с большим уважением и, как мне показалось, даже с товарищеским расположением. Их связывает многое — и работа в правительстве, и трудные дни и ночи в Чечне, и совместная разработка программы борьбы с преступностью. Видимо, поэтому, даже в разговоре со мной, комментировать высказывания Куликова Ковалев не стал.

Что же касается высказывания Куликова, то у меня, как и у любого другого адвоката, неизбежно должен возникать вопрос: почему результаты экспертизы обнародуются до ее завершения? Не следует ли из этого, что результаты экспертизы пытаются предопределить заранее. Совершенно очевидно, что при таких условиях всесторонняя полная и объективная проверка исключена. Однако это высказывание не лишает нас уверенности в том, что истина будет ус-

тановлена. Хотелось бы думать, что противоречившие логике стремления огласить «факты» до их установления на объективности окончательного заключения не скажутся. Гарантия тому — высокая, президентского уровня проверка и подключение к ней органа высшего надзора за законностью в стране — Генеральной прокуратуры.

С экрана телевизора Ковалев утверждал, что истинной причиной отставки была начатая им реформа правоохранительных органов. По мнению бывшего министра, главное — установить источник информации (компромата): «Пусть он докажет! И тогда я уйду с позором».

Позора и так было достаточно.

Свое возмущение высказала в газете «Известия» И. Петровская: «Грянул банный скандал, и уже журналисты вкупе с политиками всех мастей принялись рассуждать, кому выгодна демонстрация голого министра и кто все это организовал. В течение всей минувшей недели ни одна, по-моему, новостная программа не обошлась без многократного показа скандальной пленочки, даже если поводом к нему служило лишь мимолетное высказывание какого-нибудь очередного деятеля. В общем, империя страсти заполонила все каналы, только участники хитовой видеозаписи в отличие от одноименной программы Фоменко разделись полностью, согласия на съемку не давали и гладильных досок в награду за разоблачение не получили.

В общем-то, короля, оказавшегося голым, не жалко: он свое удовольствие поимел, а за удовольствие, как гласит народная мудрость, надо платить. Я о другом. Всю неделю в лучшие часы телеканалы России показывали мягкую порнушку, ничуть не забо-

тась о том, что в каникулярную пору у телевизора буквально днюют и ночуют любознательные юные зрители. Была когда-то такая детская передача «Хочу все знать». Так вот наши детки разных возрастов за эту неделю узнали, что взрослые дяди и тети имеют обыкновение вместе мыться в бане. При этом они играют и резвятся, как дети, трогают друг друга за разные интимные места, а другие взрослые за этим подглядывают, снимают на камеру и потом показывают по телевизору. Наиболее невинные из «цветов жизни», прежде никогда не видевшие обнаженного мужского или женского тела, сумели изучить строение человека в полном объеме. А главное, что почти все телеведущие разъяснили им: плохо не то, что министр Ковалев мылся в бане с девочками («да хоть с мальчиками, на здоровье», — великодушно разрешил ведущий новой программы канала «ТВ-центр» «На самом деле» Михаил Леонтьев), а то, что министр осуществлял совместный помыв с солнцевскими бандитами. Вот такое просветительство. Казалось, что давно доскреблись до дна. Ан нет, снизу постучали.

Адвокат Генрих Падва в «Герое дня» негодовал: это возмутительно, это вторжение в частную жизнь. Тут, по-моему, вернее всего жесткий западный подход: занял важный государственный пост — забудь о неприкосновенности частной жизни. Все частное в любой момент может обернуться общественным, а тайное — явным. Я бы на месте известного юриста другим возмущалась — беспардонным вторжением пакостной пленки в жизнь всего населения, оскорблением целомудрия его определенных возрастных групп и общественной пристойности, на страже которых должно стоять телевидение, если государствен-

ные чины обо всем этом, по дремучести своей не имеют представления.

Спросите, а как надо было поступить? Не публиковать? Не показывать? Не знаю. В газете публиковать и обсуждать такого рода скандал, наверное, нормально и естественно — если, конечно, это не «Пионерская правда» и не «Веселые картинки». А вот по всем телеканалам тиражировать изо дня в день, думаю, излишне. Кажется мне, что благопристойные западные телевизионщики такого бы себе позволить не смогли. Там требование пристойности записано в профессиональные кодексы телекомпаний и в законы. Там ни голых тел, ни даже их фрагментов вы никогда не увидите в те часы, когда у экранов могут оказаться дети. Попозже, только для взрослых — бывает. И мы в силу особой государственной важности события могли бы ограничиться «Временем» с Доренко да «Итогами» — ближе к концу, заранее попросив зрителей увести от экрана детей. Господа, мы ж не звери, зачем детей-то в грязи купать?

Впрочем, эта баня раздела и запачкала не одного министра юстиции. Благодаря тому же телевидению зрители увидели реакцию на скандал разных политических деятелей России. Ну с Владимиром Вольфовичем понятно, сок, вода, девочки, а главное, звериная ненависть к журналистам — это его стихия. Но Немцов! Как он захихикал, когда на пресс-конференции спросили его мнение о купании бывшего красного министра. Ведущий программы «На самом деле» Михаил Леонтьев объяснил такую реакцию вице-премьера присущей его молодому возрасту гиперсексуальностью, припомнив заодно и его скабрёзное выступление на дне рождения Аллы Пугачевой. Я же вспомнила ту скандальную программу

«Один на один», когда Жириновский облил Немцова соком и пытался ударить в лицо. Вначале вспомнила, потом пересмотрела. Жириновский, безусловно, совершил безобразный поступок, сорвав эфир и бросившись в драку с оппонентом. Но спровоцировал-то все сам Борис Ефимович! Посередине вполне мирного и серьезного разговора о политике он вдруг ни к селу ни к городу начал цитировать интервью Жириновского из «Плейбоя». И прямо-таки заикнулся на его сексуальных проблемах. А на словах: «Приезжайте к нам в Нижний, мы вас вылечим, всего два укола» — его собеседник сорвался. Если быть объективной, то по-человечески такую реакцию я вполне понимаю. Плескаться и драться ни к чему — можно было встать и уйти из студии. И выйти из ситуации достойно. Но Жириновский есть Жириновский. А вот за красу и надежду российской политики обидно».

И все же...

По поводу скандала с министром юстиции РФ Валентином Ковалевым существует несколько версий. Эти версии были изложены в газете «Аргументы и факты» А. Саргиным.

Первая версия. Политик это прежде всего мужчина, самец. Как и всех прочих, время от времени тянет к противоположному полу, и не обязательно к собственной жене. Но то, что можно быку, нельзя Юпитеру. То, что можно простому избирателю, нельзя политику.

Вероятно, министр стал жертвой случайности, если допустить, что на пленке именно он. Его приятель банкир заснял «на всякий случай» г-на Ковалева во время оргии, затем во время обыска у банкира пленка попала в МВД. У милиционеров же нашелся человек

с юмором или с любовью к наживе и передал (продал) копию пленки журналистам.

Вторая версия. Баня, по имеющимся сведениям, принадлежит солнцевской мафии, а Ковалев, как известно, возглавляет комиссию по борьбе с организованной преступностью. И если сексуально-помывочное мероприятие, зафиксированное на видеокассете, действительно имело место, то возникает вопрос: не стал ли Ковалев объектом шантажа?

По утверждениям автора скандального материала Л. Кислинской, пленку ей передал кто-то из сотрудников МВД, баня, еще раз повторим, бандитская. Значит ли это, что Ковалев стал объектом совместной операции «ментов» и «братвы», что, говорят иногда одно и то же?

Третья версия, уже политическая. Не исключено, что скоро может возникнуть ситуация, когда будет объявлено о роспуске Думы и досрочных выборах.

Коммунистам это выгодно. Обкатав механизм выборов по партийным спискам, они могут рассчитывать на этот раз набрать не менее 75% мест в Думе. Это с учетом сокращения всех социально ориентированных программ правительства. В этой ситуации противоположная сторона должна провести изменения в Законе о выборах, чтобы отказаться от избрания 50% думцев по партийным спискам. Только в этом случае есть надежда, что коммунисты не получают конституционного большинства в Думе. Один из ходов — замена нынешнего министра юстиции, который пришел из фракции коммунистов.

Четвертая версия, очень политическая. Акция с Ковалевым — попытка убрать министра внутренних дел А. Куликова. Основание — МВД занимается незаконными съемками, якобы с санкции Куликова, а

злополучная сауна находилась под контролем оперативников.

Желающих убрать Куликова хватает как в самом правительстве, так и вне его. В Кабинете министров не всем нравится его «нерыночность». Что касается других желающих, то их можно поискать и в Чечне.

По нашим сведениям, за несколько дней до «банного скандала» президент Чечни А. Масхадов направил письмо Секретарю Совбеза И. Рыбкину. В нем он напрямую назвал Куликова виновным в медленном урегулировании чеченской проблемы. Если это расшифровать, то министр вместе с председателем Центробанка С. Дубининым препятствует свободным и бесконтрольным финансовым операциям чеченцев через ЦБ. Второе — Куликов чересчур энергично устраивает границу с Чечней силами внутренних войск. Во всяком случае наблюдатели считают, что Куликов едва ли усидит на своем месте до сентября.

И последнее. Плохое качество записи специалисты объясняют тем, что в бане, как правило, много пара. Отсюда сложности со съемкой «порнухи». Съемка же ведется «настенным» способом, то есть через дырку в стене, когда линза телекамеры находится за стеклом, которое запотеваает.

И еще. По нашим сведениям, много влиятельных людей из бизнеса и политики почувствовали себя очень неуютно. Услугами банных проституток пользуются почти все...

Были времена, когда коммунистическая пресса (а другой тогда и не было) шельмовала демократов за малейшие ошибки. Вспомним, например, вояж народного депутата СССР Ельцина в Америку в 1989 г.. Тогда одно из его выступлений, возможно, не самое удач-

ное, советское телевидение повторило раз десять. Или падение Ельцина в реку. Его обсуждению Верховный Совет СССР посвятил целое заседание. Теперь, однако, времена изменились. О скандале с одним из членов КПРФ министром юстиции Валентином Ковалевым товарищи по партии говорят мало и неохотно.

Немцы перепутали наших Ковалевых.

Если для абorigенов все иноземцы на одно лицо, то для западных журналистов, видимо, все российские сановные особы — на одну фамилию.

Баный скандал с только что уволенным министром юстиции Валентином Ковалевым аукнулся его однофамильцу — директору ФСБ Николаю Ковалеву. Немецкие газеты «Штутгартер цайтунг» и «Рур цайтунг», полоская «отца русской юстиции», поместили фотографию... главного контрразведчика России!

Николай Дмитриевич публично выразился в том смысле, что «спускать» педантичным немцам их оплошность не намерен и готовит солидный судебный иск.

27 июня 1997 года в редакции «Российской газеты» по просьбе вице-премьера, министра внутренних дел генерала Куликова не включали диктофоны.

О чем же говорил министр? В первую очередь о проблемах обеспечения безопасности каждого россиянина, о сложностях и некоторых успехах в борьбе с организованной преступностью, коррупцией в высших эшелонах власти, о наведении порядка в самой милиции.

Не обошел стороной Анатолий Куликов и чеченскую проблему, что вполне объяснимо. У министра свое видение процессов, происходящих сейчас в Чечне. Его точка зрения основана на нелицеприятных, но конкретных и точных фактах.

Ответил Анатолий Куликов и на другие вопросы.

Некоторые из них касались наиболее нашумевшего в последнее время «банного дела» экс-министра юстиции Валентина Ковалева:

— Не является ли показанная видеокассета фальшивкой? Сколь законно вторжение в частную жизнь российского гражданина?

— Каждый человек может ходить в любую баню — это его личное дело, — сказал Анатолий Куликов. — Но если человек занимает высокий пост, он должен думать, куда и с кем пойти: в баню, ресторан, какое-либо другое место.

Могу сказать, что пленка по предварительным данным, — не фальсификация. Я докладывал о ней руководству страны.

Теперь о пленках. Одна из них была обнаружена при обыске у Ангелевича. Кроме того, там же было найдено удостоверение помощника министра юстиции, выданное... Ангелевичу.

Кроме этой пленки, до того, как она попала к нам, существовало не менее пяти копий. Одна из них у меня в сейфе. Ее принес военнослужащий, который работал у Ангелевича и был им изгнан.

После ареста Ангелевича пошли толпы людей (ко мне тоже) с требованием его освобождения. Я сказал: по какому праву?! И почему известные банкиры не верят прокурору, давшему санкцию на арест?

Кто же передал пленку журналистке? Мы проводим расследование. Не исключаю, что такой приказ из тюрьмы мог отдать и сам Ангелевич. Он тоже есть на пленке. Единственный человек, который смотрит в глазок телекамеры. Знал, что снимают.

Зачем он мог отдать команду «вбросить» информацию? Для дискредитации МВД, для взвинчивания людей.

Есть ли у дела перспектива? Считаю, что есть.

Таков был ответ министра внутренних дел Анатолия Куликова по поводу «банных дел».

Верные своей давней традиции «Аргументы и факты» дают высказаться о деле Ковалева и коммунистам, и демократам.

КОНСТАНТИН БОРОВОЙ: Я надеюсь, что после этой истории наши члены правительства все же не перестанут ходить в баню. Хотя, наверное, еще некоторое время каждый из них, снимая исподнее, будет думать: а правильно ли я поступаю?

СЕРГЕЙ ЮШЕНКОВ: Если то, что обнаружено, соответствует истине, то, конечно, министр должен подать в отставку. Абсолютно неизвестно, насколько соответствует истине его связь с преступными группировками, но все же, видимо, нужно возбуждать уголовное дело. Но досаду вызывает другое: это стало достоянием гласности не благодаря журналистскому расследованию, а благодаря «сливу» информации.

АНАТОЛИЙ ЛУКЪЯНОВ: Во всем надо очень тщательно разобраться. Ведь все известно еще только из газет и телевизионных передач, а юридические вещи требуют очень тщательной проработки. И никаким «прогрессом в развитии нашего общества» этот прецедент не является. Просто мы вползаем в капиталистические привычки. Строим буржуазное общество со всеми его «прелестями». Думаю, что с нашей прессой и с ее желанием поискать сенсацию о подобных случаях мы еще будем многое узнавать. Это неизбежно, как и в любой так называемой цивилизованной стране.

БОРИС ФЕДОРОВ: Если Ковалев замешан в каких-то неприличных вещах и тому есть подтверждающие документы, то он должен подать в отставку или

его должны уволить. Независимо от того, связан он с «Монтажспецбанком» или нет, речь идет о моральном облике. С моей точки зрения, государственный деятель не имеет права в такие вещи влипать.

Но вся эта история пока загадочна и непонятна. Неприятно, когда начинают уплывать какие-то документы; милиция их почему-то в газеты передает. Я за то, чтобы всех выводить на чистую воду. Но надо, чтобы это было настоящее журналистское расследование. Одно дело, если аморален частный гражданин. Но министр юстиции — это совесть страны.

СТАНИСЛАВ ГОВОРУХИН: Все это такая чушь, такая грязь! Худшее, что есть на Западе, мы и взяли. Все это из области падения нравов: и то, что за этим охотятся, и то, что это публикуют. Я думаю, что было несколько кассет. Подумайте сами, материал уникальный — и почему должна быть только одна кассета?

ВИКТОР АНПИЛОВ: Пример Ковалева показывает, что класс, который пришел к власти, способен испортить любого. Развились самые гнусные черты той партийно-хозяйственной номенклатуры, которую мы ненавидели еще при социализме, этих лжекоммунистов.

ВЛАДИМИР ЖИРИНОВСКИЙ: Мало того, что некие господа нагло, без малейшей тени уважения, влезли в личную жизнь министра юстиции Ковалева, отсняв некоторые будто бы «компрометирующие» материалы сугубо интимного толка, так они еще и пробуют на этом основании раскрутить кампанию шельмования. Сказалась их привычка бездумно «слизывать» все с Запада. Для «среднего» американца, по большей части патентованного ханжи и лицемера, любое проявление чего-то внебрачного у должностно-

го лица — ужас. Хотя сам этот человек не против самых гнуснейших извращений. Но только для себя. Но нам-то что до этого? Сам материал не говорит ни о чем криминальном. В нем нет НИКАКИХ доказательств пресловутых связей с некой «солнцевской группировкой». Строго говоря, не доказано и то, что снят именно министр юстиции.

ЭЛЛА ПАМФИЛОВА: Вызывает отвращение не столько сам Ковалев, сколько те методы, которые используют против него. Думаю, мыться в бане с проститутками, не самый большой грех. Но если это действительно был он и если баня принадлежит какой-то преступной группировке — это очень серьезно. Эта история грязная со всех сторон. Журналистка утверждает, что запись ей передали в МВД, — это еще более противно. В любом случае карьере министра — конец. Но еще не ясно, замнут ли это дело или будут раскручивать его дальше. Все зависит от того, насколько договорятся между собой те могучие стороны, которые сейчас «жрут» друг друга в связи с этой ситуацией.

ЧТО ПОЗВОЛЕНО ЮПИТЕРУ, НЕ ПОЗВОЛЕНО БЫКУ

Обещания генерала Коржакова вызвать политический кризис материализовались в книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката».

Политические взлеты и падения высших военных чинов в российской истории — не новость и не случайное явление. Это, скорее, закономерность, став-

шая политической традицией. Здесь действует правило — чем выше взлет, чем заметнее авторитет и влияние, тем ближе государева опала и политические задворки. Лучшее, на что можно рассчитывать в таких случаях, — «скамейка запасных игроков» или престижное место в лагере оппозиции, либо статус знаменитого пенсионера, от которого все ждут сенсационных мемуаров. Худшее — скамья подсудимых.

Пять—шесть десятилетий назад амплитуда политических качелей, взлеты и падения, высокая слава и низменный позор были уделом советских маршалов. Теперь маршалов нет и их место заняли генералы. Руцкой, Якубовский, Стерглигов, Калугин, Варенников, Макашев, Лебедь, Рохлин и. т. п. И, конечно, сколь длинным или коротким был бы этот список, в нем не обойти фигуры генерала Коржакова — главного телохранителя президента Бориса Ельцина.

Каков он, генерал Коржаков? Преданный и проданный друг? Верный слуга или зарвавшийся лакей? Или азартный игрок, однажды поставивший на «темную лошадку» и вновь затеявший рискованную игру? Ответы на эти вопросы не могут быть найдены с помощью принципа «или — или». Истину скорее обнаружит правило «и — и».

Генерал Коржаков не родился генералом. Он им стал, связав свою карьеру с политической судьбой Бориса Ельцина. Бог обделил Коржакова эффектной внешностью, не дал ему «лебединого рыка» и армейского остроумия. Всем, кроме собственного выбора Хозяина, он обязан Борису Ельцину.

На пути кремлевско-генеральской карьеры, на пути к политическому могуществу, на пути к статусу второго лица в государстве А. Коржаков был всяким. И верным слугой и преданным другом, и сорат-

ником, и телохранителем, и партнером в играх и на банкетах. Словом, все складывалось наилучшим образом и дела шли хорошо, но говоря словами Э. Берка, «повар возомнил себя творцом». Главной причиной, приведшей Коржакова к падению было то, что он уверовал в свою равность с Ельциным, стал понимать свою роль телохранителя как роль «хранителя всея Руси». Иначе говоря, в своем попечительстве Ельцину он просто зарвался. Полагая, что Б. Ельцин по доброте душевной может попасть в капкан врагов-недрузгов, Коржаков стал действовать вопреки воле президента, начал вести собственную самостоятельную политическую игру.

Предлагаемое вашему вниманию телеинтервью генерала Коржакова было записано для передачи «Совершенно секретно». Интервью записывалось в три этапа: Сочи — во время теннисного турнира «Большая шляпа»; на охоте в одном из хозяйств Подмосковья; и, наконец, в Москве, на квартире А. В. Коржакова, когда стало окончательно ясно: ни один из общенациональных телеканалов не решится его показать.

— Александр Васильевич, в какой семье вы выросли?

— В хорошей, в рабочей. Отец, после того как пришел с фронта, устроился на комбинат «Трехгорная мануфактура». Был заместителем начальника смены, потом мастером смены, так всю жизнь в этой должности и проработал. Мама 45 лет отработала у станка ткачихой. Гордилась своей профессией.

— Родители живы?

— Мама жива.

— Кем вы мечтали стать в детстве?

— Я в душе романтик, поэтому очень хотел быть

летчиком. Очень. С математикой, физикой у меня проблем не было. Но однажды авторитетный человек, летчик, мне сказал, что таких высоких в авиацию не берут — они в истребители не влезают (а я уже в седьмом классе был метр восемьдесят). Для меня это было ударом. Ну а дальше... решил переквалифицироваться: книги — детективы, про КГБ, про МУР. Захотелось работать в этой области. Пошел в охрану. Дошел, как говорит Киселев, до главного охранника страны.

— Как произошло, что вы оказались в КГБ?

— Я тогда очень активно занимался спортом. За «Динамо» играл. Если бы не попал служить в Кремль, сделал бы волейбольную карьеру. Так сложилось, что нужны были спортсмены для кремлевской команды. Набирали лыжников, борцов, стрелков, меня взяли как волейболиста. И действительно, когда сделали несколько таких наборов, положение на спартакиадах улучшилось. Я служил, получил несколько знаков отличия. Предложили остаться в девятом управлении. Выбрал подразделение, которое, с моей точки зрения, больше напоминало чекистское, — негласной охраны.

— Что такое негласная охрана, в чем ее специфика?

— Это когда человек, не выделяясь из толпы, выполняет свои функции. Почти восемь лет там отработал. Потом перешел в подразделение личной охраны.

— С Барсуковым там познакомились?

— В 79-м году мы получили квартиры на «Юго-Западной». Жили в одном подъезде и познакомились.

— Официально в КГБ с какого года?

— С семидесятого.

— Андропова близко знали?

— Так сложилось, что я работал в личной охране Юрия Владимировича в последние два года его жизни. Много видел, знаю, как вся эта кухня варилась. В том числе и когда он уже был Генеральным секретарем. Этого человека очень уважал и уважаю до сих пор.

— Было ли у вас впечатление, что он мог реформировать страну?

— Думаю, многие надеялись, что при нем будет лучше. Мне кажется, что его не очень правильно лечили. Я, конечно, не медик, но... можно было бы и разобратся.

— Вы думаете, дело в непрофессионализме врачей, его лечивших, или здесь были более глубокие, политические корни?

— Тут дело в борьбе за «близость к телу». Многие считают, что врач Андропова был далеко не самым лучшим специалистом. Но он решал все, и Юрий Владимирович доверял ему. Что оставалось — кричать? Сегодня опять все решает политика. Президента на первом этапе предвыборной кампании просто умышленно «загнали». У меня в конце апреля был с ним доверительный разговор, и он, усталый человек, сказал: «Я, наверное, этого марафона просто не выдержу». Кстати, история его болезни до последнего времени хранилась у меня. Коммунисты давали миллион долларов за этот документ, а он лежал у меня в тайнике. И лишь когда приехал американский специалист, я вернул его и снял с себя ответственность за разглашение информации, которая может повредить президенту. Так что мое вызвавшее такой фурор выступление о необходимости перенести выборы на два—три месяца, чтобы Ельцин мог поправить свое здоровье, было обоснованным. Тем более что посту-

пила информация: определенные лица (теперь уже, думаю, всем ясно кто) вели разговоры, что им нужен такой президент, при котором они сами бы управляли. При больном человеке это делать легко. Разговоры о каком-то силовом варианте... Это опять же были выдумки тех, кто громче всех шумел. Тогда его к маю «загнали». А ведь можно было обойтись и без операции. Самое обидное, что в итоге к власти пришли люди, которых мы не выбирали. Я говорю про «регентуру» — слово, которое очень не нравится нашему Анатолию Борисовичу. Он, кстати, сейчас, не скрывая, везде шумит, что обязательно Коржакова посадит... Видимо, очень боятся они меня. Поэтому в ближайшее время может произойти всякое. Могут меня и арестовать по очередному навету, могут и «шлепнуть». Такая информация у меня есть.

— Александр Васильевич, почему они вас боятся?

— Боятся ведь те люди, у которых, мягко говоря, рыло в пуху. Да, мы очень многое узнали. Я выполнял указание президента сделать из службы охраны «мини-КГБ». Но чем больше мы узнавали, тем больше президент не хотел нас слушать. К сожалению, материалы мы отдали в Генеральную прокуратуру. По некоторым из них уголовные дела возбуждены. Конечно, далеко не обо всех есть информация — просто не хватало времени всех «раскрутить».

— Вы могли бы назвать конкретные фамилии?

— Я скажу об этом в другой раз. Если я не смогу об этом сказать, то скажут другие.

— Говорят, когда вы были помоложе и материальное положение было скверным, вы левачили, подрабатывая извозом на вашей автомашине.

— Скажу вам больше. Я еще и волейболом подрабатывал: играл одновременно в трех—четыре ко-

мандах, и мне приплачивали — где двадцатничек, где тридцатничек. Для семьи это нормально было. Правда, если бы узнали на работе, были бы неприятности. Но у меня оклад был сто тридцать рублей, у жены — она училась в техникуме — стипендия двадцать рублей. А ведь мы молодыми были, хотелось немножко «пожить».

— Вы давно женаты?

— Давно. В этом году серебряный юбилей справили.

— Как сложилась ваша служба после смерти Андропова?

— Я работал, скажем так, на эпизодических мероприятиях. В конце 1985 года мне предложили работать с Ельциным, которого я тогда совершенно не знал, но при первой беседе он мне понравился.

— А вы ему?

— У нас первое время отношения не очень здорово складывались. Вина не моя: все та же борьба за «близость к телу». Я никогда к ней не стремился, но кому-то нравится. Им кажется: чем ближе тело, тем ближе власть. Взять Березовского хотя бы. Ведь он всегда изображал близость к моему «телу», находясь по полдня в Кремле и часами толкаясь в моей приемной.

— И какие он решал вопросы?

— Недавно один очень крупный бизнесмен сделал круглые глаза, когда узнал, что я действительно от Березовского никаких денег никогда не брал. Как же так, мол, Березовский же неоднократно брал крупнейшие суммы денег, в том числе и у него, говоря, что это для службы безопасности, и в частности для самого Коржакова. Да, в один из моих дней рождения я принял от него в подарок ружье, очень дорогое, в

другой раз — фотоаппарат, тоже дорогой, около тысячи долларов. Но потом, когда он мне предложил дружить с Гусинским (перед этим три года уговаривая меня убить его), я понял, что у нас ничего не получится, и публично вернул ему все подарки, чтобы нас ничего не связывало.

— Почему же они так круто обошлись с вами? Разве все сделанное вами не учитывается?

— Но я ведь не пошел на дружбу с ними. Я считаю, что та кучка, что находится сейчас наверху, временная. У нас уже были в истории моменты, когда приходил к власти Бирон, сейчас — Чубайс. Эти — при нем. Подождем. Ну посадит меня Чубайс на несколько месяцев, думаю, потом отпустит.

— Выход Ельцина из партии, уход со съезда — он тяжело к этому готовился, тяжело решался?

— Очень тяжело. И после этого тоже переживал.

— Он боялся мести со стороны Горбачева?

— Нет. Я думаю, он этот шаг сделал как предвыборный.

— Вы верили тогда, что он займет место Горбачева в Кремле?

— Я в это верил всегда.

— Когда началось противостояние с Горбачевым?

— Тогда же, когда почувствовала вся страна, что это пустомеля. Кроме того, Раиса Максимовна... У нас не привыкли, что жена ездит с мужем и решает какие-то вопросы. Борис Николаевич сделал ту же ошибку. Но это мое личное мнение.

— Что вы имеете в виду?

— Что жена поруководила уже страной, сейчас дочка руководит. Конечно, не сама, а другие, только через ее уши. Я думаю, все началось с поездки во Францию на 50-летие ООН, где Борис Николаевич уз-

нал, что президентской кампанией Ширака руководила его дочь. Ему эта идея понравилась, кое-кто ее развил. Правда, забыли сказать, что дочка у Ширака уже 30 лет в политике вместе с ним и знает там все и вся. (Тут у А. В. Коржакова не сходятся концы с концами. Дело в том, что дочери Ширака еще не исполнилось и сорока лет. Если верить А. В. Коржакову, получится, что она занялась политикой в пятилетнем возрасте).

У нас Танечка в это время родила второго ребенка, и мне кажется, лучше, если бы она воспитанием занималась, а не политикой. Было бы больше пользы для страны.

— Дома у Ельцина говорят о политике?

— Да. И он очень раздражается, что ему не дают дома отдохнуть.

— Его поддерживают или критикуют?

— В основном поддерживают. Но где-то и подсказывают. Знаю, что роль семейного советчика там играет Валера, муж старшей дочери Лены. Умный, приличный парень.

— Ельцин учитывает в своих решениях такие беседы за столом?

— В разные времена по-разному. Допустим, в период отчаянного противостояния между президентом и Верховным Советом в 1993 году решение о референдуме было принято по-моему за столом. Были и другие случаи.

— Вы говорите, что Чубайс сосредоточил в своих руках слишком большую власть. Но года два назад о вас говорили то же самое. Может, вы просто перепугали всех своим «мини-КГБ»?

— А вы видели, где бы я эту власть употребил?

— Да тот же эпизод с охраной группы «Мост»!

— Там прокуратура во всем разобралась. Ребятки незаконно владели оружием, удостоверениями милиционеров. У них даже был броневик, полный оружия, в том числе крупнокалиберного. Он удрал. Нам тогда просто недоставало техники, и мы не смогли его задержать. А Сатаров и Батурин на следующий день ввели президента в заблуждение, убедив его, что все банкиры из-за нас перепугались и стали переводить свои миллионы за границу. Просто обманули его, что бывало, кстати говоря, частенько. И уговорили президента сделать обращение, что он со своей службой безопасности разберется. Обращение-то было. Правда, Борис Николаевич его в глаза не видел. Он просто дал согласие: мол, ладно, пишите что хотите.

— Почему же вы все-таки пошли на столь непопулярную акцию, это же вам ничего не дало?

— Я так не считаю. Это был, если хотите, акт мести. Накануне днем на моих людей напали сотрудники ФСБ, которых по указанию Гусинского прислал Севастьянов (он сейчас руководит кадрами в администрации президента, правая рука Чубайса). То есть банкир Гусинский звонит фээсбэшнику Севастьянову и жалуется, что за ним слежка, надо бы за это прочить. Потом налетают эти ребята и применяют оружие. Одному моему парню, лейтенанту, пробили рукояткой пистолета голову. Когда я доложил обо всем президенту, он велел немедленно подготовить указ о снятии Севастьянова за столкновение спецслужб. Выполнение под козырек приказа банкира — это, я думаю, дает основания прокуратуре рассмотреть вопрос всесторонне, а не только в отношении положенных на землю охранников «Моста». А с моей стороны надо было показать ребятам, что к чему...

— У вас в руках была огромная власть...

— Это ваше мнение. По указу президента служба охраны должна была насчитывать полторы тысячи человек. У меня состояло в ней около девятисот, то есть она была неполная. Это Воцанов написал, что у меня 40 тысяч, что авиация есть своя, полки штурмовиков стоят. Федоров говорит, что 12 тысяч... В указе президента четко написано, сколько я мог иметь. Между прочим, когда поднимался в Думе вопрос о финансировании службы безопасности, к нам было меньше всего вопросов — они не ожидали такой маленькой цифры.

— Когда осенью 1987 года Ельцина сняли и казалось, что он уже не поднимается, Борис Николаевич сильно переживал?

— Сильно — это слишком мягко сказано. Он тогда был раздавлен. Поднимался очень медленно, но уверенно. И мы все ему в этом помогали.

— Почему Горбачев не добил его политически, как это бывало во времена брежневские или андроповские? Тогда бы его отправили послом куда-нибудь на Кубу и полностью ликвидировали бы его связь со страной. Он недооценил Ельцина, как вы думаете?

— И этот фактор тоже сыграл свою роль. Но не только.

— Вы тогда оказались изгнанным из КГБ, сейчас вы изгнаны из Кремля. Когда было потяжелее?

— Тогда. Ведь я был, будем так говорить, уволен ни за что. А сейчас я знаю причину. Тем более что «разоблачения» федоровские еще будут продолжаться. Завтра он скажет, что я готовил покушение на Черномырдина или готовился убить Чубайса. Много можно придумать и выдать в эфир. Хотя Федорова мне, честно говоря, жалко. Его же душат, его заставляют. Он больной человек. Напугали мужика, долгов

у него полно. За это в него и стреляли. Он сломлен сейчас. Его используют. Я ему могу сказать: пусть он не боится Коржакова. У меня слишком много врагов, но я человек достаточно добрый... Работает простая идея Березовского—Чубайса: навалить на Коржакова побольше, чтобы взять под стражу, иначе, мол, он сбежит за границу со своими сорока миллионами долларов. А что такое сорок миллионов? Это двести миллиардов рублей. То есть вагон денег. Как я мог просить Федорова привезти мне вагон наличными?! Куда мне его разгружать-то?

— В 87-м году была реальная возможность покушений на Ельцина?

— Такая возможность была всегда. Но реально, кроме «падения с моста», ничего не случилось. Что случилось в первой фазе этого происшествия, знает только президент. Я свидетель лишь второй фазы, когда он был синим, полумертвым. Ему пришлось оказывать первую медицинскую помощь. Но мы всегда были готовы к чрезвычайным происшествиям и даже обговаривали, как себя вести в таких ситуациях. Я учил его, как отбиваться. Я тогда и сам кое-что мог. Сейчас, конечно, не то, ослаб. Работа была на износ, так что одним теннисом здоровье не поправишь...

В 87-м я охранял Ельцина один. Помочь на митингах я приглашал ребят из кооператива «Пластик-центр». Не для охраны, а просто для поддержания порядка. Оружия почти ни у кого не было. У меня в машине была дубинка и нож десантный, я его из Афганистана привез. Еще ракетница была охотничья.

— Вы были крупной политической фигурой — давайте реально смотреть на вещи. Неужели для вас не было унижительным, выходя из машины, открывать президенту дверь?

— У нас сложилось так. Царь выходил из кареты — ему дверь открывал адъютант. Чином он был обязательно не ниже генерала. Сейчас президент при нашем российском менталитете тот же царь. Нет, меня это не унижало.

— К вам он обращается на «вы» или на «ты»?

— Только на «вы». В первый год президент иногда называл меня Александром, без Васильевича, но тоже на «вы». А потом только Александром Васильевичем. Видимо, потому, что сам надавал мне должностей и званий. Он всех и всегда называет по имени-отчеству и на «вы», кроме членов своей семьи, конечно.

— Когда вас стали приглашать за семейный стол? Сразу же или постепенно такие отношения сложились?

— В 86-м мы были на отдыхе, я только полгода работал с президентом. Случилось какое-то торжество семейное, чьи-то именины. И меня пригласили. Моя жена Ирина тоже бывала в гостях у Ельциных. Приходили и они к нам. Когда Борис Николаевич впервые увидел мою супругу (кажется, в 89-м или в 90-м), он сказал: «Теперь я понял, почему Александр Васильевич всегда так торопится домой с работы».

— Вам-то ваша работа нравилась, а вот Ирине, наверное, нет, потому что она вас мало видела за последние десять лет?

— Может, поэтому у нас такие хорошие отношения.

— Скажите, Ельцин как личность сильно изменился с тех пор, как вы с ним познакомились?

— Конечно. К сожалению, не в лучшую сторону. Это видно невооруженным глазом каждому.

— Александр Васильевич, почему Ельцин отмахивался от вашей информации о коррупции в высших эшелонах власти?

— Спросите у него. Мне это было обидно, потому что получалось: работали впустую.

— Сейчас ваша служба развалена?

— Да. И когда говорят, что это не так, это наглая ложь. У службы опять статус, как при Горбачеве, то есть опять может приехать большой начальник и снять охрану президента. И те должны по уставу подчиниться.

— Контрразведкой ваша служба занималась?

— Разумеется.

— В высшем руководстве есть лобби? Люди, представляющие интересы иностранных государств?

— Конечно.

— А об этом вы сообщали?

— Да, но реакции не последовало.

— Ваша судьба может стать непредсказуемой. Как вы считаете, президент сдаст вас, если встанет вопрос об аресте?

— А его и спрашивать не будут. Неужели это непонятно! Они уже многое делают не спрашивая. Гусинский прямо говорил Барсукову: если нас этот президент не будет поддерживать, поставим своего. Михаил Иванович это может подтвердить.

— Меня интересует работа предвыборного штаба, который возглавил Сосковец, его вклад в победу президента.

— Эта команда сделала намного больше, чем другой штаб. Просто те воспользовались результатами работы команды Сосковца. Например, просто вешали лапшу на уши, что артисты — идея Лисовского. Ничего подобного. В основном артисты ездили со стороны штаба Сосковца. Хотя бы взять группу «Арс». И Лещенко, и Пугачева, и Киркоров, и Винокур...

— История с полумиллионом долларов, которые

были задержаны вместе с Лисовским и Евстафьевым, — зачем это надо было делать в самый канун второго тура выборов?

— Люди совершают преступление — их задерживают. Сделай они это неделей раньше — их бы и взяли неделей раньше.

— Но ведь в итоге ударили по президенту.

— Ударили те, кто это сделал. Я считаю, что тогда был просто сговор. Затеяли это, потому что Лисовского и Евстафьева не выпустили сразу. Хотя все было сделано тихо: с них взяли объяснения, и никто об этом не знал. Но они перепугались, что их арестуют. Они все время сидели в «ЛогоВАЗе», вызывали броневики, с собаками бегали вокруг и тряслись, что Коржаков с Барсуковым сейчас придут их арестовывать. И потом решили устроить обычный сговор. По фамилиям могу сказать, кто там был: Березовский, Гусинский, Лесин... Конечно, без Киселева не обошлось. Правда, раньше, когда он лез с советами, его выгоняли: твое дело озвучивать, а не советовать. Попал почему-то Немцов в эту компанию и еще ряд известных личностей. Они устроили сговор, который имел огромное психологическое воздействие на президента. Тогда Чубайс пришел с ультиматумом и готовыми указами: или штаб прекращает работу, или «этих убрать». Хорошо, раз это нужно президенту — мы ушли. Хотя я считаю, что мы трое своей честной работой не заслужили такого. Можно было и по-другому с нами договориться. По-мужски.

В «войне компроматов» (кто бы ни запустил в оборот это удачное клише) есть свои генералы и новобранцы, профессионалы и дилетанты, правила и приемы, которые полезно знать, вступая на это поприще.

Одно из этих правил можно сформулировать сле-

дующим образом: «Мало знать правду — надо сделать так, чтобы ее захотели узнать другие». Для новичка в «войне компроматов», это, наверное, открытие, а для стреляного волка — азбука.

Самое интересное в опубликованной «МК» тайной записи разговора Чубайса—Илюшина—«Красавченко», заключается в том, что это не Красавченко! Об этом же в снятом из эфира интервью «Скандалам недели» говорит генерал Коржаков — не только с полной уверенностью, но и оттенком сытого самодовольства, какое бывает написано на лице у игрока, только что прошедшего красивую комбинацию, и несомненными для тех, кому все-таки повезло это интервью посмотреть. «Тех двоих я знаю, а третий — не Красавченко».

А теперь логично задаться вопросом: откуда же этот лже-Красавченко там взялся? Интересно бы точно знать, как попала в «МК» пленка с записью разговора, кто ее принес и что при этом сказал. Если бы пленка была передана без комментариев и журналисты идентифицировали голоса сами, то Сергей Красавченко был последним, о ком бы они подумали.

Но никаких сомнений в том, что это Красавченко, у «МК» не было. Следовательно, кто-то им об этом с большой уверенностью сказал. Этот «кто-то» — скорее всего, человек, передавший пленку. Ее источник в газете указан как «нетрудно догадаться, какая служба». Нетрудно догадаться и о том, что, кроме подслушки, эта спецслужба вела еще и слежку, и очень трудно предположить, чтобы она сама, называя журналистам Красавченко, не знала, чей голос звучит на пленке на самом деле. Скорее всего, «МК» и все его читатели были дезинформированы, «нетрудно

догадаться, какой спецслужбой», совершенно сознательно.

Зачем? Чтобы скрыть имя настоящего третьего собеседника? Но вброс записи рассчитан на дальнейшую раскрутку, в процессе которой этот третий все равно так или иначе засветится (предположительно, его имя уже известно). Чтобы подложить собаку Красавченко? Может быть — попутно, но это слишком мелкое удовольствие.

Преимущество данной пленки, вброшенной в «МК», только в одном, но очень существенном пункте: здесь упоминается Юрий Скуратов, которому (по расшифровке) звонит Илюшин. Это место в расшифровке бросает тень на Генерального прокурора, создавая впечатление, будто он согласился «притормозить» дело о коробке с полумиллионом долларов. Но источнику, передающему пленку, известно, что это не так или не совсем так.

Генпрокурор, получив материалы, сразу же дал команду на проверку, а вскоре санкционировал и возбуждение дела в Главной военной прокуратуре. Но велось оно по понятным причинам без особой спешки и рвения. Публикация стенограммы подталкивает Скуратова к активизации расследования «в порядке необходимой обороны», следуют решения о приобщении сомнительной пленки к делу и о проведении экспертизы, о вывозе на допрос не только Коржакова и Стрелецкого, но также Чубайса, Илюшина и Красавченко (хотя последнего теперь уже можно и не вызывать).

Внутри самой публикации двум фигурантам, которые хотели бы скрыть правду (Чубайс, Илюшин), противостоят две другие немаломощные фигуры — Красавченко и Скуратов. Шайба не просто вброшена

в игру, это сделано так, что она разыгрывается сама собой.

Тот, кто задумал и продумал до мелочей всю игру с вбросом расшифровки в газету, подтвердил, что не зря носит погоны генерала (если он их, конечно, носит). На этой войне, «войне компроматов», ему равных нет. Но на войне как на войне — сказать, кто «останется в живых», с полной уверенностью все равно нельзя.

23 ноября 1996 года передача «Скандалы недели» (телекомпания «ВИД») была снята из эфира 6-го канала без объяснений причин. Однако известно, что авторы «Скандалов» дважды выслушивали претензии по поводу сюжетов своей передачи.

Один из них был основан на видеозаписи, сделанной во время выноса злополучной коробки с 500 тыс. долларов. Последний выпуск «Скандалов» по требованию руководства канала был представлен для предварительного просмотра. Результат известен: «Скандалы» в эфир не вышли. «Московские новости» связались с одним из авторов передачи Сергеем Соколовым, который предоставил редакции не только видеозапись последнего выпуска «Скандалов», но и полную запись интервью Александра Коржакова:

А. К.: Я сейчас вообще не хочу о президенте говорить, потому что свои отношения с ним мы должны урегулировать в суде. После его последнего распоряжения в отношении меня я ничего о нем говорить не буду.

«СКАНДАЛЫ»: Но он хотел проверить финансовую деятельность своего штаба?

А. К.: Если я скажу, что хотел, потом мне скажут, что это клевета. Зачем я буду говорить? Я ничего не буду говорить. Пусть наши отношения урегулируют-

ся на правовой основе в Кунцевском межмуниципальном суде.

«СКАНДАЛЫ»: А было ли что проверять в предвыборном штабе?

А. К.: Конечно, было.

«СКАНДАЛЫ»: Что? Если не вдаваться в подробности...

А. К.: Я пока еще нахожусь на службе, и давайте не будем об этом. И потом, уголовное дело по этому поводу возбуждено. И зачем через средства массовой информации влиять на ситуацию?

«СКАНДАЛЫ»: Вы подозревали, что там существуют какие-то финансовые манипуляции?

А. К.: Я не подозревал, я знал и докладывал куда надо.

«СКАНДАЛЫ»: То есть вы докладывали президенту?

А. К.: Я вам сказал, куда надо.

«СКАНДАЛЫ»: Когда Кунцевский суд будет рассматривать ваше дело? И вообще вы надеетесь его выиграть или нет?

А. К.: Если бы я не надеялся его выиграть, то я бы не подавал в суд. Когда будет рассматривать, решит суд. Но, как правило, такие дела рассматривают в течение нескольких месяцев. С судьей я не беседовал, беседовал мой представитель. Я написал письмо судье. В письме этом было основное содержание моих вопросов к ответчику. Кстати, ответчиком является не только президент, но и Чубайс, потому что то служебное распоряжение, которое подписали в отношении меня в выходной день перед самой операцией президента, было распространено по команде Чубайса по всем субъектам Федерации, во все средства массовой информации.

«СКАНДАЛЫ»: Что вы можете сказать о войне компроматов?

А. К.: Пять месяцев на меня уже роет Чубайс. И по команде Чубайса кто только не роет. Но никак не нароют. На все вопросы прокуратуры я ответил. Я был в прокуратуре трижды по разным делам. Вот сейчас иду четвертый раз. Костыли отброшу и пойду.

«СКАНДАЛЫ»: Сейчас служба безопасности президента, которая работала до недавнего времени под вашим руководством, обвиняется во многих тяжких грехах — например, в незаконном прослушивании.

А. К.: Сначала скажу, что сейчас службы безопасности президента нет. Существует просто подразделение личной охраны. Я могу сказать вам совершенно ответственно, что, когда я руководил службой безопасности президента, никогда ни в своих действиях, ни в указаниях подчиненным я не нарушал закон, не отступал от указаний президента. Если бы нарушал, я был бы уже давно в другом месте.

«СКАНДАЛЫ»: То есть если и велась какая-то оперативная работа, то...

А. К.: Она была в рамках законности.

«СКАНДАЛЫ»: Если Генеральная прокуратура в результате расследования придет к выводу, что были крупномасштабные финансовые нарушения в ходе предвыборной кампании, на ваш взгляд, к чему это должно привести?

А. К.: Я не думаю, что Генеральной прокуратуре дадут довести дело до конца. Как ей не дают другие дела доводить.

«СКАНДАЛЫ»: Скажите, для чего служба безопасности проводила эту операцию с задержанием 538 тысяч долларов в Белом доме?

А. К.: Когда все это произошло, я дал указание

ничего не афишировать. Наше дело было задержать, установить сам факт, допросить задержанных, естественно, их отпустить и доложить президенту. Что мы и сделали. Но те люди, которые сидели в «Лого-ВАЗе», те же самые Чубайс, Березовский, все та же компания, видимо, сидела и тряслась, боясь, что Коржаков и Барсуков их арестуют. Из-за этого были эти ночные телепередачи, выдумали очередной ГКЧП, разбудили Лебедея... В 8 утра мы с Барсуковым были на докладе у президента. 40 минут докладывали с документами. Он докладом был удовлетворен. Единственное что спросил: зачем же такой шум поднялся? Мы сказали, что шум поднимали не мы. Но потом все перевернули с ног на голову. А сейчас мы видим последствия того скандала...

«СКАНДАЛЫ»: Когда появится ваша книжка?

А. К.: Думаю, что в 1997 году.

«СКАНДАЛЫ»: Для чего вы ее пишете?

А. К.: Чтобы люди читали. Когда я занимался 24 часа в сутки охраной президента, мне некогда было писать книжки. А сейчас я 5 месяцев бездельничаю, вот от безделья я и пишу книжку. И одновременно готовлюсь стать депутатом, если меня выберут, и у меня появится работа, то я буду работать депутатом.

Мне не стыдно за работу в службе безопасности президента. Я ее честно выполнял, и ко мне люди шли. Я работал добросовестно и хорошо, и сейчас кадры сохранились. Совсем недавно было трехлетие службы. Ее практически 5 месяцев не существует, а все в Кремле праздновали это трехлетие. И ко мне приходили и звонили. Целый день телефон не умолкал...

14 октября 1996 г. в гостинице «Рэдиссон-Сла-

вянская» в том же зале, где сорвал аншлаг генерал Коржаков, провел свою пресс-конференцию вернувшийся из Швейцарии экс-президент НФС Борис Федоров.

Федоров взобрался на трибуну, тяжело опираясь на трость, и сказал, что после покушения никак не может прийти в себя и скоро опять ляжет в больницу. А в Москве он хотел бы выяснить, куда девались деньги Национального фонда спорта, который еще пять месяцев назад процветал. Заявление полковника Стрелецкого, сменившего Федорова в НФС, о том, что фонд в финансовом плане — дыра, для экс-президента оказалось сенсацией.

Федоров сомневается, что у Коржакова есть компромат на противников — все это, дескать, раздуто. Сбором компромата занимался Стрелецкий, а это «человек бессмысленный и бесталаный». К Лебедею генерал пристал, потому что привык к сильному хозяину. А зачем самому Лебедею после больших политических успехов нужен генерал — для Федорова загадка. Вообще Федорову жалко Коржакова, как выброшенную на берег рыбу.

Помимо того, Федоров хочет «очистить собственное имя». Кроме известного заявления о вымогательстве у него 40 миллионов долларов, экс-президент НФС передал в Генпрокуратуру еще одно заявление о неправомерном изъятии крупной собственности у НФС, которое также осуществили Коржаков и Стрелецкий. За этим их эмиссары даже на Кипр летали, шантажировали людей Федорова. Еще один блок претензий связан с незаконным, как считает Федоров, лишением его руководящих постов в НФС и в нескольких банках.

Федоров подчеркнул, что никто из противников

Коржакова не давал ему гарантий безопасности, о телеинтервью он просил сам. В 37 лет, сказал Федоров, уйти в небытие, как рекомендовал ему Коржаков, не хочется. К решению вступить в борьбу с могущественными соперниками он шел долго, но молчать сил уже не было. Когда Федоров вернулся в Россию, запуганные службой безопасности коллеги воспряли духом и говорят: «Борис, давай бороться».

У Федорова есть веские основания считать, что арест и покушение на него были организованы полковником Стрелецким. Покушение неудачное, потому что служба непрофессиональная. У него есть вещественные доказательства того, что Коржаков и Стрелецкий вымогали 40 миллионов долларов. И эти миллионы не имеют никакого отношения к бюджетным средствам, выделенным НФС. 10 миллионов охранники требовали наличными, а 30 миллионов надо было перевести на диковинный счет, который не имел отношения к бюджету, а только к структурам Стрелецкого.

Единодушный вывод журналистов, побывавших на пресс-конференциях Коржакова и Федорова, сводился к следующему: правды никто никогда не узнает...

Вопрос в том, действительно ли Коржаков обладал серьезной информацией о каких-то неблагоприятных делах ряда высокопоставленных лиц, или заявление бывшего начальника службы безопасности не более чем блеф. В какой-то степени пролить на это свет мог бы человек, знакомый с деятельностью службы безопасности президента. Например, Евгений Савостьянов, заместитель главы администрации Президента России. После отстранения от должности Коржакова он занимался личным составом службы безопасности,

беседовал с каждым офицером, пытаюсь выяснить, как утверждают СМИ, какую информацию и о ком они собирали. Кроме того, Савостьянов несколько лет возглавлял управление ФСБ по Москве и Московской области и в силу этого соприкасался со службой безопасности президента. Он согласился ответить на вопросы корреспондента «Известий»:

— Новое время породило проблему, неизвестную широкой общественности, — сказал Е. Савостьянов. — Значительная часть старого агентурного аппарата госбезопасности выдвинулась в современные политические и экономические элиты. Агенты (особенно, кто ушел в экономику) зачастую стали использовать свои связи с оперативными работниками ФСБ для решения собственных задач. Например, для устранения конкурентов: сбрасывают о них негативную информацию в компетентные органы. Я пытался завести порядок: если такая информация не подтверждается, разбираться с источником. Вплоть до привлечения его к уголовной ответственности за клевету. Оказалось, бороться с этим весьма опасным явлением очень трудно.

Говорю об этом потому, что такая информация, не подтвержденная документально, не имеет ценности. В ней очень много лжи.

Служба безопасности президента до марта нынешнего года не обладала правом на ведение оперативно-розыскной деятельности, поэтому вынуждена была пользоваться слухами, а для серьезного закрепления полученной информации обязана была передавать ее в ФСБ. В ФСБ существует установленный порядок работы с такими материалами, и если служба безопасности президента передавала им информацию, представляющую хоть какую-то ценность, то

ФСБ занималась ее проверкой, то есть легализовала. Так что значительная часть компромата, о котором говорит Коржаков, спецслужбам известна.

Если мы не имеем громких дел по информации, переданной СБП, значит, такова цена этой информации. Значит, при серьезной проверке она не подтвердилась.

Полагаю, в заявлениях Коржакова гораздо больше желания придать вес собственной персоне, чем реальной основы.

— Но в силу своей служебной деятельности генерал достаточно осведомленный человек.

— Ну и что? Он действительно много знает о том, кто с кем и сколько пил, как продвигался по служебной лестнице, и тому подобное, но эта информация скорее для мемуаров, чем для правоохранительных органов.

— Думаю, все же не стоит исключать того, что Коржаков где-то припрятал компромат.

— Разумеется. Но если он его действительно где-то припрятал, то генерал таким образом нарушил инструкцию порядка обращения с секретными материалами. Он обязан был передать их в установленном порядке.

— Это нарушение влечет какую-то ответственность?

— Вплоть до уголовной. Надо сказать, что заявление Коржакова дало богатую пищу для прокуратуры. В частности, он заявил о том, что Березовский обратился к нему, начальнику службы безопасности президента, с предложением убить известного предпринимателя Гусинского. Генерал обязан был сам принять решительные меры в отношении Березовского или сообщить о его предложении в ФСБ или прокура-

туру. Но из его заявления даже не видно, что он пытался отговорить Березовского от этой затеи. Если генерал сам отказался от участия в убийстве, то заказчик мог обратиться к кому-то другому. Это первый угол, в который загнал себя Коржаков: либо к нему приходили с предложением убить конкурента и он не заявил об этом в правоохранительные органы и должен за это отвечать, либо этого не было и он оклеветал человека, что тоже влечет за собой уголовную ответственность.

Во-вторых, если у Коржакова существует компромат, собранный не на основании закона об оперативно-розыскной деятельности, если ход этой деятельности не зафиксирован документально, как это положено, значит, он использовал служебное положение в личных, корыстных целях и должен за это отвечать.

— Как вы полагаете, почему Борис Федоров вдруг решил изобличить Коржакова?

— Наверное, потому, что хочет жить... Удивляюсь, почему он не сделал этого раньше. Ему следовало обратиться в прокуратуру еще до того, как на него совершили покушение. Известно, пока человек носит информацию в себе, у его противников высок соблазн убить его, навсегда похоронив информацию. Когда же информация известна многим, убийство теряет смысл.

Во всей этой ситуации обращает на себя внимание такой факт. Насколько мне известно, сразу же после первого интервью Федорова, которое он дал телевидению, на него вышли представители одной из наиболее влиятельных в Москве преступных группировок и предложили замолчать, иначе убьют. Странная связь: Федоров изобличает Коржакова, а угрожает ему преступная группировка, о которой Федоров, кстати, ни словом не обмолвился. Полагаю, от подо-

зрения о связи с преступным миром Коржакову будет очень сложно избавиться.

— Во взаимных обвинениях, которыми поливают друг друга Федоров и Коржаков, не обладая достаточной информацией, трудно определить, кто прав, кто виноват. Генерал Коржаков и его ближайший помощник по службе безопасности полковник Стрелецкий обвиняют Федорова в том, что он куда-то дел 40 миллионов долларов, выделенных Национальному фонду спорта для строительства оздоровительного комплекса. И вообще, заявил Стрелецкий, вопросы о финансовой деятельности фонда, возглавляемого Федоровым, возникли у них еще в конце 1994 года.

— Ну что ж, вот вам дополнительная информация к размышлению. Как раз в конце 1994 года УФСБ по Москве и Московской области возбудило уголовное дело по факту злоупотреблений в НФС. Это была наша совместная работа с таможней. Коротко о сути дела.

Президент Ельцин издал указ, которым предоставлял фонду право на льготы по импортным тарифам. В указе говорилось, что это не абстрактное предоставление льгот, они предоставлялись исключительно под конкретные спортивные мероприятия или программы. Льготы устанавливались постановлением правительства в каждом конкретном случае. Мы выбрали одно из таких мероприятий — международный турнир по хоккею, посмотрели его смету. Затем на таможне изъяли документы НФС, по ним изучили суммы, которые шли на обеспечение соревнований. Сравнили цифры, и выяснилось: льгота в 30 раз больше той суммы, которая выделена на соревнования. По этому факту возбудили уголовное дело. Конкретные фамилии тогда еще не фигурировали.

Мне позвонили два человека и потребовали пре-

кратить дело. Я отказался. Вскоре мне позвонил тогдашний и. о. Генерального прокурора Алексей Ильющенко. У нас состоялся весьма нервный разговор. Я и ему отказал в прекращении уголовного дела, считая, что возбуждено оно на вполне законном основании. Затем дело в порядке прокурорского надзора запросил заместитель Генерального прокурора Олег Гайданов и прекратил его.

— А что это за два человека, о которых вы упомянули вскользь?

Длительная пауза.

— Я мог бы сказать, что это были Коржаков и Тарпищев, но поскольку наша беседа никак не была документально зафиксирована, я не буду настаивать на своем утверждении.

Я, автор этой книги, думаю, что генерал А. Коржаков забыл правило «что позволено Юпитеру, не позволено быку». Забыл и тут же поплатился. Расплата оказалась не самой страшной. Кресло в Государственной Думе, броня депутатской неприкосновенности, владение компроматом на всех или почти всех, угодливые и тревожно-восхищенные взгляды членов оппозиционных фракций — все это позволяет генералу Коржакову чувствовать себя «в седле» и надеяться на лучшие времена.

ТЮРЬМА И СУМА

Есть страны, в которых к власти ведет богатство. В таких случаях редко встречаются финансовые злоупотребления. Политики богаты изначально, их инте-

ресует власть и все. Есть страны, в которых к власти ведет, если не нищета в полном смысле этого слова, то что-то подобное. Власть ассоциируется с «красивой жизнью». А «красивая жизнь» требует денег. На этом пути и встречаются служебные злоупотребления, в том числе и финансовые.

Обыватель не может точно сказать, где кончается легальное предпринимательство и начинается мошенничество. На самом деле он просто не желает этого знать. И это, вероятно, величайшее достижение преступности на государственном уровне. Л. Никитский писал о том, что «в сентябре 1996 г. агентство «Интерфакс» передало сообщение о задержании на 30 суток в порядке, предусмотренном указом президента о борьбе с организованной преступностью, руководителя компании «S. I. Realty» Александра Вульфо́ва, который является близким другом Ильюшенко и будет допрошен по его делу. В доказательство этих связей «Интерфакс» сообщил о том, что в сейфе Вульфо́ва у него в офисе найден заграничный паспорт экс-и. о. генпрокурора. Скорость появления и подробности сообщения «Интерфакса» не оставляет сомнений в источнике его «утечки» — это следственная группа по «делу Ильюшенко».

Вульфов и Ильюшенко впервые познакомились в 1990 году, когда Ильюшенко, только что приглашенный на работу в Москву из Красноярска, был еще рядовым клерком одного из отделов Генпрокуратуры РФ и проживал в кооперативной квартире в подмосковном Солнце́ве. Став вскоре исполняющим обязанности (видно, так ему на роду написано) председателя ЖСК, Ильюшенко принял в кооператив кооператора-строителя Александра Вульфо́ва, которому была выделена спорная квартира. Затем по решению суда

Вульфова чуть не выселили, и он откупился от настоящего очередника другой квартирой на юго-западе столицы. Однако дружба между Ильюшенко и Вульфым не только сохранилась, но и окрепла.

Со временем и, возможно, не без помощи своего нового друга Вульфов занялся торговлей недвижимостью и создал фирму «S. I. Realty», входящую сегодня в пятерку самых крупных риэлтеров Москвы. У этой фирмы были и иные интересы — в частности, она активно участвовала в не успевшем полностью сформироваться и развалившемся в связи со смертью Владимира Рачука холдинге по спасению банка «Чара» (сообщение газеты «Коммерсант» о проведении «S. I. Realty» аудита «Чары» неточно — у этой фирмы нет и лицензии на аудит). По сведениям со стороны, в последнее время в результате колебаний на рынке недвижимости «S. I. Realty» сильно «просела» и задолжала крупную сумму «Уренгойбанку», за которым стоит целый куст влиятельного нефтяного лобби. Сам Вульфов в беседе со мной не подтвердил долгов «Уренгою», но признал, что его фирма имеет долги перед двумя другими банками, назвать которые он не захотел.

Спустя трое суток после задержания Вульфов был освобожден под подписку о невыезде, при этом ему предъявлено типовое обвинение в хранении пистолета: по версии следствия дробового, а по версии защиты газового, но на который так или иначе у владельца имелось разрешение. Принимая во внимание, что влиятельным кредиторам он нужен «живым», факт освобождения Вульфова, вопреки очевидным оперативным интересам Генпрокуратуры, выглядит уже не столь удивительным. Но если такая закулисная помощь и была оказана, то даже не она сыграла

тут решающую роль. Главное же заключается в том, что задержание Вульфова было произведено исключительно наспех, как попало и непрофессионально.

В постановлении о задержании на 30 суток фигурировал имевший место летом этого года эпизод, когда некие лица в помещении «S. I. Realty» совершили между собой мошенническую сделку. Двое из них были задержаны, однако ничего против Вульфова, кроме самого факта знакомства с ним, они не показали, факт его причастности к этой сделке никак не доказывается. Исходя из этого, Москворецкая межрегиональная прокуратура, куда обратился адвокат Вульфова (и Ильюшенко) Александр Аснис, не усмотрев здесь никаких признаков организованной преступности, согласилась лишь с обычным задержанием на 3 суток, по истечении которых Вульфов был освобожден под подписку о невыезде.

Руководитель следственной группы по «делу Ильюшенко» в ранге помощника генпрокурора РФ Николай Емельянов при личной встрече, достаточно рассказал о самом «дело Ильюшенко», связанном с получением взяток от бывшего главы компании «Балкар-Трейддинг» Петра Янчева, и назвал Ильюшенко фактическим соруководителем этой фирмы. По словам Емельянова, факты конкретных протекционистских действий в пользу «Балкар-Трейддинга» со стороны бывшего и. о. генпрокурора доказаны показаниями должностных лиц правительства, министерств и ведомств, а также московской мэрии. Следствие располагает также данными о том, что Ильюшенко был не только в курсе всех деталей продажи «Балкар-Трейддингом» по заниженной цене двух джипов своим родственникам в Красноярске, но и сам выбирал машины, устраивал их перевозку авиа-

транспортом, звонил в Красноярскую администрацию с просьбой принять и доставить джипы.

По словам Емельянова, эпизод дачи Янчевым взяток Ильюшенко (и не только в виде двух джипов) можно считать полностью расследованным, и передача дела в суд затягивается только лишь из-за необходимости исследовать все детали преступной деятельности самого Янчева в рамках операций «Балкар-Трейдinга». При встрече с корреспондентом «МН» Емельянов выглядел и говорил очень уверенно, однако этот разговор имел место еще до того, как Александр Вульфов уже в восьмом часу вечера был освобожден из-под стражи.

По данным Генпрокуратуры, Вульфов в период содержания его друга в «Лефортово» оплачивал также услуги адвоката Ильюшенко. Со своей стороны, общий защитник Ильюшенко и Вульфо́ва Александр Аснис подтвердил, что ему известно о финансовой помощи, которую Вульфов оказывает жене Ильюшенко Татьяне, но из каких денег она оплачивает его услуги, он не интересовался. Однако, как бы там ни было, с арестом Вульфо́ва следственная бригада по «делу Ильюшенко», вероятно, связывала не только получение от него показаний против бывшего и. о. генпрокурора, но и лишение семьи Ильюшенко финансовой помощи. Этого сделать не удалось.

Судя по допросам и непротокольным беседам, которые велись с Вульфовым в течение трех суток содержания под стражей, его собеседников более всего интересовали связи с Ильюшенко, прямого отношения к уже развалившемуся «делу Вульфо́ва» не имеющие. Однако к аресту оказался не готов не только сам Вульфов — иначе он потрудился бы перепрятать паспорта и счета Ильюшенко из офиса, — но совер-

шенно неподготовленным отказалось и следствие. Именно топорность так называемой оперативной комбинации позволяет предположить, что инцидент с Вульфовым стал следствием активности Ильюшенко в СМИ.

Вышедший на свободу Александр Вульф, как и жена Ильюшенко Татьяна, с которыми корреспонденту «МН» удалось встретиться, не отрицают очевидного — а именно того, что Вульфовым через «S. I. Realty» оплачен найденный при обыске счет за мебель на имя жены и. о. генпрокурора. Впрочем, по их словам, долг четы Ильюшенко Вульфовым даже больше и достигает 50—60 тыс. долларов, но ведь дача займы между друзьями не образует состава преступления, не так ли? Это объяснение может показаться нам не слишком убедительным, как и объяснения Вульфова относительно обнаруженного неиспользованного загранпаспорта с его фотографией, но на чужое имя. Но это лишь с точки зрения здравого смысла, а с точки зрения презумпции невиновности попытки опровергнуть объяснения Вульфова также вряд ли оказались бы убедительными для суда.

Поскольку слово «коррупция» не фигурирует в действующем Уголовном кодексе, мы можем позволить себе выразить мнение, что из ставших известными деталей «дела Ильюшенко» вырисовывается впечатляющая картина общей коррумпированности власти и правоохранительных органов. Но, в отличие от Николая Емельянова, от употребления более конкретного слова «взятка» мы бы до судебного приговора все же воздержались. Современная коррупция — дело тонкое, непосредственно «на лапу» на таком уровне никто, разумеется, не берет, доказывать «общий протекционизм» в суде будет затруднительно.

И дело здесь не в прорехах действующего УК и даже не в непрофессионализме оперативных служб, сполна явленных в инциденте с Вульфовым. Проблема в том, что коррупция пронизывает весь организм власти, включая и сами правоохранительные органы на всех уровнях; поэтому выхватывание из этой уходящей во тьму паутины отдельного звена в виде того или иного должностного лица, той или иной коммерческой структуры мгновенно производит сотрясение во всей системе, которая сразу же бросает все силы на восстановление нарушенного баланса. Если бы Алексей Ильюшенко был связан только с Петром Янчевым, если бы задержание Александра Вульфо́ва вторгалось только в сферу интересов Ильюшенко, то и Николай Емельянов мог бы оказаться более удачлив».

Ольге Богдановой удалось встретиться с женой Ильюшенко — Татьяной Владимировной.

Жена бывшего и. о. генпрокурора России, находящегося под следствием, не дает интервью. Для кого-то он преступник, казнокрад, и поделом, мол, ему. Кто-то считает его если не «невинной жертвой показательных процессов», то жертвой предательства, «подставленным».

Для Татьяны Владимировны он — самый близкий человек, с которым произошло несчастье.

Они родились в Красноярске. В 1979 году свой шанс познакомиться упустили: Алексей окончил юридический факультет Красноярского госуниверситета, а Татьяна в тот же год поступила. Но через пять лет жизнь все же свела их. Алексея после службы в армии распределили в прокуратуру Ленинского района. Татьяна попала на практику туда же. Познакомились в январе, в марте начали встре-

чатся, в мае подали заявление в загс. Через год родился сын — в честь деда назвали Николаем.

Алексей уже тогда вел достаточно громкие дела, пропадая на службе с утра до ночи. Когда сыну исполнилось полтора года, Татьяна тоже вышла на работу. Была квартира, машина, хорошая дача... Рядом — близкие и друзья. В 1989 году Алексею предложили работу в Москве. Татьяне очень не хотелось бросать все и ехать в суматошную столицу. И в течение года муж жил в московском общежитии, а она брала дни за свой счет и летала на свидания. Потом дали квартиру в Переделкино, и семья Ильюшенко, распродав красноярское имущество, переселилась.

И началось восхождение. Честолюбивый, бескомпромиссный Ильюшенко работал на износ и, как всякий уважающий себя мужчина, стремился к высотам. Тем более что в крепости своего тыла был уверен: жена не упрекала в вечном отсутствии, нехватке внимания.

— Мы за эти годы в отпуске вместе были один раз, в Сочи. Но, по-моему, у настоящего мужчины иначе быть не может. Знаете, как говорят: за мужем как за каменной стеной. У меня всегда было это чувство... До тех пор, пока все это не случилось.

— Как вы отнеслись к его назначению и. о. Генерального прокурора?

— Меня просто поставили перед фактом. Если бы я могла влиять на Алексея в принятии важных решений, я бы сделала все, чтобы он не «ходил во власть». Но он все решает сам, и, насколько я понимаю, предложение исходило от человека, которому он не мог отказать.

— Деньги и власть сильно меняют людей, и не в лучшую сторону...

— Не для всех это верно. Муж, по-моему, нисколько не изменился. И потом, никаких астрономических изменений в нашем материальном положении не произошло, хотя многие — с подачи журналистов — уверены в обратном. Мы оба много работали, я — юристом в коммерческих структурах. В те времена, когда средняя зарплата была 120 рублей, я получала 800. Поэтому не было внезапно свалившегося богатства. А власть... Лично я присутствовала всего на нескольких встречах «в верхах», только тогда, когда это было положено по протоколу.

— Женская интуиция не подсказывала вам, что все может закончиться так печально?

— Я знала, что этот пост не пожизненный. Зная трудный характер мужа, была готова к тому, что могут снять. Понимаете, он очень требователен к людям, но и к себе — тоже. Достаточно строг. Я знала, что есть какие-то конфликты. Но когда пришли с арестом, с обыском... Просто шок испытала, не могла поверить, что все это происходит с нами. Можете себе представить: понятия — соседи по дому. Опись имущества. Доходило до идиотизма: считали, сколько стоят наши унитазаы, плитка... Осматривали дверные ручки — не открутил ли их Ильюшенко в Генпрокуратуре. Забрали телевизор, видеомагнитофон. Проверили биографии чуть ли не с детского сада. Подсчитывали наши доходы и сверяли со стоимостью вещей. На это, говорят, не заработали, откуда деньги? Но мы и в Москву не нищие приехали, и много работали всю жизнь. Теперь я декларирую доходы — чуть ли не насильно декларацию вписываю, хотя у меня одно место работы, могла бы не нервничать. Но просто боюсь... Тем более для меня очевидно, что дело сфабриковано, что мужа просто подставили, когда он стал неугоден.

— Как вы считаете, чем закончится дело?

— Если будет объективный суд, его оправдают. Но я боюсь, что устроят показательную порку. Некоторые участвующие в деле люди открытым текстом говорят, что лягут костями, но не выпустят его. Советуют подыскать нового мужа... Мера пресечения о многом говорит: у нас, наверное, только убийц могут под подписку о невыезде освобождать. Но я верю, что все кончится благополучно. Понимаете, мой муж никогда в жизни не сделал бы ничего, что нанесло бы ущерб стране.

— А что будет, когда все закончится, — вернетесь в Красноярск, на родину?

— Нет, все же здесь — дом, работа, школа... Как-то будем жить. Поначалу я растерялась. Мне раньше говорили, что меня от демократии лечить надо. Я и сейчас альтернативы не вижу, но хочется законности и уверенности в будущем.

— Что за это время было для вас страшнее всего?

— Не знаю. Первый момент, когда словно гора на плечи рухнула. Не понимала, что делать, куда бежать. Долго боялась даже в подъезд выйти, смотреть людям в глаза.

А потом я почувствовала, что друзья — рядом. Причем появились и новые, поддерживавшие в самый сложный момент. Конечно, многие из тех, кого мы считали близкими знакомыми, испарились в одночасье — это естественно.

Очень трудно было родителям, Алешина мама долго болела...

Я очень переживала, как перенесет это сын. Десятилетнему ребенку трудно объяснить. Но Коля все понял и как-то сразу повзрослел, что ли. Видел, как тяжело мне, и стал просто маленьким мужичком.

Очень трудно было читать газеты, тем более большая часть написанного — неправда. Я, оказывается, обладала правом первой подписи в фирме Петра Янчева, жила в Швейцарии... Семейный криминальный бизнес, в общем. А я работала юристом в банке, правда, устроилась действительно по знакомству — а как иначе? И в Швейцарию только собиралась, слава богу, не успела. Мне предложили интересную работу с хорошей зарплатой. Отказаться было бы глупо. Но ничего противозаконного в жизни не делали ни я, ни Алексей.

— Вы так уверены в муже?

— Конечно. Ни секунды никогда в нем не сомневалась.

— Что сейчас зависит от вас?

— Все. Я знаю, что муж все выдержит, не сломается. И мне приходится быть сильной, не расслабляться. Работаю, вожу сына в школу, на музыку, в секцию. В общем, стараюсь дать ему все, что возможно. Дважды в месяц собираю передачи в тюрьму.

— А свидания?

— Несколько раз были. Но Алексей запрещает мне ездить в Лефортово. Он считает, что очень унижительно общаться через стекло в присутствии надзирателей. И боится за меня, за сына.

— Когда вы виделись в последний раз?

— Осенью.

— Как вам удастся переживать это?

— Я вообще фаталистка, считаю, что выпавшие на долю испытания нужно переносить: суждено, никуда не денешься. А в последнее время живу, как Скарлетт О'Хара, по принципу: «Я подумаю об этом завтра». Бегу, бегу...

В каждой области жизни существуют свои правила игры. Вступающие в круг обязаны безоговорочно принять их. Идешь во власть — будь готов к публичной славе и почти неизбежному последующему позору. Не зарекайся от суммы и тюрьмы. Те, кто вчера просил поддержать и давал указания, сегодня обвинят в чем угодно и в лучшем случае равнодушно отвернутся. Для того чтобы посадить за решетку любого чиновника, достаточно пару месяцев прослушивать его телефонные разговоры. И у нас никого не сажают без команды свыше. Где короли, где пешки?.. Такие вот игры.

Мужчины безропотно и даже с удовольствием играют в них, расплачиваясь потом свободой, здоровьем, жизнью.

Но, может быть, им стоит иногда прислушаться к своим женщинам? Ведь именно им достается «горькое похмелье».

В то время как причиной традиционной преступности служат врожденные или приобретенные пороки, то экономическая преступность имеет иные корни.

Главный директор Совета по предупреждению преступности при Департаменте юстиции Швеции Бу Свенсон написал книгу, рассчитанную «на лиц, желающих получить информацию о тех явлениях, которые принято относить к экономической преступности, о вреде, причиняемом обществу такой преступностью, и о возможных средствах ее предупреждения». Бу Свенсон утверждает: «Экономическая преступность возникла с древних времен. Экономическое развитие привело к принятию обширного законодательства.

В обществе с абсолютно свободной игрой рыночных сил существует опасность, что слабые в экономи-

ческом и социальном отношении группы граждан падают в тяжелое положение. Эту ситуацию пытаются исправить при помощи принятия обширного законодательства, которое должно регулировать экономические отношения в обществе.

Поэтому помощь этим группам должна комбинироваться с уплатой налогов и иных взносов так, чтобы сохранился общественно-экономический баланс.

Под черными деньгами понимают деньги, которые находятся в «черном секторе», или в скрытой экономике. Может возникнуть вопрос и о деньгах, полученных преступным путем, например в результате ограбления банка. Может также возникнуть вопрос и о иной преступной добыче, например от торговли наркотиками или содержания публичных домов.

Грабитель банка или торговец наркотиками может предположить, что ему будут задавать трудные вопросы, если он, например, пожелает купить и юридически оформить недвижимость. Или он вознамерится вложить свои «черные деньги» в ресторанное дело либо в другое коммерческое предприятие.

Понятие «экономическая преступность» не имеет четких уголовно-правовых границ, и существуют разные точки зрения по поводу содержания этого понятия.

В понятие экономической преступности включают целый ряд явлений разного рода. К экономической преступности должна относиться прежде всего преступность, имеющая в качестве прямого мотива экономическую выгоду. Кроме того, экономическая преступность должна носить длящийся характер, осуществляться систематически и в рамках легальной хозяйственной деятельности, на основе которой возникают преступные деяния.

Экономические преступления чаще всего рассматривают как квалифицированные в том смысле, что такие преступления имеют большой размах, затрагивают большие общественные ценности или наносят ущерб группам людей.

Как правило, эти преступления трудно обнаружить и за них трудно привлекать к ответственности. Примерами экономической преступности являются обман налоговых властей, валютные махинации, мошенничество и преступления должников.

Если исходить из позиции, что случай делает вора, применительно к экономической преступности, то изначальным пунктом тут служит то условие, что каждое преступление уникально и порождается рядом обстоятельств, взаимодействующих между собой зачастую в определенных условиях. Для валютных преступлений решающее значение имеют, например, большие и зачастую повторяющиеся изменения на международном валютном рынке. Но валютный рынок невозможно регулировать простым указанием на заинтересованность предотвратить валютные преступления в отдельно взятой стране.

Вообще-то попытка регулировать техническое и экономическое развитие таит в себе опасность роста преступности по той простой причине, что таким образом запрещается значительно более деяний, чем раньше. И с этой точки зрения современная преступность не отличается в принципе от традиционной. Когда в 60-е годы были отменены старые правовые нормы о применении телесных наказаний к собственным детям, то совершенно очевидно, что тем самым возросло число преступлений, связанных с насилием, поскольку некоторые родители продолжали, несмотря на запрет, применять к своим детям те-

лесные наказания. Можно сказать, что традиционная преступность затрагивает отношения, которые не трудно понять, — ведь легче объяснить, почему не надо бить детей, чем почему нельзя обмануть государственный банк.

В публичных дискуссиях часто утверждают, что «черные» деньги можно сделать белыми. Можно услышать немало рассказов о том, как «черные» деньги делались «белыми». Важно добиться, чтобы в обществе «черных» денег вообще не стало.

КРИМИНАЛЬНЫЕ ТАЛАНТЫ

Возможно, что не существует организованного преступного сообщества, которое охватывало бы все виды преступной деятельности, но не подлежит сомнению, что имеется более или менее определенная организация, меняющая свои формы в зависимости от времени, места и конкретных видов преступной деятельности.

Для того чтобы организованные преступники могли действовать беспрепятственно, необходима связь с политической машиной.

В местах, где имеет место и поощряется деятельность преступных элементов, хозяйничают банды. Банды процветают, местная же политическая группа преуспевает с помощью и при поддержке банд. Возникает нечто вроде взаимного соглашения на основе обоюдной выгоды. Для того чтобы обеспечить себе соответственные привилегии и льготы, банды принимают все меры. Бандиты помогают своим дру-

зьям остаться у власти, контролируя проведение выборов.

Организованная преступность оказывает злое влияние на всю социальную систему, особенно в тех случаях, когда власть преступного подполья распространяется на государственные учреждения и приобретает характер политической власти. В результате получается нечто вроде государства в государстве — тоталитарное преступное подполье.

Бандиты проникают не только в политику, но и в легальный бизнес. Они используют свои доходы для приобретения законно существующих предприятий. Установление монополии в определенной сфере — ключ к огромным доходам.

Преступный элемент проникает в самые различные сферы жизни: телевидение, реклама, издательское и газетное дело, увеселительные заведения, банковское дело, спорт, бензозаправочные станции и гаражи, импортные и экспортные операции, спиртово-водочная промышленность, производство и продажа сигарет, рестораны и бары, строительное дело, операции с недвижимостью, перевозка грузов и. т. д.

Преступники организуются для того, чтобы: 1) достичь больших результатов, 2) иметь более широкое поле деятельности, 3) обеспечить за собой монополию на совершение преступлений данного вида в определенном районе, 4) обезопасить себя от конкуренции и предательства, 5) поддерживать дисциплину и располагать при случае средствами запугивания и ликвидации.

Капитал неразборчив в средствах и легко принимает в свои ряды лиц, замешанных как в нелегальной деятельности, так и в экономических преступлениях. И как следствие этого звучат выстрелы.

Так, Григорий Пунанов утверждает, что депутат от ЛДПР Сергей Скорочкин был не только жертвой, но и убийцей.

«Убийство депутата Государственной думы от фракции ЛДПР Сергея Скорочкина раскрыто. Следствие полностью опровергает все заявления вождя либерал-демократов о якобы политической подоплеке этого преступления. Потому как мотив здесь — деньги.

Скорочкин Сергей Григорьевич, 1961 г. р. Уроженец Краснодарского края. Образование среднее. Служил в пограничных войсках. После занимался предпринимательской деятельностью. Основные направления: торговля, производство водки. Много раз его предприятия прогорали, но он создавал новые. 12 декабря 1993 года избран депутатом Государственной думы по 107-му Коломенскому избирательному округу. Сначала примкнул к фракции «12 декабря», а затем вступил в думскую фракцию ЛДПР.

На скамью подсудимых сядут сразу шесть человек: один заказчик и пятеро исполнителей. Любопытно, что следователи Московской областной прокуратуры вместе с убийством Скорочкина раскрыли и два убийства, совершенные им самим.

Рано утром 1 февраля 1995 года Скорочкин вернулся в Москву из Великобритании. Вместе с ним прилетели и два его английских партнера по бизнесу.

Вечером того же дня депутат привез гостей в свой родной подмосковный Зарайск. Поужинать решили в местном баре под названием «У Виктора», где Скорочкин был когда-то завсегдатаем. Ничто не предвещало беды, тем более в этот первый на родине день.

Около половины двенадцатого дверь в бар распахнулась — на пороге стояли четверо омоновцев. Маски на лицах, камуфляжная форма, автоматы наперевес, рация. Один грубо скомандовал «всем на пол», другой разломал в щепки телефонный аппарат, стоявший на стойке. Люди в форме заявили, что будут искать наркотики и оружие.

Оказавшись, как и все посетители бара, на полу, Скорочкин тут же заявил, что он депутат Госдумы и обладает соответствующим иммунитетом. Вынул удостоверение. Подошедший омоновец отобрал его, надел наручники. Депутата взяли под руки и вывели на улицу.

Труп Скорочкина обнаружили на следующий день недалеко от деревни Сарыбьево Луховицкого района Московской области с мешком на голове и четырьмя пулевыми ранениями. Недалеко валялся и брошенный киллерами пистолет ТТ.

Узнав об убийстве Скорочкина, в Московской областной прокуратуре развели руками. Уже было готово обращение Генерального прокурора к депутатам Госдумы с предложением лишить Скорочкина неприкосновенности. Следователю Геннадию Иванцову удалось собрать доказательства того, что 1 мая 1994 года в том же Зарайске Сергей Скорочкин сам совершил двойное убийство.

В тот день, по версии следствия, Скорочкин возвращался после ресторанных гуляний домой. Несмотря на подвыпившее состояние, депутат сам сел за руль служебной «волги». Уже около дома дорогу ему преградила группа молодежи. Перед этим ребята тоже выпивали. Скорочкин, озлобленный, что ему не уступают дорогу, вышел из машины и начал кричать. Некто Ираклий Шанидзе ответил тем же. Перебран-

ка продолжалась недолго: депутат снова сел в машину и поехал в ресторан за подмогой.

Вернувшись с двумя друзьями, Скорочкин нашел ребят на том же месте. Но разборки не вышло: один из его «бойцов» неожиданно узнал в обидчике Скорочкина своего давнего друга. Они буквально бросились друг другу в объятия: мир был тут же восстановлен. Все решили, что по этому поводу стоит выпить, и пошли обратно в дом. Звали и Скорочкина, но он отказался.

Через полтора часа, то есть где-то в 4.30 утра, Скорочкин и Шанидзе встретились снова. Последний провожал свою знакомую Оксану Гусеву домой. Сначала Скорочкин расстрелял из автомата своего обидчика, потом убрал девушку как нежелательного свидетеля. Жители близлежащих домов, разбуженные автоматной пальбой, рассказали следствию, что слышали, как женский голос на улице умолял: «Сережа, не стреляй. Я никому ничего не скажу». Как потом выяснится, депутат и школьная воспитательница в группе продленного дня были хорошо знакомы. Позже оперативники просят грунт в том месте, где лежал труп девушки, и найдут в земле, на глубине примерно 30 сантиметров, четыре пули от автомата Калашникова: Скорочкин добивал свою жертву в упор.

Допрошенный в тот же день Скорочкин сначала все отрицал. Однако на повторном допросе через несколько часов уже утверждал, что стрелял действительно он, но якобы обороняясь. По его словам, он сначала отобрал у Шанидзе автомат и пошел сдавать его в милицию. Но Шанидзе нагнал его уже с другим автоматом и первым открыл стрельбу. Он-то, по словам Скорочкина, и убил Гусеву. А сам Скорочкин, обороняясь, убил Шанидзе.

Заключения трассологических, медицинских и других экспертиз не оставили камня на камне от версии депутата Государственной думы. Нашлись и некоторые свидетели той кровавой драмы. Но посадить Скорочкина за решетку следователю Иванцову не удалось. Вместо этого на него свалилось новое дело, теперь уже об убийстве самого Скорочкина.

Сейчас, когда после тех кровавых событий прошло уже почти три года, можно смело сказать: ее величество смерть сыграла со Скорочкиным свою злую «киношную» шутку. Хотя прямой связи между его зверством и расправой над ним будто бы и нет.

Итак, вот что установило следствие. Опасаясь мести со стороны родственников убитых им людей и, возможно, понимая, что правоохранительные органы его просто так не оставят, Скорочкин решил сматывать улочки. Уже в июне 1994 года, то есть через месяц после совершенного им убийства, депутат-бизнесмен в спешке продает большую часть своей недвижимости и в том числе принадлежащий ему водочный завод под названием «Спирт». Покупателем в этой сделке выступает некто Николай Лопухов, но он не в состоянии выплатить все деньги сразу и остается должен Скорочкину 388 тысяч долларов.

Новый владелец завода «Спирт» деньги возвращать не торопился. 17 января 1995 года Скорочкин взял у Лопухова расписку в том, что тот обязуется вернуть все деньги до 1 февраля 1995 года. С каждым днем просрочки сумма долга увеличивалась на 50 процентов.

И тогда должник обращается к своему знакомому Олегу Липкину с предложением убрать Скорочкина. Липкин, который уже давно враждовал со Скорочкиным, соглашается.

План был разработан до мелочей. Липкин, который, по утверждению следствия, уже промышлял до этого разбоем, сколотил крутую боевую бригаду. В нее вошли Алексей Евсеев, Сергей Зорин, Виктор Москалев и Теймураз Кургин. Липкин договорился со своим знакомым, часто бывающим в баре «У Виктора», что тот, как только появится Скорочкин, позвонит по телефону брату Липкина Павлу и скажет ему фразу, которая бы по смыслу никакого отношения к Скорочкину не имела.

В 11 вечера Павел Липкин такой сигнал получил и, ничего не подозревая, зашел к своему брату передать смысл сказанного.

Вся бригада была уже в сборе. Олег Липкин, Кургин, Евсеев и Зорин надели форму, маски и взяли автоматы. Москалеву дали рацию, и он поехал впереди на отдельной машине, дабы предупредить подельников о возможной опасности.

Захватив в баре Скорочкина, бригада двинулась в путь точно таким же способом: Москалев ехал впереди с рацией, остальные с закованным в наручники депутатом двигались за ним. Отъехав подальше от населенных пунктов, Скорочкина выволокли из машины и прикончили.

5 мая 1995 года оперативники арестовали Липкина, Евсеева и Москалева. Кургина взяли на следующий день, через пару недель надели наручники на Зорина. Обвиненного в заказе Лопухова задержали 22 июня.

Ничто не случайно в этом мире. Не устрой той майской ночью Скорочкин пальбу из автомата, не бежал бы в Великобританию от страха. Не бежал бы — не продавал бы имущество. Не продавал бы имущество — не было бы должников. Не было бы должников — может, жил бы и сегодня.

Может, прошел бы в Думу на последних выборах и снова голосовал...»

Невозможно полностью постичь деятельность преступной организации — это клубок множества видимых, невидимых и тщательно скрываемых нитей, которые к тому же перепутаны между собой.

Отдел журналистских исследований газеты «Аргументы и факты» предоставил вниманию читателей информацию о Алексее Веденкине.

Небезызвестный Алексей Веденкин — ныне служащий в ранге помощника депутата Государственной думы — не так давно вновь попал в поле зрения правоохранительных органов. Виной тому особая страсть — подделка документов.

Первый раз Алеша влип еще школьником. КГБ вдруг обнаружил в подмосковном городе Калининграде фашистскую организацию. Шуму было много, отдавались родители юных фашистов, как могли. За Веденкина долго хлопотали родители, чтобы замять это дело.

В армии Веденкин служил, благодаря красивому почерку, писарем. После службы его приняли на работу в отделение милиции, но вскоре с треском уволили «за дискредитацию звания работника правоохранительных органов».

Ошиваясь без работы по значным местам, Веденкин попал в поле зрения Петровки, 38, и, по его собственным словам, был принят в ГУВД в качестве секретного сотрудника.

Веденкин взялся за дело с выдумкой и огоньком. Выдрав листочки из перекидного календаря, которые Гознак украшает витиеватой голубой сеткой, купив в канцтоварах пленку с переводными буквами, Ве-

денкин принялся за изготовление фальшивых удостоверений.

Изготовленные им собственноручно «корочки» позволяли владельцу иметь оружие и требовали от всех, везде и во всем содействия. Перво-наперво Ведыкин решил обзавестись жильем, так как с родителями жить взрослому мальчику... сами понимаете. Пришел он к начальнику РЭУ, сунул под нос удостоверение КГБ и потребовал предоставить помещение под явочную квартиру. Чтоб не гневить госбезопасность, помещение — двухкомнатную квартирку — начальник РЭУ, как он сам об этом показал, нашел, скромно попросив взамен хоть какое-нибудь официальное письмо. Ведыкин пообещал нарисовать, но забыл...

Первой значимой фигурой, по которой начал «отработку» Ведыкин, был популярный в те годы руководитель группы «Ласковый май» Андрей Разин. Ведыкин пригласил его на явочную квартиру и сообщил, что в МВД на того лежит многотомное дело, однако за достойное вознаграждение дело можно и закрыть. Фигурировала сумма в 100 тысяч рублей. Шел 1989 год. Шесть «волг» можно было купить на эту взятку. Разин пожаловался в свою очередь на нехороших чиновников от искусства, которые его группу обирают, забирая львиную долю доходов себе.

Рот на разинские денежки Ведыкин, однако, не хотел закрывать и продолжал шантажировать ударника труда советской эстрады. В назначенное место Разин все-таки принес деньги, но предварительно сообщив в ОБХСС о вымогательстве. Ведыкина взяли с поличным, с мечеными купюрами. Но рассчитываемого эффекта Разин не получил. Артистичный Веды-

кин сообщил задержавшим его милиционерам, что денежки Разин дал займы для покупки мебели.

«Компетентные органы» все-таки не отстали от Ведыкина, а решили выяснить, зачем он изготовил столько фальшивых документов и что с их помощью он успел сделать.

Про самодеятельность Ведыкина выяснялись все новые подробности. Его «ксивы», сработанные с точки зрения специалиста «топорно», действовали на обывателя умирительно. Ведыкин посещал по ним секретные воинские части, отдыхал в Сочи, но столовался и ночевал опять-таки в близлежащем гарнизоне. В общем, смекалистый, находчивый, практичный парень. Правда, так и не востребованный со своим криминальным талантом ни одной из силовых структур. Все от бедного (на запросы следователя) откристились с возмущением.

Ведыкина судили. Шесть месяцев он отсидел в СИЗО. Наказание было бы намного суровее, окажись он хоть мелким, но должностным лицом. А так, с точки зрения УК, он — мелкий преступник, не способный преодолеть страсть к подделке документов.

Карьере Ведыкина бы Остап тоже позавидовал. Отсутствие высшего образования и судимость не помешали ему в 1991 г. руководить службой безопасности при ХОЗУ администрации президента, быть назначенным, как он сам говорит, заместителем самозванного министра обороны Ачалова во время охраны Белого дома в 1993 году, стать соратником Жириновского, быть не последним лицом в партии «Русское национальное единство». И даже побыть немного кандидатом в депутаты Госдумы.

Скандалы вокруг Ведыкина были громкие. В газетах писали, что он в Германии получил звание бри-

гаденфюрера СС. Простился он и со службой безопасности, охранявшей комплекс зданий на Старой площади. Было заведено уголовное дело за публичную угрозу убить правозащитника Ковалева.

Недавно Веденкин опять попал в поле зрения ГУВД Московской области. Его охранник в пьяной драке козырял поддельными корочками ФСБ и прочих силовых структур. При обыске у Веденкина опять обнаружены фальшивые печати и заготовочки для удостоверений. Следователю он пояснил сей факт так:

— Подкинули.

Живет Веденкин «скромно», на даче, принадлежащей администрации президента, уже несколько месяцев, аренда которой составляет 270 долларов в сутки. Следствие не смогло доподлинно доказать, что фальшивые удостоверения своей охране изготовил именно Веденкин, но от подозрений на сей счет избавиться трудно, ибо есть у этих мыслей твердая старая почва.

Когда материал был уже готов к печати, пригласили Алексея Веденкина в редакцию «Аргументов и фактов» с просьбой прокомментировать, как сочетается его биография с мошенническим прошлым и нынешним желанием руководить из Госдумы страной.

Веденкин комментировал каждую строку материала, делая возмущенное лицо и закатывая в негодование глаза. Суть комментария сводилась к тому, что все в готовящейся публикации ложь. Удостоверения у него всегда были подлинные, ничего он не подделывал. В случае публикации грозил редакции судом. Страшным.

— Значит, вы не судимы?

— А уголовного дела вы все равно не найдете. Его уже нет в архиве, — хитро улыбаясь, отвечивал Ведыкин.

А вот тут черед улыбайся нам. «Дело» живо. Хранится в надежных руках. А чего там только нет... И экспертизы, и чистосердечные признания, и раскаяния, написанные собственноручным красивым почерком черными чернилами. Кстати, Алексей Иванович почему-то решил отрицать все, даже собственный талант к чистописанию. Ради этого он оставил редакции образец своей подписи, выполненный нарочито безобразно. А еще в его уголовном деле есть обвинительное заключение и приговор.

Того, что он, будущий депутат в Госдуму, дружен с немецкими нацистами, Ведыкин не отрицал. И про звания свои уточнил, и про заслуженные от фашистов награды...

Далее «Остапа понесло»... Ведыкин сказал, что знает, где спрятано золото КПСС (!). Но об этом расскажет после. В своей книге. Или когда придет к власти. В Кремле.

Спустя еще несколько дней Ведыкин предложил редакции компромат на других политических деятелей, явно надеясь, что редакция воздержится от публикации.

Уже по собственной инициативе Ведыкин прибыл в редакцию с обещанной «компррой», которая оказалась лишь горячим словоблудием самого ее продавца.

«Почерк мастера с годами не меняется. Ни в большом, ни в малом».

Новые подробности о старом взрыве в Госдуме сообщает Г. Пунанов.

В июле 1997 года в Московском городском суде продолжались слушания по делу бывшего депутата

Госдумы, лидера Национально-республиканской партии России Николая Лысенко. Народный избранник обвиняется в том, что 5 декабря 1995 года вместе со своим помощником, священником из Санкт-Петербурга Михаилом Рогозиным, взорвал собственный служебный кабинет в здании Государственной думы. Мотивом к столь необычному шагу послужило, по мнению следствия, желание депутата поднять свой собственный политический рейтинг.

Николай Лысенко известен широкой общественности не только тем, что в его кабинете полтора года назад прогремел взрыв. Прославился бывший народный избранник раньше, когда в знаменитой думской драке сорвал крест с парламентария Глеба Якунина. Однако этот факт в данном судебном процессе не рассматривается. Сейчас, помимо обвинения в терроризме, которое предъявлено и его помощнику Михаилу Рогозину, он обвиняется в мошенничестве, злоупотреблении служебными полномочиями и незаконном хранении боеприпасов.

Рогозин и Лысенко, которые находятся под стражей уже год, не признают себя виновными. По утверждению бывшего депутата, он и его помощник не имеют никакого отношения к разрыву трех гранат в кабинете № 845. В тот момент, когда прогремел взрыв, сам Лысенко, по его словам, находился в помещении мандатной комиссии, а Рогозин оставался в кабинете один и отвечал на телефонные звонки. В какой-то момент Рогозин зашел к Лысенко и сообщил, что мужчина, отказывающийся себя назвать, настойчиво требует его к телефону. Лысенко сказал, чтобы аноним подождал, повисел на телефоне. Священник ушел и через минуту вернулся, сообщив, что торопиться некуда — абонент уже бросил трубку. Сказав

это, Rogozin повернулся, собираясь вернуться обратно. В этот момент и прогремел взрыв.

Следствие убеждено, что именно Rogozin по указанию Лысенко взорвал самодельное взрывное устройство. Лысенко же утверждает, что Rogozin не мог привести в действие взрыватель, так как не успел бы выйти из кабинета, дойти до помещения мандатной комиссии и еще сказать несколько слов до того, как раздался взрыв.

Следствие опирается на признание, которое написал сам Лысенко, сидя в камере предварительного заключения, однако, по утверждению подсудимого, оно было дано под давлением следователя Московского управления ФСБ. Якобы за это признание Лысенко обещали отпустить Rogozina на свободу, а самому ему — назначить незначительное наказание. Обосновывая это утверждение, Лысенко заявляет, что в его признаниях есть очень много расхождений с реальными обстоятельствами.

Так, в признании следствию Лысенко утверждал, что накануне взрыва купил в ЦУМе дипломат с надписью «РАБ». Прodelал в нем несколько дырок и проволокой привязал к нему гранаты. В суде же Лысенко заявил, что в деле имеется справка из ЦУМа, где дирекция магазина заявляет, что таких дипломатов никогда у них в продаже не имелось. Плюс подсудимый говорит о том, что вообще весь день 4 декабря был в отъезде, и это могут подтвердить свидетели. А дырки, которые он, по его же первоначальному признанию, сделал в дипломате, экспертиза не обнаружила. Заявляя это, подсудимый ссылается на конкретные листы уголовного дела, которые, правда, еще не исследовались судом.

Что касается колец от гранат, которые были най-

дены во время обыска дома у бывшего народного избранника, то Лысенко утверждает, что они ему были подброшены.

Помимо статьи «терроризм», Николаю Лысенко предъявлено обвинение в мошенничестве. По утверждению следствия, он умышленно не оплатил краснодарской государственной телекомпании «Кубань» свое предвыборное выступление. Вместо этого якобы прислал факс с копией платежного документа, которого никогда не существовало. Лысенко утверждает, что за предвыборный эфир он действительно не расплатился, но по той лишь причине, что его спонсоры резко отвернулись от него, когда партия проиграла последние выборы в Государственную думу. Липовый факс якобы посылал не он, ведь на документе нет ни печати, ни его подписи. Кроме того, Лысенко заявляет, что уже неоднократно имел дело с этой телекомпанией и всегда оплачивал свои выступления в положенный срок, и ссориться с этой компанией совсем не входило в его планы. Мол, агитационную работу в том регионе Лысенко планировал вести и дальше, благо рейтинг у его партии именно в Краснодаре очень высок.

Обвинение в злоупотреблении служебным положением Лысенко также не признает. Следствие считает, что он умышленно не вернул служебный компьютер. Лысенко же заявляет, что просто забыл о нем, ошибочно полагая, что аппарат пострадал от взрыва. Потом, обнаружив компьютер в Санкт-Петербурге, он якобы делал все попытки вернуть технику, но не получилось.

Второй обвиняемый, Михаил Рогозин, являющийся одновременно заштатным священником Санкт-Петербургской епархии и действующим членом Нацио-

нально-республиканской партии Лысенко, виновным в причастности к взрыву себя также не признает. Но до допроса священнослужителя дело еще не дошло.

Все судебные заседания по делу Лысенко посещают человек двадцать сочувствующих — группа поддержки. Это политические сторонники подсудимого, которые развернули в суде плакат с надписью: «Свободу Николаю Лысенко!» — и бурно обсуждают все перипетии слушаний, сторонники экс-депутата утверждают, что взрыв и само уголовное дело есть не что иное, как провокация российских спецслужб.

Мы живем в мире, полном тайн, большинство которых никогда не будет разгадано.

На протяжении веков спецслужбы воздействовали на ход истории значительно больше, чем принято думать. Не менее сильно влияли они на психику людей.

ПОСЛЕДСТВИЯ «ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ»

Смысл современной борьбы за власть можно прояснить теорией политических элит. Точнее, закономерностями смены правящего класса. Несомненно, в 1991 году произошел один из крупнейших политических переворотов в истории Российской империи. Старая, одряхлевшая, но пытающаяся омолодиться коммунистическая элита была сметена новой, более активной.

«Новые» властители России если чем и отличались от старых, то только возрастом, жаждой власти и «новым мышлением». Это мышление было ориен-

тировано на освоение нового образа жизни, так хорошо известного им по впечатлениям от зарубежных поездок. Но получилось то, о чем говорил знаменитый извозчик из романа Бориса Лавренева: «Всех министрами не сделаешь, а поэтому всякая власть — сволочь».

«Старых» убрали, пришел второй эшелон. Лакомые кусочки пирога власти достались не всем. Обделенным ничего другого не оставалось, как уйти в оппозицию. Им не осталось ничего иного, как «не поступать своими принципами», рядиться в одежды «защитников народа», марксистов-ленинцев.

Давно известно, что любая идея (даже самая абсурдная), овладевающая массами, становится материальной силой. Адольф Гитлер поучал относительно способов насилия над массами: «Весь талант, проявившийся в организации пропаганды, будет растрочен попусту, если он не основывается неукоснительно на фундаментальном принципе: нужно ограничиваться небольшим количеством идей и постоянно повторять их».

Вот и были вновь вытянуты на божий свет страшилки «мирового империализма», «космополитизма», а также всевозможных заговоров и угроз и прочие все еще популярные среди трудовых масс лозунги.

Что можно назвать преступлением власти?

Можно легко представить себе ситуацию, когда генерал Лебедь окажется перед выбором: преступить или соблюсти закон. Надо полагать, что в этой ситуации Лебедь в присущей ему афористической манере выскажется в том смысле, что никогда еще Россию не спасали юристы. Спасение Отечества всегда было делом «человека с ружьем».

В политическом поведении Лебеда преобладает

установка на силу ружья, а не на почтительное отношение к закону.

Генерал Лебедь — тот человек, который понял, что в высших эшелонах власти нет ничего сакрального, что там действуют люди, которые по своему развитию совсем не далеко ушли от уровня населения самого дальнего военного гарнизона.

Пожалуй, Александр Лебедь был единственным государственным чиновником, сумевшим за очень короткий срок решить поставленную перед ним задачу. И если президент и его команда идут на жертву такой фигуры с очевидным ухудшением качества их позиции в кавказской игре, то у них на то должны быть очень веские причины. Какие? Указ президента не содержит ответа на этот вопрос.

Корреспондент «Известий» С. Ждакаев в октябре 1996 года сообщал из Тулы: «Туляки праздновали 850-летие города. Грандиозные юбилейные торжества ознаменовались небольшим политическим скандалом: вместо приглашенных губернатором Виктора Черномырдина и Юрия Лужкова в Тулу прибыл бывший начальник президентской охраны Александр Коржаков.

В разгар праздника Коржаков появился на центральной площади, поднялся на трибуну для почетных гостей и занял место рядом с Секретарем Совета безопасности Александром Лебедем. После чего тульский губернатор Николай Севрюгин демонстративно покинул трибуну и выступал с поздравительной речью, стоя на площади.

Знатоков протокола поразило, что Коржаков, прибывший в Тулу как частное лицо, принимал аплодисменты публики и подарки представителей городской общественности, как почетный гость города.

В свою очередь А. Лебедь, выступавший после губернатора и встреченный бурными овациями многотысячной толпы, дал понять, что присутствие Коржакова — не случайность и не результат чьего-то промаха, а демонстрация поддержки, которую Лебедь намерен оказать Коржакову в борьбе за место в Госдуме. «Я очень надеюсь, — сказал А. Лебедь, — что с вашей помощью и при вашем участии у меня будет достойный преемник, и мы с божьей помощью вместе глупости ликвидируем»...

История с выдвижением Коржакова кандидатом в депутаты выглядит так же загадочно, как и его появление перед тульской публикой. 10 августа некто Александр Рем, секретарь исполнительного бюро тульского общественно-политического движения «Молодежь за реформы для народа», направил Коржакову приглашение баллотироваться в Думу.

Небольшое расследование позволило установить, что движение «Молодежь за реформы для народа» действительно было зарегистрировано в 1993 году. Но сейчас такого движения нет. Как нет и никакого Александра Рема. А изготовил и отправил письмо в Кремль председатель движения «Гражданская солидарность» Николай Матвеев, который давно специализируется на экстравагантных политических проектах. В 1991 году, например, Матвеев приглашал в тульские губернаторы экс-президента СССР М. Горбачева. В 1994-м предложил выдвинуть в президенты генерала Лебеда. А после отставки Коржакова пригласил его.

Политическая мистификация таким образом получила неожиданную поддержку Секретаря Совета безопасности, который считает, что губернатора в Туле надо менять. Отношения Лебеда с Севрюгиным ис-

портились еще со времен выдвижения генерала в Государственную думу. Лебедь построил свою предвыборную тактику на критике исполнительной власти (в том числе и областной). Эта ставка принесла ему сокрушительную победу на выборах, но поссорила с губернатором. В результате депутат Лебедь еще долго не мог получить приемную для работы с тульскими избирателями.

Опека Лебеда делала положение Коржакова несколько двусмысленным. Еще недавно начальник президентской охраны дружил с Севрюгиным и даже оказывал ему содействие в весьма деликатных обстоятельствах. Судя по всему, Лебедь ждал от Коржакова жесткой критики и разоблачений областных властей. Впрочем, к этому подталкивала Коржакова и сама роль кандидата — у населения сегодня накопилось столько претензий к исполнительной власти, что критика губернатора как бы автоматически обеспечивает кандидату сочувствие публики.

После выступления Лебеда они вместе с Коржаковым спустились с трибуны и пересекли площадь в тесном кольце народа. Охрана с трудом сдерживала напор толпы. Коржаков выглядел немного растерянным от столь горячих знаков внимания и поддержки, оказываемых туляками. Однако относилось ли это внимание к Коржакову или только к Лебедю, сказать пока трудно. Во всяком случае, на вопрос корреспондента «Известий»: «Есть ли у вас поддержка туляков?» Коржаков ответил: «Слепой сказал посмотрим». После этого сел в черный «джип» и уехал вслед за Лебедем. И больше на публике он не появлялся».

Киселев писал в «Известиях»: «Министр Куликов обвинил Секретаря СБ во всех тех смертных грехах, за каждый из которых полагается «вплоть до высшей

меры». Вопрос — почему он это сделал не на закрытых слушаниях в Госдуме, где, как показывает опыт, он мог бы рассчитывать на полное взаимопонимание со стороны парламентариев, а день спустя на спешно собранной пресс-конференции. В понедельник он убеждал депутатов в том, что «нет разногласий между двумя генералами, а есть разные подходы», в среду разногласия вдруг обнаружили, и на весь мир министр Куликов обвинил своего оппонента в заговоре против президента. Что произошло между этими двумя событиями? Ответив на этот вопрос, мы найдем, где зарыта собака, укусившая Секретаря СБ.

В понедельник же, почти сразу после выступления в Госдуме, генерал Лебедь провел встречу с интеллигенцией, которую организовала газета «Труд». Из всего там сказанного мы должны отметить только один фрагмент. Касаясь вопроса о военной реформе, в частности секретной директивы министра обороны о сокращении воздушно-десантных войск (ВДВ), секретарь СБ назвал это решение «должностным преступлением», поскольку оно подрывает обороноспособность страны.

На следующий день генерал Лебедь принял участие в работе Военного совета ВДВ, на котором многие выразили недоверие руководству Министерства обороны и усомнились в его профессиональной компетенции. И, наоборот, генералитет ВДВ демонстративно — возгласами «Слава армии!» и вставанием с мест — поддержал Александра Лебеда, вставшего на защиту армии и ВДВ. Чуть позже замкомандующего ВДВ генерал-майор Владимир Казанцев, видимо, излишне перевозбужденный речами на Военном совете, заявил, что ВДВ не будут выполнять директиву министра обороны. По существу, это был мятеж, по-

сколько приказы в армии, как известно, не обсуждают, а выполняют.

Итак, Секретарь Совета безопасности, создавший не без помощи президента альтернативный центр власти, получил поддержку.

Кремлевские авторы сценариев построили беспроигрышную игру. Несмотря на массу несуразностей в своих обвинениях против Лебеда, генерал Куликов бил наверняка, потому что бил по самым болевым точкам президента, весьма чувствительного к любым посягательствам на его власть. Министр Куликов заявил, что Секретарь Совета безопасности готовится к силовому (военному) захвату президентской власти и именно для этого предлагал создать «Российский легион» и именно для этого выписал из Чечни 1500 боевиков.

А дальше все пошло по уже хоженным тропам. Отставка Лебеда почти точь-в-точь повторяет сюжет отставки Коржакова. Собирается антипутчистский штаб, на нем вырабатывается единое мнение «силовиков» и готовится проект президентского указа. Лебедь рвется к президенту, но раньше него там оказывается Черномырдин. А в Барвихе — болдинская осень. А президент, скорее всего, о состоянии в стране знает по информации того же телевидения и докладам особо приближенных особ, которые пугают его переворотом, как в свое время пугали срывом выборов, который провоцирует Коржаков. Президент произносит: «Как тот такой же, так и этот, понимаешь». И подписывает указ.

Корреспонденты «Комсомольской правды» (А. Гамов, А. Хохлов, И. Черняк) собрали материал о ельцинской «старой гвардии» (сведения относятся к лету 1997 года).

«Птенцы ельцинского гнезда разлетаются по дачам, фирмам и ассоциациям.

Еще не так давно эти люди входили в ближайшее окружение президента. Один учил его играть в теннис, другой разворачивал кровать Хозяина (с учетом новейших достижений в области астрологии), третий парился с ним в баньке.

Сегодня о ельцинской «старой гвардии» почти ничего не слышно. Что с ними, бывшими президентскими помощниками, вице-премьерами и министрами? Чем они заняты и не бедствуют ли?

Генерал Барсуков — на даче.

Бывший комендант Кремля и экс-директор ФСБ Михаил Барсуков до сих пор без работы и большую часть времени проводит на даче. Высокопоставленные чиновники поговаривают, что он — слишком известная фигура для того, чтобы устроиться на какой-нибудь подобающий пост, а один из его бывших коллег в конфиденциальном разговоре посетовал: «Михал Иваныча нигде не берут».

И все же в отличие от Коржакова Барсуков с публикацией каких-либо сведений о Борисе Ельцине и его окружении не торопится. Возможно, его молчание в конце концов будет оценено. Во всяком случае не так давно генерал удостоился короткой аудиенции у президента. Кто знает, может, бывший фаворит в конце концов чего-нибудь и высидит...

Бывший первый зам А. Коржакова Георгий Rogozin, известный своей приверженностью к астрологии и парапсихологии, не дал пока ни одного интервью. Не до того: Rogozin сегодня — бизнесмен, руководит крупной инвестиционной компанией, связанной с МАПО «МиГ», где выпускаются истребители МиГ-29 и МиГ-31. Кроме того, по некоторым дан-

ным, генерал числится консультантом банка «СБС-Агро».

Не так давно Георгия Рогозина постиг тяжелый удар — в автокатастрофе погибла его дочь, и теперь он взял на себя все заботы о внуке.

Павел Грачев — в надеждах и тревогах.

Бывший министр обороны Павел Грачев, как и Михаил Барсуков, не так давно удостоился аудиенции у Бориса Ельцина. После опровержения слухов о том, что готовится назначение Павла Сергеевича представителем России в штаб-квартире НАТО в Брюсселе, в коридорах Минобороны начались разговоры, что президент предложит «лучшему министру обороны всех времен и народов» ответственную должность в структурах союза Белоруссии и России.

В ожидании решения судьбы Грачев коротает время на даче. Вместе с тем не исключено, что в ближайшее время им вплотную займутся правоохранительные органы — в связи с делами по поставкам оружия Армении и убийству журналиста «Московского комсомольца» Дмитрия Холодова.

Виктор Илюшин, бывший первый вице-премьер правительства, курировавший социальный блок вопросов, после отставки долго раздумывал, куда податься. Ходили слухи, что он возвращается в Кремль на свою прежнюю должность — первого помощника президента. Возможно, именно с этой целью еще зимой Илюшин встречался с Борисом Ельциным. Но возвращение по каким-то причинам не состоялось, и тогда ему предложили пост заместителя председателя правления РАО «Газпром». Приказ о назначении Илюшина уже подписан. Правда, возникает вопрос: чем будет заниматься в «Газпроме» человек, далекий как от «газа», так и от «прома»?

Как бы то ни было, 4 июня, в день своего 50-летия, указом Ельцина Илюшин награжден орденом Почета — «за заслуги перед государством и многолетнюю добросовестную работу». Более того, в этот день президент даже позвонил ему и сказал немало добрых слов.

Алексей Большаков нигде на пропадет.

Другой бывший первый вице-премьер Алексей Большаков, заведовавший в правительстве промышленным комплексом, по нашим сведениям, пока «подпольный безработный», но, судя по всему, имеет широкий выбор мест, где может приложить силы и смекалку. Во всяком случае, согласно пока не опровергнутым Большаковым сведениям бывшего начальника отдела службы безопасности президента Валерия Стрелецкого, еще полтора года назад Коржаков докладывал Ельцину о том, что Большаков является совладельцем десятка фирм. Так что за этого «крепкого хозяйственника» можно быть спокойным: не пропадет.

У Олега Сосковца — 4 миллиона подчиненных.

Олег Сосковец — самый влиятельный функционер в прошлом правительстве Черномырдина — наступал на пятки самому премьеру. После отставки неудавшийся преемник слез в ЦКБ, а пройдя «капитальный ремонт», возглавил Ассоциацию финансово-промышленных групп России (АФПГ).

Несмотря на вал «алюминиевых» разоблачений, выплеснувшийся на Сосковца, на новом посту он набрал обороты и превращается в могучую фигуру. Его ассоциация объединяет 60 финансово-промышленных групп, в состав которых входит свыше тысячи предприятий и примерно 100 финансово-кредитных институтов, в том числе 48 крупных коммерческих банков.

Общая численность работающих в этих группах превысила четыре миллиона человек.

По данным Госкомстата, в прошлом году российские ФПГ произвели продукции более чем на сто триллионов рублей. Президент Сосковец может быть доволен.

Шамиль Тарпищев думает об африканском спорте.

Бывший личный тренер Бориса Ельцина по теннису и важный государственный чиновник Шамиль Тарпищев рассматривает возможность податься куда-нибудь за кордон. Не так давно, к примеру, он встречался с экс-президентом ЮАР Де Клерком, который предложил «Шаме» разработать концепцию развития южноафриканского спорта. По некоторым данным, не исключено, что не оцененный по достоинству на родине Тарпищев займет пост советника по спорту президента ЮАР Нельсона Манделы».

Кто бы ни оказался сейчас у власти, Россия будет двигаться все в том же направлении, все по той же дороге, с ее всем известными ухабами, рытвинами и всеобщей неустроенностью. Русь-тройка, которая везет барина-жулика. А куда везет — не дает ответа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абанькин В. В прежней Мордовии // Век XX и мир. 1989. № 12.

Абрамов А. У Кремлевской стены. — М.: Политиздат, 1978.

Арбатов Г. Из недавнего прошлого // Знамя. 1990. № 9.

Арсеньев В., Лашкевич Н. Заговор против Литвы // Известия. — 1991. — 26 ноября.

Бергер М. Чубайс не отрицает, что заработал кучу денег, но уверен в том, что закона не нарушал // Известия. — 1997. — 23 января.

Богданова О. Татьяна Ильюшенко: мне советуют подыскать нового мужа // Совершенно секретно. 1997. № 6.

Бондаренко В. В крошечном атомном аду // Республика. — 1995. — 4 августа.

Ваксберг А. Страницы одной жизни // Знамя. — 1990. № 5.

Волков О. Новочеркасск 2 июня 1962 года // Комсомольская правда. — 1991. — 27 апреля.

Галкин Ю. Арест Фумихиро Дзиою // Московские новости. — 1995. — 8—15 октября.

Гамов А., Хохлов А., Черняк И. Когда уйдешь с Кремлевского двора... // Комсомольская правда. — 1997. — 3 июня.

Горицвет И. Немцы перепутали наших Ковалевых // Комсомольская правда. — 1997. — 5 июля.

Дзюбло А., Лесков С. Вопрос не в Петре, вопрос в его врагах // Известия. — 1997. — 8 июля.

Доморад Ф. Нижний Тагил. Колония для избранных // Частный детектив. — 1996. — № 20.

- Ждакаев С.** Кандидат, которого не ждал // Известия. — 1996. — 15 октября.
- Жилин А.** Генерал Игорь Родионов: возвращение из ссылки // Московские новости. — 1996. — 23 июля.
- Заворотный С.** Следы «приватизации» ведут за океан // Комсомольская правда. — 1997. — 8 апреля.
- Зенькович Н.** Вожди на мушке. — Мн., 1996.
- Каркавцев В.** Лечь рядом с Ильичем не пожелаешь и врагу // Комсомольская правда. — 1997. — 18 февраля.
- Киселев Г.** В команду президента со своим уставом не ходят // Известия. — 196. — 17 октября.
- Кислинская Л.** А министр-то голый // Совершенно секретно. 1997. № 6.
- Климов В.** «Список Ангелевича». Вариант № 3 // Российская газета. — 1997. — 27 июня.
- Колесников А.** Штаб обороны Белого дома — октябрь 1993 // Огонек. 1991. № 40, 41.
- Конквест Р.** Большой террор // Нева. 1990. № 9.
- Коржаков А.** Президент боялся, что я его брошу // Московские новости. 1996. № 47.
- Коржаков А.** Чем больше мы узнавали, тем меньше президент хотел нас слушать // Совершенно секретно. 1996. № 11.
- Корнеев Л.** Слово о собаке. — М., 1989.
- Корчагин М.** О чем молчит «девятый» // Огонек. 1991. № 38.
- Костиков В.** Блеск и нищета номенклатуры. — М., Правда. — 1989.
- Кречетников А.** Жизнь за решеткой. — М., Панорама. 1991.
- Крутаков Л., Кадулин И.** Японский бог Олега Лобова. // Известия. — 1997. — 21 мая.

- Крутаков Л., Кадулин И.* Кредитуй или проиграешь // Известия. — 1997. — 1 июля.
- Лиханов Д.* Кома // Огонек. 1989. № 3—4.
- Любимов М.* Русский терминатор // Совершенно секретно. 1994. № 6.
- Мильштейн И.* Выйти на площадь // Огонек. 1990. № 1.
- Миронов А.* Новоселье в Кремле // Огонек. 1996. № 4.
- Мусафарова О.* «Папу» боялась вся Украина кроме сына наркомана // Комсомольская правда. — 1997. — 14 февраля.
- Никитский Л.* Генералы войны компроматов // Московские новости. 1996. № 47.
- Никитский Л.* Если Ильющенко заговорит в «Лефортово». // Московские новости. — 1996. — 22—23 сентября.
- Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений // Огонек. 1989. № 48.
- Отдел журналистских расследований. Криминальный талант // Аргументы и факты. 1997. № 26.
- Парфенов С.* Хроника необъявленной смерти // Родина. 1990. № 5.
- Петровская И.* Доскреблись до дна. Снизу достучались // Известия. — 1997 — 28 июня.
- Плужников С., Усов Д.* Нас двое таких осталось // Совершенно секретно. 1997. № 5.
- Полянский Г.* Руслан Хасбулатов // Звездный час. 1997. № 6.
- Прокопенко* Сумасшедший терминатор // Совершенно секретно. 1997. № 6.
- Пунанов Г.* Депутат от ЛДПР был не только жертвой, но и убийцей // Известия. — 1997. — 7 июля.

- Пунанов Г.** Самоотеррор или провокация // Известия. — 1997. — 10 июля.
- Радзиховский Л.** Советский Пиночет: вторая примерка // Огонек. 1991. № 41.
- Родионов П.** Как начинался застой // Знамя. 1990. № 9.
- Романов А.** Тбилиси. Трагический апрель // Московские новости. — 1989. — 23 апреля.
- Саргин А.** Пора по б...ням! // Аргументы и факты. 1997. № 26.
- Соловьев В., Клепикова Е.** Заговорщики в Кремле. — М., 1992.
- Сопельняк Б.** Чернобыльский излом // Совершенно секретно. 1996. № 1.
- Степанков В., Лисов Е.** Кремлевский заговор // Огонек. 1992. № 38—39.
- Тихонов А.** Мокруха по-чекистски // Детектив. 1990 № 11.
- Фаст Т.** Изнасилование // Огонек. 1996. № 4.
- Хроника пикирующих генералов** // Известия. — 1996. — 21 июля.
- Федосеев С.** Фаворит Ежова. Совершенно секретно. 1996. № 9.
- Чародеев Г.** Сейчас я ничего комментировать не буду // Известия. — 1997. — 27 июня.
- Чугунова Н.** Без ограничений // Огонек. 1991. № 43.
- Шестаков В.** Начало конца эры Хрущева // Комсомольская правда. — 1997. — 3 июня.
- Щербак Ю.** Чернобыль // Юность. 1988. № 9.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
КРЕМЛЕВСКИЕ СТАТУИ И МЕРТВЕЦЫ	9
ГДЕ ГАРАНТИЯ, ЧТО НАС НЕ РАССТРЕЛЯЮТ?	39
ДЕЛА МЕДИЦИНСКИЕ	62
МЫ СВОЕ ДЕЛО СДЕЛАЛИ И ТЕПЕРЬ БОЛЬШЕ НЕ НУЖНЫ.	83
БЕСЧИНСТВА ПРОКУРОРА	99
ПРОВАЛ СТАЛИНСКОГО «БЛИЦКРИГА»	126
СМЕРТЬ ОТ СМЕРША	149
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОСОВОГО РИСКА	174
НЕ НАСТУПИ НА КРОВЬ....	193
ГРУППОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ	218
БОРЬБА ЗА ДУШУ БРЕЖНЕВА	238
КАК НАЧИНАЛСЯ ЗАСТОЙ	264
ТЮРЬМЫ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ	283
К МЕРТВЫМ НИКТО НЕ ПОДХОДИТ, ВСЕ БОЯТСЯ	302
ВЛАДИМИР ЩЕРБИЦКИЙ РАДИАЦИИ ЛИЧНО В ГЛАЗА НЕ ВИДЕЛ	328
ТРАГИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ	347
МОСКВА, 19 АВГУСТА 1991 ГОД	369
ОТКРЫТЫЕ КАБИНЕТЫ	395
ШТАБ ОБОРОНЫ БЕЛОГО ДОМА — ПОПЫТКА РЕВАНША.	416
ЯПОНСКАЯ НАХОДКА	423
ЧЕЛОВЕК КРУПНОГО ДЕЙСТВИЯ	440
ЕСЛИ НЕМЦОВ НЕ ДОПУСТИТ ОШИБОК...	462
МИНИСТР ДОЛЖЕН БЫТЬ ЧИСТЫМ	479
ЧТО ПОЗВОЛЕНО ЮПИТЕРУ, НЕ ПОЗВОЛЕНО БЫКУ	503
ТЮРЬМА И СУМА	530
КРИМИНАЛЬНЫЕ ТАЛАНТЫ	544
ПОСЛЕДСТВИЯ «ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ».	559
БИБЛИОГРАФИЯ	570

Научно-популярное издание

Краскова Валентина Сергеевна

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ЗА КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНОЙ**

Ответственный за выпуск Т. Г. Ничипорович

Редактор Т. И. Ревако

Корректор Т. А. Никифорович

OCR - Давид Титиевский, апрель 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.09.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая
с ФПФ. Усл. печ. л. 30,24. Тираж 30 000 экз. Заказ 2334.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 1181 от 08.08.95.
220050, Минск, ул. Ульяновская, 39.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729 от
09.02.94. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграф-
комбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Крас-
ная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

Очередная книга Валентины Красковой посвящена преступлениям власти — от политических убийств 30-ых годов до кремлевских интриг конца 90-ых.

Зло поселилось в Кремле прежде всех правителей. Не зря Дмитрий Донской приказал уничтожить первых строителей Кремля. Они что-то знали, но никому об этом не смогли рассказать.

Конституция и ее законы никогда не являлись серьезным препятствием на пути российских политиков.

Преступления государственной власти давно не новость. Это то, без чего власть не может существовать, то, чем она всегда обеспечивает собственное бытие. Власть отвергает законы морали, она живет по ту сторону добра и зла...

